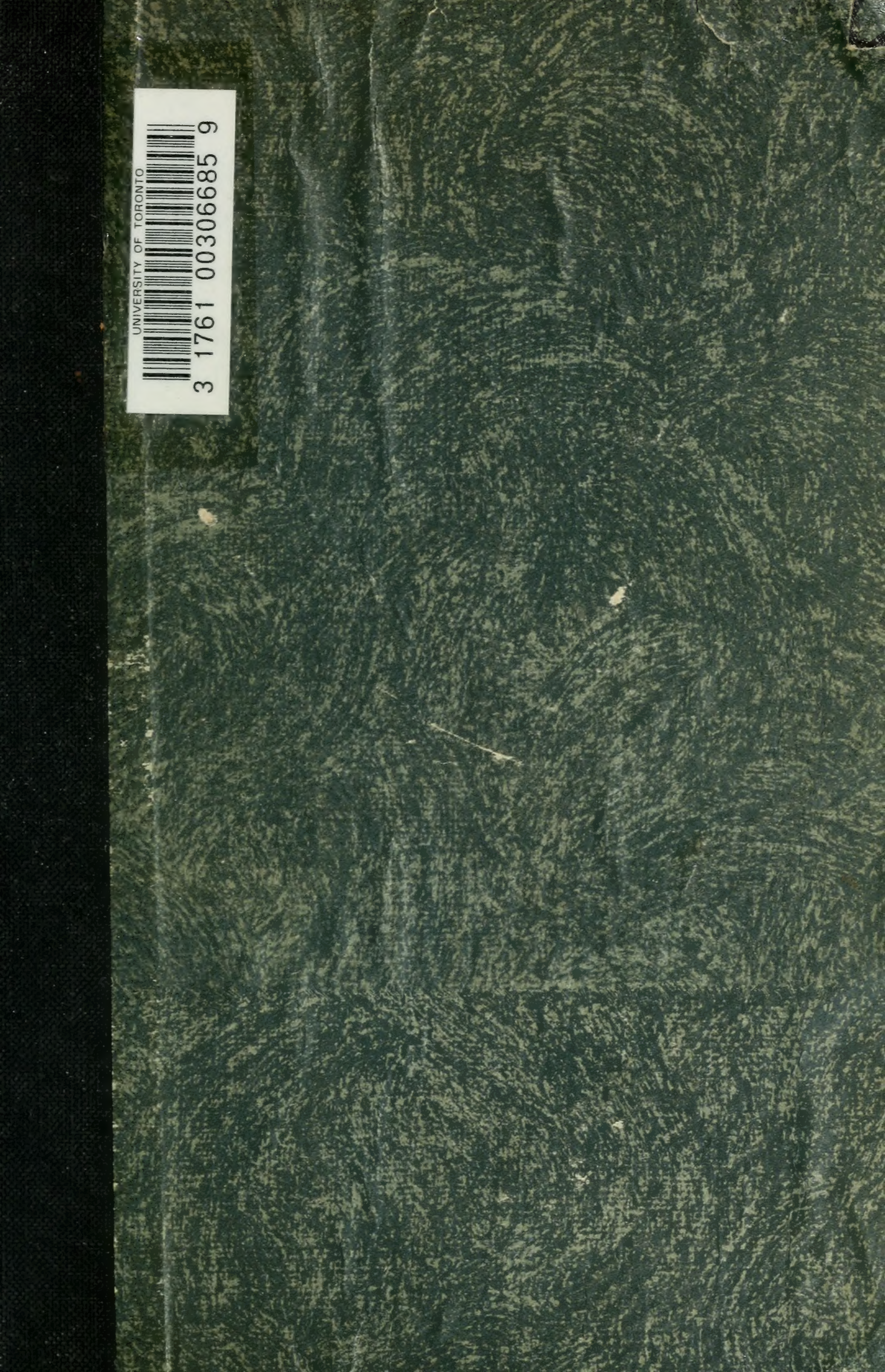
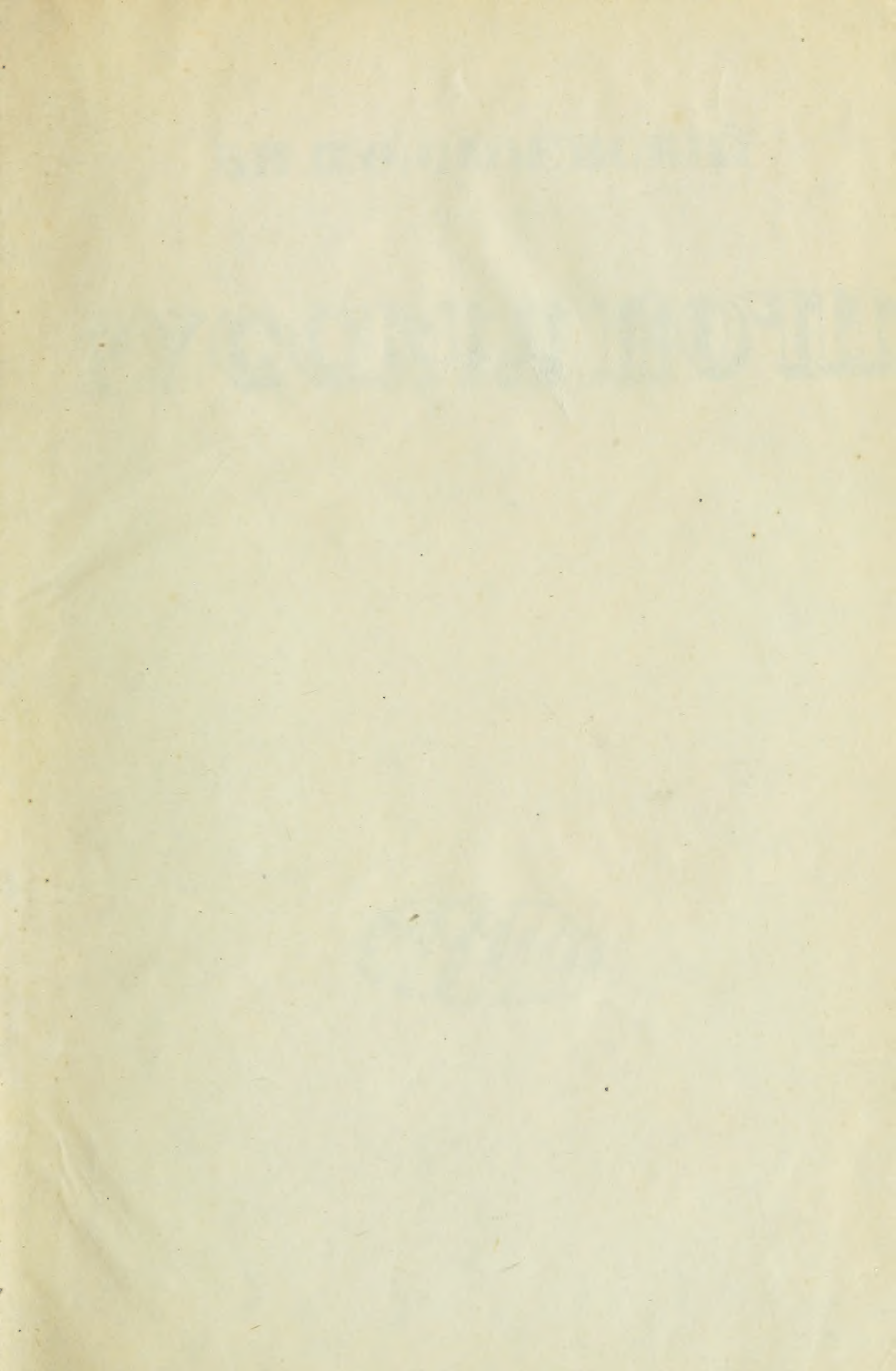
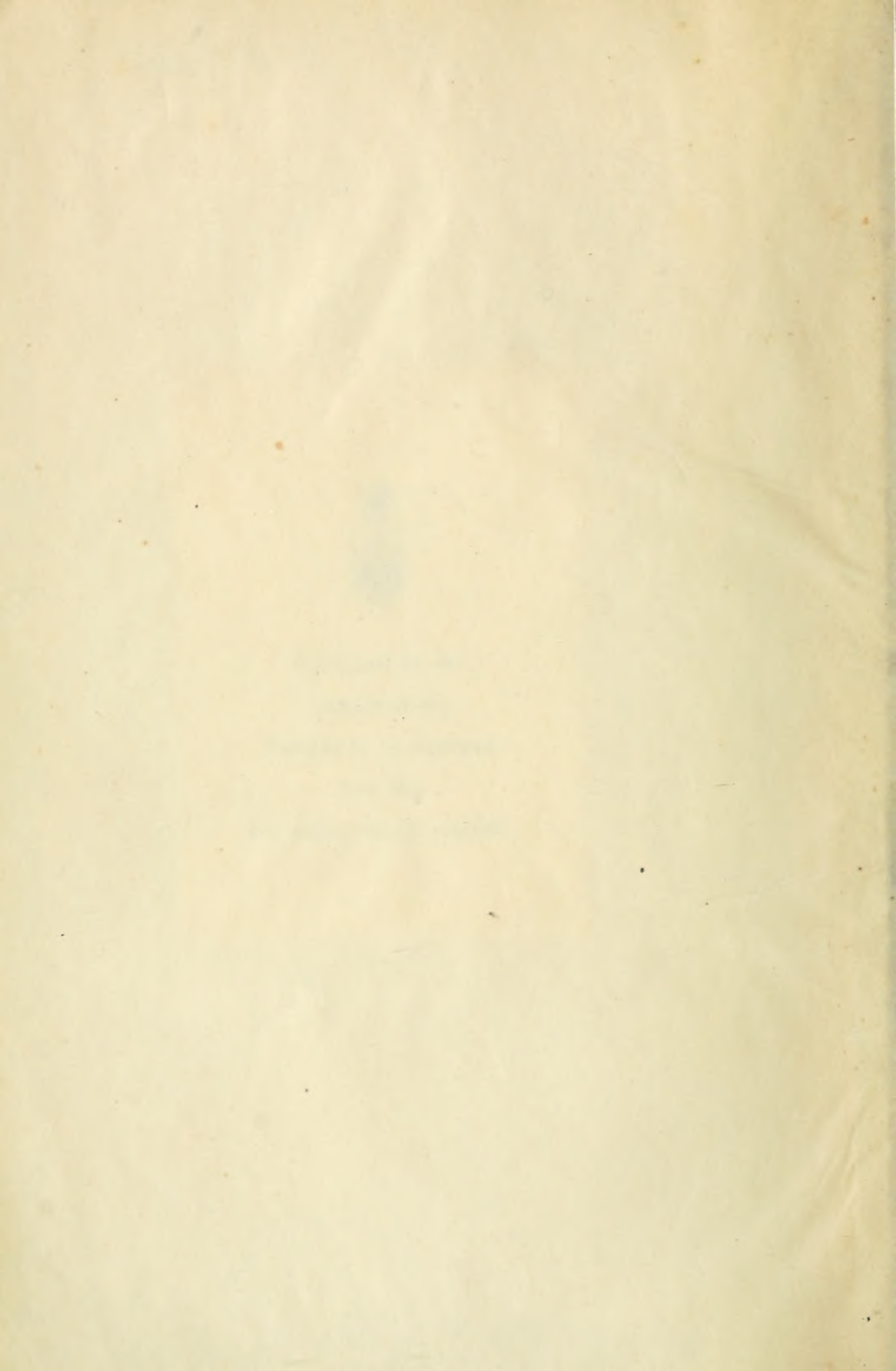

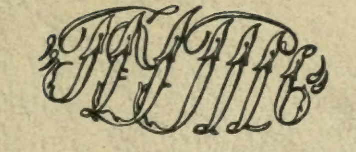

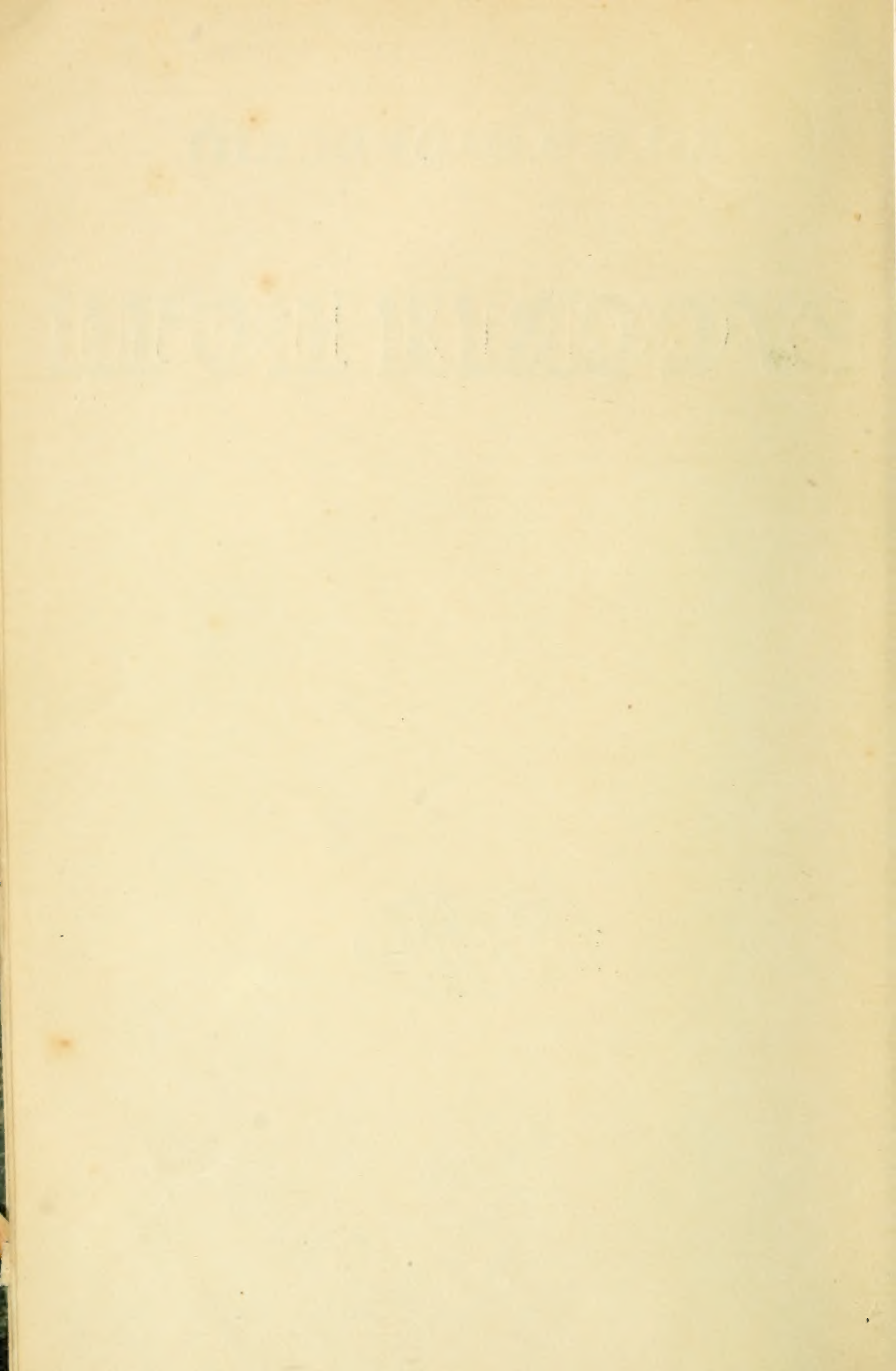

КН. В. Ѳ. ОДОЕВСКІЙ

РУССКІЯ НОЧИ

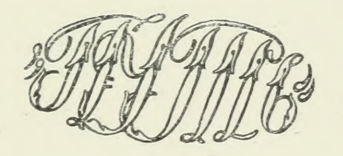

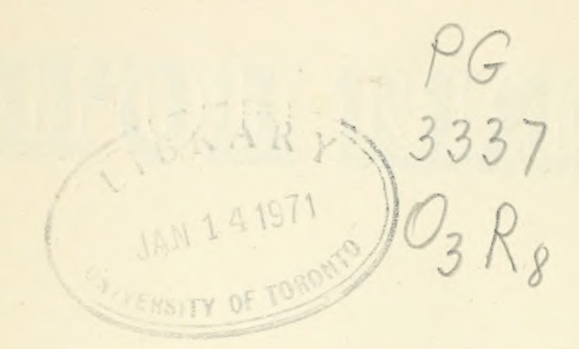
КН. В. Ѳ. ОДОЕВСКІЙ

РУССКІЯ НОЧИ

подъ редакціей С. А. ЦВѢТКОВА

1913

LIBRARY
JAN 14 1971
UNIVERSITY OF TORONTO
PG
3337
O3 R8

ПЕЧАТНЯ А. СНЕГИРЕВОЙ
МОСКВА
ТРУДЪ
Остоженка, Савелов. п.

9492

«Русскія ночи» были задуманы кн. В. Ѳ. Одоевскимъ еще въ 20-хъ годахъ прошлаго вѣка. Отдѣльныя части ихъ были напечатаны въ 30-хъ годахъ. Въ полномъ видѣ онѣ появились въ 1-омъ томѣ «Собранія сочиненій», вышедшемъ въ 1844 году и скоро сдѣлавшемся библіографическою рѣдкостью. Кн. Одоевскій подготовлялъ новое изданіе, но оно не появилось за его смертью. Для него онъ написалъ нѣсколько проектовъ предисловія и свое «примѣчаніе» къ Русскимъ ночамъ. Сохранились они въ бумагахъ князя, хранящихся въ Имп. Публичной Библіотекѣ. Мы извлекли изъ нихъ одинъ варіантъ, какъ болѣе полный, предисловія и сказанное примѣчаніе къ Русскимъ ночамъ. Для 2-го изданія кн. Одоевскій сдѣлалъ въ печатномъ экземплярѣ на вклеенныхъ листахъ поправки и дополненія. Предъ нами былъ сложный вопросъ: просто ли перепечатать Русскія ночи по изданію 1844 года, приведя поправки и дополненія въ примѣчаніяхъ, или внести послѣднія въ текстъ. Мы избрали послѣдній путь. Пришлось считаться и съ очевиднымъ желаніемъ автора переиздать Русскія ночи исправленными и дополненными. Поправки носятъ характеръ стилистическій и корректурный. Дополненія же не нарушаютъ общаго

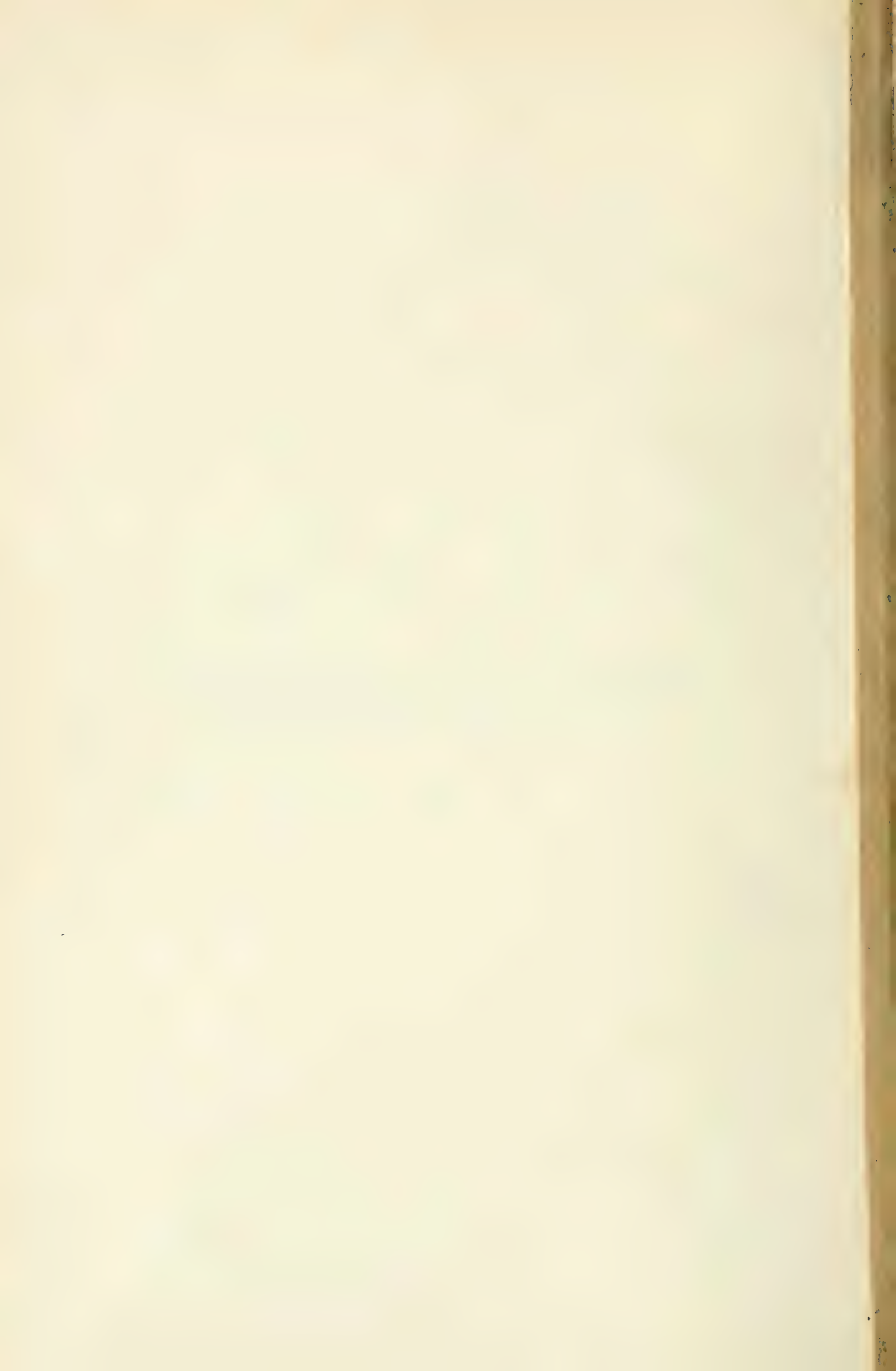
плана книги и не измѣняютъ духа ея, но многое поясняютъ. Въ примѣчаніяхъ всѣ они указаны. Въ двухъ-трехъ случаяхъ пришлось вставить слова, гдѣ были явные пропуски. Они заключены въ квадратныя скобки.

Опись бумагъ кн. Одоевскаго, хранящихся въ Имп. Публ. Библіотекѣ, сдѣлана И. А. Бычковымъ и напечатана въ «Отчетѣ Имп. Публ. Библ. за 1884 г.» Общія свѣдѣнія о кн. Одоевскомъ желающій можетъ найти въ трудахъ А. П. Пятковскаго, Н. А. Кубасова («Русск. Біогр. Слов.»), Д. Д. Языкова, А. Ѳ. Кони (Энц. Слов. Брокг. и Ефр. и въ «Очеркахъ и воспоминаніяхъ»), Б. А. Лезина («Зап. Харьк. Унив.», 1905—1906 гг.), Н. Н. Замотина («Романтизмъ 20-ыхъ годовъ» и т. д.), Ч. - Вѣтринскаго («Въ сороковыхъ годахъ»), акад. Н. Котляревскаго («Старинные портреты»). Пространная библіографія приложена къ біографическому очерку Н. А. Кубасова.

Сергѣй Цвѣтковъ.

27 февр. 1913 г.

РУССКІЯ НОЧИ

ПРЕДИСЛОВІЕ (*).

Самое затруднительное для писателя дѣло: говорить о самомъ себѣ. Тутъ напрасны всѣ оговорки и всѣ возможныя риторическія предосторожности; его непремѣнно обвинятъ или въ самолюбіи, или, что еще хуже, въ ложномъ смиреніи; нѣтъ опредѣленной черты между тѣмъ и другимъ, или, по крайней мѣрѣ, трудно отыскать ее. Остается послѣдовать примѣру Сервантеса, который началъ одну изъ своихъ книгъ слѣдующими словами: «Я знаю, любезный читатель, что тебѣ нѣтъ никакой нужды читать мое предисловіе, но мнѣ очень нужно, чтобы ты прочелъ его».—Такое откровенное объясненіе, кажется, миритъ всѣ противорѣчія.

Мои сочиненія въ первый разъ были собраны и изданы въ 1844 году. Какъ извѣстно, въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ ихъ уже не было въ книжной торговлѣ, и скоро они сдѣлались библіографическою

(*) Предисловіе было написано авторомъ для подготовлявшагося имъ, но не осуществленнаго собранія сочиненій.

рѣдкостью. Меня часто спрашивали: отчего я не приступаю къ новому изданію? отчего я не пишу, или, по крайней мѣрѣ, ничего не печатаю? и проч. т. п. Спрашивать у сочинителя о такихъ *домашнихъ* обстоятельствахъ почти то же, что спрашивать у Мусульманина о здоровьи его жены. Но хорошо, когда дѣло ограничивается одними вопросами; худо, когда появляются отвѣты,—помимо настоящаго отвѣтчика; хорошо и то, когда эти отвѣты только нелѣпы; худо, когда подчасъ эти отвѣты несообразны ни съ вашимъ взглядомъ на вещи, ни ..... съ вашими правилами.

Покусившійся хоть разъ, какъ говорилось въ старину, *предать* себя тисненію,—съ той самой минуты становится публичною собственностью, которую всякій можетъ *трактовать*, какъ ему угодно. Но этотъ *трактаментъ* не только даетъ право публичному человѣку, но даже налагаетъ на него обязанность когда-нибудь публично же и объясниться.

Дѣло очень простое: въ 1845 году я намѣренъ былъ предпринять новое изданіе моихъ сочиненій, исправить ихъ, пополнить и проч. т. п., какъ бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Но въ началѣ слѣдующаго года (1846) на меня пало одно дѣло; друзья мои знаютъ—какое (говорить о немъ для

публики было бы еще рано); они также хорошо знаютъ, какого рода занятій и какой упорной борьбы оно требовало. Этому дѣлу, въ теченіе девяти лѣтъ, я принесъ въ жертву—все, что я могъ принести: трудъ и любовь; эти девять лѣтъ поглотили мою литературную дѣятельность всю безъ остатка. Признаюсь, я объ этомъ не жалѣю; но естественно не могу быть равнодушенъ, если другіе о томъ жалѣютъ.

Затѣмъ, не легко,—всякій это знаетъ,—послѣ долгаго отсутствія, воротясь на прежнее пепелище, связать настоящее съ давнопрошедшимъ, концы съ концами. Въ эту минуту нѣкоторое раздумье неизбѣжно.

Между тѣмъ, пока я былъ *на сторонѣ*, добрые люди воспользовались тѣмъ, что моя книга сдѣлалась библіографическою рѣдкостью, и втихомолку принялись таскать изъ нея, что кому пришлось по его художеству; иные—на основаніи литературнаго обычая, т.-е. заимствовались съ большою тонкостію и съ разными прикрытіями, иные съ меньшими церемоніями просто вставляли въ мои сочиненія другія имена дѣйствующихъ лицъ, измѣняли время и мѣсто дѣйствія и выдавали за свое; нашлись и такіе, которые безъ дальнѣйшихъ околичностей брали, наприм., мою повѣсть всю цѣликомъ, назы-

вали ее, наприм., біографіею и подписывали подъ нею свое имя. Такихъ курьезныхъ произведеній довольно бродитъ по свѣту.—Я долго не протестовалъ противъ подобныхъ *заимствованій*, частію потому, что я просто не зналъ многихъ изъ нихъ, а частію потому, что мнѣ казался довольно забавнымъ этотъ особый родъ новаго изданія моихъ сочиненій. Лишь въ 1859 году я счелъ нужнымъ предостеречь нѣкоторыхъ господъ о возможномъ слѣдствіи ихъ безцеремонныхъ продѣлокъ (*).

Есть наконецъ люди, которые къ ремеслу невиннаго заимствованія присоединяютъ и другое: приписывать извѣстному лицу, называя его по имени, нелѣпости собственнаго издѣлія, даже обставляя ихъ рачительно, во избѣжаніе всякаго сомнѣнія, вводными знаками. Такую продѣлку позволило себѣ одно изданіе..., о которомъ не позволю себѣ

(*) „Въ..... Спб. Вѣдомостей. При семъ случаѣ я не могу не выразить моей благодарности гг. издателямъ, которые въ.....Вѣдомостей обличили одинъ изъ такихъ подлоговъ, безъ чего можетъ быть я его бы и не замѣтилъ.—Въ такихъ случаяхъ всѣ добросовѣстные литераторы должны помогать другъ другу—здѣсь дѣло общей литературной безопасности. Какое бы даже ни было, оно мое; нѣтъ ничего утѣшительнаго видѣть, что его уродуютъ. Такими поступками, независимо отъ ихъ житейскаго значенія, оскорбляется художественное чувство, лучшее достояніе писателя.

теперь говорить, ибо оно прекратилось; да и самъ издатель, человѣкъ имѣвшій довольно странное понятіе о житейскихъ условіяхъ, но человѣкъ не безъ дарованій, уже не существуетъ. De mortuis seu bene, seu nihil. Но тѣмъ не менѣе считаемъ долгомъ огласить въ общемъ видѣ такое ребяческое забвеніе и подтвердить наше оглашеніе прямыми указаніями.

Итакъ, участь моей книги была слѣдующая: изъ нея таскали, взятое уродовали, и на нее клепали; а для большинства повѣрить эти продѣлки было не на чемъ.

Сопряженіе всѣхъ этихъ причинъ, имѣющихъ важное значеніе для человѣка, свято сознающаго права и обязанности литератора,—заставило меня приступить къ новому изданію моихъ сочиненій.

Я полагалъ въ нихъ многое исправить, многое передѣлать, но вскорѣ убѣдился, что такое дѣло— невозможно. Семнадцать лѣтъ — есть почти половина дѣятельной жизни. Въ такой періодъ времени многое передумалось, многое забылось, многое наплыло вновь—нѣтъ возможности попасть въ тотъ ладъ, съ котораго началъ; каммертонъ измѣнился; и внутренняя жизнь и внѣшняя среда—другія; всякая передѣлка будетъ не живымъ органическимъ произведеніемъ, но механическою приставкою. И

сверхъ того: наши ли—наши мысли даже въ минуту ихъ зарожденія? Не суть ли онѣ въ насъ живая химическая переработка началъ внѣшнихъ и разносложныхъ: духа эпохи вообще и среды, въ которой мы живемъ, впечатлѣній дѣтства, бесѣды съ современниками, историческихъ событій,—словомъ всего, что насъ окружаетъ?... Трудно отдѣлиться отъ семьи, отъ народа—еще труднѣе; отъ человѣчества—вовсе невозможно; каждый человѣкъ волею или неволею—его представитель, особливо человѣкъ пишущій; большой или малый талантъ—все равно; между нимъ и человѣчествомъ установляется электрическій токъ,—слабый или сильный, смотря по представителю,—но безпрерывный, неумолимый. Съ этой точки зрѣнія человѣческое слово, при его проявленіи въ данномъ народѣ и въ извѣстный моментъ, есть историческій фактъ, болѣе или менѣе важный, но уже не принадлежащій такъ называемому сочинителю; если въ немъ это слово тогда неудачно выговорилось, если онъ не сознаъ опредѣлительно своего представительства, то виноватъ онъ самъ и долженъ нести за то отвѣтственность; послѣ договаривать уже поздно: стрѣлка двинулась на часахъ міра, два раза рожденія не бываетъ.

Эта книга является въ томъ самомъ видѣ, какъ

она была издана въ 1844 году; я позволилъ себѣ исправить лишь нѣкоторые, слишкомъ явные промахи (не всѣ!), пополнить вольные и невольные пропуски, ввести нѣкоторыя статьи, при первомъ изданіи забытыя, нѣкоторыя новыя, и наконецъ присоединить особо примѣчанія, которыя, сколько мнѣ кажется, могутъ имѣть нѣкоторое историческое значеніе. Dixi.

P. S. Публика такое существо, съ которымъ никогда нельзя вдоволь наговориться. Особенно эта невольная болтливость является послѣ долгой жизни, въ продолженіе которой накопилось на голову дюжины съ двѣ всякой напраслины. Оправдать себя отъ напраслины есть право всякаго,—но для публичнаго человѣка, литератора, такое оправданіе есть даже обязанность. Меня вообще обвиняютъ въ какомъ-то энциклопедизмѣ, хотя я никогда еще не могъ хорошенько выразумѣть: что это за звѣрь? Это слово можно понимать въ разныхъ смыслахъ: если человѣкъ хватается то за то, то за другое, такъ, зря, на авось, когда его дѣятельность разорвана, и чрезъ нее не прошло живой, органической связи—должно ли называть его энциклопедистомъ?—Наоборотъ, если одно дѣло выростаетъ изъ другого

органическимъ путемъ, какъ изъ корня выростаетъ листъ, изъ листа цвѣтокъ, изъ цвѣтка плодъ—будетъ ли такая исторія также энциклопедизмомъ?— Въ первомъ, что бы ни говорили, я не грѣшенъ; я *хватаюсь* за весьма немногое,—но правда *придерживаюсь* за все,—что попадется подъ руку. Этому искусству научила меня жизнь; разсказъ объ этомъ процессѣ можетъ быть не останется безъ пользы для новаго поколѣнія.—Моя юность протекла въ ту эпоху, когда метафизика была такою же общею атмосферою, какъ нынѣ политическія науки. Мы вѣрили въ возможность такой абсолютной теоріи, посредствомъ которой возможно было бы строить (мы говорили — конструировать) всѣ явленія Природы, точно такъ, какъ теперь вѣрятъ въ возможность такой соціальной формы, которая бы вполнѣ удовлетворяла всѣмъ потребностямъ человѣка; можетъ быть, и дѣйствительно, и такая теорія, и такая форма и будутъ когда-нибудь найдены, но ab posse ad esse consequentia non valet. — Какъ бы то ни было, но тогда вся природа, вся жизнь человѣка казалась намъ довольно ясною, и мы немножко свысока посматривали на физиковъ, на химиковъ, на утилитаристовъ, которые рылись въ *грубой матеріи.* Изъ естественныхъ наукъ лишь одна намъ казалась достойною вниманія любо-

мудра—анатомія, какъ наука человѣка, и въ особенности анатомія мозга. Мы принялись за анатомію практически, подъ руководствомъ знаменитаго Лодера, у котораго многіе изъ насъ были любимыми учениками. Ни одинъ *кадаверъ* мы искрошали, но анатомія естественно натолкнула насъ на физіологію, науку тогда только что начинавшуюся, и которой первый плодовитый зародышъ появился, должно признаться, у Шеллинга, впослѣдствіи у Окена и Каруса. Но въ физіологіи естественно встрѣтились намъ на каждомъ шагу вопросы, не объяснимые безъ физики и химіи; да и многія мѣста въ Шеллингѣ (особенно въ его Weltseele) были темны безъ естественныхъ знаній; вотъ какимъ образомъ гордые метафизики, даже для того, чтобы остаться вѣрными своему званію, были приведены къ необходимости завестись колбами, рецепіентами и тому подобными снадобьями, нужными для—грубой матеріи.

Въ собственномъ смыслѣ именно Шеллингъ, можетъ быть, неожиданно для него самого, былъ истиннымъ творцомъ положительнаго направленія въ нашемъ вѣкѣ, по крайней мѣрѣ, въ Германіи и въ Россіи. Въ этихъ земляхъ лишь по милости Шеллинга и Гете мы сдѣлались поснисходительнѣй къ Французской и Англійской наукѣ, о кото-

рой прежде, какъ о грубомъ *эмпиризмѣ*, мы и слышать не хотѣли.

Какъ видите, эти разнообразныя занятія не были безотчетнымъ энциклопедизмомъ, но стройно примыкали къ нашимъ прежнимъ работамъ. Я оцѣнилъ вполнѣ важность моей разносторонности знаній, когда, по обстоятельствамъ жизни, мнѣ пришлось заниматься дѣтьми. Дѣти—были лучшими моими учителями, и за то до сихъ поръ сохранилъ я къ нимъ глубокую привязанность и благодарность.—Дѣти показали мнѣ всю скудость моей науки. Стоило поговорить съ ними нѣсколько дней сряду — вызвать ихъ вопросы, чтобы убѣдиться, какъ часто мы вовсе не знаемъ того, чему, какъ намъ кажется, мы выучились превосходно. Это наблюденіе поразило меня и заставило глубже вникнуть въ разныя отрасли наукъ, которыми, казалось, я обладалъ вполнѣ. Это наблюденіе убѣдило меня въ новости тогда неожиданной, а именно, какъ искусственно, какъ произвольно, какъ ложно дѣленіе человѣческихъ знаній на такъ называемыя науки. Въ обширномъ каталогѣ наукъ, собственно, нѣтъ ни одной, которая бы давала намъ опредѣлительное понятіе о *цѣльности* предмета; возьмите человѣка, животное, растеніе, малѣйшую пылинку; науки разорвали ихъ на части: кому досталось

ихъ химическое значеніе, кому идеальное, кому математическое и пр., и эти искусственно разорванные члены названы спеціальностями. Говорятъ, что у насъ были когда-то, въ незапамятныя времена профессоры перваго тома, втораго; для того, чтобы составить цѣльное понятіе о каждомъ изъ сихъ предметовъ, необходимо собрать ихъ всѣ разорванныя части, доставшіяся на долю разнымъ наукамъ. Для свѣжаго, неиспорченнаго никакою схоластикою дѣтскаго ума нѣтъ отдѣльно ни Физики, ни Химіи, ни Астрономіи, ни Грамматики, ни Исторіи и пр. и пр. Ребенокъ не будетъ васъ слушать, если вы заговорите самымъ систематическимъ путемъ отдѣльно объ анатоміи лошади, о механизмѣ ея мускуловъ, о химическомъ превращеніи сѣна въ кровь и тѣло, о лошади, какъ движущей силѣ, о лошади, какъ эстетическомъ предметѣ — дитя — отъявленный энциклопедистъ; подавайте ему лошадь всю, какъ она есть, не дробя предмета искусственно, но представляя его въ живой цѣльности,—въ томъ вся задача педагогіи, донынѣ нерѣшенная. Чтобы удовлетворить этому строгому, неумолимому требованію, мало отрывочныхъ, такъ сказать, литературныхъ, или неправильно называемыхъ *общихъ* знаній, а надобно, какъ говорятъ Французы, mettre la main à la pâte,

и только тогда можно говорить съ дѣтьми языкомъ для нихъ понятнымъ. Вотъ вся разгадка моего мнимаго энциклопедизма,—который, можетъ быть, невольно отразился въ моихъ сочиненіяхъ; но здѣсь не моя вина,—здѣсь вина вѣка, въ который мы живемъ, и который, если не нашелъ, то, по крайней мѣрѣ, ищетъ возсоединенія всѣхъ раздробленныхъ частей знанія. Если съ такимъ самоотверженіемъ нисходить въ подробности, творить особыя науки подъ названіемъ: энтомологія, ихтіологія, то лишь для того, чтобы найти точку соединенія между венами и артеріями человѣческаго разумѣнія.— Пока еще не образовалась наука общечеловѣческая, необходимо, чтобы каждый человѣкъ, отбросивъ схоластическія пеленки, образовалъ для себя, для круга своей дѣятельности, соразмѣрно пространству своего разумѣнія, свою особую науку, науку безыменную, которую нельзя подвести ни подъ какую цѣльную рубрику. Объ этой наукѣ— признаюсь — я позаботился; кто мнѣ эту заботу поставитъ въ укоръ, тому я не дамъ другого отвѣта, кромѣ: «mea culpa!»

ПРИМѢЧАНІЕ КЪ РУССКИМЪ НОЧАМЪ (*).

Habent sua fata libelli! пишущему и вообще дѣйствующему человѣку не мудрено провиниться разными образами: между прочимъ, н. пр., выдать свою мысль за чужую, или, какъ на грѣхъ, чужую за свою. Но часто какъ съ Софьей Павловной:

— «Бываетъ хуже — съ рукъ сойдетъ»,

а вдругъ, Богъ вѣсть по какимъ сближеніямъ, васъ начинаютъ обвинять или оправдывать именно въ томъ, въ чемъ вы ни душей ни тѣломъ не виноваты.— Многіе находили иные въ похвалу, другіе въ осужденіе, что въ Русскихъ ночахъ я старался подражать Гофману. Это обвиненіе меня не слишкомъ тревожитъ; еще не было на свѣтѣ сочинителя отъ мала до велика, въ которомъ бы волею или неволею не отозвались чужая мысль, чужое слово, чужой пріемъ и проч. т. п.; это неизбѣжно уже по гармонической связи естественно существующей между людьми всѣхъ эпохъ и всѣхъ народовъ; ни-

(*) Печатается съ рукописи въ первый разъ.

какая мысль не родится безъ участія въ этомъ зарожденіи другой предшествующей мысли, своей или чужой; иначе сочинитель долженъ бы отказаться отъ способности принимать впечатлѣніе прочитаннаго или видѣннаго, т.-е. отказаться отъ права чувствовать и слѣд. жить. Разумѣется я не обижаюсь нисколько, когда сравниваютъ меня съ Гофманомъ,—а, напротивъ, принимаю это сравненіе за учтивость, ибо Гофманъ всегда останется *въ своемъ родѣ* человѣкомъ геніальнымъ, какъ Сервантесъ, какъ Стернъ; и въ моихъ словахъ нѣтъ преувеличенія, если слово геніальность однозначительно съ изобрѣтательностію; Гофманъ же изобрѣлъ особаго рода чудесное; знаю, что въ нашъ вѣкъ анализа и сомнѣнія довольно опасно говорить о чудесномъ, но между тѣмъ этотъ элементъ существуетъ и понынѣ въ искусствѣ; н. пр., Вагнеръ—тоже человѣкъ безъ всякаго сомнѣнія геніальный (*)— убѣжденъ, что опера почти невозможна безъ этого страннаго элемента, и музыканту нельзя не согласиться съ такимъ убѣжденіемъ; Гофманъ нашелъ

(*) Къ числу доказательствъ геніальности Вагнера я причисляю паденіе его Тангейзера въ Парижѣ, гдѣ процвѣтаетъ Плоермель Мейербера и даже такъ называемыя оперы Верди, которыя въ музыкѣ занимаютъ то же мѣсто, что въ живописи китайскія картины, шитыя шелкомъ и мишурой.

единственную нить, посредствомъ которой этотъ элементъ можетъ быть въ наше время приведенъ въ словесное искусство; его чудесное всегда имѣетъ двѣ стороны: одну чисто фантастическую, другую — дѣйствительную; такъ что гордый читатель XIX-го вѣка нисколько не приглашается вѣрить безусловно въ чудесное происшествіе ему разсказываемое; въ обстановкѣ разсказа выставляется все то, чѣмъ это самое происшествіе можетъ быть объяснено весьма просто, — такимъ образомъ и волки цѣлы и овцы сыты; естественная наклонность человѣка къ чудесному удовлетворена, а вмѣстѣ съ тѣмъ не оскорбляется и пытливый духъ анализа; помирить эти два противоположные элемента было дѣломъ истиннаго таланта.

А между тѣмъ я не подражалъ Гофману. Знаю, что самая форма Русскихъ ночей напоминаетъ форму Гофманова сочиненія: «Serapien's Brüder». Также разговоръ между друзьями, также въ разговоръ введены отдѣльные разсказы. Но дѣло въ томъ, что въ эпоху, когда мнѣ задумывались «Русскія ночи», т.-е. въ двадцатыхъ годахъ, «Serapien's Brüder» мнѣ вовсе не были извѣстны; кажется тогда эта книга и не существовала въ нашихъ книжныхъ лавкахъ; единственное сочиненіе Гофмана тогда мною прочитанное было: Маіоратъ, съ

которымъ у меня нигдѣ, кажется, нѣтъ ни малѣйшаго сходства.

Не только мой исходный пунктъ былъ другой, но и діалогическая форма пришла ко мнѣ инымъ путемъ: частію по логическому выводу, частію по природному настроенію духа, мнѣ всегда казалось, что въ новѣйшихъ драматическихъ сочиненіяхъ для театра или для чтенія недостаетъ того элемента, котораго представителемъ у древнихъ былъ—*хоръ*, и въ которомъ большею частію выражалось понятіе самихъ зрителей. Дѣйствительно, странно высидѣть передъ сценою нѣсколько часовъ, видѣть людей говорящихъ, дѣйствующихъ—и не имѣть права вымолвить своего слова, видѣть, какъ на сценѣ обманываютъ, клевещутъ, грабятъ, убиваютъ—и смотрѣть на все это безмолвно, склавши руки. Замкнутая объективность новѣйшаго театра требуетъ съ нашей стороны особаго жестокосердія; чувство, которое не позволяетъ намъ оставаться равнодушнымъ при видѣ такихъ происшествій въ дѣйствительности, это прекрасное чувство явно оскорблено, и я совершенно понимаю Донъ-Кихота, когда онъ съ обнаженнымъ мечемъ бросается на Мавровъ кукольнаго театра, и того чудака нашихъ театровъ, который, сидя въ креслахъ, не могъ утерпѣть, чтобы не вмѣшаться въ разговоръ актеровъ.

Такими зрителями долженъ бы дорожить драматическій писатель; они, безъ сомнѣнія, одни вполнѣ сочувствуютъ піесѣ. Хоръ — въ древнемъ театрѣ давалъ хоть нѣкоторый просторъ этому естественному влеченію человѣка принимать личное участіе въ томъ, что предъ нимъ происходитъ.—Конечно, перенести цѣликомъ древнюю форму хора въ нашу новую драму есть дѣло невозможное, что доказывается и бывшими въ этомъ родѣ попытками; но долженъ быть способъ ввести въ нашу немилосердную драму хоть какого - нибудь адвоката со стороны зрителей, или лучше сказать адвоката господствующихъ въ тотъ моментъ времени понятій, словомъ то, что древніе наши учители въ дѣлѣ искусства считали необходимою принадлежностію драмы. — Стоитъ *найти.* А найти необходимо въ нашъ вѣкъ болѣе нежели когда нибудь; selfgovernement, напр., проникаетъ во всѣ движенія мысли и чувства; а selfgovernement никакъ не ладится съ этою браминскою неподвижностію, которая требуется отъ зрителя новѣйшею драмою; путь узокъ, какъ волосъ, какъ путь мусульманскій, ведущій въ жилище гурій; съ одной стороны грозитъ лиризмъ и резонерство; съ другой—холодная объективность. Можетъ быть, когда-либо желаемая цѣль достигнется сопряженіемъ двухъ разныхъ драмъ,

представленныхъ въ одно и тоже время, между коими проведется, такъ сказать, нравственная связь, гдѣ одна будетъ служить дополненіемъ другой, словомъ, говоря философскими терминами, гдѣ *идея* представится не только съ *объективной*, но и съ *субъективной* стороны, слѣдственно выразится *вполнѣ*, слѣдственно вполнѣ удовлетворитъ нашему эстетическому чувству. Эта задача еще не рѣшена; рѣшить ее тѣмъ или другимъ путемъ, рѣшить удачно— дѣло таланта, но задача существуетъ.

Возвращаюсь къ моему собственному защищенію; касаясь психологическаго факта, оно можетъ быть будетъ не безъ интереса для читателя.—Въ эпоху, о которой я говорю, я учился по Гречески и читалъ Платона, руководствуясь въ трудныхъ мѣстахъ русскимъ или точнѣе сказать Славянорусскимъ переводомъ Пахомова, который въ нашей словесности то же, что Аміотовъ переводъ Плутарха во Французской. Платонъ произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе, до сихъ поръ сохранившееся, какъ всякое сильное впечатлѣніе юности. Въ Платонѣ я находилъ не одинъ философскій интересъ; въ разговорахъ судьба той или другой *идеи* возбуждала во мнѣ почти то же участіе, что судьба того или другого человѣка въ драмѣ, или въ поэмѣ, даже, въ эту эпоху, судьба Гомеровыхъ героевъ

гораздо менѣе интересовала меня; вообще ни Ахиллесъ, ни Одиссей тогда не привлекали моего особаго сочувствія.

Продолжительное чтеніе Платона привело меня къ мысли, что если задача жизни еще не рѣшена человѣчествомъ, то потому только, что люди не вполнѣ понимаютъ другъ друга, что языкъ нашъ не передаетъ вполнѣ нашихъ идей, такъ что слушающій никогда не слышитъ всего того, что ему говорятъ, а или больше, или меньше, или влѣво, или вправо. Отсюда вытекало убѣжденіе въ необходимости и даже въ *возможности* (!) привести всѣ философскія мнѣнія къ одному знаменателю. Юношеской самонадѣянности представлялось доступнымъ изслѣдовать каждую философскую систему порознь (въ видѣ философскаго словаря), выразить ее строгими, однажды на всегда принятыми, какъ въ математикѣ, формулами, и потомъ всѣ эти системы свести въ огромную драму, гдѣ бы дѣйствующими лицами были всѣ Философы міра отъ Элеатовъ до Шеллинга или, лучше сказать, ихъ ученіе, — а предметомъ, или вѣрнѣе основнымъ анекдотомъ, была бы ни болѣе ни менѣе какъ *задача человѣческой жизни.*

Но въ этомъ дѣлѣ случилось то, что разсказываетъ Пушкинъ о помѣщикѣ села Горохова, кото-

рый задумалъ написать поэму: Рурикъ,—потомъ нашелъ нужнымъ ограничиться одою, и кончилъ—надписью къ портрету Рурика.

Мечта первой юности рушилась; трудъ былъ не по силамъ; на одинъ философскій словарь, какъ я понималъ его, не достало бы человѣческой жизни, а эта работа должна была быть лишь первой ступенькой для дальнѣйшей главной работы..... что говорить далѣе, — дроби остались съ различными знаменателями, какъ можетъ быть и навсегда останутся,—по крайней мѣрѣ не мнѣ сдѣлать это вычисленіе.

Но сопряженіе всѣхъ этихъ предварительныхъ работъ и почти безпрестанная о нихъ мысль невольно отразились во всемъ, что я писалъ, и въ особенности въ «Русскихъ ночахъ», но въ другой обстановкѣ. Вмѣсто Ѳалеса, Платона и пр. на сцену явились современные тогда типы: Кондилльякистъ, Шеллингіанецъ и наконецъ Мистикъ (Фаустъ) всѣ трое—*въ струѣ Русскаго духа*; послѣдній (Фаустъ) подсмѣивается надъ тѣмъ и другимъ направленіемъ, но и самъ не высказываетъ своего рѣшенія, можетъ быть потому, что оно для него такъ же не существуетъ, какъ для другихъ,—но который удовлетворяется символизмомъ; впрочемъ къ Фаусту я обращусь впослѣдствіи. Чтобы свести эти три

направленія къ опредѣленнымъ точкамъ, избраны разныя лица, которыя цѣлою своею жизнію выражали то, что у Философовъ выражалось сжатыми формулами, — такъ что не словами только, но цѣлою жизнію одинъ отвѣчалъ на жизнь другого.

Предметъ этой новой, — если угодно, — драмы остался тотъ же: задача жизни, разумѣется, не разрѣшенная.

Я боюсь наскучить болѣе подробнымъ описаніемъ этихъ домашнихъ обстоятельствъ моего сочиненія; впрочемъ я до сихъ поръ старался ограничиться лишь тѣмъ, что собственно относится къ психологическому процессу, во мнѣ самомъ совершившемуся, а всякій психологическій процессъ какъ *фактъ* можетъ, повторяю, имѣть свое значеніе во всякомъ случаѣ.

Прибавлю еще, что въ «Русскихъ ночахъ» читатель найдетъ довольно вѣрную картину той умственной дѣятельности, которой предавалась московская молодежь 20-ыхъ и 30-ыхъ годовъ, о чемъ почти не сохранилось другихъ свѣдѣній. Между тѣмъ эта эпоха имѣла свое значеніе; кипѣли тысячи вопросовъ, сомнѣній, догадокъ—которые снова, но съ большею опредѣленностію возбудились въ настоящее время; вопросы чисто философскіе, экономическіе, житейскіе, народные, нынѣ насъ зани-

мающіе, занимали людей и тогда, и много, много выговореннаго нынѣ, и прямо, и вкривь, и вкось, даже недавній славянофилизмъ, все это уже шевелилось въ ту эпоху, какъ развивающійся зародышъ. Новому поколѣнію не худо знать, какъ понимались эти вопросы поколѣніемъ ему предшествовавшимъ, какъ и съ чѣмъ оно боролось и чѣмъ страдало;— какъ вырабатывались и хорошіе и плохіе матеріалы, доставшіеся на трудъ новымъ дѣятелямъ. Исторія человѣческой работы принадлежитъ человѣчеству.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ИЗДАНІЮ 1844 ГОДА.

Во всѣ эпохи душа человѣка стремленіемъ необоримой силы, невольно, какъ магнитъ къ сѣверу, обращается къ задачамъ, коихъ разрѣшеніе скрывается во глубинѣ таинственныхъ стихій, образующихъ и связующихъ жизнь духовную и жизнь вещественную; ничто не останавливаетъ сего стремленія, ни житейскія печали и радости, ни мятежная дѣятельность, ни смиренное созерцаніе; это стремленіе столь постоянно, что иногда, кажется, оно происходитъ независимо отъ воли человѣка, подобно физическимъ отправленіямъ; проходятъ столѣтія, все поглощается временемъ: понятія, нравы, привычки, направленіе, образъ дѣйствованія; вся прошедшая жизнь тонетъ въ недосягаемой глубинѣ, а чудная задача всплываетъ надъ утопшимъ міромъ; послѣ долгой борьбы, сомнѣній, насмѣшекъ — новое поколѣніе подобно прежнему, имъ осмѣянному, испытуетъ глубину тѣхъ же таинственныхъ стихій; теченіе вѣковъ разнообразитъ имена ихъ, измѣняетъ и понятіе объ оныхъ, но

не измѣняетъ ни ихъ существа, ни ихъ образа дѣйствія; вѣчно-юныя, вѣчно-мощныя, онѣ постоянно пребываютъ въ первозданной своей дѣвственности, и ихъ неразгаданная гармонія внятно слышится посреди бурь, столь часто возмущающихъ сердце человѣка. Для объясненія великаго смысла сихъ великихъ дѣятелей, естествоиспытатель вопрошаетъ произведенія вещественнаго міра, эти символы вещественной жизни, историкъ—живые символы внесенные въ лѣтописи народовъ, поэтъ—живые символы души своей.

Во всѣхъ случаяхъ, способы изслѣдованія, точка зрѣнія, пріемы могутъ быть разнообразны до безконечности: въ естествознаніи одни принимаютъ всю природу, во всей ея общности, за предметъ своихъ изслѣдованій, другіе — гармоническое построеніе одного отдѣльнаго организма; такъ и въ поэзіи.

Въ исторіи встрѣчаются лица вполнѣ символическія, которыхъ жизнь есть внутренняя исторія данной эпохи всего человѣчества; встрѣчаются происшествія, разгадка которыхъ можетъ означить, при извѣстной точкѣ зрѣнія, путь, пройденный человѣчествомъ по тому или другому направленію; не все досказывается мертвою буквою лѣтописца; не всякая мысль, не всякая жизнь достигаетъ пол-

наго развитія, какъ не всякое растеніе достигаетъ до степени цвѣта и плода; но возможность сего развитія тѣмъ не уничтожается; умирая въ исторіи, оно воскресаетъ въ поэзіи.

Въ глубинѣ внутренней жизни поэту встрѣчаются свои символическія лица и происшествія; иногда сими символами, при магическомъ свѣтѣ вдохновенія, дополняются историческіе символы, иногда первые совершенно совпадаютъ со вторыми; тогда обыкновенно думаютъ, что поэтъ возлагаетъ на историческія лица какъ на очистительную жертву свои собственныя прозрѣнія, свои надежды, свои страданія; напрасно! поэтъ лишь покорялся законамъ и условіямъ своего міра; такая встрѣча есть случайность, могущая быть и не быть, ибо для души, въ ея естественномъ, т.-е., вдохновенномъ состояніи, находятся указанія вѣрнѣйшія, нежели въ пыльныхъ хартіяхъ всего міра.

Такимъ образомъ могутъ существовать отдѣльно и слитно историческіе и поэтическіе символы; тѣ и другіе истекаютъ изъ одного источника, но живутъ разною жизнію; одни—жизнію неполною, въ тѣсномъ мірѣ планеты, другіе—жизнію безграничною, въ безконечномъ царствѣ поэта; но—увы! и тѣ и другіе хранятъ внутри себя подъ нѣсколькими покровами завѣтную тайну, можетъ-быть недося-

гаемую для человѣка въ сей жизни, но къ которой ему позволено приближаться.

Не вините художника, если подъ однимъ покровомъ онъ находитъ еще другой покровъ, по той же причинѣ, почему вы не обвините химика, зачѣмъ онъ съ перваго раза не открылъ самыхъ простыхъ, но и самыхъ отдаленныхъ стихій вещества имъ изслѣдуемаго. Древняя надпись на статуѣ Изиды: «никто еще не видалъ лица моего» донынѣ не потеряла своего значенія во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности.

Вотъ теорія автора; ложная или истинная — это не его дѣло.

Еще нѣсколько словъ о формѣ того сочиненія, которое называется *Русскими ночами*, и которое, вѣроятно, наиболѣе подвергнется критикѣ: авторъ почиталъ возможнымъ существованіе такой драмы, которой преметомъ была бы не участь одного человѣка, но участь общаго всему человѣчеству ощущенія, проявляющагося разнообразно въ историко-символическихъ лицахъ; словомъ, такой драмы, гдѣ бы не рѣчь, подчиненная минутнымъ впечатлѣніямъ, но цѣлая жизнь одного лица служила бы вопросомъ или отвѣтомъ на жизнь другого.

За симъ, и безъ того уже слишкомъ длиннымъ теоретическимъ изложеніемъ, автору кажется из-

лишнимъ входить здѣсь въ дальнѣйшія объясненія; сочиненія, имѣющія притязаніе на названіе эстетическихъ, должны сами отвѣчать за себя, и преждевременно защищать ихъ полнымъ догматическимъ изложеніемъ теоріи, на которой они основаны, было бы напраснымъ оскорбленіемъ правъ художника.

Авторъ не можетъ и не долженъ окончить сего предисловія не сказавъ «*спасибо*» лицамъ, которыхъ совѣтами онъ воспользовался, равно и тѣмъ, которыя нашли его сочиненія, до сихъ поръ разсѣянныя по разнымъ журналамъ, достойными перевода, въ особенности знаменитому берлинскому литератору Фарнгагену фонъ Энзе, который посреди непрерывной, благородной своей дѣятельности передалъ своимъ соотечественникамъ въ изящномъ переводѣ, далеко превосходящемъ подлинникъ, нѣкоторыя изъ произведеній автора сей книги.

На трудномъ и странномъ пути, который проходитъ человѣкъ, попавшій въ очарованный кругъ, называемый литературнымъ, изъ котораго нѣтъ выхода, отрадно слышать отголосокъ своимъ чувствамъ между людьми, намъ незнакомыми, отдаленными отъ насъ и пространствомъ и обстоятельствами жизни.

РУССКІЯ НОЧИ.

Nel mezzo del cammin di nostra vita
Mi ritrovai per una selva oscura
Che la diritta via erà smarrita.

DANTE *Inferno.*

Lassen sie mich nun zuvörderst gleichnissweise reden! Bei schwer begreiflichen Dingen thut man wohl sich auf diese Weise zu helfen.

GOETHES *Wilhelm Meisters Wanderjahre.*

ДРУЗЬЯМЪ ЖИВЫМЪ И ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ УМЕРШИХЪ.

РУССКІЯ НОЧИ.

НОЧЬ ПЕРВАЯ.

Мазурка кончилась. Ростиславъ уже насмотрѣлся на бѣлыя, роскошныя плечи своей дамы и счелъ на нихъ всѣ фіолетовыя жилки, надышался ея воздухомъ, наговорился съ нею обо всемъ, о чемъ можно наговориться въ мазуркѣ, напр. обо всѣхъ тѣхъ домахъ, гдѣ они должны были встрѣчаться въ продолженіи недѣли — и, неблагодарный, чувствовалъ лишь жаръ и усталость; онъ подошелъ къ окошку, съ наслажденіемъ впивалъ тотъ особенный запахъ, который производится трескучимъ морозомъ, и съ чрезвычайнымъ любопытствомъ разсматривалъ свои часы; было два часа за полночь. Между тѣмъ, на дворѣ все бѣлѣло и кружилось въ какой-то темной, бездонной пучинѣ, вылъ сѣверный вѣтеръ, хлопьями пушило окна и разрисовывало ихъ своенравными узорами. Чудное зрѣлище! за окномъ пируетъ дикая природа, холодомъ,

бурею, смертью грозитъ человѣку,—здѣсь, черезъ два вершка, блестящія люстры, хрупкія вазы, весенніе цвѣты, всѣ удобства, всѣ прихоти восточнаго неба, климатъ Италіи, полунагія женщины, равнодушная насмѣшка надъ угрозами природы,— и Ростиславъ невольно поблагодарилъ въ глубинѣ души того умнаго человѣка, который выдумалъ строить домà, вставлять рамы и топить печи. «Что было бы съ нами», разсуждалъ онъ, «еслибы не случилось на свѣтѣ этого умнаго человѣка? Какихъ усилій стòило человѣчеству достигнуть весьма простой вещи, на которую обыкновенно никто не обращаетъ вниманія, то-есть жить въ домѣ съ рамами и печами?» — Эти вопросы нечувствительно напомнили Ростиславу сказку одного его пріятеля, которая начинается, кажется, со временъ изобрѣтенія огня и оканчивается сценою въ гостиной, гдѣ нѣкоторые люди находятъ весьма похвальнымъ, что въ просвѣщенной Англіи господа ремесленники ломаютъ и жгутъ драгоцѣнныя машины своихъ хозяевъ. Общество первобытныхъ обитателей земли, окутанныхъ въ звѣриныя шкуры, сидитъ на голой землѣ вокругъ огня; имъ горячо спереди, имъ холодно сзади, они проклинаютъ дождь и вѣтеръ и смѣются надъ однимъ изъ чудаковъ, который пытается сдѣлать себѣ крышку, потому что, разумѣется, ее безпрестанно сноситъ вѣтеръ. Другая сцена: люди сидятъ уже въ лачугѣ; посреди разложенъ костеръ, дымъ ѣстъ глаза, вѣтромъ разноситъ искры; надобно смотрѣть за

огнемъ безпрестанно, иначе онъ разрушитъ едва-сплоченное жилище человѣка:—люди проклинаютъ вѣтеръ и холодъ, и опять смѣются надъ однимъ изъ чудаковъ, который пытается обложить костеръ камнями, потому что, разумѣется, отъ того огонь часто гаснетъ. Но вотъ геній, которому пришло въ голову закрывать трубу въ печкѣ! Этотъ несчастный долженъ выдержать батальный огонь насмѣшекъ, эпиграммъ, упрековъ, ибо много людей угорѣло отъ первой закрытой на свѣтѣ печки.—А чему не подвергался тотъ, кому первому пришло въ мысль приготовить обѣдъ въ глиняномъ горшкѣ, выковать желѣзо, обратить песокъ въ прозрачную доску, выражать свои мысли съ трудомъ остающимися въ памяти знаками, наконецъ, подчинить законному порядку сборище людей, привыкшихъ къ своеволію и полному разгулу страстей? Какіе успѣхи должны были сдѣлать физика, химія, механика и проч., чтобъ обратить произведеніе пчелы въ свѣчку, склеить этотъ столъ, обтянуть эти стѣны штофомъ, расписать потолокъ, зажечь масло въ лампахъ? Умъ теряется въ безконечно-многочисленныхъ, разнообразныхъ открытіяхъ, безъ которыхъ не было бы свѣтлаго дома съ рамами и печами.—«Что ни говори», подумалъ Ростиславъ, «а просвѣщеніе доброе дѣло!»

«Просвѣщеніе».... на этомъ словѣ онъ невольно остановился. Мысли его болѣе и болѣе распространялись, болѣе и болѣе становились важнѣе.... «Просвѣщеніе! Нашъ XIX вѣкъ называютъ просвѣ-

щеннымъ; но въ самомъ ли дѣлѣ мы счастливѣе того рыбака, который нѣкогда, можетъ быть на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь пестрѣетъ газовая толпа, разстилалъ свои сѣти? Что вокругъ насъ?

Зачѣмъ мятутся народы? зачѣмъ, какъ снѣжную пыль, разноситъ ихъ вихорь? Зачѣмъ плачетъ младенецъ, терзается юноша, унываетъ старецъ? Зачѣмъ общество враждуетъ съ обществомъ и, еще болѣе, съ каждымъ изъ своихъ собственныхъ членовъ? Зачѣмъ желѣзо разсѣкаетъ связи любви и дружбы? Зачѣмъ преступленіе и несчастіе считается необходимою буквою въ математической формулѣ общества?

Являются народы на поприще жизни, блещутъ славою, наполняютъ собою страницы исторіи и вдругъ слабѣютъ, приходятъ въ какое-то бѣснованіе, какъ строители вавилонской башни — и имя ихъ съ трудомъ отъискиваетъ чужеземный археологъ посреди пыльныхъ хартій.

Здѣсь общество страждетъ, ибо нѣтъ среди его сильнаго духа, который бы смирилъ порочныя страсти, а благородныя направилъ ко благу.

Здѣсь общество изгоняетъ генія, явившагося ему на славу — и вѣроломный другъ, въ угоду обществу, предаетъ позору память великаго человѣка (*).

(*) Намекъ на Томаса Мура, по семейнымъ [условіямъ] не рѣшившагося издать записки Байрона, ожидавшіяся съ нетерпѣніемъ.

Здѣсь движутся всѣ силы духа и вещества; воображеніе, умъ, воля напряжены, — время и пространство обращены въ ничто, пируетъ воля человѣка—а общество страждетъ и грустно чуетъ приближеніе своей кончины.

Здѣсь, въ стоячемъ болотѣ, засыпаютъ силы; какъ взнузданный конь, человѣкъ прилежно вертитъ все одно и то же колесо общественной махины, каждый день слѣпнетъ болѣе и болѣе, а махина полуразрушилась: одно движеніе молодого сосѣда — и исчезло стотысячилѣтнее царство.

Вездѣ вражда, смѣшеніе языковъ, казни безъ преступленій, и преступленія безъ казни, а на концѣ поприща—смерть и ничтожество. Смерть народа... страшное слово!

Законъ природы!—говоритъ одинъ.

Форма правленія!—говоритъ другой.

Недостатокъ просвѣщенія!—говоритъ третій.

Излишество просвѣщенія!

Отсутствіе религіознаго чувства!

Фанатизмъ!

Но кто вы, вы, гордые истолкователи таинства жизни? Я не вѣрю вамъ и имѣю право не вѣрить! Нечисты слова ваши, и подъ ними скрываются еще менѣе-чистыя мысли.

Ты говоришь мнѣ о законѣ природы; но какъ угадалъ ты его? Пророкъ непризванный! гдѣ твое знаменіе?

Ты говоришь мнѣ о пользѣ просвѣщенія? Но твои руки окровавлены.

Ты говоришь мнѣ о вредѣ просвѣщенія? Но ты косноязыченъ, твои мысли не вяжутся одна съ другою, — природа темна для тебя, — ты самъ не понимаешь себя!

Ты говоришь мнѣ о формѣ правленія? Но гдѣ та форма, которою ты доволенъ?

Ты говоришь мнѣ о религіозномъ чувствѣ? Но смотри—черное платье твое опалено костромъ, на которомъ терзался братъ твой; его стенанія невольно вырываются изъ твоей гортани вмѣстѣ съ твоею сладкою рѣчью.

Ты говоришь мнѣ о фанатизмѣ? Но смотри—душа твоя обратилась въ паровую машину. Я вижу въ тебѣ винты и колеса, но жизни не вижу!

Прочь, оглашенные! нечисты слова ваши: въ нихъ дышатъ темныя страсти! Не вамъ оторваться отъ житейскаго праха, не вамъ проникнуть въ глубину жизни! Въ пустынѣ души вашей вѣютъ тлетворные вѣтры, ходитъ черная язва и ни одного чувства не оставляетъ незараженнымъ!

Не вамъ, дряхлые сыны дряхлыхъ отцовъ, просвѣтить умъ нашъ. Мы знаемъ васъ, какъ вы насъ не знаете; мы въ тишинѣ наблюдали ваше рожденіе, ваши болѣзни, и предвидимъ вашу кончину; мы плакали и смѣялись надъ вами, мы знаемъ ваше прошедшее.... но знаемъ ли свое будущее?»

Читатель, вѣроятно, уже догадался, что всѣ эти прекрасныя вещи успѣли пробѣжать въ головѣ Ростислава въ тысячу разъ скорѣе, нежели во сколько я могъ разсказать ихъ,—и дѣйствительно,

онѣ продолжались не болѣе того промежутка, который бываетъ между двумя танцами.

Два пріятеля подошли къ Ростиславу.

«Что ты нашелъ въ этомъ окошкѣ?»

«О чемъ ты задумался?» спросили они.

— О судьбѣ человѣчества! отвѣчалъ Ростиславъ важнымъ голосомъ.

«Подумай лучше о судьбѣ нашего ужина», возразилъ Викторъ: «здѣсь танцовальные мученики затѣваютъ еще контрадансъ до ужина.»

— До ужина? Злодѣи!.... Слуга покорный!

«Поѣдемъ къ Фаусту».

Надобно предувѣдомить благосклоннаго читателя, что Фаустомъ они называли одного изъ своихъ пріятелей, который имѣлъ странное обыкновеніе держать у себя черную кошку, по нѣскольку дней сряду не брить бороды, разсматривать въ микроскопъ козявокъ, дуть въ плавильную трубку, запирать дверь на крючокъ и по цѣлымъ часамъ прилежно заниматься, кажется, обтачиваніемъ ногтей, какъ говорятъ свѣтскіе люди.

—Къ Фаусту? отвѣчалъ Ростиславъ:—прекрасно; онъ мнѣ поможетъ разрѣшить задачу.

«Онъ намъ дастъ ужинать.»

«У него можно курить.»

Къ нимъ присоединились еще нѣсколько человѣкъ, и всѣ вмѣстѣ отправились къ Фаусту.

Садясь въ карету, Ростиславъ остановился на подножкѣ.

«Послушайте, господа!» сказалъ онъ: «вѣдь карета есть важное произведеніе просвѣщенія?»

— Какое тутъ просвѣщеніе! закричали его нетерпѣливые спутники: — двадцать градусовъ мороза; садись скорѣе!

Ростиславъ послушался, но продолжалъ: «Да! карета есть важное произведеніе искусства. Вы, укрываясь въ ней отъ вѣтра, дождя и снѣга, вѣрно никогда не думали, какіе успѣхи въ наукахъ были необходимы для созданія кареты!»

Сперва всѣ захохотали, но потомъ, когда начали разбирать по частямъ это высокое произведеніе,— то нашли, что для рессоръ надобно было взрывать рудники, для сукна воспитать мериносовъ и изобрѣсть ткацкій станъ, для кожи открыть свойства дубильнаго вещества, для красокъ—почти всю химію, для дерева—существовать мореплаванію, Коломбу открыть Америку, и проч. и проч. Словомъ, нашлося, что почти всѣ науки и искусства и почти всѣ великіе люди были необходимы для того, чтобы мы могли спокойно сидѣть въ каретѣ, а это дѣло, кажется, теперь такъ просто, такъ сподручно для каждаго ремесленника... Между-тѣмъ глубокомысленный предметъ нашихъ изъисканій остановился у подъѣзда.

Фаустъ, по своему обыкновенію, еще не спалъ, сидѣлъ въ креслахъ невыбритый; передъ нимъ черный котъ, разнаго рода ножницы, ножички, подпилки, щеточки и пемза, которую онъ всѣмъ рекомендовалъ, какъ самое лучшее средство для отдѣлки

ногтей, потому что, послѣ нея ногти не ломаются, не задираются, и словомъ, не производятъ ни одного изъ тѣхъ огорченій, которыя могутъ нарушить спокойствіе человѣка въ этой жизни.

«Что есть просвѣщеніе?»

«Нельзя ли ужинать?»

«Что есть карета?»

«Нельзя ли цигару?»

«Отъ чего мы куримъ табакъ?» прокричали вмѣстѣ нѣсколько голосовъ.

Фаустъ, ни мало не смѣшавшись, поправилъ на головѣ колпакъ, и отвѣчалъ: «Ужинать я вамъ не дамъ, потому что я самъ не ужинаю; чай можете сдѣлать сами въ машинѣ à pression froide,—прекрасная машина, жаль только, что чай въ ней бываетъ очень дуренъ; на вопросъ отъ чего мы куримъ,—я буду вамъ отвѣчать, когда вы добьетесъ отъ животныхъ, почему они не курятъ; карета есть механическій снарядъ для употребленія людей, пріѣзжающихъ въ четыре часа ночи; что же касается до просвѣщенія, то я собираюсь ложиться спать—и гашу свѣчки.

НОЧЬ ВТОРАЯ.

На другой день около полуночи, толпа молодыхъ людей снова вбѣжала въ комнату Фауста. «Ты напрасно вчера прогналъ насъ», сказалъ Ростиславъ: «у насъ поднялся такой споръ, какого еще никогда не было. Представь себѣ, я завозилъ Вечеслава домой; на подножкѣ кареты онъ остановился, а мы все еще продолжали спорить, да такъ, что всполошили всю улицу».

— Что же васъ такъ встревожило? спросилъ Фаустъ, лѣниво потягиваясь въ креслахъ.

«Бездѣлица! Каждый день мы толкуемъ о нѣмецкой философіи, объ англійской промышленности, о европейскомъ просвѣщеніи, объ успѣхахъ ума, о движеніи человѣчества, и проч. и проч.; но до сихъ поръ мы не спохватились спросить одного: что́ мы за колесо въ этой чудной машинѣ? что́ намъ оставили на долю наши предшественники? словомъ: что такое мы?»

— Я утверждаю, сказалъ Викторъ:—что этотъ вопросъ не можетъ существовать, или отвѣтъ на него самый простой: мы, во-первыхъ, люди. Мы

пришли позже другихъ,—дорога проложена, и мы, волею или неволею, должны идти по ней...

Ростиславъ. — Прекрасно! Это точно книга, надъ которою человѣкъ трудится въ продолженіи сорока лѣтъ, и въ которой наконецъ очень благоразумно объявляетъ читателю: «Мм! Гг! одинъ сказалъ одно, другой — другое, третій — третье; что же касается до меня, то я ничего не говорю»...

«И это не дурно для справокъ», замѣтилъ Фаустъ: «все въ жизни нужно; но дѣло въ томъ: точно ли ничего не осталось сказать?»

«Да зачѣмъ и говорить?» возразилъ Вечеславъ: «все это вздоръ, господа. Чтобъ говорить, надобно, чтобъ слушали; вѣкъ слушанья прошелъ: кто кого будетъ слушать? да и объ чемъ хлопотать?— Міръ безъ насъ начался, безъ насъ и кончится. Я объявляю вамъ, что мнѣ наскучили всѣ эти безплодныя философствованія, всѣ эти вопросы о началѣ вещей, о причинѣ причинъ. Повѣрьте мнѣ, все это пустошь въ сравненіи съ хорошимъ бифштексомъ и бутылкой лафита; они мнѣ напоминаютъ лишь басню Хемницера «Метафизикъ».

— Хемницеръ, замѣтилъ Ростиславъ:—не смотря на свой талантъ, былъ въ этой баснѣ рабскимъ отголоскомъ нахальной философіи своего времени. Онъ вѣроятно самъ не предвидѣлъ, до какой мѣры это прославленіе холоднаго эгоизма подѣйствуетъ на молодыя головы; въ этой баснѣ лицо, заслуживающее уваженія, есть именно Метафизикъ, который не видалъ ямы подъ своими ногами, и сидя

въ ней по-горло, забывая о себѣ, спрашиваетъ о снарядѣ для спасенія погибающихъ, и о томъ, что̀ такое время. Тотъ же, кто на эти вопросы отвѣчаетъ грубою насмѣшкою, напоминаетъ мнѣ тѣхъ благоразумныхъ людей, которые во время французской революціи на просьбу несчастнаго и славнаго Лавуазье—окончить начатый имъ опытъ, отвѣчали, что мудрая республика не нуждается въ химическихъ опытахъ. Что же касается до бифштекса и лафита, то ты совершенно правъ — до тѣхъ поръ, пока сидишь за столомъ; но, къ сожалѣнію, человѣку такъ трудно все совершенное, что ему даже недостаетъ способовъ совершенно оскотиться; кажется, онъ живьёмъ предался чувственности, все забыто—опьянѣніе полно, а грусть стучится къ нему въ сердце, грусть нежданная, непонятная; онъ силится отклонить, разгадать ее, и снова оживаетъ душа въ огрубѣломъ тѣлѣ, умъ проситъ жизни, мысль образа, и смущенный, стыдливый духъ человѣка снова бьется о непостижимыя двери райскихъ селеній.

«Отъ того, что мы глупы!» возразилъ Вячеславъ.

— Нѣтъ! вскричалъ Фаустъ:—отъ того, что мы люди; какъ ни вертись, отъ души не отвертишься. Смотри-ка, на что натолкнулась химія, гордая химія, которая хотѣла вѣрить только тому, что̀ могла ощупать! Ея матеріальные пріемы сокрушились предъ этою странною силою природы, которая изъ смѣси угля, воды и азота составила всѣ виды растительнаго и животнаго царства.—«Взвѣшивайте,

опредѣляйте составъ веществъ, и мы откроемъ всю природу!» говорили химики въ своемъ матеріальномъ безуміи и наконецъ открыли тѣла одинакого состава и различныхъ свойствъ, одинакихъ свойствъ и различнаго состава.... они натолкнулись на жизнь!— Какая насмѣшка надъ нашимъ осязаніемъ! какой урокъ житейскому разуму! — Зачѣмъ мы живемъ? спрашиваете вы. Трудный и легкій вопросъ. Можетъ быть, на него можно отвѣчать однимъ словомъ; но этого слова вы не поймете, если оно само не выговорится въ душѣ вашей.... Вы хотите, чтобы васъ научили истинѣ?—Знаете ли великую тайну: истина не передается! Изслѣдуйте прежде: что́ такое значитъ *говорить?* Я, по крайней мѣрѣ, убѣжденъ, что говорить есть не иное что, какъ возбуждать въ слушателѣ его собственное внутреннее слово: если его слово не въ гармоніи съ вашимъ— онъ не пойметъ васъ; если его слово свято—ваши и худыя рѣчи обратятся ему въ пользу; если его слово лживо — вы произведете ему вредъ съ лучшимъ намѣреніемъ (*). Неоспоримо, что словомъ исправляется слово; но для того дѣйствующее слово должно быть чисто и откровенно,—а кто поручится

(*) Мысль, почерпнутая Фаустомъ изъ сочиненія Пордеча и Philosophi inconnu; Фаустъ часто раза три или четыре цитуетъ этихъ сочинителей, не называя ихъ—ибо боится упрека въ мистицизмѣ и томъ что онъ поддался вліянію не Нѣмецкаго Философа, что въ эту эпоху казалось непростительнымъ.

Эпоха изображенная въ Русскихъ ночахъ—есть тотъ моментъ XIX вѣка, когда Шеллингова Философія перестала удовлетворять искателей истины, и они разбрелись въ разныя стороны.

за полную чистоту своего слова?—Вотъ вамъ побасёнка въ родѣ Хемницера: на улицѣ стоялъ человѣкъ слѣпой, глухой и нѣмой отъ рожденія; лишь два чувства ему были оставлены природою: обоняніе и осязаніе; что́ открывало ему чутье, то́ непремѣнно ему хотѣлось ощупать, и когда это было невозможно, глухо-нѣмой слѣпецъ ужасно сердился и даже въ досадѣ билъ костылемъ прохожихъ. Однажды добрый человѣкъ подалъ ему милостыню; слѣпецъ почуялъ, что то была золотая монета, и обрадовался безъ ума, почелъ себя первымъ богачемъ въ свѣтѣ, отъ радости принялся прыгать... но радость его была непродолжительна: онъ уронилъ монету! Въ отчаяніи тщетно онъ шарилъ и въ углу стѣны и вокругъ себя по землѣ, и рукою и костылемъ, тщетно роталъ, тщетно жаловался; часто онъ чуялъ запахъ монеты, казалось, близко — тщетная надежда: монета была ненаходима! Какъ спросить о ней у прохожихъ? какъ услышать, что́ они скажутъ? Тщетно тѣлодвиженіями онъ умолялъ окружающихъ помочь его горю: одни ни понимали его, другіе надъ нимъ смѣялись, третьи говорили ему, но онъ не слыхалъ ихъ. Мальчишки со смѣхомъ дергали его за платье; онъ еще болѣе принимался сердиться и, въ гнѣвѣ гоняясь за ними съ костылемъ своимъ, забывалъ даже о своей монетѣ. Такъ провелъ онъ цѣлый день въ непрестанномъ терзаніи; къ вечеру усталый онъ возвратился домой и бросился на груду камней, служившихъ ему постелью; вдругъ онъ по-

чувствовалъ, что монета покатилась по немъ и— укатилась подъ камни — на сей разъ уже невозвратно: она была у него за пазухой! . . . . Кто мы, если не такіе же глухіе, нѣмые и слѣпые отъ рожденія? Кого мы спросимъ, гдѣ наша монета? Какъ поймемъ, если кто намъ и скажетъ, гдѣ она? Гдѣ наше слово? Гдѣ слухъ нашъ? Между-тѣмъ усердно мы шаримъ вокругъ себя на землѣ и забываемъ только одно: посмотрѣть у себя за пазухой. . . . Вашъ вопросъ не новость. Многіе ломали надъ нимъ голову. У меня были въ молодости два пріятеля, которые наткнулись на тотъ же вопросъ; только имъ показалось, что отвѣчать: зачѣмъ живемъ мы? — можно тогда только, когда рѣшимъ: зачѣмъ живутъ *другіе?* Изслѣдовать *другихъ* во всѣхъ, или по крайней мѣрѣ въ важнѣйшихъ фазахъ земной жизни показалось имъ предметомъ любопытнымъ. Это было давно, въ самый разгаръ Шеллинговой философіи. Вы не можете себѣ представить, какое дѣйствіе она произвела въ свое время, какой толчокъ она дала людямъ, заснувшимъ подъ монотонный напѣвъ Локковыхъ рапсодій.

Въ началѣ XIX вѣка, Шеллингъ былъ тѣмъ же, чѣмъ Христофоръ Коломбъ въ XV: онъ открылъ человѣку неизвѣстную часть его міра, о которой существовали только какія-то баснословныя преданія — *его душу*! Какъ Христофоръ Коломбъ, онъ нашелъ не то, чего искалъ; какъ Христофоръ Коломбъ, онъ возбудилъ надежды неисполнимыя. Но, какъ Христофоръ Коломбъ, онъ далъ новое на-

правленіе дѣятельности человѣка! Всѣ бросились въ эту чудную, роскошную страну, кто возбужденный примѣромъ отважнаго мореплавателя, кто ради науки, кто изъ любопытства, кто для поживы. Одни вынесли оттуда много сокровищъ, другіе лишь обезьянъ да попугаевъ, но многое и потонуло.

Мои молодые друзья также участвовали въ общемъ движеніи, трудились въ потѣ лица, и хотите-ли знать до чего дошли они?—Ихъ исторія любопытна: будете-ли имѣть терпѣніе ее выслушать?

Всѣ изъявили согласіе. Викторъ закурилъ сигару и важно усѣлся въ креслахъ; Вечеславъ насмѣшливо наклонился на столъ и принялся рисовать каррикатуры; Ростиславъ задумчиво прижался въ уголокъ дивана.

— Видите, сказалъ Фаустъ:—имъ такъ же, какъ вамъ, досталась по наслѣдству отъ внуковъ Адамовыхъ несчастная страсть, слабость, родъ болѣзни—смертная охота обо всемъ спрашивать. Еще въ дѣтствѣ, ихъ часто бранили и наказывали, когда они надоѣдали учителямъ съ вопросами: зачѣмъ огонь горитъ вверхъ, а вода бѣжитъ внизъ? зачѣмъ треугольникъ не кругъ, а кругъ не треугольникъ? зачѣмъ человѣкъ выходитъ изъ нѣдръ матери лицемъ къ землѣ, а потомъ постоянно возводитъ глаза къ небу? и прочее, тому подобное. Тщетно доказывали имъ, что на свѣтѣ существуютъ два рода вопросовъ: одни, которыхъ разрѣшеніе знать нужно и полезно, и другіе, которые можно отложить въ сторону. Такое раздѣленіе казалось имъ весьма

разсудительнымъ, весьма сподручнымъ для жизни, даже весьма логическимъ; а между тѣмъ душа ихъ не умолкала.

Странны имъ казались пошлыя фразы стараго и новаго язычества: счастіе человѣка невозможно! истина не дана человѣку! постигнуть начальную причину вещей невозможно! сомнѣніе — удѣлъ человѣка! нѣтъ правила безъ исключеній!»

Въ истертыхъ листкахъ одной старой забытой книги, юношамъ встрѣтилось наблюденіе, сильно ихъ поразившее. Съ симъ словомъ Фаустъ вынулъ изъ стараго портфеля листокъ, на которомъ было написано слѣдующее:

«Не напрасно человѣкъ ищетъ той точки опоры, гдѣ могли бы примириться всѣ его желанія, гдѣ всѣ вопросы, его возмущающіе, могли бы найдти отвѣтъ, всѣ способности получить стройное направленіе. Для его счастія необходимо одно: свѣтлая, обширная аксіома, которая обняла бы все и спасла бы его отъ муки сомнѣнія; ему нуженъ свѣтъ незаходимый и неугашаемый, живой центръ для всѣхъ предметовъ,—словомъ, ему нужна истина, но истина полная, безусловная. Не даромъ, также, въ устахъ человѣка сохранилось повѣрье, что можно желать только того, чтó знаешь; одно это желаніе не свидѣтельствуетъ ли, что человѣкъ имѣетъ понятіе о такой истинѣ, хотя не можетъ себѣ отдать въ ней отчета? иначе, откуда бы этому желанію пробраться въ его душу? Одно это предчувствіе полной истины не свидѣтельствуетъ ли, что есть какое-то

основаніе для этого предчувствія, ка̀къ бы ни было оно темно и сбивчиво, ка̀къ бы ни было похоже на грезы, или на тотъ обманъ чувствъ, когда шарикъ подъ скрещенными пальцами кажется намъ раздвоеннымъ, что́, однакоже, даетъ намъ убѣжденіе въ томъ, что шарикъ дѣйствительно существуетъ.

«Равное объемлется равнымъ; если существуетъ влеченіе, то долженъ быть и предметъ привлекающій, предметъ одного сродства съ человѣкомъ, къ которому тянется душа человѣка, какъ предметы земной поверхности притягиваются къ центру земли; потребность полнаго блаженства свидѣтельствуетъ о существованіи сего блаженства; потребность свѣтлой истины свидѣтельствуетъ о существованіи сей истины, а равно и то, что темнота, заблужденія, сомнѣніе противны природѣ человѣка; стремленіе человѣка постигнуть причину причинъ, проникнуть въ средоточіе всѣхъ существъ,— потребность благоговѣнія, свидѣтельствуютъ, что есть предметъ, въ который довѣрчиво можетъ погрузиться душа; словомъ, желаніе жизни полной свидѣтельствуетъ о возможности такой жизни, свидѣтельствуетъ, что лишь въ ней душа человѣка можетъ найдти успокоеніе.

«Грубое дерево, послѣдняя былинка, каждый предметъ грубой временной природы, доказываютъ существованіе закона, который ведетъ ихъ прямо къ той степени совершенства, къ которой они способны; съ начала вѣковъ, несмотря на всѣ пагубныя вліянія, ихъ окружающія, естествен-

ныя тѣла развивались въ тысячѣ поколѣніяхъ,— стройно и однообразно, и всегда достигали до полнаго своего развитія.

«Не-уже-ли высшая сила лишь человѣку дала одно безотвѣтное желаніе, не удовлетворимую потребность, безпредметное стремленіе?» (*)

Эти вопросы, продолжалъ Фаустъ, привели моихъ искателей къ другому, довольно-странному: не ошиблись ли люди въ истинномъ пути къ влекущему ихъ предмету? или они знали его, но забыли—и тогда какъ вспомнить? Вопросы страшные, мучительные для мыслящаго духа!

Между тѣмъ, однажды, учитель объявилъ моимъ искателямъ, что они прошли и грамматику, и исторію, и поэзію, и что наконецъ они будутъ учиться такой наукѣ, которая рѣшитъ всѣ возможные вопросы, и что эта наука называется философіей.

Юноши были внѣ себя отъ изумленія, и готовы были спросить, что́ такое грамматика? что́ такое исторія? что́ такое поэзія? Но вторая половина

(*) Въ этихъ строкахъ заключается почти вся теорія du Philosophi inconnu,—знаменитаго St. Martin—котораго обыкновенно смѣшиваютъ съ Португальцемъ: Martinez de Pasqualis, основателемъ секты Мартинистовъ. St. Martin нѣкоторое время былъ его ученикомъ, но потомъ оставилъ его, и, можетъ быть, именно потому что зналъ всѣ тайны секты, — былъ всегда противникомъ всѣхъ возможныхъ сектъ и не принадлежалъ ни къ какой. Довольно замѣчательно, что это обстоятельство осталось незамѣченнымъ, даже для людей такой учености, каковой былъ Шеллингъ. Однажды въ разговорѣ съ нимъ мы коснулись этого предмета, и онъ съ обыкновенною своей откровенностію признался, что и онъ мѣшалъ St. Martin съ Мартинецомъ.

учительскаго объявленія такъ ихъ утѣшила, что они на этотъ разъ рѣшились промолчать и исподтишка наготовить многое множество вопросовъ для своей новой науки.

И вотъ, одинъ учитель принесъ имъ Баумейстера, другой Локка, третій Дюгальда, четвертый Канта, пятый Фихте, шестой Шеллинга, седьмой Гегеля. Какое раздолье! Спрашивай о чемъ хочешь—на все отвѣтъ. И еще какой! Одѣтый въ силлогистическую форму, испещренный цитатами, съ правами на древность происхожденія, обдѣланный, обточенный.

Въ-самомъ-дѣлѣ, на этомъ пути наши искатели имѣли минуты восхитительныя, минуты небесныя, которыхъ сладости не можетъ понять тотъ, кого не томила душевная жажда, кто не припадалъ горячими устами къ источнику мыслей, не упивался его магическими струями, кто, еще не возмужавши, успѣлъ растлить умъ сладострастіемъ расчета, кто съ раннихъ лѣтъ отдалъ сердце въ куплю, и на торжищѣ ежедневной жизни опрокинулъ сокровищницу души своей.

Счастливыя, небесныя минуты! Тогда, для юноши, философъ говоритъ съ сердечнымъ убѣжденіемъ; тогда, юношѣ въ стройной системѣ представляется вся природа; тогда вы не хотите сомнѣваться,—все ясно! все понятно вамъ!

Счастливыя мгновенія, предвѣстницы рая! зачѣмъ такъ скоро вы улетаете?

Чтобъ удобнѣе преслѣдовать предметъ своихъ

изъисканій, чтобы повѣрить его въ его развитіяхъ, чтобъ достигнуть той цѣли, которая нарушала сонъ ихъ и тяготила бдѣніе, мои молодые друзья раздѣлили свои труды: одинъ предался наукамъ, и главнѣйшею изъ нихъ избралъ политическую экономію, какъ науку, гдѣ теорія требуетъ самыхъ осязаемыхъ примѣненій; другой искусствамъ, и главнѣйшимъ избралъ себѣ музыку, какъ искусство, котораго языкъ выражаетъ внутреннѣйшія ощущенія человѣка, невыразимыя словами. Они мнили, съ этихъ противоположныхъ предѣловъ дѣятельности человѣческой, прослѣдить всю жизнь и встрѣтиться въ разрѣшеніи тѣхъ задачъ, которыя Провидѣніе предоставило труду человѣка.

Изъискателямъ попадались книги и люди, изъ которыхъ одни увѣряли ихъ, что человѣчество достигло послѣдней степени своего совершенства, что все объяснено, все сдѣлано, и ничего болѣе ни дѣлать, ни объяснять не остается; другіе—что человѣчество не сдѣлало ни шагу со временъ своего паденія; что оно двигалось, но не подвигалось; третьи—что хотя человѣчество и не достигло до совершенства, однако въ наше время рѣшенъ по-крайней-мѣрѣ вопросъ, какимъ образомъ отличать истину отъ бредней, дѣльное отъ недѣльнаго, важное отъ неважнаго; что въ наше время уже сдѣлалось непростительнымъ человѣку, какъ говорятъ, образованному, не умѣть опредѣлить себѣ круга занятій и не знать цѣли, къ которой онъ долженъ стремиться; что, наконецъ, если человѣчество можетъ

еще подвинуться къ совершенству, то не иначе, какъ слѣдуя тому пути, который оно себѣ теперь избрало.

Защитники настоящаго времени, сверхъ-того, утверждали, что, допуская все несовершенство, которое будто-бы естественнымъ образомъ связано со всѣми дѣлами человѣческими, все нельзя не признать того, что разбросанныя философическія системы древнихъ мыслителей нынѣ замѣнены стройными системами; что въ медицинѣ мѣсто недоконченныхъ опытовъ и сказокъ заступили стройныя теоріи, гдѣ всѣ возможныя болѣзни человѣка подведены подъ разряды, гдѣ для каждой пріискано приличное названіе, каждой опредѣленъ способъ леченія; что астрологія у насъ обратилась въ астрономію, алхимія въ химію, магическая восторженность въ болѣзнь, излѣчимую хорошо-разсчитанными микстурами; что въ искусствахъ—поприще поэта освобождено отъ предразсудковъ, замедлявшихъ полетъ его, и положены лишь необходимыя границы его свободѣ; наконецъ, въ устройствѣ общества развѣ безопасность не замѣнила прежнихъ смутъ, и вообще, права между народами и частными людьми не опредѣлены ли съ большею точностью? Въ самыхъ мелкихъ явленіяхъ общества, даже въ одеждѣ, развѣ просвѣщеніе не устранило всѣхъ прежнихъ нелѣпыхъ требованій, которыя столько же, какъ и тогдашнія мнѣнія, связывали всякое движеніе и дѣлали сходбища людей тягостною работою? А книгопечатаніе? А паровыя

машины? А желѣзныя дороги? Развѣ не раздвинули онѣ круга дѣятельности человѣка и не показываютъ славныхъ побѣдъ, одержанныхъ имъ надъ противоборствующей ему природой?

Такъ! восклицали они: XIX вѣкъ понялъ, въ чемъ состоитъ задача, заданная ему Провидѣніемъ!

Все это заставило неразъ задуматься моихъ молодыхъ наблюдателей. Между-тѣмъ время проходило, юноши становились мужами, а ихъ вопросы.... вопросы не находили отвѣта. Невольно снова заглянули они въ истертые листки старой забытой книги — и вопросы ихъ разрослись еще сильнѣе, какъ ростокъ, попавшій въ плодоносную землю. Состояніе души моихъ молодыхъ искателей довольно-хорошо выражается въ оставшейся послѣ нихъ небольшой тетрадкѣ съ довольно страннымъ эпиграфомъ:

Humani generis mater, nutrixque profecto *dementia* est.

Я прочту вамъ изъ нея нѣсколько отрывковъ:

Desiderata.

«Какъ! Медицина на послѣдней степени совершенства, но причина здравія, причина болѣзни, образъ дѣйствія лѣкарства, — все остается загадкою? Врачъ подаетъ больному цѣлебный фіалъ, и не знаетъ, что́ совершается въ этомъ самомъ фіалѣ, кольми паче, что́ совершается во внутренности организма. Лѣкарство удалось или не удалось, чело-

вѣкъ не знаетъ причины. Тщетно онъ вопрошаетъ трупъ другого человѣка: трупъ молчитъ, или даетъ отвѣты, которые лишь приводятъ въ сомнѣніе о дѣйствіяхъ жизни; — гордый своимъ знаніемъ мертваго, врачъ подходитъ къ живому страдальцу, съ ужасомъ видитъ то, чего не предвидѣла его наука, и съ отчаяніемъ увѣряется, что его наука лишь начинается въ сію минуту; онъ вышелъ за двери—въ глаза ему является губительная зараза, которая умерщвляетъ жителей тысячами, а изумленный сынъ Эскулапа провожаетъ ея шествіе остолбенѣлыми глазами, не зная даже, ка̀къ назвать новаго, страшнаго путника.

«Математика на высшей степени совершенства! Длинными окольными путями она приводитъ насъ къ нѣсколькимъ формуламъ, изъ которыхъ однѣ вовсе непримѣняемы, другія примѣняемы только приблизительно; другими словами, математика приводитъ насъ къ дверямъ истины, но самихъ дверей не отворяетъ. При всякомъ математическомъ процессѣ, мы чувствуемъ, что къ нашему существу присоединяется какое-то другое, чуждое, которое трудится, думаетъ, вычисляетъ, а между-тѣмъ наше истинное существо какъ-бы перестаетъ дѣйствовать, и, не принимая никакого участія въ этомъ процессѣ, какъ въ дѣлѣ постороннемъ, ждетъ своей собственной пищи, а именно, связи, которая должна существовать между нимъ и этимъ процессомъ: — этой-то связи мы и не находимъ. Такъ математика держитъ насъ на привязи; она дозво-

ляетъ намъ считать, вѣсить и мѣрить, но не пускаетъ ни на шагъ изъ своего искусственнаго, страдательнаго круга; тщетно мы просимся въ міръ дѣйствующій, въ ту сферу, которая не обнимается, но обнимаетъ; тщетно хотѣли бы мы повѣрить сферу страдательную сферою дѣйствующею—тамъ нѣтъ сродства для математики; ея точный, единственно-вѣрный языкъ остается для нея одной; тщетно другія науки выпрашиваютъ нѣсколько формулъ отъ роскошнаго стола ея выраженій: она считаетъ цифры, а внутреннее число предметовъ остается для нея недосягаемымъ.

«Физика, это торжество XIX вѣка, достигла высшей степени совершенства. Съ гордостію толкуемъ мы объ открытой нами силѣ тяготѣнія; но въ сей силѣ мы открыли одну только мертвую сторону — паденіе; другая же дѣйствующая сторона сей силы, та, которая содѣйствуетъ къ образованію тѣла, нами забыта и мы для объясненія живого тяготѣнія не хотимъ обратить вниманія на то, что для мертвой массы нѣтъ никакой причины тяготѣть къ другой, также мертвой; что мертвыя массы не ищутъ другъ друга и соединяются безъ всякаго желанія; что это знаменитое тяготѣніе должно бы, въ собственномъ смыслѣ, произвести не стройную гармонію, которая, вопреки нашей логики, насъ поражаетъ въ природѣ, но совершенный хаосъ. Сіе живое тяготѣніе укрылось отъ физиковъ, и нѣтъ явленія, для котораго бы не существовало тысячи противоположныхъ объясненій. Какъ ре-

месленники, мы хватаемся то за то, то за другое орудіе, а природа издѣвается надъ нами и при каждомъ шагѣ впередъ отталкиваетъ насъ на два шага назадъ.

«Химія на высшей степени совершенства. Мы пережгли всѣ произведенія природы, но которое изъ нихъ мы возстановили? которое объяснили? Поняли ли мы внутреннюю связь между веществами? чтó такое ихъ сродство, ихъ таинственныя соотношенія,—и то еще на низшей степени природы, посреди грубыхъ минераловъ? А чтó дѣлается съ химіей при видѣ жизни органической? то, чтó открыли въ природѣ неорганической, — лишь смѣшиваетъ понятія о живой природѣ. Ни одна нить ея покрова не приподнята; мы населили природу собственными произведеніями своей лабораторіи, дали одно имя различнымъ веществамъ, различныя имена одному веществу, тщательно описали ихъ,— и осмѣлились назвать это наукою!

«Астрономія на высшей степени совершенства. Вѣрно исчисливъ движеніе звѣздъ, она пытается приравнить ихъ взаимное притяженіе къ притяженію магнита, и не можетъ постигнуть, отъ-чего сила магнитнаго притяженія невычисляема; а магнитъ, кажется, подъ руками! Съ бóльшимъ успѣхомъ она сравнила природу съ мертвыми часами, тщательно описала всѣ ихъ колеса, шестерни и пружины; одного недостаетъ астрономіи — найдти ключъ, которымъ эти часы заводятся; астрономы даже и не заботятся о немъ; тщательно смотрятъ они на цифер-

блатъ, но стрѣлка не вертится, и на вопросъ: который часъ, въ самомъ дѣлѣ? астрономы принуждены отвѣчать, какъ нѣкогда въ мистическихъ ложахъ, явною нелѣпостію.

«А законы общества? Много безсонныхъ ночей провели люди въ размышленіи объ этомъ предметѣ! Много было споровъ, разрушившихъ согласіе между владыками людскихъ мнѣній! Много, много крови пролито для защиты идей, которыхъ существованіе ограничивалось двумя днями! Сперва нашлись тѣ, кому принадлежитъ честь изобрѣтенія фантома, который они осмѣлились назвать «человѣческимъ обществомъ»—и все принесено было въ жертву фантому, а привидѣніе осталось привидѣніемъ! Нашлись другіе. «Нѣтъ!» сказали они: «счастіе всѣхъ невозможно; возможно лишь счастіе большаго числа». И люди приняты за математическія цифры; составлены уравненія, выкладки, все предвидѣно, все расчислено; забыто одно, — забыта одна глубокая мысль, чудно уцѣлѣвшая только въ выраженіи нашихъ предковъ: счастіе *всѣхъ* и *каждаго*. И что же? внѣ общества беззаконныя войны, самое безнравственное изъ преступленій, наполняютъ страницы человѣческой исторіи; внутри общества, превращеніе всѣхъ законовъ Провидѣнія, холодный порокъ, холодное искусство, горячее, живое лицемѣріе, и безстыдное безвѣріе во все, даже въ совершенствованіе человѣчества.

«Странѣ, погрязшей въ нравственную бухгалтерію прошедшаго столѣтія, суждено было произве-

сти человѣка, который сосредоточилъ всѣ преступленія, всѣ заблужденія своей эпохи, и выжалъ изъ нихъ законы для общества, строгіе, одѣтые въ математическую форму. Этотъ человѣкъ, котораго имя должно сохранить для потомства, сдѣлалъ важное открытіе: онъ догадался, что природа ошиблась, разливъ въ человѣчествѣ способность размножаться, и что она никакъ не умѣла согласить бытія людей съ ихъ жилищемъ. Глубокомысленный мужъ рѣшилъ, что должно поправить ошибку природы и принести ея законы въ жертву фантому общества. «Правители!» восклицалъ онъ въ философскомъ восторгѣ: «мои слова не пустая теорія; моя система не слѣдствіе умозрѣній; я кладу ей въ основаніе двѣ аксіомы, — первая: человѣкъ долженъ ѣсть, — вторая: люди множатся. Вы не спорите?.... Вы согласны со мною?.... Такъ слушайте же: вы думаете о благоденствіи вашихъ подданныхъ; вы думаете о соблюденіи между ними законовъ Провидѣнія, объ умноженіи силъ вашего государства, о возвышеніи человѣческой силы? Вы ошибаетесь, какъ ошиблась природа. Вы спокойны, вы не видите, какое бѣдствіе она разлила вокругъ васъ. Смотрите, вотъ мои счеты: если ваше государство будетъ благоденствовать, если оно будетъ наслаждаться миромъ и счастіемъ, въ двадцать-пять лѣтъ число его жителей удвоится; чрезъ двадцать-пять еще удвоится; потомъ еще, еще.... Гдѣ же найдете вы въ природѣ средства доставить имъ пропитаніе? Правда, при увеличивающемся народонаселеніи

должно увеличиваться число работниковъ,—съ тѣмъ вмѣстѣ, должны увеличиваться и произведенія природы. Но какъ?. . . . Смотрите: я все предвидѣлъ, все разсчиталъ: народонаселеніе можетъ увеличиваться въ геометрической пропорціи, какъ 1, 2, 4, 8; произведенія же природы въ ариѳметической, какъ 1, 2, 3, 4 и проч. Не обольщайтесь же мечтами о мудрости Провидѣнія, о добродѣтели, о любви къ человѣчеству, о благотворительности; вникните въ мои выкладки: кто опоздалъ родиться, для того нѣтъ мѣста на пиру природы; его жизнь есть преступленіе. Спѣшите же препятствовать бракамъ; пусть развратъ истребитъ цѣлыя поколѣнія въ ихъ зародышѣ; не заботьтесь о счастіи людей и о мирѣ; пусть войны, моръ, холодъ, мятежи уничтожатъ ошибочное распоряженіе природы,—тогда только обѣ прогрессіи могутъ слиться, и, изъ преступленій и бѣдствій каждаго члена общества составится возможность существованія для самаго общества». И эти мысли никого не удивили; имъ возражали, какъ обыкновенному мнѣнію. . . . что́ я говорю? мысли Мальтуса, основанныя на грубомъ матеріализмѣ Адама Смита, на простой ариѳметической ошибкѣ въ расчетѣ,—съ высоты парламентскихъ каѳедръ, какъ растопленный свинецъ, катятся въ общество, пожигаютъ его благороднѣйшія стихіи и застываютъ въ нижнихъ слояхъ его (*). «Можетъ-быть есть, одно утѣшительное въ

(*) См. рѣчь лорда Брума въ засѣданіи парламента 16 декабря 1819.

этомъ явленіи: Мальтусъ есть послѣдняя нелѣпость въ человѣчествѣ. По этому пути дальше идти невозможно.

«Въ-самомъ-дѣлѣ, что́ такое наука въ наше время? Въ ней все рѣшено—все, кромѣ самой науки. Все доказано, все—и та и другая сторона, и ложь и истина, и да и нѣтъ, и просвѣщеніе и невѣжество, и гармонія міра и хаосъ созданія. Одна мысль разрослась, захватила огромное пространство, а другая стоитъ противъ нея, ей противоположная, столь же сильная, столь же доказанная, какъ власть противъ власти!.... И нѣтъ борьбы, — борьба кончилась. На полѣ битвы встрѣчаются блѣдные, изнеможенные ратники съ поникшими лицами, и болѣзненнымъ голосомъ спрашиваютъ другъ друга: гдѣ жъ побѣдители?—Нѣтъ побѣдителей! все мечта! Въ мірѣ идеальномъ, какъ въ грубомъ мірѣ вещества, растетъ репейникъ возлѣ розы, манцениллъ возлѣ кокоса, и не мѣшаютъ другъ другу!—Это ли совершенство, ожиданное людьми? Это ли совершенство, завѣщанное мудрыми? Это ли совершенство, предреченное святыми?

«А поэзія? Философическимъ ножомъ вы раскрыли составъ ея, разсѣкли таинственныя связи, которыми соединяются ея стихіи, разобрали ихъ, оцифровали, положили подъ стекло; вы взрыли пепелъ индійскій и греческій; вы отчистили ржавчину на кольчугахъ среднихъ вѣковъ и въ кладбищѣ исторіи хотѣли отъискать жизнь поэтическую. Вы пытаетесь начертать теорію живописи, а еще не

рѣшили вопросовъ: отъ чего мы невольно всякую степень красоты приравниваемъ къ красотѣ человѣка? отъ чего всѣ части тѣла могутъ быть покрыты безъ вреда человѣку, — кромѣ лица его? отъ чего все тѣло можетъ выдержать прикосновеніе грубаго вещества, — кромѣ глаза? отъ чего, въ минуту грусти, невольно склоняются взоры? отъ чего глазъ, всегда одинаковый, всегда по наружности неизмѣнный, служитъ выраженіемъ всѣхъ сокровеннѣйшихъ степеней человѣческаго чувства и даетъ характеръ всей физіономіи? словомъ: чтó такое выраженіе глаза? Ты не ошибался ли, великій поэтъ, когда передъ смертію возвѣщалъ, что съ тобой кончился вѣкъ поэзіи? Не на оборотъ ли выразили вдохновенную мысль твои ослабѣвшіе органы, какъ бываетъ въ той странной болѣзни ума и воображенія, когда человѣкъ называетъ камень хлѣбомъ и змѣю рыбою? Не такъ говорили уста твои, когда, полный жизни, ты въ символахъ передавалъ намъ будущую судьбу человѣчества. Можетъ быть, истинный вѣкъ поэзіи и не наступилъ еще. Можетъ быть, ты самъ былъ случайнымъ гармоническимъ звукомъ, нечаянно вырвавшимся изъ хаоса нестройныхъ музыкальныхъ орудій. Не-уже-ли поэзія есть болѣзненный стонъ? Не-уже-ли удѣлъ совершенства — страданіе? Такъ, по вашему, страдаетъ и мудрость міровъ?. . . Преступная мысль, внушенная адомъ, трепещущимъ своего паденія! Одно мнимо-поэтическое язычество могло къ скалѣ приковать Промиѳея.

«Поэтъ!.... Поэтъ есть первый судія человѣчества. Когда, въ высокомъ своемъ судилищѣ, озаряемый купиной несгараемой, онъ чувствуетъ, что дыханіе бурно проходитъ по лицу его, тогда читаетъ онъ букву вѣка въ свѣтлой книгѣ всевѣчной жизни, провидитъ естественный путь человѣчества и казнитъ его совращеніе. Нынѣ ли вѣщій судья въ состояніи произнести неумытный судъ свой? Нынѣ ли, когда онъ сходитъ со ступеней своего престола такъ низко, что страждетъ вмѣстѣ съ другими, что дѣлитъ съ людьми скорбный хлѣбъ нищеты душевной, и забываетъ, гдѣ престолъ его, гдѣ его царственная трапеза, сомнѣвается въ ея существованіи?

«Странное зрѣлище представляютъ и наука и искусство, или, лучше сказать, что́ мы осмѣливаемся называть наукою и искусствомъ. Цѣлыя жизни проходятъ не въ изученіи ихъ, а въ томъ, чтобъ найти, какъ имъ изучиться. Онѣ, можетъ быть, предохраняютъ человѣка отъ нѣкоторыхъ заблужденій,—но не питаютъ его. Онѣ похожи на повязку, которою лѣнивая нянька обвила голову ребенка, чтобъ онъ, падая, не проломилъ себѣ черепа; но эта повязка не спасаетъ отъ частыхъ паденій, она не предохраняетъ тѣла отъ болѣзней и—что́ всего важнѣе—ни мало не способствуетъ его органическому развитію.

«И что́ же? въ темномъ мірѣ человѣческаго знанія, тѣ, которые рвутся въ глубину,—встрѣчаютъ лишь загадки; тѣ, которые довольствуются внѣш-

нею корою, переходятъ отъ мечты къ мечтѣ, отъ заблужденія къ звблужденію; тѣ, которымъ и эта внѣшняя кора недоступна, т.-е. простолюдины, съ каждымъ днемъ приближаются къ скотскому состоянію; мудрѣйшій умѣетъ только стонать и плакать на кладбищѣ человѣческихъ мыслей!

‹А между-тѣмъ, наша планета старѣетъ, безостановочно ходитъ равнодушный маятникъ времени, и каждымъ размахомъ увлекаетъ въ пучину вѣкà и народы. Природа дряхлѣетъ; испуганная, приподнимаетъ она передъ человѣкомъ свое тяжелое покрывало, показываетъ ему свои трепещущія мышцы, морщины, врѣзавшіяся въ лицо, и взываетъ къ человѣку; стонутъ ея песчаныя степи, помертвѣлыя отъ его удаленія; зоветъ его водная стихія, вытѣсненная изъ нѣдръ земли коралловыми островами; развалины безъименныхъ народовъ разсказываютъ страшную повѣсть о томъ, какая казнь ожидаетъ беззаботную лѣнь человѣка, допустившаго природу опередить себя. Громко и безпрерывно природа взываетъ къ силѣ человѣка: безъ силы человѣка нѣтъ жизни въ природѣ.

‹Мгновенія дороги. А еще есть люди, которые спорятъ между собою о своей силѣ, о дневныхъ заботахъ, какъ спорили византійскіе царедворцы во время нашествія варваровъ! Они сбираютъ свои скудельные сосуды, любуются ими, цѣнятъ и торгуютъ;— но уже у воротъ неистовый врагъ: уже колеблются утлыя зданія древней науки; уже грозитъ имъ палящій огонь, и скоро тучи холоднаго праха взо-

вьются надъ ея чертогами. Ниспадутъ они,—ничтожество поглотитъ все, чѣмъ гордилось могущество человѣка....»

Вотъ какія мечты тревожили друзей моихъ.— Эта іеремiада *продолжается* довольно *долго*; не бойтесь, я не буду читать ее всю, но постараюсь передать вамъ иное вполнѣ, иное экстрактомъ— только то, что́ нужно, дабы объяснить точку зрѣнія моихъ духоиспытателей.

Фаустъ читалъ:

«Между-тѣмъ возставали передъ нами видѣнія прошедшаго, рядами проходили мимо насъ святые мужи, заклавшіе жизнь свою на алтарѣ безкорыстнаго знанія,—мужи, которыхъ высокія мысли, какъ блистательныя кометы, разнеслись по всѣмъ сферамъ природы и хоть на мгновеніе озарили ихъ яркимъ свѣтомъ. Не-уже-ли труды, бдѣнія, жизнь этихъ мужей, были пустою насмѣшкою судьбы надъ человѣчествомъ? Сохранились преданія: когда человѣкъ былъ въ самомъ дѣлѣ царемъ природы; когда каждая тварь слушалась его голоса, потому-что онъ умѣлъ назвать ее; когда всѣ силы природы, какъ покорные рабы, пресмыкались у ногъ человѣка: не-уже-ли въ самомъ дѣлѣ человѣчество совратилось съ истиннаго пути своего и быстро, своевольно стремится къ своей погибели?»

Знаете ли, къ чему наконецъ этотъ долгій путь привелъ моихъ мечтателей?—Выведенные изъ терпѣнія этой громадой загадокъ, которыя являются

человѣку при развитіи всякой мысли,—они наконецъ спросили:

«Въ самомъ ли дѣлѣ мы понимаемъ другъ друга? Мысль не тускнетъ ли, проходя сквозь выраженіе? То ли мы произносимъ, чтó мыслимъ? Слухъ не обманываетъ ли насъ? То ли мы слышимъ, чтó произноситъ языкъ? Мысли высокихъ умовъ не подвергаются ли тому же оптическому обману, который безобразитъ для насъ отдаленные предметы?

«Простолюдинъ понимаетъ своего собрата, но не словà свѣтскаго человѣка; свѣтскіе люди понимаютъ другъ друга и не понимаютъ ученаго; и между учеными нѣкоторымъ удавалось писать цѣлыя книги съ твердою увѣренностію, что ихъ поймутъ только два или три человѣка во всемъ мірѣ. Соедините же оба конца этой цѣпи, поставьте простолюдина передъ выраженіемъ мысли мудрѣйшаго изъ смертныхъ: тотъ же языкъ, тѣ же слова,—а низшій обвинитъ высшаго въ безуміи! И послѣ этого, мы еще вѣримъ нашимъ выраженіямъ, мы не боимся предавать имъ своихъ мыслей? И мы осмѣливаемся думать, что смѣшеніе языковъ прекратилось?

«Одинъ изъ наблюдателей природы пошелъ еще далѣе: онъ возбудилъ сомнѣніе еще болѣе горестное для самолюбія человѣческаго; разсматривая психологическую исторію людей, которыхъ обыкновенно называютъ сумасшедшими, онъ утверждалъ, что нельзя провести вѣрной, опредѣленной черты между здравою и безумною мыслію. Онъ утверждалъ, что на всякую, самую безумную мысль, взя-

тую изъ дома сумасшедшихъ, можно отъискать равносильную, ежедневно обращающуюся въ свѣтѣ. Онъ спрашивалъ, какое различіе между увѣренностью одной женщины, что въ груди ея былъ цѣлый городъ съ башнями, колокольнымъ звономъ и теологическими диспутами, и мыслію Томаса Виллиса, автора извѣстной книги о сумасшедшихъ, что жизненные духи, находясь въ безпрерывномъ движеніи и сильно притекая къ мозгу, производятъ въ немъ взрывы, подобно пороху? Какое различіе между понятіемъ одного сумасшедшаго, что когда онъ движется, движутся всѣ предметы вокругъ его, и доказательствами Птоломея, что вся солнечная система обращается вокругъ земли? Какое различіе между бѣдною дѣвушкой, которая почитала себя приговоренною къ смертной казни, и мыслію Мальтуса, что голодъ долженъ наконецъ погубить всѣхъ жителей земнаго шара?

«Состояніе сумасшедшаго не имѣетъ ли сходства съ состояніемъ поэта, всякаго генія-изобрѣтателя?

«Въ самомъ дѣлѣ, что́ замѣчаемъ мы въ сумасшедшихъ?

«Въ нихъ всѣ понятія, всѣ чувства собираются въ одинъ фокусъ; у нихъ частная сила одной какой-нибудь мысли втягиваетъ въ себя все сродственное этой мысли изъ всего міра; получаетъ способность, такъ-сказать, отрывать части отъ предметовъ, тѣсно соединенныхъ между собою для здороваго человѣка, и сосредоточивать ихъ въ ка-

кой-то символъ. Мы говоримъ—понятія сумасшедшихъ нелѣпы: но ни какой здоровый человѣкъ не въ состояніи собрать въ одинъ пунктъ столько многоразличныхъ идей о предметѣ. И это явленіе, нельзя не сознаться, весьма подобно тому мгновенію, въ которое человѣкъ дѣлаетъ какое-либо открытіе, потому что для всякаго открытія нужно пожертвовать тысячами понятій, общепринятыхъ и кажущихся справедливыми: отъ того не было почти ни одной новой мысли, которая бы, въ минуту своего появленія, не казалась бреднями; нѣтъ ни одного необыкновеннаго происшествія, которое бы въ первый моментъ не возбуждало сомнѣнія; нѣтъ ни одного великаго человѣка, который бы, въ часъ зарожденія въ немъ новаго открытія, когда еще мысли не развернулись и не оправдались осязаемыми послѣдствіями, не казался сумасшедшимъ. Развѣ не почитали сумасшедшимъ Коломба, когда онъ говорилъ о четвертой части свѣта,—Гарвея, когда онъ утверждалъ обращеніе крови,—Франклина, когда онъ брался управлять громомъ и молніею,—Фультона, когда онъ каплею горячей воды рѣшался противустать грознымъ силамъ природы? И, что́ всего замѣчательнѣе, состояніе генія въ минуты его открытій дѣйствительно подобно состоянію сумасшедшаго, по-крайней-мѣрѣ для окружающихъ: онъ также пораженъ одною своей мыслію, не хочетъ слышать о другой, вездѣ и во всемъ ее видитъ, все на свѣтѣ готовъ принести ей въ жертву. Мы называемъ человѣка сумасшедшимъ, когда видимъ, что

онъ находитъ такія соотношенія между предметами, которыя намъ кажутся невозможными; но всякое изобрѣтеніе, всякая новая мысль, не есть ли усмотрѣніе соотношеній между предметами, незамѣчаемыхъ другими или даже непонятныхъ? Такъ нѣтъ ли нити, проходящей сквозь всѣ дѣйствія души человѣка и соединяющей обыкновенный здравый смыслъ съ разстройствомъ понятій, замѣчаемымъ въ сумасшедшихъ? На этой лѣстницѣ не ближе ли находится восторженное состояніе поэта, изобрѣтателя, не ближе ли къ тому, что́ называютъ безуміемъ, нежели безуміе къ обыкновенной, животной глупости? То, чему даютъ имя здраваго смысла, не есть ли слово въ высшей степени эластическое, которое употребляетъ и простолюдинъ противъ великаго человѣка, ему непонятнаго, употребляетъ и геній, чтобъ прикрыть свои умствованія и не испугать ими простолюдина? Словомъ, то, что́ мы часто называемъ безуміемъ, экстатическимъ состояніемъ, бредомъ, не есть ли иногда высшая степень умственнаго человѣческаго инстинкта, степень столь высокая, что она дѣлается совершенно-непонятною, неуловимою для обыкновеннаго наблюденія? Для того, чтобъ обнять его, не должно ли находиться на той же степени, точно такъ же, какъ для того, что бы понять человѣка, не надобно ли быть человѣкомъ?

«Но, говорятъ, сумасшествіе есть болѣзнь: раздражится нервъ, разстроится органъ—и душа не дѣйствуетъ! Такъ толкуютъ медики. «Не-уже-ли вы

думаете» спрашиваютъ они: «что душа возвышается, когда дѣйствуетъ черезъ болѣзненный органъ; что человѣкъ лучше видитъ, когда его зрѣніе воспалено; что онъ лучше слышитъ, когда ухо его поражено страданіемъ? Не знаю; но въ лѣтописяхъ медицины мы встрѣчаемъ людей которыхъ раздраженное состояніе зрѣнія или слуха давало возможность видѣть тамъ, гдѣ другіе не видѣли, видѣть въ темнотѣ, слышать незамѣтный, несуществующій для другихъ шорохъ, угадывать происшествія, отдаленныя на неизмѣримое пространство. Если то́ же и съ мозгомъ?. . . . Расширеніе нерва, протянутаго отъ мозга къ орудіямъ чувствъ, развѣ не можетъ стѣснить той или другой части мозга? А спросите у френологовъ, какое слѣдствіе можетъ произвести стѣсненіе того или другого органа!»

Такія наблюденія—справедливыя или нѣтъ, не знаю—породили въ моихъ молодыхъ философахъ непреодолимое желаніе изслѣдовать нѣкоторыхъ людей, которые, живя между другими, въ большей мѣрѣ пользуются названіемъ великихъ, или названіемъ сумасшедшихъ, и въ этихъ людяхъ поискать разрѣшенія тѣхъ задачъ, которыя до - сихъ - поръ укрывались отъ людей съ здравымъ смысломъ. Въ этомъ намѣреніи, они пустились путешествовать по свѣту.

Не знаю, сколько времени длилось ихъ путешествіе, и не знаю чѣмъ кончилось. Отъ друзей моихъ. сверхъ прочитанной мною вскользь тетрадки, оста-

лись еще нѣкоторые отрывки изъ записокъ, ими веденныхъ; вотъ они:

Дѣла давно минувшихъ дней
Преданья старины глубокой!

Эти записки носятъ на себѣ печать быстрой, отрывочной работы. Моимъ друзьямъ, кажется, недостало времени ни дать своей рукописи болѣе оконченную, болѣе однообразную форму, ни выравнить слога въ ней; въ безпорядкѣ соединены ихъ собственныя наблюденія, путевыя замѣтки, письма, къ нимъ писанныя, разные необдѣланные матеріалы, къ нимъ доставленные,—все это собрано вмѣстѣ, наудачу, и въ этомъ видѣ рукопись досталась мнѣ послѣ смерти друзей моихъ; здѣсь многое не дописано, многое переписано и многое потерялось; но, можетъ-быть, эта рукопись будетъ для васъ не безъ занимательности, по-крайней-мѣрѣ, какъ представительница одной изъ тѣхъ эпохъ въ исторіи дѣятельности человѣческой, чрезъ которую каждый проходитъ, но каждый своею дорогою.

Но уже утро, господа. Посмотрите, какія роскошныя, багряныя полосы разрослись отъ невосшедшаго еще солнца; посмотрите, ка̀къ дымъ съ бѣлыхъ кровлей клонится къ землѣ, съ какимъ трудомъ стелется по морозному воздуху,—а тамъ.... тамъ, въ недостижимой глубинѣ неба—и свѣтъ, и тепло, будто жилище души,—и душа невольно тянется къ этому символу вѣчнаго свѣта....

НОЧЬ ТРЕТЬЯ.

(РУКОПИСЬ).

«Кажется, друзья мои» сказалъ Фаустъ: «имѣли намѣреніе очень аккуратно вести свои записки, и какъ люди дѣльные, подобно естествоиспытателямъ, вносить въ нихъ всѣ малѣйшія подробности съ той минуты, какъ начался ихъ опытъ. Вотъ толстая книжка, въ которой первыя страницы написаны очень чистенько, видно, въ спокойномъ духѣ, а слѣдующія за тѣмъ еще чище—онѣ остались бѣлыми. Написанныя страницы носятъ въ книжкѣ моихъ изъискателей слѣдующее названіе:

Opere del Cavaliere Giambatista Piranesi

Предъ отъѣздомъ мы пошли проститься съ однимъ изъ нашихъ родственниковъ, человѣкомъ пожилымъ, степеннымъ, всѣми уважаемымъ: у него во всю его жизнь была только одна страсть, про ко-

торую покойница-жена разсказывала такимъ образомъ: «Вотъ, примѣромъ сказать, Алексѣй Степанычъ, ужъ чѣмъ не человѣкъ, и добрый мужъ, и добрый отецъ, и хозяинъ—все бы хорошо, если бъ не его несчастная слабость....»

Тутъ тетушка останавливалась. Незнакомый часто спрашивалъ: «Да что, ужъ не запо́емъ ли, матушка?» и готовился предложить лекарство; но выходило на дѣлѣ, что эта слабость—была лишь *библіоманія*. Правда, эта страсть въ дядѣ была очень сильна; но она была, кажется, единственное окошко, чрезъ которое душа его заглядывала въ міръ поэтическій; во всемъ прочемъ старикъ былъ—дядя какъ дядя, курилъ, игралъ въ вистъ по цѣлымъ днямъ, и съ наслажденіемъ предавался сѣверному равнодушію. Но лишь доходило дѣло до книгъ, старикъ перерождался. Узнавъ о цѣли нашего путешествія, онъ улыбнулся и сказалъ: «Молодость! молодость! Романтизмъ да и только! Что́ бы обернуться, вокругъ себя? увѣряю васъ, не ѣздя далеко, вы бы нашли довольно матеріаловъ».

— Мы не прочь отъ этого, отвѣчалъ одинъ изъ насъ:—когда намъ удастся посмотрѣть на другихъ, тогда, можетъ-быть, мы доберемся и до себя; но начать съ чужихъ, кажется, учтивѣе и скромнѣе. Сверхъ того, тѣ люди, которыхъ мы имѣемъ въ виду, принадлежатъ всѣмъ народамъ вмѣстѣ, многіе изъ нашихъ или живы, или еще не совсѣмъ умерли: чего добраго—еще ихъ родные оби-

дятся.... Не подражать же намъ тѣмъ господамъ, которые заживо пекутся о прославленіи себя и друзей своихъ, въ твердой увѣренности, что по ихъ смерти никто о томъ не позаботится.—«Правда, правда!» отвѣчалъ старикъ: «ужь эти родные! Отъ нихъ, во-первыхъ, ничего не добьешься, а во-вторыхъ, для нихъ замѣчательный человѣкъ не иное что, какъ дядя, двоюродный братецъ, и прочее тому подобное. Ступайте, молодые люди, помѣрьте землю: это здорово для души и для тѣла. Я самъ въ молодости ѣздилъ за море отъискивать рѣдкія книги, которыя здѣсь можно купить въ половину дешевле. Кстати о библіографіи. Не подумайте, чтобъ она состояла изъ однихъ реестровъ книгъ и изъ переплетовъ; она доставляетъ иногда совсѣмъ неожиданныя наслажденія. Хотите ль, я вамъ разскажу мою встрѣчу съ однимъ человѣкомъ въ вашемъ родѣ?—Посмотрите, не попадетъ ли онъ въ первую главу вашего путешествія!»

Мы изъявили готовность, которую рекомендуемъ нашимъ читателямъ, и старикъ продолжалъ: «Вы, можетъ-быть, видали карикатуру, которой сцена въ Неаполѣ. На открытомъ воздухѣ, подъ изодраннымъ навѣсомъ, книжная лавочка; кучи старыхъ книгъ, старыхъ гравюръ; наверху Мадонна; вдали Везувій; передъ лавочкой капуцинъ и молодой человѣкъ въ большой соломенной шляпѣ, у котораго маленькій лазарони искусно вытягиваетъ изъ кармана платокъ. Не знаю, ка̀къ подсмотрѣлъ эту сцену проклятый живописецъ, но

только этотъ молодой человѣкъ—я; я узнаю мой кафтанъ и мою соломенную шляпу; у меня въ этотъ день украли платокъ, и даже на лицѣ моемъ должно было существовать то же глупое выраженіе. Дѣло въ томъ, что тогда денегъ у меня было немного, и ихъ далеко не доставало для удовлетворенія моей страсти къ старымъ книгамъ. Къ-тому же, я, какъ всѣ библіофилы, былъ скупъ до чрезвычайности. Это обстоятельство заставляло меня избѣгать публичныхъ аукціоновъ, гдѣ, какъ въ карточной игрѣ, пылкій библіофилъ можетъ въ-пухъ разориться; но за то я со всеусердіемъ посѣщалъ маленькую лавочку, въ которой издерживалъ немного, но которую за то имѣлъ удовольствіе перерывать всю отъ начала до конца. Вы, можетъ-быть, не испытывали восторговъ библіоманіи: это одна изъ самыхъ сильныхъ страстей, когда вы дадите ей волю; и я совершенно понимаю того нѣмецкаго пастора, котораго библіоманія довела до смертоубійства. Я еще недавно,—хотя старость умерщвляетъ всѣ страсти, даже библіоманію,—готовъ былъ убить одного моего пріятеля, который прехладнокровно, какъ-будто въ библіотекѣ для чтенія, разрѣзалъ у меня въ эльзевирѣ единственный листокъ, служившій доказательствомъ, что въ этомъ экземплярѣ полныя поля (*), а онъ, вандалъ, еще сталъ удивляться моей

(*) Извѣстно, что для библіомановъ ширина полей играетъ важную роль. Есть даже особенный инструментъ для измѣ-

досадѣ. До-сихъ-поръ я не перестаю посѣщать мѣнялъ, знаю наизусть всѣ ихъ повѣрья, предразсудки и уловки, и до-сихъ-поръ эти минуты считаю если не самыми счастливыми, то по-крайней-мѣрѣ пріятнѣйшими въ моей жизни. Вы входите: тотчасъ радушный хозяинъ снимаетъ шляпу, и со всею купеческою щедростію предлагаетъ вамъ и романы Жанлисъ, и прошлогодніе альманахи, и *Скотскій Лечебникъ*. Но вамъ стóитъ только произнести одно слово, и оно тотчасъ укротитъ его докучливый энтузіазмъ; спросите только: «гдѣ медицинскія книги?» и хозяинъ надѣнетъ шляпу, покажетъ вамъ запыленный уголъ, наполненный книгами въ пергаментныхъ переплетахъ, и спокойно усядется дочитывать академическія вѣдомости прошедшаго мѣсяца. Здѣсь нужно замѣтить для васъ, молодыхъ людей, что еще во многихъ нашихъ книжныхъ лавочкахъ всякая книга, въ пергаментномъ переплетѣ и съ латинскимъ заглавіемъ, имѣетъ право называться медицинскою; и потому можете судить сами, какое въ нихъ раздолье для библіографа: между *Наукою о бабичьемъ дѣлѣ, на пять частей раздѣленной и рисунками снабденной*, *Нестора Максимовича Амбодика*, и Bonati Thesaurus medico-practicus undique collectus, вамъ попадется маленькая книжонка изорванная, замаран-

---

ренія ихъ, и нѣсколько линій больше или меньше часто увеличиваютъ или уменьшаютъ цѣну книги на цѣлую половину.

ная, запыленная; смотрите,—это: Advis fidel aux veritables Hollandais touchant ce qui s'est passé dans les villages de Bodegrave et Swammerdam. 1673,—какъ занимательно! Но это никакъ эльзевиръ! эльзевиръ! имя, приводящее въ сладкій трепетъ всю нервную систему библіофила.... Вы сваливаете нѣсколько пожелтѣвшихъ Hortus sanitatis, Jardin de dévotion, les Fleurs de bien dire, recueillies aux cabinets des plus rares ésprits pour exprimer les passions amoureuses de l'un et de l'autre sexe par forme de dictionnaire,—и вамъ попадается латинская книжка безъ переплета и безъ начала; развертываете: какъ-будто похожа на Виргилія,—но что слово, то ошибка!... Не-уже-ли въ самомъ дѣлѣ? не мечта ли обманываетъ васъ? не-ужь-ли это знаменитое изданіе 1514 года: Virgilius ex recensione Naugerii?—И вы не достойны назваться библіофиломъ, если у васъ сердце не выпрыгнетъ отъ радости, когда, дошедши до конца, вы увидите четыре полныя страницы опечатокъ, вѣрный признакъ, что это именно то самое рѣдкое, драгоцѣнное изданіе Альдовъ, перло книгохранилищъ, котораго большую часть экземпляровъ истребилъ самъ издатель, въ досадѣ на опечатки.

Въ Неаполѣ я мало находилъ случаевъ для удовлетворенія своей страсти, и потому можете себѣ представить, съ какимъ изумленіемъ, проходя по Piazza Nova увидѣлъ груды пергаменовъ; эту-то минуту библіоманическаго оцѣпенѣнія и поймалъ мой незваный портретистъ... Кàкъ бы то ни было,

я со всею хитростію библіофила равнодушно приблизился къ лавочкѣ, и, перебирая со скрытымъ нетерпѣніемъ старые молитвенники, сначала не замѣтилъ, что въ другомъ углу, къ большому фоліанту подошла фигура въ старинномъ французскомъ кафтанѣ, въ напудренномъ парикѣ, подъ которымъ болтался пучокъ, тщательно свитый. Не знаю, что́ заставило насъ обоихъ обернуться— въ этой фигурѣ я узналъ чудака, который всегда въ одинаковомъ костюмѣ съ важностію прохаживался по Неаполю, и при каждой встрѣчѣ, особенно съ дамами, съ улыбкою приподнималъ свою изношенную шляпу корабликомъ. Давно уже видалъ я этого оригинала и весьма былъ радъ случаю свести съ нимъ знакомство. Я посмотрѣлъ на развернутую передъ нимъ книгу: это было собраніе какихъ то плохо-перепечатанныхъ архитектурныхъ гравюръ. Оригиналъ разсматривалъ ихъ съ большимъ вниманіемъ, мѣрялъ пальцами намалеванныя колонны, приставлялъ ко лбу перстъ и погружался въ глубокое размышленіе. «Онъ, видно, архитекторъ», подумалъ я: «чтобъ полюбиться ему, притворюсь любителемъ архитектуры». При этихъ словахъ глаза мои обратились на собраніе огромныхъ фоліантовъ, на которыхъ выставлено было: Opere del Cavaliere Giampattista Piranesi. «Прекрасно!» подумалъ я, взялъ одинъ томъ, развернулъ его,—но бывшіе въ немъ проекты колоссальныхъ зданій, изъ которыхъ для построенія каждаго надобно бы мильйоны людей, мильйоны червонцевъ и столѣтія,—эти

изсѣченныя скалы, взнесенныя на вершины горъ, эти рѣки, обращенныя въ фонтаны, все это такъ привлекло меня, что я на минуту забылъ о моемъ чудакѣ. Болѣе всего поразилъ меня одинъ томъ, почти съ начала до конца наполненный изображеніями темницъ разнаго рода; безконечные своды, бездонныя пещеры, замки́, цѣпи, поросшія травою стѣны, и, для украшенія, всѣ возможныя казни и пытки, которыя когда-либо изобрѣтало преступное воображеніе человѣка.... Холодъ пробѣжалъ по моимъ жиламъ, и я невольно закрылъ книгу. Между-тѣмъ, замѣтивъ, что оригиналъ нимало не удостоиваетъ вниманія зодческій энтузіазмъ мой, я рѣшился обратиться къ нему съ вопросомъ: «Вы, конечно, охотникъ до архитектуры?» сказалъ я.—До архитектуры? повторилъ онъ, какъ-бы ужаснувшись.— Да, промолвилъ онъ, взглянувъ съ улыбкой презрѣнія на мой изношенный кафтанъ:—я большой до нея охотникъ! и замолчалъ.—Только-то? подумалъ я: этого мало. «Въ такомъ случаѣ» сказалъ я, снова раскрывая одинъ изъ томовъ Пиранези: «посмотрите лучше на эти прекрасныя фантазіи, а не на лубочныя картинки, которыя лежатъ передъ вами».—Онъ подошелъ ко мнѣ не̇ хотя, съ видомъ человѣка, досадующаго, что ему мѣшаютъ заниматься дѣломъ, но едва взглянулъ на раскрытую передо мною книгу, какъ съ ужасомъ отскочилъ отъ меня, замахалъ руками и закричалъ: —Бога ради, закройте, закройте эту негодную, эту ужасную книгу! Это мнѣ показалось довольно-лю-

бопытно. «Я не могу надивиться вашему отвращенію отъ такого превосходнаго произведенія; мнѣ оно такъ нравится, что я сей же часъ куплю его», и съ сими словами я вынулъ кошелекъ съ деньгами.—Деньги! проговорилъ мой чудакъ этимъ звучнымъ шопотомъ, о которомъ мнѣ недавно напомнилъ несравненный Каратыгинъ въ *Жизни Игрока*. —У васъ есть деньги! повторилъ онъ, и затрясся всѣмъ тѣломъ. Признаюсь, это восклицаніе архитектора нѣсколько расхолодило мое желаніе войдти съ нимъ въ тѣсную дружбу; но любопытство превозмогло.—«Развѣ вы нуждаетесь въ деньгахъ?» спросилъ я.

— Я? очень нуждаюсь! проговорилъ архитекторъ:—и очень, очень давно нуждаюсь, прибавилъ онъ, ударяя на каждое слово.

— А много ли вамъ надобно? спросилъ я съ чувствомъ. Можетъ, я и могу помочь вамъ.

— На первый случай мнѣ нужно бездѣлицу—сущую бездѣлицу, десять мильйоновъ червонцевъ.

— На что́ же такъ много? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Чтобъ соединить сводомъ Этну съ Везувіемъ, для тріумфальныхъ воротъ, которыми начинается паркъ проектированнаго мною за̀мка,—отвѣчалъ онъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало.

Я едва могъ удержаться отъ смѣха.—Отъ чего же, возразилъ я:—вы, человѣкъ съ такими колоссальными идеями,—вы приняли съ отвращеніемъ

произведенія зодчаго, который, по своимъ идеямъ, хоть нѣсколько приближается къ вамъ?»

— Приближается? воскликнулъ незнакомецъ:— приближается! Да что́ вы ко мнѣ пристаете съ этой проклятою книгою, когда я самъ сочинитель ея?

— Нѣтъ, это ужъ слишкомъ! отвѣчалъ я. Съ этими словами взялъ я лежавшій возлѣ *Историческій Словарь* и показалъ ему страницу, на которой было написано: «Жіамбатиста Пиранезе, знаменитый архитекторъ... умеръ въ 1778....»

— Это вздоръ! это ложь! закричалъ мой архитекторъ.—Ахъ, я былъ бы счастливъ, еслибъ это была правда! Но я живу, къ несчастію моему живу,—и эта проклятая книга мѣшаетъ мнѣ умереть.

Любопытство мое часъ отъ часу возрастало.— Объясните мнѣ эту странность—сказалъ я ему:— повѣрьте мнѣ свое горе: повторяю, что я, можетъ-быть, и могу помочь вамъ.

Лицо старика прояснилось; онъ взялъ меня за руку:—Здѣсь не мѣсто говорить объ этомъ; насъ могутъ подслушать люди, которые въ состояніи повредить мнѣ. О! я знаю людей.... Пойдемте со мною; я доро́гой разскажу вамъ мою страшную исторію.—Мы вышли.

— Такъ сударь, продолжалъ старикъ:—вы видите во мнѣ знаменитаго и злополучнаго Пиранези. Я родился человѣкомъ съ талантомъ.... что̀ я говорю? теперь запираться уже поздно,—я родился съ

геніемъ необыкновеннымъ. Страсть къ зодчеству развилась во мнѣ съ младенчества, и великій Микель-Анджело, поставившій Пантеонъ на такъ-называемую огромную церковь Св. Петра въ Римѣ, въ старости былъ моимъ учителемъ. Онъ восхищался моими планами и проектами зданій, и когда мнѣ исполнилось двадцать лѣтъ, великій мастеръ отпустилъ меня отъ себя, сказавъ: «если ты останешься долѣе у меня, то будешь только моимъ подражателемъ; ступай, прокладывай себѣ новый путь, и ты увѣковѣчишь свое имя безъ моихъ стараній». Я повиновался, и съ этой минуты начались мои несчастія. Деньги становились рѣдки. Я нигдѣ не могъ найдти работы; тщетно представлялъ я мои проекты и римскому императору, и королю французскому, и папамъ, и кардиналамъ: всѣ меня выслушивали, всѣ восхищались, всѣ одобряли меня, ибо страсть къ искусству, возженная покровителемъ Микель-Анджело, еще тлѣлась въ Европѣ. Меня берегли какъ человѣка, владѣющаго силою приковывать не-славныя имена къ славнымъ памятникамъ; но когда доходило дѣло до постройки, тогда начинали откладывать годъ за годомъ: «вотъ поправятся финансы, вотъ корабли принесутъ заморское золото»—тщетно! Я употреблялъ всѣ происки, всѣ ласкательства, недостойныя генія,—тщетно! я самъ пугался, видя, до какого униженія доходила высокая душа моя,—тщетно! тщетно! Время проходило, начатыя зданія оканчивались, соперники мои снискивали безсмертіе, а я—

скитался отъ двора къ двору, отъ передней къ передней, съ моимъ портфёлемъ, который напрасно часъ отъ часу болѣе и болѣе наполнялся прекрасными и неисполнимыми проектами. Разсказать ли вамъ, что́ я чувствовалъ, входя въ богатые чертоги съ новою надеждою въ сердцѣ и выходя съ новымъ отчаяніемъ?—Книга моихъ темницъ содержитъ въ себѣ изображеніе сотой доли того, что́ происходило въ душѣ моей. Въ этихъ вертепахъ страдалъ мой геній; эти цѣпи глодалъ я, забытый неблагодарнымъ человѣчествомъ.... Адское наслажденіе было мнѣ изобрѣтать терзанія, зарождавшіяся въ озлобленномъ сердцѣ, обращать страданія духа въ страданіе тѣла,—но это было мое единственное наслажденіе, единственный отдыхъ.

«Чувствуя приближеніе старости и помышляя о томъ, что если бы кто и захотѣлъ поручить мнѣ какую-либо постройку, то недостало бы жизни моей на ея окончаніе, я рѣшился напечатать свои проекты, на стыдъ моимъ современникамъ, и чтобы показать потомству, какого человѣка они не умѣли цѣнить. Съ усердіемъ принялся я за эту работу, гравировалъ день и ночь, и проекты мои расходились по свѣту, возбуждая то смѣхъ, то удивленіе. Но со мной сталось совсѣмъ другое. Слушайте и удивляйтесь.... Я узналъ теперь горькимъ опытомъ, что въ каждомъ произведеніи, выходящемъ изъ головы художника, зараждается духъ-мучитель; каждое зданіе, каждая картина, каждая черта, невзначай проведенная по холсту

или бумагѣ, служитъ жилищемъ такому духу. Эти духи свойства злаго: они любятъ жить, любятъ множиться и терзать своего творца за тѣсное жилище. Едва почуяли они, что жилище ихъ должно ограничиться однѣми гравированными картинами, какъ вознегодовали на меня.... Я уже былъ на смертной постели, какъ вдругъ.... Слыхали ль вы о человѣкѣ, котораго называютъ *вѣчнымъ жидомъ*? Все, что̀ разсказываютъ о немъ,—ложь: этотъ злополучный передъ вами.... Едва я сталъ смыкать глаза вѣчнымъ сномъ, какъ меня окружили призраки въ образѣ дворцовъ, палатъ, домовъ, за́мковъ, сводовъ, колоннъ. Всѣ они вмѣстѣ давили меня своею громадою, и съ ужаснымъ хохотомъ просили у меня жизни. Съ той минуты я не знаю покоя; духи, мною порожденные, преслѣдуютъ меня: тамъ огромный сводъ обхватываетъ меня въ свои объятія, здѣсь башни гонятся за мною, шагая верстами; здѣсь окно дребезжитъ передо мною своими огромными рамами. Иногда заключаютъ они меня въ мои собственныя темницы, опускаютъ въ бездонные колодцы, куютъ меня въ собственныя мои цѣпи, дождятъ на меня холодною плѣсенью съ полуразрушенныхъ сводовъ,—заставляютъ меня переносить всѣ пытки, мною изобрѣтенныя, съ костра сбрасываютъ на дыбу, съ дыбы на вертелъ, каждый нервъ подвергаютъ нежданному страданію, и между-тѣмъ, жестокіе, прядаютъ, хохочутъ вокругъ меня, не даютъ умереть мнѣ, допытываются, зачѣмъ осудилъ я ихъ на жизнь неполную и на

вѣчное терзаніе,—и наконецъ, изможденнаго, ослабѣвшаго, снова выталкиваютъ на землю. Тщетно я перехожу изъ страны въ страну, тщетно высматриваю, не подломилось ли гдѣ великолѣпное зданіе, на смѣхъ мнѣ построенное моими соперниками. Часто, въ Римѣ, ночью, я приближаюсь къ стѣнамъ, построеннымъ этимъ счастливцемъ Микелемъ, и слабою рукою ударяю въ этотъ проклятый куполъ, который и не думаетъ шевелиться,— или въ Пизѣ вѣшаюсь обѣими руками на эту негодную башню, которая, въ продолженіи семи вѣковъ, нагибается на землю и не хочетъ до нея дотянуться. Я уже пробѣжалъ всю Европу, Азію, Африку, переплылъ море: вездѣ я ищу разрушенныхъ зданій, которыя могъ бы возсоздать моею творческою силой; рукоплескаю бурямъ, землетрясеніямъ. Рожденный съ обнаженнымъ сердцемъ поэта, я перечувствовалъ все, чѣмъ страждутъ несчастные, лишенные обиталища, пораженные ужасами природы; я плачу съ несчастными, но не могу не трепетать отъ радости при видѣ разрушенія.... И все тщетно! часъ созданія не наступилъ еще для меня, или уже прошелъ: многое разрушается вокругъ меня, но многое еще живетъ и мѣшаетъ жить моимъ мыслямъ. Знаю, до тѣхъ поръ не сомкнутся мои ослабѣвшія вѣжды, пока не найдется мой спаситель, и всѣ колоссальные мои замыслы будутъ не на одной бумагѣ. Но гдѣ онъ? гдѣ найдти его? Если и найду, то уже проекты мои устарѣли, многое въ нихъ опережено вѣкомъ,—а

нѣтъ силъ обновить ихъ! Иногда я обманываю моихъ мучителей, увѣряя, что занимаюсь приведеніемъ въ исполненіе какого-либо изъ проектовъ моихъ; и тогда они на-минуту оставляютъ меня въ покоѣ. Въ такомъ положеніи былъ я, когда встрѣтился съ вами; но пришло же вамъ въ голову открыть передо мною мою проклятую книгу: вы не видали, но я.... я видѣлъ ясно, ка̀къ одна изъ пиластръ храма, построеннаго въ срединѣ Средиземнаго Моря, закивала на меня своей косматой головою.... Теперь вы знаете мое несчастіе: помогите же мнѣ, по обѣщанію вашему. Только десять мильйоновъ червонцевъ, умоляю васъ!»—И съ сими словами несчастный упалъ предо мною на колѣни.

Съ удивленіемъ и жалостію смотрѣлъ я на бѣдняка, вынулъ червонецъ и сказалъ: «вотъ все, что́ могу я дать вамъ теперь».

Старикъ уныло посмотрѣлъ на меня.—Я это предвидѣлъ, отвѣчалъ онъ:—но хорошо и это: я приложу эти деньги къ той суммѣ, которую сбираю для покупки Монблана, чтобъ срыть его до основанія; иначе онъ будетъ отнимать видъ у моего увеселительнаго за́мка. Съ сими словами старикъ поспѣшно удалился....

— Здѣсь оканчиваются чисто написанныя страницы, сказалъ Фаустъ:—продолженіе неизвѣстно; завтра я постараюсь привести въ порядокъ связку писемъ и бумагъ, которыя показались мнѣ болѣе любопытными.

— Мнѣ кажется, замѣтилъ Викторъ:—что у твоихъ искателей приключеній большая претензія на оригинальность....

— Это одна изъ причудъ вѣка, примолвилъ Вечеславъ.

— И отъ того, возразилъ Викторъ:—теперь нѣтъ ничего пошлѣе, какъ быть оригинальнымъ. Какое вниманіе, какое участіе можетъ возбудить чудакъ, который хочетъ возвратить время прошедшее и давнопрошедшее, когда сокровища и труды погибали для удовлетворенія ребяческаго тщеславія, на постройку безполезныхъ зданій.... теперь нѣтъ на это денегъ, и по самой простой причинѣ—онѣ употреблены на желѣзныя дороги.

— Такъ по твоему мнѣнію, отвѣчалъ Фаустъ:— египетскія пирамиды, страсбургская колокольня, кёльнскій соборъ, флорентинскій крещатикъ, все это—произведеніе одного ребяческаго тщеславія; твое утвержденіе, правда, не противорѣчитъ многимъ историкамъ нашего вѣка, но, кажется, они, тщательно собирая такъ-называемые *факты*, забыли два довольно важные: первое, что названія, которыя мы даемъ человѣческимъ страстямъ, никогда не выражаютъ ихъ вполнѣ, а лишь приблизительно, что̀ вошло въ привычку человѣчества,

кажется, со времени вавилонскаго смѣшенія языковъ; и второе, что подъ всякимъ ощущеніемъ скрывается другое болѣе глубокое и, можетъ-быть, болѣе безкорыстное, подъ другимъ, третье еще болѣе безкорыстное, и такъ до самаго тайника души человѣческой, гдѣ нѣтъ мѣста для внѣшнихъ, грубыхъ страстей, ибо тамъ нѣтъ ни времени, ни пространства. Человѣку, болѣе или менѣе огрубѣлому его собственное, внутреннее, чистое чувство представляется въ видѣ внѣшней страсти, тщеславія, гордости и проч.; онъ думаетъ, что удовлетворяетъ этой страсти, а въ самомъ дѣлѣ повинуется лишь сему внутреннему, для него самого непонятному чувству. Символъ такого *претворенія страстей* я вижу въ кометѣ; комета никогда не слѣдуетъ своему нормальному пути: она безпрестанно уклоняется отъ него, притягиваемая то тѣмъ, то другимъ небеснымъ тѣломъ, и отъ-того прежніе астрономы, непринимавшіе въ разсчетъ сихъ *пертурбацій*, ошибались въ своихъ предсказаніяхъ; но не смотря на то, что эллиптическій или параболическій путь кометы принимаетъ видъ другихъ кривыхъ линій, ея первоначальный путь остается неизмѣннымъ, и все-таки влечетъ ее къ солнцу какой-либо планетной системы.

Викторъ.—Согласенъ, что такой оптическій обманъ дѣйствительно существуетъ для человѣка,—но все я не вижу причины обращаться на тотъ путь, который уже пройденъ, и вмѣстѣ съ Піранези плакать о томъ, что уже прошло то время, когда

деньги тратились на постройку гигантскихъ и всё-таки безполезныхъ зданій....

Фаустъ.—Мнѣ кажется, что въ Пиранези плачетъ человѣческое чувство о томъ, что́ оно потеряло, о томъ, что́, можетъ-быть, составляло разгадку всѣхъ его внѣшнихъ дѣйствій, что̀ составляло украшеніе жизни—о *безполезномъ*....

Викторъ.—Признаюсь, еслибъ страсбургскую колокольню вытянуть еще подлиннѣе—въ рельсы желѣзной дороги, то она для меня была бы еще лучшимъ украшеніемъ жизни; ибо что́ ни говори, а желѣзныя дороги, сверхъ своей практической пользы, имѣютъ своего рода поэзію....

Фаустъ.—Безъ сомнѣнія; потому-что человѣкъ, какъ я уже замѣтилъ однажды, никакъ не можетъ отдѣлаться отъ поэзіи; она, какъ одинъ изъ необходимыхъ элементовъ, входитъ въ каждое дѣйствіе человѣка, безъ чего *жизнь* этого дѣйствія была бы невозможна; символъ этого психологическаго закона мы видимъ въ каждомъ организмѣ; онъ образуется изъ углекислоты, водорода и азота; пропорціи этихъ элементовъ разнятся почти въ каждомъ животномъ тѣлѣ, но безъ одного изъ этихъ элементовъ существованіе такого тѣла было бы невозможно; въ мірѣ психологическомъ поэзія есть одинъ изъ тѣхъ элементовъ, безъ которыхъ *древо жизни* до́лжно было бы исчезнуть; отъ-того даже въ каждомъ промышленномъ предпріятіи человѣка есть *quantum* поэзіи, какъ, наоборотъ, въ каждомъ чисто-поэтическомъ произведеніи есть *quantum* вещественной

пользы; такъ напр., нѣтъ сомнѣнія, что страсбургская колокольня вмѣшалась невольно въ акціонерскіе разсчеты, и была однимъ изъ магнитовъ, которые притянули желѣзную дорогу къ городу.

Викторъ.—Квитъ на квитъ; я предпочитаю пользу съ наименьшей пропорціей поэзіи....

Фаустъ.—Ты въ этомъ случаѣ похожъ на человѣка, который бы захотѣлъ застроить цѣлый городъ домами по одному фасаду: кажется, ничего, а такой городъ навелъ бы тоску неодолимую. Да! желѣзныя дороги—дѣло важное и великое. Это одно изъ орудій, которое дано человѣку для побѣды надъ природой; глубокій смыслъ скрытъ въ этомъ явленіи, которое, по видимому, размѣнялось на акціи, на де́бетъ и кре́дитъ; въ этомъ стремленіи уничтожить время и пространство—чувство человѣческаго достоинства и его превосходства надъ природою; въ этомъ чувствѣ, можетъ быть, воспоминаніе о его прежней силѣ и о прежней рабѣ его—природѣ.... Но сохрани насъ Богъ сосредоточить всѣ умственныя, нравственныя и физическія силы на одно матеріальное направленіе, ка̀къ бы полезно оно ни было: будутъ ли то желѣзныя дороги, бумажныя прядильни, сукновальни или ситцевыя фабрики. Односторонность есть ядъ нынѣшнихъ обществъ, и тайная причина всѣхъ жалобъ, смутъ и недоумѣній; когда одна вѣтвь живетъ на счетъ цѣлаго дерева—дерево изсыхаетъ.

Ростиславъ.—Однако, знаешь, что́ сказалъ Гегель, человѣкъ, котораго ты уважаешь? «Боязливая

заботливость о томъ, чтобъ не быть одностороннимъ, очень часто обнаруживаетъ слабость, способную только къ поверхностной многосторонности....»

Фаустъ.—Не смотря на все мое уваженіе къ Гегелю, я не могу не сознаться, что отъ темноты ли человѣческаго языка, отъ нашей ли неспособности вникать въ таинственную связь умозаключеній знаменитаго германскаго мыслителя, но въ его сочиненіяхъ встрѣчаются часто на одной и той же страницѣ мѣста̀, которыя, по видимому, находятся въ совершенномъ противорѣчіи. Такъ въ томъ же сочиненіи (*), передъ тѣми строками, которыя ты привелъ, Гегель говоритъ: «Только то можно назвать послѣдовательнымъ *цѣлымъ*, что̀, *углубившись въ свое начало*, достигаетъ своего совершенства; *только тогда* оно дѣлается *чѣмъ-нибудь* дѣйствительнымъ и пріобрѣтаетъ глубину и *сильную возможность многосторонности*». Если *цѣлость*, *дѣйствительность* и *многосторонность* неразрывно связаны между собою; если условіе цѣлости явленія есть углубленіе въ его начало, то изъ сего слѣдуетъ скорѣе необходимость общности и многосторонности, нежели важность односторонности. Впрочемъ, Виктора не убѣдишь такими авторитетами; я для него сошлюсь на фактъ положительный. Мишель Шевелье, одинъ изъ знаменитѣйшихъ по-

(*) Университ. рѣчь 1837 года. См. перев. въ „Московск. Наблюд. 1838, № 1“. Эта рѣчь тѣмъ замѣчательнѣе, что ее можно принять за послѣднюю форму гегелевыхъ положеній.

борниковъ промышленности, упоминаетъ (*) съ насмѣшкою о трудности, которая существовала для древнихъ предпринять путешествіе изъ поэтической Спарты въ поэтическія Аѳины и обратно, и доказываетъ неопровержимыми указаніями и цифрами, что когда всѣ усовершенствованія въ паровыхъ машинахъ войдутъ въ общее употребленіе, то путешествіе вокругъ всего земного шара можно будетъ совершить... ужасъ! въ теченіи *одиннадцати* дней! Но прозорливый умъ этого замѣчательнаго писателя не могъ не остановиться на вопросѣ: какое будетъ моральное состояніе общества, когда человѣчество достигнетъ этой эпохи? Онъ не отвѣчаетъ на этотъ вопросъ положительно, но мысли его обращаются къ Америкѣ, и вотъ его наблюденія: въ этой странѣ, быстрота сообщеній, удобство переноситься изъ мѣста въ мѣсто уничтожили всѣ различія въ нравахъ, въ образѣ жизни, въ одеждѣ, въ устройствѣ дома и.... въ понятіяхъ (когда они не касаются личныхъ выгодъ каждаго); отъ-того, для жителя этой страны нѣтъ ничего новаго, любопытнаго, нѣтъ ничего привлекательнаго; онъ вездѣ дома, и, проѣхавъ изъ конца въ конецъ свою отчизну, онъ встрѣчаетъ лишь то, что̀ онъ каждый день видѣлъ; отъ-того, цѣль путешествія Американца всегда какая-либо личная польза и никогда наслажденіе. Кажется, что̀ можетъ быть лучше такого состоянія? Но умный Шевелье съ похвальной откровенностью

(*) См. Recherches nouvelles sur l'industrie, par Michel Chevalier. 1843.

признается, что полное слѣдствіе такой полезной, удобной и разсчетливой жизни—есть *тоска неодолимая, невыносимая*!—Явленіе въ высшей степени замѣчательное! Откуда же взялась эта тоска?—Объясните, господа утилитаристы! Не этой ли тоскѣ и происходящей отъ нея раздражительности должно приписать, между прочимъ, нынѣ-вошедшіе въ привычку у Американцевъ ежедневные поединки, которыхъ подробности ужасаютъ даже европейскихъ журналистовъ? ка̀къ вы думаете? Вотъ, господа, слѣдствіе односторонности и специальности, которая ныньче почитается цѣлію жизни; вотъ что значитъ полное погруженіе въ вещественныя выгоды, и полное забвеніе другихъ, такъ-называемыхъ безполезныхъ порывовъ души. Человѣкъ думалъ закопать ихъ въ землю, законопатить хлопчатой бумагой, залить дегтемъ и саломъ,—а они являются къ нему въ видѣ привидѣнія: *тоски непонятной!*

НОЧЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

На пыльной связкѣ, лежавшей на столѣ, было написано:

Экономистъ.

Фаустъ читалъ:

«Посылаю къ вамъ, мм. гг., отрывки, найденные въ бумагахъ одного молодаго человѣка, недавно умершаго, ибо, какъ кажется, онъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которыхъ вы сдѣлали предметомъ своихъ наблюденій.

«Въ жизни этого молодаго человѣка не было ничего особенно замѣчательнаго; онъ родился съ положительнымъ, даже сухимъ умомъ, съ умомъ, ожидающимъ дѣйствія за причинами; въ разговорахъ, онъ любилъ нападать на идеальность, на мечты воображенія, на безотчетное чувство—и доказывалъ, что они однѣ—вина всѣхъ бѣдствій человѣчества. Въ слѣдствіе своихъ мыслей, онъ обратилъ всю дѣятельность своего ума на науки положительныя, вступилъ на службу по Министерству Финансовъ, читалъ однихъ экономистовъ, отъ аббата Галіяни до Сэя, боготворилъ Мальтуса и безпрестанно покрывалъ листы бумаги статистическими выкладками.

«Скачокъ отъ холодныхъ цифръ къ отрывкамъ, которые я къ вамъ посылаю, для многихъ кажется удивительнымъ; не постигаютъ, какимъ образомъ такія странныя, часто нелѣпыя мечты, могли вселиться въ голову человѣка, по видимому, столь разсудительнаго, равнодушнаго, столь далекаго отъ всѣхъ порывовъ воображенія.

«Чтеніе этихъ отрывковъ и замѣченная незадолго предъ кончиною глубокая задумчивость въ нашемъ экономистѣ, заставили родныхъ подозрѣвать, что на него находили припадки сумасшествія, тѣмъ болѣе, что, за день до кончины, онъ былъ совершенно здоровъ, и что скоропостижная смерть прервала жизнь его безъ всякой видимой причины. Соображая всѣ эти обстоятельства съ нѣсколькими недосказанными словами, вырвавшимися у юноши въ минуту послѣднихъ страданій, медики сначала подумали, что несчастный самъ лишилъ себя жизни; но, по тщательномъ осмотрѣ, на немъ не нашлось никакихъ признаковъ ни внутренней, ни наружной раны; при вскрытіи трупа не оказалось никакихъ примѣтъ отравленія: всѣ части внутренностей его были въ совершенномъ порядкѣ,—и медики принуждены были признаться, что физическая причина смерти несчастнаго Б. была неизъяснима.

«Вопреки мнѣнію медиковъ и ихъ искривленному битурію, я увѣренъ, что бѣднаго Б. нельзя хоронить въ крещеной землѣ; онъ точно самоубійца, но онъ убилъ свое тѣло ядомъ, котораго и не подозрѣвали медики, честь открытія котораго принадлежитъ нашему XIX вѣку,—ядомъ, который олицетворилъ въ себѣ всѣ дѣйствія баснословной

aqua tofana, который, согласно мнѣнію алхимиковъ, убиваетъ не вдругъ, а дѣйствуетъ чрезъ годъ, два, а иногда и чрезъ десять. Этому яду еще не пріискано точнаго опредѣленнаго названія: но это не мѣшаетъ ему существовать, и доказательство тому—эти отрывки.

«Не знаю, ошибаюсь ли я, но для меня эти отрывки объясняютъ многое. Мнѣ кажется, они показываютъ, что логическій умъ несчастнаго Б., преслѣдуя съ жаромъ свои выкладки, нашелъ на концѣ своихъ силлогизмовъ нѣчто такое, что ускользаетъ отъ цифръ и уравненій, чего нельзя передать другимъ, что понимается однимъ инстинктомъ сердца, и къ чему нельзя отнести знаменитаго присловья: что ясно понимается, то ясно и выражается.

«Несчастный юноша былъ испуганъ своею находкою; она опровергала всѣ разсчеты положительнаго ума его и сама оставалась непонятною; обратившись на пройденную имъ дорогу, его строгая діалектика видѣла, что она ошиблась,—но ошибка ускользала отъ нея и вся вселенная показалась несчастному опрокинутою, какъ человѣку, который въ телескопъ, предназначенный для тѣлъ небесныхъ, хочетъ разсмотрѣть мелкія тѣла земныя. Это зрѣлище поразило несчастнаго; въ эту минуту отчаянія въ немъ невольно развернулось чувство, существующее въ каждомъ человѣкѣ—чувство поэзіи-утѣшительницы, и онъ передалъ бумагѣ тѣ муки, которыми страдала душа его. Нѣтъ сомнѣнія, что отрывки, имъ написанные, суть символическая исторія его собственныхъ страданій;

въ этомъ увѣряетъ меня хронологическій порядокъ, въ который я привелъ ихъ, слѣдуя нѣкоторымъ примѣтамъ, по коимъ можно было опредѣлить, въ какую эпоху жизни они были написаны, что согласно и съ нѣкоторыми воспоминаніями родственниковъ Б**. Онъ скрывалъ отъ всѣхъ эти отрывки, какъ скрывалъ свои страданія; его положительный умъ боялся своихъ страданій, стыдился ихъ, почиталъ ихъ минутною слабостію; эта безпрестанная борьба истощала его силы медленно, но вѣрно, хотя никто и не замѣчалъ, что подъ его ледяною наружностію развивался цѣлый міръ нестерпимыхъ терзаній.

«Я оставилъ эти отрывки безъ всякихъ поправокъ; я присоединилъ къ нимъ только нѣсколько дополненій, чтобъ объяснить, какимъ образомъ они, по моему мнѣнію, связаны одинъ съ другимъ.

Первый отрывокъ, которому я, чтобъ не смѣшиваться въ цифрахъ, далъ названіе *Бригадира*, былъ,—какъ показываетъ самый почеркъ,—писанъ юношею вскорѣ послѣ выхода изъ школы; онъ носитъ на себѣ печать ума молодого, внезапно встревоженнаго зрѣлищемъ свѣта и въ особенности того келейнаго, задушевнаго лицемѣрія, которое подъ личиной нравственныхъ сентенцій, подтачиваетъ всѣ нравственныя и общественныя связи; это еще воспоминаніе о школьныхъ тэмахъ въ классѣ литературы. Но здѣсь уже видна тайная рѣшительность; юноша не оставитъ въ праздности дѣятельной души своей. Съ тѣхъ поръ Б**, какъ кажется, распростился съ поэзіею; по-крайней-мѣрѣ, съ тѣхъ поръ, въ продолженіи восьми лѣтъ, въ его

бумагахъ нѣтъ ничего, кромѣ дѣловыхъ бумагъ, статистическихъ таблицъ и экономическихъ выкладокъ. Видно также, что онъ въ это время занимался физическими науками».

Бригадиръ.

Жилъ, жилъ, —и только что въ газетахъ
Осталось: «выѣхалъ въ Ростовъ».

Дмитріевъ.

Недавно случилось мнѣ быть при смертной постели одного изъ тѣхъ людей, въ существованіе которыхъ, какъ кажется, не вмѣшивается ни одно созвѣздіе, которые умираютъ, не оставивъ по себѣ ни одной мысли, ни одного чувства. Покойникъ всегда возбуждалъ мою зависть: онъ жилъ на семъ свѣтѣ больше полувѣка, и въ продолженіи сего времени пока цари и царства возвышались и падали, пока открытія смѣняли одно другое и превращали въ развалины все то, что́ прежде называлось законами природы и человѣчества, пока мысли, порожденныя трудами вѣковъ, разростались и увлекали за собою вселенную,—мой покойникъ на все это не обращалъ никакого вниманія: ѣлъ, пилъ, не дѣлалъ ни добра, ни зла, не былъ никѣмъ любимъ и не любилъ никого, не былъ ни веселъ, ни печаленъ; дошелъ, за выслугу лѣтъ, до чина статскаго совѣтника и отправился на тотъ свѣтъ во всемъ парадѣ: обритый, вымытый, въ мундирѣ.

Непріятно, тягостно это зрѣлище! Въ торжественную минуту кончины человѣка, душа невольно ожидаетъ сильнаго потрясенія, а вы холодны; вы ищете слезъ, а на васъ находитъ насмѣшливая, едва-ли не презрительная улыбка!... Такое состояніе не естественно, ваше внутреннее чувство нагло обмануто, растерзано; а, что̀ всего хуже, это зрѣлище заставляетъ васъ обратиться на зрѣлище, еще болѣе несносное—на самого-себя, возбуждаетъ въ васъ докучливую дѣятельность, разлучаетъ васъ съ тѣмъ сладкимъ равнодушіемъ, которое въ гладкую ледяную кору заключало для васъ все подлунное. Прощай, свинцовая дремота! Прежде съ сладострастіемъ самоубійцы вы прислушивались къ той глухой боли, которая мало по малу точитъ организмъ вашъ; а теперь вы боитесь этого вѣрнаго, неизмѣннаго наслажденія; вы начинаете по прежнему считать минуты, раскаяваться; снова рѣшаетесь на новую борьбу съ людьми и съ самимъ собою, на старыя, давно уже знакомыя вамъ страданія....

Такъ было со мною. Покойника холодно отпѣли, холодно бросили на него горсть песку, холодно совсѣмъ закрыли землею. Нигдѣ ни слезы, ни вздоха, ни слова. Разошлись; я вмѣстѣ съ другими.... мнѣ было смѣшно, грустно, душно; мысли и чувства тѣснились въ душѣ моей, перебѣгали отъ предмета къ предмету, мѣшали размышленіе съ безотчетностію, вѣру съ сомнѣніемъ, метафизику съ эпиграммой; долго волновались онѣ, какъ волшебные пары надъ треножникомъ Каліостро, и

наконецъ, мало по малу, образовали предо мною образъ покойника. И онъ явился,—точь въ точь какъ живой: указалъ мнѣ на свои брюшныя полости, вперилъ въ меня глаза, ничего невыражающіе. Тщетно хотѣлъ я бѣжать, тщетно закрывалъ лицо руками; мертвецъ всюду за мною, смѣется, прядаетъ, дразнитъ мое отвращеніе и щеголяетъ передо мною какимъ-то родственнымъ со мною сходствомъ....

«Ты смотрѣлъ холодно на мою кончину!» сказалъ мнѣ мертвецъ, и вдругъ лицо его приняло совсѣмъ иное выраженіе: я съ удивленіемъ замѣтилъ, что во взорѣ его мѣсто безчувственности заступила глубокая, неистощимая грусть; черты безсмыслія выразили лишь холодное, обжившееся отчаяніе; отсутствіе вдохновенія превратилось въ выраженіе безпрестаннаго, горькаго упрека....

«Ты даже съ насмѣшкою, съ презрѣніемъ смотрѣлъ на мои послѣднія страданія», продолжалъ онъ уныло. —«Напрасно! ты не понялъ ихъ: обыкновенно жалѣютъ, плачутъ объ умершемъ геніи, бросившемъ плодоносную мысль на почву человѣчества; о художникѣ, оставившемъ въ звукахъ и краскахъ все царство души своей; о законодателѣ, въ себѣ одномъ заключившемъ судьбу мильйоновъ; и о комъ жалѣютъ? о комъ плачутъ?—о счастливцахъ! Надъ ихъ смертною постелью витаетъ все прекрасное, ими созданное; имъ разлуку съ міромъ услаждаетъ ихъ право на гордость, отъ котораго такъ свѣжо душѣ человѣка; они въ послѣднюю минуту, больше

нежели когда нибудь, вспоминаютъ о дѣлахъ, ими совершенныхъ; въ эту минуту и похвалы, ими слышанныя и предполагаемыя, и ихъ тяжкія, таинственныя страданія, даже самая неблагодарность людей—все сливается для нихъ въ громкій, благодарственный гимнъ, который чудною гармоніею отдается въ ихъ слухѣ!—А я и мнѣ подобные? Мы въ тысячу разъ болѣе достойны слезъ и сожалѣнія! Чтó могло усладить мою послѣднюю минуту, что? развѣ безпамятство, то есть, продолженіе того же состоянія, въ которомъ я находился во всю мою жизнь? Что я оставляю по себѣ? *мое все со мною*!—А если то, чтò я говорю тебѣ теперь, пришло мнѣ въ голову въ мою послѣднюю минуту; если что либо шевелилось въ душѣ моей въ продолженіи моей жизни; если послѣднее, судорожное потрясеніе нервъ, внезапно развернуло во мнѣ жажду любви, самосвѣдѣнія и дѣятельности, заглушенную во время жизни:—буду ли я тогда достоинъ сожалѣнія?»

Я содрогнулся и проговорилъ почти про себя:— «Кто же мѣшалъ тебѣ?»

Мертвецъ не далъ мнѣ окончить, горько улыбнулся и взялъ меня за руку.

«Посмотри на эти китайскія тѣни» сказалъ онъ: «вотъ это я. Я въ домѣ отца моего. Отецъ мой занятъ службою, картами и псовою охотой. Онъ меня кормитъ, поитъ, одѣваетъ, бранитъ, сѣчетъ и думаетъ, что меня воспитываетъ. Матушка моя занята надзоромъ за нравственностію цѣлаго околодка,

и потому ей некогда присмотрѣть ни за моею, ни за своею собственною: она меня нѣжитъ, лелѣетъ, лакомитъ потихоньку отъ отца; для приличія заставляетъ меня притворяться; для благопристойности говорить не то, что́ я думаю; быть почтительнымъ къ роднѣ; выучивать наизусть слова, которыхъ она не понимаетъ,—и также думаетъ, что она меня воспитываетъ. Въ самомъ же дѣлѣ, меня воспитываютъ челядинцы: они учатъ меня всѣмъ изобрѣтеніямъ невѣжества и разврата, и—ихъ уроки я понимаю!....

«Вотъ я съ учителемъ. Онъ толкуетъ мнѣ то, чего самъ не знаетъ. Никогда не думавши о томъ, что есть у понятій естественный ходъ, онъ перескакиваетъ отъ предмета къ предмету, пропуская необходимыя связи. Ничего не остается и не можетъ остаться въ головѣ моей. Когда я не понимаю его,—онъ обвиняетъ меня въ упрямствѣ; когда я спрашиваю о чемъ,—онъ обвиняетъ меня въ умничаньѣ. Школа мнѣ мука, а ученье не развертываетъ, а только убиваетъ мои способности.

«Мнѣ еще не исполнилось 14 лѣтъ, а ужь конецъ ученью! Какъ я радъ! я ужь затянутъ въ сержантскій мундиръ; днемъ хожу въ караулъ и на ученье, а больше ѣзжу по роднѣ и начальникамъ; ночью завиваю пукли, пудрюсь и танцую до упада. Время бѣжитъ и подумать физически-некогда. Батюшка учитъ меня ходить на поклоны и подличать; матушка показываетъ мнѣ богатыхъ невѣстъ. Когда я осмѣливаюсь сдѣлать какое-нибудь возраженіе,—

это называютъ неповиновеніемъ родительской власти; когда мнѣ случайно удастся выговорить мысль, которую я не слыхалъ ни отъ батюшки, ни отъ матушки,—это называютъ вольнодумствомъ. Меня бранятъ и грозятъ мнѣ за все, за что бы должно хвалить, и хвалятъ за все, за что бы должно бранить. И естественное состояніе души моей превратилось: я запуганъ, закруженъ; къ тому же, природа, совсѣмъ некстати, снабдила меня слабыми нервами и я—*оторопѣлъ на всю жизнь*: на всѣ мои душевныя способности нашло какое-то онѣмѣніе; нѐчему развернуть ихъ: онѣ еще въ почкѣ, а ужь раздавлены всѣмъ, меня окружающимъ; нѣтъ предмета для мыслей; можетъ быть, могъ бы я думать, да не съ чего начать и не умѣю; я также не могу вообразить, что можно о чемъ нибудь думать, кромѣ моихъ ботфортовъ, какъ глухонѣмой не можетъ себѣ вообразить, что такое звукъ... Между-тѣмъ, я пью и играю, ибо иначе меня назовутъ дурнымъ товарищемъ, что́ бы мнѣ было очень прискорбно.

«Всѣ женятся. Надобно жениться и мнѣ. Вотъ я женатъ. Жена мнѣ подъ пару. А я все тотъ же: въ головѣ у меня до сихъ поръ однѣ батюшкины мысли: если какъ нибудь прійдетъ мнѣ въ голову мысль, не похожая на батюшкину, то я отъ нея отмаливаюсь, какъ отъ бѣсовскаго навожденія; боюсь быть дурнымъ сыномъ, ибо хоть не понимаю, въ чемъ состоитъ добродѣтель, но мнѣ, по инстинкту, хочется быть добродѣтельнымъ. Вотъ почему

утромъ мы съ женою сводимъ разные счеты,—ибо батюшка, пуще совѣсти, наказалъ мнѣ не растерять имѣніе, а потомъ,—потомъ туалетъ, обѣдъ, карты, танцы. Мы живемъ очень весело; время бѣжитъ и очень скоро. Когда мнѣ по инстинкту захочется перемѣнить что нибудь въ нашемъ образѣ жизни,—жена мнѣ грозитъ названіемъ дурнаго мужа, и я продолжаю ей покоряться, потому что мнѣ хочется сохранить уже пріобрѣтенное мною названіе истиннаго христіянина и человѣка съ правилами. Этому много помогаетъ то, что я усердно ѣзжу къ роднѣ, и не пропускаю ни однихъ именинъ и ни одного рожденія.

«Вотъ у меня дѣти; я очень радъ; говорятъ, что ихъ надобно воспитывать,—почему не такъ! Въ чемъ состоитъ воспитаніе—мнѣ нѣкогда было подумать, и потому я счелъ за лучшее воспользоваться батюшкиными совѣтами, и сталъ дѣтей точно также воспитывать, какъ меня воспитывали, и говорить имъ точно тѣ же слова, которыя мнѣ батюшка говорилъ. Такъ гораздо покойнѣе! Правда, многія изъ его словъ я повторяю такъ, по привычкѣ, кстати и не кстати, не присоединяя къ нимъ никакого смысла,—но что нужды!—очевидно, что отецъ не могъ мнѣ желать худаго, и потому все-таки его слова принесутъ моимъ дѣтямъ пользу, и опытность отцовъ не будетъ потеряна для дѣтей. Иногда, отъ такого повторенія чужихъ словъ, у меня краска вспыхиваетъ въ лицѣ; но чѣмъ другимъ, если не такимъ безпрестаннымъ

памятованіемъ отцовскихъ наставленій можно лучше доказать сыновнее почтеніе, и что́ мнѣ, въ свою очередь, можетъ доставить больше правъ на такое же почтеніе дѣтей моихъ?—не знаю.

«По инстинкту мнѣ захотѣлось отдать дѣтей въ общественное заведеніе; но вся родня мнѣ сказала, что въ школѣ мои дѣти потеряютъ пріобрѣтенныя ими въ домѣ правила нравственности и сдѣлаются вольнодумцами. Для сохраненія семейнаго спокойствія, я рѣшился учить ихъ дома и, не умѣя выбрать учителей, выбираю ихъ и плачу дорого; вся родня моя за то мною не нахвалится, и увѣряетъ, что на дѣтей моихъ сошло Божіе благословеніе, потому что они во всемъ на меня похожи, какъ двѣ капли воды. Но это не совсѣмъ правда: жена мнѣ много мѣшаетъ.

«Я жены моей никогда не любилъ, и что̀ такое любовь, я никогда не зналъ; я сначала не замѣчалъ этого; пока намъ говорить было нѐкогда и нѐ о чемъ, мы какъ-то уживались; теперь же, какъ народились дѣти и мы стали меньше выѣзжать,—бѣда моя приходитъ! мы ни въ чемъ съ женою не согласны: я хочу одного, она другаго; начнемъ ни съ того, ни съ сего; оба говоримъ; другъ друга не понимаемъ, и,—самъ не знаю,—всякій споръ обратится въ споръ о томъ, кто изъ насъ умнѣе, а этотъ споръ длится всегда 24 часа; и такъ, только мы вмѣстѣ, то или молчимъ, да скучаемъ, или—содомъ содомомъ! она закричитъ, я уговаривать; она завизжитъ—я кричать; она въ слезы, потомъ боль-

на—я ухаживать. Такъ проходятъ цѣлые дни; время бѣжитъ и очень скоро.

«Отъ-чего происходятъ наши ссоры—право не понимаю: мы оба, кажется, смирнаго нрава и люди (всѣ говорятъ) нравственные; я почтительный сынъ, она почтительная дочь; я уже сказалъ, что учу дѣтей своихъ тому, чему меня самъ отецъ училъ, а она учитъ, чему ее сама мать учила,—чего бы лучше? Но, къ несчастію, мой батюшка и ея матушка противорѣчили другъ другу; отъ-того мы свято исполняемъ родительскій долгъ, а сбиваемъ дѣтей съ толку: она ихъ держитъ въ хлопкахъ, я вожу на морозъ,—дѣти мрутъ; за что́ Богъ меня наказываетъ?

«Мнѣ ужь приходитъ не въ терпѣжъ и, хоть для спасенія дѣтей, я хотѣлъ-было пустить мою жену на всѣ четыре стороны; но ка̀къ я покажусь на глаза людямъ, подавши такой примѣръ безнравственности? Нѐчего дѣлать! видно вѣкъ терпѣть муку; утѣшительно, что хоть чужіе люди насъ за то хвалятъ и называютъ примѣрными супругами, потому, что хотя другъ друга терпѣть не можемъ, до живемъ вмѣстѣ по закону.

«Между-тѣмъ, время все бѣжитъ да бѣжитъ, а съ нимъ растутъ и мои чины; по чинамъ мнѣ даютъ мѣсто; по инстинкту я догадываюсь, что не могу занимать его,—ибо отъ непривычки къ чтенію, я, читая, ничего не понимаю. Но мнѣ сказали, что я буду дурнымъ отцомъ, если не воспользуюсь этимъ мѣстомъ, чтобъ пристроить дѣтей; я не захотѣлъ

быть дурнымъ отцомъ, и потому принялъ мѣсто; сначала посовѣстился, сталъ-было читать, да вижу что хуже, а потомъ отдалъ всѣ бумаги на попеченіе секретаря, а самъ принялся подписывать, да пристроивать дѣтей—чѣмъ и заслужилъ названіе добраго начальника и попечительнаго отца.

‹А время бѣжитъ да бѣжитъ; вотъ я уже переступилъ черезъ 4-й десятокъ; періодъ жизни, въ которомъ умственная дѣятельность достигаетъ высшей точки своего развитія уже прошелъ; мои брюшныя полости раздвигаются все больше и больше, и я началъ, какъ говорится, идти въ тѣло. Когда уже прежде, до сего періода, ни одна мысль не могла протолкаться мнѣ въ голову,—чему же быть теперь? Не думать сдѣлалось мнѣ привычкою, второю природой. Когда отъ ослабленія силъ нельзя мнѣ выѣхать,—мнѣ скучно, очень скучно, а отъ-чего?—самъ не знаю. Пріймусь раскладывать гранъ-пасіянсъ—скучно. Бранюсь съ женою—скучно. Пересилю себя, поѣду на вечеръ,—все скучно. Примусь за книгу—кажется, русскія слова, а словно по-татарски; придетъ пріятель, да разскажетъ, я какъ будто пойму; стану читать,—опять не понимаю. Отъ всего этого на меня находитъ что̀ говорится *хандра*, за что жена меня очень бранитъ; она спрашиваетъ меня: развѣ чего мнѣ не достаетъ, или я въ чемъ несчастенъ?—я приписываю все это геморрою.

‹Вотъ я болѣнъ, въ первый разъ жизни; я тяжело болѣнъ,—меня уложили въ постель. Какъ не-

пріятно быть больнымъ! Нѣтъ сна, нѣтъ апетита! какъ скучно! а вотъ и страданія! чѣмъ заглушить ихъ? Какъ пріѣдутъ люди поговорить,—ибо вся моя родня свято наблюдаетъ родственныя связи,—то какъ будто легче, а все скучно и страшно. Но что-то родные начинаютъ чаще пріѣзжать; они что-то шепчутся съ докторомъ,—плохо! Ахти! говорятъ ужь мнѣ о причастіи, о соборованіи масломъ. Ахъ! они всѣ такіе хорошіе христіяне,—но вѣдь это значитъ, что я уже при послѣднемъ концѣ. Такъ нѣтъ уже надежды? Должно оставить жизнь,—все: и обѣды, и карты, и мой шитый мундиръ, и четверку вороныхъ, на которыхъ я еще не успѣлъ поѣздить,—ахъ, какъ тяжело! Принесите мнѣ показать новую ливрею; позовите дѣтей; нельзя ли еще помочь? призовите еще докторовъ; дайте какого хотите лекарства; отдайте половину моего имѣнія, все мое имѣніе:—поживу, наживу—только помогите, спасите!...

«Но вдругъ сцена перемѣнилась: страшная судорога потрясла мои нервы и какъ завѣса упала съ глазъ моихъ. Все, что́ тревожитъ душу человѣка, одареннаго сильною дѣятельностію: ненасытная жажда познаній, стремленіе дѣйствовать, потрясать сердца̀ силою слова, оставить по себѣ рѣзкую бразду въ умахъ человѣческихъ,—въ возвышенномъ чувствѣ, какъ въ жаркихъ объятіяхъ, обхватить и природу, и человѣка,—все это запылало въ головѣ моей: предо мною раскрылась бездна любви и человѣческаго самосвѣдѣнія. Страданія цѣлой

жизни генія, неутолимыя никакимъ наслажденіемъ, врѣзались въ мое сердце и все это въ ту минуту, когда былъ конецъ моей дѣятельности. Я метался, рвался, произносилъ отрывистыя слова, которыми въ одинъ мигъ хотѣлъ высказать себѣ то, на что недостаточно человѣческой жизни; родные воображали, что я въ безпамятствѣ. О, какимъ языкомъ выразить мои страданія! Я началъ *думать!* Думать—страшное слово послѣ шестидесяти-лѣтней безсмысленной жизни! Я понялъ *любовь!* любовь—страшное слово послѣ шестидесяти-лѣтней безчувственной жизни!

«И вся жизнь моя предстала мнѣ во всей отвратительной наготѣ своей!

«Я позабылъ всѣ обстоятельства, встрѣтившія меня съ моего рожденія; всѣ неумолимыя условія общества, которыя связывали меня въ продолженіе жизни. Я видѣлъ одно: посрамленные мною дары Провидѣнія! И всѣ минуты моего существованія, затоптанныя въ безсмысліи, приличіяхъ, ничтожествѣ, слились въ одинъ страшный упрекъ, и жгучимъ холодомъ обдавали мое сердце!

«Тщетно искалъ я въ своемъ существованіи одной мысли, одного чувства, которыми бъ я могъ прикрыться отъ гнѣва Вседержителя! Пустыня отвѣчала мнѣ, и въ дѣтяхъ моихъ я видѣлъ продолженіе моего ничтожества: ахъ! если бы я могъ говорить, если бы я могъ вразумить меня окружающихъ, еслибъ могъ подѣлиться собою съ ними, дать ощутить имъ то чувство, которымъ догарала

душа моя! Тщетно я простиралъ мои руки къ людямъ, — хладныя, загрубѣлыя — онѣ хотѣли познать дружеское пожатіе; но человѣчество чуждалось нѣмѣющаго трупа—и я видѣлъ лишь одного себя передъ собою,—себя, одинокаго, безобразнаго! Я жаждалъ взора, который бы отрадою сочувствія пролился въ мою душу—и встрѣтилъ лишь насмѣшливое презрѣніе на лицѣ твоемъ! Я понялъ его, я раздѣлилъ его! и съ страшною, неотвратимою, вѣчною горечью оставилъ земную оболочку!... Теперь, если хочешь, не сожалѣй обо мнѣ, не плачь обо мнѣ, презирай меня!»

Кровавыя слезы покатились по синимъ щекамъ мертвеца, и онъ исчезъ съ грустною улыбкой.... Я возвратился на его могилу, преклонилъ колѣни, молился и долго плакалъ; не знаю, поняли ли проходящіе, о чемъ я плакалъ....

Послѣ восьмилѣтней уединенной жизни, посвященной сухимъ цифрамъ и выкладкамъ, сочинитель сихъ отрывковъ, кажется, началъ уже ощущать неудовлетворительность своихъ теорій, и для того ли, чтобъ разсѣять себя, или чтобъ послушать мнѣній живыхъ людей, или даже, чтобъ минутнымъ отдыхомъ освѣжить свои силы, онъ бросился въ свѣтскій вихрь. Эта атмосфера была ему не по сердцу и, вѣроятно, въ минуту досады, онъ набросалъ на бумагу эти строки, изъ которыхъ однимъ я далъ названіе *Бала*; другой отрывокъ носитъ на себѣ заглавіе ***Мститель***; въ обѣихъ статьяхъ отра-

жается и нѣкоторая напыщенность, обыкновенная человѣку дѣловому, принявшемуся за поэтическое перо, и какая-то статистическая привычка къ исчисленіямъ; и вмѣстѣ впечатлѣніе, произведенное на сочинителя чтеніемъ новыхъ романовъ,—чтеніемъ, необходимымъ для посѣтителя гостиныхъ.

Балъ.

Gaudium magnum nuntio vobis (*).

1.

Побѣда! побѣда! читали вы бюллетень? важная побѣда! историческая побѣда! особенно отличились картечь и разрывныя бомбы; десять тысячъ убитыхъ; вдвое противъ того отнесено на перевязку; рукъ и ногъ груды; взяты пушки съ бою; привезены знамена, обрызганныя кровью и мозгомъ; на иныхъ отпечатались кровавыя руки. Какъ, за чѣмъ, изъ за чего была свалка знаютъ немногіе и то про себя; но что нужды! побѣда! побѣда! во всемъ городѣ радость! сигналъ поданъ: праздникъ за праздникомъ; никто не хочетъ отстать отъ другихъ. Тридцать тысячъ вонъ изъ строя! Шутка ли! все веселится поетъ и пляшетъ.....

Балъ разгорался часъ отъ часу сильнѣе; тонкій чадъ волновался надъ безчисленными тускнѣющи-

---

(*) „Великую радость возвѣщаю вамъ"—обыкновенная формула, которою въ Римѣ объявляется объ избраніи Папы.

ми свѣчами; сквозь него трепетали штофные занавѣсы, мраморныя вазы, золотыя кисти, барельефы, колонны, картины; отъ обнаженной груди красавицъ поднимался знойный воздухъ и часто, когда пары, будто бы вырвавшіяся изъ рукъ чародѣя, въ быстромъ круженіи промелькали передъ глазами,— васъ, какъ въ безводныхъ степяхъ Аравіи, обдавалъ горячій, удушающій вѣтеръ; часъ отъ часу скорѣе развивались душистые локоны; смятая дымка небрежнѣе свертывалась на распаленныя плечи; быстрѣе бился пульсъ; чаще встрѣчались руки, близились вспыхивающія лица; томнѣе дѣлались взоры, слышнѣе смѣхъ и шопотъ; старики поднимались съ мѣстъ своихъ, расправляли безсильные члены и въ полупотухшихъ, остолбенѣлыхъ глазахъ мѣшалась горькая зависть съ горькимъ воспоминаніемъ прошедшаго,—и все вертѣлось, прыгало, бѣсновалось въ сладострастномъ безуміи....

На небольшомъ возвышеніи съ визгомъ скользили смычки по натянутымъ струнамъ; трепеталъ могильный голосъ волторнъ, и однообразные звуки литавръ отзывались насмѣшливымъ хохотомъ. Сѣдой капельмейстеръ, съ улыбкой на лицѣ, внѣ себя отъ восторга, безпрестанно учащалъ размѣръ и взоромъ, тѣлодвиженіями возбуждалъ утомленныхъ музыкантовъ.

— «Не правда ли?» говорилъ онъ мнѣ отрывисто, не оставляя смычка: «не правда ли? я говорилъ, что балъ будетъ на славу—и сдержалъ свое слово; все дѣло въ музыкѣ; я ее нарочно такъ и составилъ,

чтобы она съ мѣста поднимала.... не давала бы задуматься.... такъ приказано».... въ сочиненіяхъ славныхъ музыкантовъ есть странныя мѣста—я славно подобралъ ихъ—въ этомъ все дѣло;—вотъ, слышите: это вопль Доны-Анны, когда Донъ-Жуанъ насмѣхается надъ нею; вотъ стонъ умирающаго командора; вотъ минута, когда Отелло начинаетъ вѣрить своей ревности,—вотъ послѣдняя молитва Дездемоны».

Еще долго капельмейстеръ исчислялъ мнѣ всѣ человѣческія страданія, получившія голосъ въ произведеніяхъ славныхъ музыкантовъ; но я не слушалъ его болѣе,—я замѣтилъ въ музыкѣ что-то обворожительно-ужасное: я замѣтилъ, что къ каждому звуку присоединялся другой звукъ болѣе пронзительный, отъ котораго холодъ пробѣгалъ по жиламъ и волосы дыбомъ становились на головѣ; прислушиваюсь: то какъ-будто крикъ страждущаго младенца, или буйный вопль юноши, или визгъ матери надъ окровавленнымъ сыномъ, или трепещущее стенаніе старца, и всѣ голоса различныхъ терзаній человѣческихъ явились мнѣ разложенными по степенямъ одной безконечной гаммы, продолжавшейся отъ перваго вопля новорожденнаго до послѣдней мысли умирающаго Байрона: каждый звукъ вырывался изъ раздраженнаго нерва и каждый напѣвъ былъ судорожнымъ движеніемъ.

Этотъ страшный оркестръ темнымъ облакомъ висѣлъ надъ танцующими,—при каждомъ ударѣ оркестра вырывались изъ облака: и громкая рѣчь

негодованія; и прерывающійся лепетъ побѣжденнаго болью; и глухой говоръ отчаянія; и рѣзкая скорбь жениха, разлученнаго съ невѣстою; и раскаяніе измѣны; и крикъ разъяренной, торжествующей черни; и насмѣшка невѣрія; и безплодное рыданіе генія; и таинственная печаль лицемѣра; и плачь; и взрыдъ; и хохотъ.... и все сливалось въ неистовыя созвучія, которыя громко выговаривали проклятіе природѣ и ропотъ на провидѣніе; при каждомъ ударѣ оркестра выставлялись изъ него то посинелое лицо изнеможеннаго пыткою, то смѣющіеся глаза сумасшедшаго, то трясущіяся колѣна убійцы, то спекшіяся уста убитаго; изъ темнаго облака капали на паркетъ кровавыя капли и слезы,—по нимъ скользили атласные башмаки красавицъ.... и все по прежнему вертѣлось, прыгало, бѣсновалось въ сладострастно-холодномъ безуміи....

Свѣчи нагорѣли и меркнутъ въ удушливомъ парѣ. Если сквозь колеблющійся туманъ всмотрѣться въ толпу, то иногда кажется, что пляшутъ не люди.... въ быстромъ движеніи съ нихъ слетаетъ одежда, волосы, тѣло.... и пляшутъ скелеты постукивая другъ о друга костями.... а надъ ними подъ ту же музыку тянется вереница другихъ скелетовъ изломанныхъ, обезображенныхъ.... но въ залѣ ничего этого не замѣчаютъ.... все пляшетъ и бѣснуется какъ ни въ чемъ не бывало.

2.

Долго за разсвѣтъ длился балъ; долго поднятые съ постели житейскими заботами останавливались посмотрѣть на мелькающія тѣни въ свѣтлыхъ окошкахъ.

Закруженный, усталый, истерзанный его мучительнымъ весельемъ, я выскочилъ на улицу изъ душныхъ комнатъ и впивалъ въ себя свѣжій воздухъ; утренній благовѣстъ терялся въ шумѣ разъѣзжающихся экипажей; предо мною были растворенныя двери храма.

Я вошелъ; въ церкви пусто, одна свѣча горѣла предъ иконою, и тихій голосъ священника раздавался подъ сводами: онъ произносилъ завѣтныя слова любви, вѣры, надежды; онъ возвѣщалъ таинство искупленія, онъ говорилъ о Томъ, кто соединилъ въ себѣ всѣ страданія человѣка; онъ говорилъ о высокомъ созерцаніи божества, о мирѣ душевномъ, о милосердіи къ ближнему, о братскомъ соединеніи человѣчества, о забвеніи обидъ, о прощеніи врагамъ, о тщетѣ замысловъ богопротивныхъ, о безпрерывномъ совершенствованіи души человѣка, о смиреніи предъ судьбами Всевышняго; онъ молился объ убіенныхъ и убійцахъ, онъ молился объ оглашенныхъ, о предстоящихъ!

Я бросился къ притвору храма, хотѣлъ удержать бѣснующихся страдальцевъ, сорвать съ сладострастнаго ложа ихъ помертвѣлое сердце, возбудить его отъ холоднаго сна огненною гармоніею любви

и вѣры,—но уже было поздно! всѣ проѣхали мимо церкви и никто не слыхалъ словъ священника.....

Мститель.

.... Злодѣй торжествовалъ. Но въ эту минуту я увидѣлъ человѣка, который пристально устремилъ глаза свои на счастливца. Въ сихъ неподвижныхъ глазахъ я видѣлъ благородную злобу и ненасытное, неумолимое, но высокое мщеніе; его взоры до костей проникали счастливца; они поняли все, всю глубину его низости, исчислили всѣ беззаконныя трепетанія его сердца, угадали всѣ нечистые разсчеты ума... грозная улыбка была на устахъ незнакомца.... онъ не оставитъ счастливца, нигдѣ преступный не укроется отъ ядовитаго острія, образъ нравственнаго чудовища врѣзался въ памяти мстителя, и когда-нибудь онъ совершитъ надъ счастливцемъ очистительную тризну, сдернетъ съ него его блистательные покровы, и обнаженнаго, во всей его гнусности вытолкнувъ на лобное мѣсто, позоромъ заклеймитъ лицо его до третьяго поколѣнія... И въ юношѣ пробѣжитъ святой огонь негодованія, старецъ трепещущею рукою укажетъ на счастливца своимъ внукамъ; можетъ быть, когдалибо въ тишинѣ ночи, посреди радостей домашняго счастія, жена, завлеченная очаровательнымъ разсказомъ поэта, вдругъ закроетъ лицо руками, и воскликнетъ: это мужъ мой! Можетъ-быть, по-

среди шумной бесѣды, юноша прислушается къ разговору товарищей, раздѣлитъ съ ними глубокую насмѣшку, возбужденную словомъ поэта, и вдругъ, опамятовавшись, скажетъ въ душѣ своей: это отецъ мой!

И счастливецъ удивится, отъ-чего, посреди всѣхъ даровъ счастія, онъ не находитъ привѣтной улыбки; отъ-чего не возбуждаетъ ни чьего участія, отъ-чего содрогается жена въ его объятіяхъ, отъ-чего, при взорѣ на него, краска стыда выступаетъ на лицо его сына; поверженный на одръ болѣзни, съ ослабленными силами, съ сжатымъ сердцемъ, онъ будетъ вокругъ себя искать того сладкаго участія, которое, какъ баснословный элексиръ жизни, врачуетъ всѣ язвы,—но заклейменный поэтомъ образъ будетъ между счастливцемъ и его друзьями; этотъ образъ удержитъ руку, протягивающуюся къ страдальцу, обратитъ стонъ его въ презрѣнное лепетаніе ядовитаго насѣкомаго, сожалѣніе—въ невольную улыбку, помощь—въ тягостный долгъ, и счастливецъ познаетъ весь ужасъ безплоднаго раскаянія; онъ будетъ искать ту невидимую руку, которая поразила его, но эта рука уже забыла о немъ, она ведетъ новыя жертвы къ алтарю Немезиды, гдѣ совершается таинственное служеніе поэта во времена духовнаго смрада и общественнаго гніенія....

Кажется, что нашъ сочинитель завертѣлся въ свѣтскомъ вихрѣ долѣе, нежели сколько ему хотѣлось, и по самой простой причинѣ: онъ влюбился. Но, видно, это новое занятіе не удалось ему, и онъ отъ любви вкусилъ только горькіе плоды. Въ отрывкѣ, который онъ самъ назвалъ: *Насмѣшка Мертваго*, видны страданія, которыя можетъ испытать только тотъ, кто не привыкъ ежедневно издерживать свою душу и чувствуетъ рѣдко, но сильно, и вмѣстѣ съ тѣмъ видна уже иронія противъ прежнихъ наставниковъ-бухгалтеровъ, которыхъ разсчеты не могли ему принести никакой пользы въ его предпріятіи.

Насмѣшка Мертвеца.

Ревѣла осенняя буря; рѣка рвалася изъ береговъ; по широкимъ улицамъ качалися фонари; отъ нихъ тянулись и шевелились длинныя тѣни; казалось, то подымались съ земли, то опускались темныя кровли, барельефы, окна. Въ городѣ еще все было въ движеніи; прохожіе толпились по троттуарамъ; запоздавшія красавицы, какъ-будто отъ бури, то закрывали, то открывали свои личики, то оборачивались, то останавливались; толпа молодежи ихъ преслѣдовала и, смѣясь, благодарила вѣтеръ за его невѣжливость: степенные люди осуждали то тѣхъ, то другихъ, и продолжали путь свой жалѣя, что имъ самимъ уже поздно за то же приняться; коле-

са то быстро, то лѣниво стучали о мостовую; звукъ уличныхъ рылей носился по воздуху; и изъ всѣхъ этихъ разнообразныхъ, отдѣльныхъ движеній, составлялось одно общее, которымъ дышало, жило это странное чудовище, складенное изъ груды людей и камней, которое называютъ многолюднымъ городомъ. Одно небо было чисто, грозно, неподвижно, и тщетно ожидало взора, который бы поднялся къ нему.

Вотъ, съ моста, вздутаго прибывшей волною, вихремъ скатилась пышная, щегольская карета, во всемъ похожая на другія, но въ которой было нѣчто такое, почему прохожіе останавливаются, говорятъ другъ-другу: «Это, вѣрно, молодые!» и съ глупою радостью долго провожаютъ карету глазами.

Въ каретѣ сидѣла молодая женщина; блестящая перевязка струилась между ея черными локонами, и перевивалась съ нераспустившимися розами; голубой бархатный плащъ ожималъ широкую блонду, которая, вырываясь изъ своей темницы, волновалась надъ лицомъ красавицы, какъ тѣ воздушныя занавѣски, которыми живописцы оттѣняютъ портреты своихъ прелестницъ.

Подлѣ нея сидѣлъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ одимъ изъ тѣхъ лицъ, которыя не поражаютъ васъ ни тѣлеснымъ безобразіемъ, ни душевной красотою; которыя не привлекаютъ васъ и не отталкиваютъ. Васъ бы не оскорбило встрѣтиться съ этимъ человѣкомъ въ гостиной; но вы двадцать

разъ прошли бы мимо, не замѣтивъ его, но вы не сказали бъ ему ни одного сердечнаго слова, но при немъ бы вы побоялись того чувства, которое невольно вырывается изъ бездны душевной и терзаетъ васъ, пока вы не дадите ему тѣла и образа. Словомъ, въ минуту сильной умственной дѣятельности, вамъ было бы неловко, безпокойно съ этимъ человѣкомъ; въ минуту вдохновенія—вы бы выкинули его за окошко.

Испуганная валами разъяренной рѣки, грознымъ завываніемъ вѣтра, красавица невольно то выглядывала въ окошко, то робко прижималась къ своему товарищу; товарищъ утѣшалъ ее тѣми пошлыми словами, которыя издавно изобрѣло холодное малодушіе, которыя произносятся безъ увѣренности и принимаются безъ убѣжденія. Между-тѣмъ, карета быстро приближалась къ ярко-освѣщенному дому, гдѣ въ окнахъ мелькали тѣни подъ веселый ритмъ бальной музыки.

Вдругъ карета остановилась: раздалось протяжное пѣніе; улица освѣтилась багровымъ пламенемъ; нѣсколько человѣкъ съ факелами; за ними гробъ медленно двигался черезъ улицу. Красавица выглянула; сильный порывъ вѣтра отогнулъ оледенѣлый покровъ съ мертвеца, и ей показалось, что мертвецъ приподнялъ посинѣлое лицо и посмотрѣлъ на нее съ той неподвижной улыбкой, которою мертвые насмѣхаются надъ живыми. Красавица ахнула, и, въ безпамятствѣ, прижалась ко внутренней стѣнкѣ кареты.

Красавица нѣкогда видала этого молодаго человѣка. Видала! она знала его, знала всѣ изгибы души его, понимала каждое трепетаніе его сердца, каждое недоговоренное слово, каждую незамѣтную черту на лицѣ его; она знала, понимала все это, но, на ту-пору, одно изъ тѣхъ людскихъ мнѣній, которое люди называютъ вѣчнымъ, необходимымъ основаніемъ семейственнаго счастія и которому приносятъ въ жертву и геній, и добродѣтель, и состраданіе, и здравый смыслъ, все это на нѣсколько мѣсяцевъ,—одно изъ такихъ мнѣній поставляло непреоборимую преграду между красавицею и молодымъ человѣкомъ. И красавица покорилась. Покорилась не чувству,—нѣтъ, она затоптала святую искру, которая было—затеплилась въ душѣ ея, и, падши, поклонилась тому демону, который раздаетъ счастье и славу міра; и демонъ похвалилъ ея повиновеніе, далъ ей «хорошую партію», и назвалъ ея разсчетливость—добродѣтелью, ея подобострастіе — благоразуміемъ, ея оптическій обманъ—влеченіемъ сердца; и красавица едва не гордилась его похвалою.

Но въ любви юноши соединялось все святое и прекрасное человѣка; ея роскошнымъ огнемъ жила жизнь его, какъ блестящій, благоухающій алоэсъ подъ опалою солнца; юношѣ были родными тѣ минуты, когда надъ мыслію проходитъ дыханіе бурно; тѣ минуты, въ которыя живутъ вѣка; когда ангелы присутствуютъ таинству души человѣческой и таинственные зародыши будущихъ поко-

лѣній со страхомъ внимаютъ рѣшенію судьбы своей.

Да! много будущаго было въ этой мысли, въ этомъ чувствѣ. Но имъ ли оковать лѣнивое сердце свѣтской красавицы, безпрерывно охлаждаемое разсчетами приличій? Имъ ли плѣнить умъ, безпрестанно сводимый съ толку тѣми судьями общаго мнѣнія, которые постигли искусство судить о другихъ по себѣ, о чувствѣ по разсчету, о мысли по тому, что̀ имъ случилось видѣть на свѣтѣ, о поэзіи по чистой прибыли, о вѣрѣ по политикѣ, о будущемъ по прошедшему?

И все было презрѣно: и безкорыстная любовь юноши, и силы, которыя она оживляла.... Красавица назвала свою любовь порывомъ воображенія, мучительное терзаніе юноши—преходящею болѣзнью ума, мольбу его взоровъ—модною, поэтическою причудою. Все было презрѣно, все было забыто. Красавица провела его черезъ всѣ мытарства оскорбленной любви, оскорбленной надежды, оскорбленнаго самолюбія....

Что́ я разсказалъ долгими рѣчами, то въ одно мгновеніе пролетѣло черезъ сердце красавицы при видѣ мертваго: ужасною показалась ей смерть юноши,—не смерть тѣла, нѣтъ! черты искаженнаго лица разсказывали страшную повѣсть о другой смерти. Кто знаетъ, что́ сталось съ юношей, когда, сжатыя холодомъ страданія, порвались струны на гармоническомъ орудіи души его; когда изнемогъ онъ, замученный недоговоренною жизнію; когда

истощилась душа на тщетное бореніе и, униженная, но не убѣжденная, съ хохотомъ отвергла даже сомнѣніе,—послѣднюю, святую искру души—умирающей. Можетъ-быть, она вызвала изъ ада всѣ изобрѣтенія разврата; можетъ-быть, постигла сладость коварства, нѣгу мщенія, выгоды явной, безстыдной подлости; можетъ-быть, сильный юноша, распаливши сердце свое молитвою, проклялъ все доброе въ жизни! Можетъ-быть, вся та дѣятельность, которая была предназначена на святой подвигъ жизни, углубилась въ науку порока, исчерпала ея мудрость съ тою же силой, съ которою она нѣкогда исчерпала бы науку добра; можетъ-быть, та дѣятельность, которая должна была помирить гордость познанія съ смиреніемъ вѣры, слила горькое, удушающее раскаяніе съ самою минутою преступленія....

Карета остановилась. Блѣдная, трепещущая красавица едва могла идти по мраморнымъ ступенямъ, хотя насмѣшки мужа и возбуждали ея ослабѣвшія силы.—Вотъ она вошла; она танцуетъ; но кровь поднимается въ ея голову; деревянная рука, которая увлекаетъ ее за танцующими, напоминаетъ ей ту пламенную руку, которая судорожно сжималась, прикасаясь до ея руки; безсмысленный грохотъ бальной музыки отзывается ей той мольбою, которая вырывалась изъ души страстнаго юноши.

Между толпами бродятъ разныя лица; подъ веселый напѣвъ контрданса свиваются и развиваются тысячи интригъ и сѣтей; толпы подобо-

страстныхъ аэролитовъ вертятся вокругъ одно-дневной кометы; предатель униженно кланяется своей жертвѣ; здѣсь послышалось незначущее слово, привязанное къ глубокому, долголѣтнему плану; тамъ улыбка презрѣнія скатилась съ великолѣпнаго лица и оледѣнила какой-то умоляющій взоръ; здѣсь тихо ползутъ темные грѣхи и торжественная подлость гордо носитъ на себѣ печать отверженія....

Но послышался шумъ.... вотъ красавица обернулась, видитъ—иные шепчутъ между собою.... иные быстро побѣжали изъ комнаты и трепещущіе возвратились... Со всѣхъ сторонъ раздается крикъ: «Вода! вода!», всѣ бросились къ дверямъ: но уже поздно! Вода захлеснула весь нижній этажъ. Въ другомъ концѣ залы еще играетъ музыка; тамъ еще танцуютъ, тамъ еще говорятъ о будущемъ, тамъ еще думаютъ о вчера-сдѣланной подлости, о той, которую надобно сдѣлать завтра; тамъ еще есть люди, которые ни о чемъ не думаютъ. Но вскорѣ всюду достигла страшная вѣсть, музыка прервалась, все смѣшалось.

Отъ-чего жь поблѣднѣли всѣ эти лица? Отъ-чего стиснулись зубы у этого ловкаго, краснорѣчиваго ритора? Отъ-чего такъ залепеталъ языкъ у этого угрюмаго героя? Отъ-чего такъ забѣгала эта важная дама, эта блонда пополамъ съ грязью? О чемъ спрашиваетъ этотъ великолѣпный мужъ, для котораго и лишній взглядъ казался оскорбленіемъ?.... Ка̀къ, милостивые государи, такъ есть на свѣтѣ

нѣчто, кромѣ вашихъ ежедневныхъ интригъ, происковъ, разсчетовъ? Не правда! пустое! все пройдетъ! опять наступитъ завтрашній день! опять можно будетъ продолжать начатое! свергнуть своего противника, обмануть своего друга, доползти до новаго мѣста! Послушайте: вотъ, нѣкоторые смѣльчаки, которые больше другихъ не думали ни о жизни, ни о смерти, увѣряютъ, что опасность не велика, и что вода сейчасъ начнетъ убавляться: они смѣются, шутятъ, предлагаютъ продолжать танцы, карточную игру; они радуются случаю остаться вмѣстѣ до завтрашней ночи; вы, въ продолженіе этого времени, не потерпите ни малѣйшаго неудовольствія. Смотрите: въ той комнатѣ приготовлены столы, роскошныя вина кипятъ въ хрустальныхъ сосудахъ, всѣ произведенія природы сжаты для васъ на золотыхъ блюдахъ; нѣтъ дѣла, что вокругъ васъ раздаются стоны погибающихъ; вы люди мудрые, вы пріучили свое сердце не увлекаться этими слабодушными движеніями. Но вы не слушаете, но вы трепещете, холодный потъ обдаетъ васъ, вамъ страшно. И подлинно: вода все растетъ и растетъ; вы отворяете окошко, зовете о помощи: вамъ отвѣчаетъ свистъ бури, и бѣлесоватыя волны какъ разъяренные тигры кидаются въ свѣтлыя окна. Да! въ-самомъ-дѣлѣ, ужасно. Еще минута, и взмокнутъ эти роскошныя, дымчатыя одежды вашихъ женщинъ! Еще минута, и то, что такъ отрадно отличало васъ отъ толпы, только прибавитъ къ вашей тяжести и повлечетъ васъ на

холодное дно. Страшно! страшно! Гдѣ же всемощныя средства науки, смѣющейся надъ усиліями природы?.... Милостивые государи, наука замерла подъ вашимъ дыханіемъ. Гдѣ же великодушные люди, готовые на жертву для спасенія ближняго? Милостивые государи—вы втоптали ихъ въ землю, имъ уже не приподняться. Гдѣ же сила любви, двигающей горы? Милостивые государи, вы задушили ее въ своихъ объятіяхъ. Что́ же остается вамъ?.... Смерть, смерть, смерть ужасная! медленная! Но ободритесь: что жь такое смерть? Вы люди дѣльные, благоразумные; правда—вы презрѣли голубиную цѣлость, за то постигли змѣиную мудрость;—не-уже-ли то, о чемъ посреди тонкихъ, смѣтливыхъ разсужденій вашихъ вы никогда и не помышляли, можетъ быть дѣломъ столь важнымъ? Призовите на помощь свою прозорливость, испытайте надъ смертію ваши обыкновенныя средства: испытайте, нельзя ли обмануть ее льстивою рѣчью? нельзя ли подкупить ее? наконецъ, нельзя ли оклеветать? не пойметъ ли она вашего многозначительнаго неумолимаго взгляда?... Но всё тщетно! Вотъ уже колеблются стѣны, рухнуло окошко, рухнуло другое, вода хлынула въ нихъ, наполнила залъ; вотъ въ проломѣ явилось что-то огромное, черное.... Не средство ли къ спасенію? Нѣтъ, черный гробъ внесло въ залъ,—мертвый пришелъ посѣтить живыхъ и пригласить ихъ на свое пиршество! Свѣчи затрещали и погасли, волны хлещутъ по паркету, все поднимаютъ и опрокидываютъ, что̀ ни встрѣтится;

картины, зеркала, вазы съ цвѣтами,—все смѣшалось, все трещитъ, все валится; иногда изъ-подъ хлеста волнъ вынырнетъ испуганное лицо, раздастся пронзительный крикъ, и оба исчезнутъ въ пучинѣ; лишь по верху носится открытый гробъ, то бьется объ драгоцѣнные остатки уцѣлѣвшей статуи, то снова отпрянетъ на средину зала....

Тщетно красавица проситъ о помощи, зоветъ мужа—она чувствуетъ, какъ облипло на ней платье, какъ отяжелѣло, какъ тянетъ ее въ глубину.... Вдругъ съ трескомъ рухнулись стѣны, раздался потолокъ,—и гробъ, и все бывшее въ залѣ волны вынесли въ необозримое море.... Все замолкло; лишь реветъ вѣтеръ, гонитъ мелкія, дымчатыя облака передъ луною, и ея свѣтъ по временамъ какъ-будто синею молніею освѣщаетъ грозное небо и неумолимую пучину. Открытый гробъ мчится по ней; за нимъ волны влекутъ красавицу. Они одни посрединѣ бунтующей стихіи: она и мертвецъ, мертвецъ и она; нѣтъ помощи, нѣтъ спасенія! Ея члены закостенѣли, зубы стиснулись, истощились силы; въ безпамятствѣ она ухватилась за окраину гроба,—гробъ нагибается, голова мертвеца прикасается до головы красавицы, холодныя капли съ лица его падаютъ на ея лицо, въ остолбенѣлыхъ глазахъ его упрекъ и насмѣшка. Пораженная его взоромъ, она то оставляетъ гробъ, то снова, мучась невольною любовью къ жизни, хватается за него,—и снова гробъ нагибается и лицо мертвеца виситъ надъ ея лицомъ,—и снова

дождитъ на него холодными каплями,—и, не отворяя устъ, мертвецъ хохочетъ: «Здравствуй, Лиза! благоразумная Лиза!....» и непреоборимая сила влечетъ на дно красавицу. Она чувствуетъ: соленая вода омываетъ языкъ ея, съ свистомъ наливается въ уши, бухнетъ мозгъ въ ея головѣ, слѣпнутъ глаза; а мертвецъ все тянется надъ нею, и слышится хохотъ: «Здравствуй, Лиза! благоразумная Лиза!....»......

Когда Лиза очнулась,—она лежала на своей постели; солнечные лучи золотили зеленую занавѣску; въ длинныхъ креслахъ мужъ, сердито зѣвая, разговаривалъ съ докторомъ.

— Изволите видѣть, говорилъ докторъ:—это очень ясно: всякое сильное движеніе души, происходящее отъ гнѣва, отъ болѣзни, отъ испуга, отъ горестнаго воспоминанія, всякое такое движеніе дѣйствуетъ непосредственно на сердце; сердце въ свою очередь дѣйствуетъ на мозговые нервы, которые, соединясь съ наружными чувствами, нарушаютъ ихъ гармонію; тогда человѣкъ приходитъ въ какое-то полусонное состояніе, и видитъ особенный міръ, въ которомъ одна половина предметовъ принадлежитъ къ дѣйствительному міру, а другая половина къ міру, находящемуся внутри человѣка....

Мужъ давно уже его не слушалъ. Въ то время, на подъѣздѣ встрѣтились два человѣка.

— Ну, что княгиня? спросилъ одинъ другого.

— Да ничего! дамскія причуды! Только-что

испортила нашъ балъ своимъ обморокомъ. Я увѣренъ, что это было не что иное, какъ притворство.... хотѣлось обратить вниманіе.

— Ахъ, не брани ея! возразилъ первый:—бѣдненькая! я чай, и безъ того ей досталось отъ мужа. Впрочемъ, и всякому будетъ досадно: онъ отроду не бывалъ еще въ такомъ ударѣ; представь себѣ, онъ десять разъ сряду замаскировалъ короля, въ четверть часа выигралъ пять тысячь, и если бы не....

Разговаривающіе удалились.

Съ годъ спустя послѣ этого обморока, на балѣ у Б***, человѣкъ пожилыхъ лѣтъ говорилъ одной дамѣ:—Ахъ, какъ я радъ, что встрѣтился съ вами! у меня есть до васъ просьба, княгиня. Вы будете завтра вечеромъ дома?....

— На что вамъ это?

— Меня просятъ вамъ представить одного, какъ говорятъ, очень замѣчательнаго молодаго человѣка....

— Ахъ, Бога ради, возразила дама съ негодованіемъ:—избавьте меня отъ этихъ замѣчательныхъ молодыхъ людей съ ихъ мечтами, чувствами, мыслями! Говоря съ ними, надобно еще думать о томъ, что́ говоришь, а думать для меня и скучно и безпокойно. Я ужь объ этомъ объявила всѣмъ моимъ знакомымъ. Приводите ко мнѣ такихъ, которые безъ претензій, которые прекрасно говорятъ о сплетняхъ, о балѣ, о раутѣ и только; я имъ буду очень рада и для нихъ мои двери всегда отворены....

Я долгомъ считаю замѣтить, что эта дама была княгиня, а говорившій съ нею мужчина—мужъ ея....

Оскорбленный, измученный юноша вырвался изъ свѣтскаго вихря и думалъ забыть свое страданіе въ прежнихъ трудахъ своихъ, въ прежнихъ цифрахъ, но сердце его, раздраженное чувствомъ любви, уже не было согласно съ его разсудкомъ; оно не могло и побѣдить его, ибо инстинктъ сердца едва начиналъ развиваться; мало по малу юноша разувѣрился во всемъ, даже въ бытіи науки, даже въ совершенствованіи человѣчества; но логическій, положительный умъ дѣйствовалъ со всею силою и облекалъ собственныя страданія юноши въ формы силлогизмовъ, и все то, что́ прежде казалось ему легко преодолимою трудностію, явилось въ видѣ страшнаго, всепожирающаго діалектическаго сомнѣнія. Чтобы поразить это чудовище, нужно было нѣчто другое, кромѣ выкладокъ; онъ вполнѣ ощутилъ все ихъ безсиліе, но, привыкшій къ сему орудію, не зналъ другаго. Съ этой минуты, кажется, началось разстройство ума его; болѣзнь оскорбленной любви слилась съ болѣзнію неудовлетвореннаго разума, и это страшное состояніе организма излилось на бумагу, въ видѣ чудовищнаго созданія, которому онъ самъ далъ названіе: *Послѣдняго Самоубійства*. Это вмѣстѣ и горькая насмѣшка надъ нелѣпыми выкладками англійскаго экономиста, и вмѣстѣ образъ страшнаго состоянія души, привыкшей почитать вѣру дѣломъ необходимымъ лишь въ политическомъ отношеніи. Вы не соблазнитесь

нѣкоторыми рѣзкими выраженіями бѣднаго страдальца, но пожалѣете о немъ; его чудовищное созданіе можетъ служить примѣромъ, до чего могутъ довести простыя, опытныя знанія, не согрѣтыя вѣрою въ провидѣніе и въ овершенствованіе человѣка; какъ растлѣваются всѣ силы ума, когда инстинктъ сердца оставленъ въ забытьи и не орошается живительною росою откровенія; какъ мало даже одной любви къ человѣчеству, когда эта любовь не истекаетъ изъ горняго источника! Это сочиненіе есть не иное что, какъ развитіе одной главы изъ Мальтуса, но развитіе откровенное, не прикрытое хитростями діалектики, которыя Мальтусъ употреблялъ, какъ предохранительное орудіе противъ человѣчества, имъ оскорбленнаго.

Послѣднее самоубійство.

Наступило время, предсказанное философами XIX вѣка: родъ человѣческій размножился; потерялась соразмѣрность между произведеніями природы и потребностями человѣчества. Медленно, но постоянно приближалось оно къ сему бѣдствію. Гонимые нищетою, жители городовъ бѣжали въ поля, поля обращались въ сёлы, сёлы въ города, а города нечувствительно раздвигали свои границы; тщетно человѣкъ употреблялъ всѣ знанія, пріобрѣтенныя потовыми трудами вѣковъ, тщетно къ ухищреніямъ искусства присоединялъ ту могуществен-

ную дѣятельность, которую порождаетъ роковая необходимость:—давно уже аравійскія песчаныя степи обратились въ плодоносныя пажити; давно уже льды сѣвера покрылись тукомъ земли; неимовѣрными усиліями химіи искусственная теплота живила царство вѣчнаго хлада.... но всё тщетно: протекли вѣка и животная жизнь вытѣснила растительную, слились границы городовъ, и весь земной шаръ отъ полюса до полюса обратился въ одинъ обширный, заселенный городъ, въ который перенеслись вся роскошь, всѣ болѣзни, вся утонченность, весь развратъ, вся дѣятельность прежнихъ городовъ;—но надъ роскошнымъ градомъ вселенной тяготѣла страшная нищета и усовершенные способы сообщенія разносили во всѣ концы шара лишь вѣсти объ ужасныхъ явленіяхъ голода и болѣзней;—еще возвышались зданія; еще нивы въ нѣсколько ярусовъ, освѣщенныя искусственнымъ солнцемъ, орошаемыя искусственною водою, приносили обильную жатву,—но она исчезала прежде, нежели успѣвали собирать ее: на каждомъ шагу, въ каналахъ, рѣкахъ, воздухѣ, вездѣ тѣснились люди, всё кипѣло жизнію, но жизнь умерщвляла сама себя. Тщетно люди молили другъ у друга средства воспротивиться всеобщему бѣдствію: старики воспоминали о протекшемъ, обвиняли во всемъ роскошь и испорченность нравовъ; юноши призывали въ помощь силу ума, воли и воображенія; мудрѣйшіе искали средства продолжать существованіе безъ пищи, и надъ ними никто не смѣялся

Скоро зданія показались человѣку излишнею роскошью; онъ зажигалъ домъ свой и съ дикою радостію утучнялъ землю пепломъ своего жилища; погибли чудеса искусства, произведенія образованной жизни, обширныя книгохранилища, больницы,—всё, что могло занимать какое-либо пространство, и вся земля обратилась въ одну обширную, плодоносную пажить.

Но не на долго возбудилась надежда; тщетно заразительныя болѣзни летали изъ края въ край и умерщвляли жителей тысячами; сыны Адамовы, пораженные роковыми словами писанія, росли и множились.

Давно уже исчезло все, что прежде составляло счастіе и гордость человѣка. Давно уже погасъ божественный огонь искусства, давно уже и философія, и религія отнесены были къ разряду алхимическихъ знаній; съ тѣмъ вмѣстѣ разорвались всѣ узы, соединявшія людей между собою, и чѣмъ болѣе нужда тѣснила ихъ другъ къ другу, тѣмъ болѣе чувства ихъ разлучались. Каждый въ собратѣ своемъ видѣлъ врага, готоваго отнять у него послѣднее средство для бѣдственной жизни: отецъ съ рыданіемъ узнавалъ о рожденіи сына; дочери прядали при смертномъ одрѣ матери; но чаще мать удушала дитя свое при его рожденіи, и отецъ рукоплескалъ ей. Самоубійцы внесены были въ число героевъ. Благотворительность сдѣлалась вольнодумствомъ, насмѣшка надъ жизнію—обыкновеннымъ привѣтствіемъ, любовь—преступленіемъ.

Вся утонченность законоискусства была обращена на то, чтобы воспрепятствовать совершенію браковъ; малѣйшее подозрѣніе въ родствѣ, неравенство въ лѣтахъ, всякое удаленіе отъ обряда дѣлало бракъ ничтожнымъ и безднoю раздѣляло супруговъ. Съ разсвѣтомъ каждаго дня, люди, голодомъ подымаемые съ постели, тощіе, блѣдные, сходились и обвиняли другъ-друга въ пресыщеніи, или упрекали мать многочисленнаго семейства въ распутствѣ; каждый думалъ видѣть въ собратѣ общаго врага своего, недосягаемую причину жизни, и всѣ словами отчаянія вызывали на брань другъ-друга: мечи обнажались, кровь лилась и никто не спрашивалъ о причинѣ брани, никто не разнималъ враждующихъ, никто не помогалъ упавшему.

Однажды толпа была раздвинута другою, которая гналась за молодымъ человѣкомъ;—его обвиняли въ ужасномъ преступленіи: онъ спасъ отъ смерти человѣка, въ отчаяніи бросившагося въ море; нашлись еще люди, которые хотѣли вступиться за несчастнаго. «Что вы защищаете человѣконенавистника?» вскричалъ одинъ изъ толпы: «онъ эгоистъ, онъ любитъ одного себя!» Одно это слово устранило защитниковъ, ибо эгоизмъ тогда былъ общимъ чувствомъ; онъ производилъ въ людяхъ невольное презрѣніе къ самимъ себѣ, и они рады были наказать въ другомъ собственное свое чувство. «Онъ эгоистъ, продолжалъ обвинитель,—онъ нарушитель общаго спокойствія, онъ въ своей землянкѣ

скрываетъ жену, а она сестра его въ пятомъ колѣнѣ!» Въ пятомъ колѣнѣ! завопила разъяренная толпа.

«Это ли дѣло друга?» промолвилъ несчастный.

— Друга? возразилъ съ жаромъ обвинитель:—а съ кѣмъ ты нѣсколько дней тому назадъ, прибавилъ онъ шопотомъ:—не со мною ли ты отказалъ подѣлиться своей пищею?

— Но мои дѣти умирали съ голоду,—сказалъ въ отчаяніи злополучный.

— Дѣти! дѣти! раздалось со всѣхъ сторонъ:— у него есть дѣти!—Его беззаконныя дѣти съѣдаютъ хлѣбъ нашъ!—и, предводимая обвинителемъ, толпа ринулась къ землянкѣ, гдѣ несчастный скрывалъ отъ взоровъ толпы все драгоцѣнное ему въ жизни.—Пришли, ворвались,—на голой землѣ лежали два мертвыхъ ребенка, возлѣ нихъ мать; ея зубы стиснули руку груднаго младенца.— Отецъ вырвался изъ толпы, бросился къ трупамъ, и толпа съ хохотомъ удалилась, бросая въ него грязь и каменья.

Мрачное, ужасное чувство зародилось въ душѣ людей. Этого чувства не умѣли бы назвать въ прежніе вѣки; тогда объ этомъ чувствѣ могли дать слабое понятіе лишь ненависть отверженной любви, лишь цѣпенѣніе вѣрной гибели, лишь безсмысліе терзаемаго пыткою; но это чувство не имѣло пред-

мета. Теперь ясно всѣ видѣли, что жизнь для человѣка сдѣлалась невозможною, что всѣ средства для ея поддержанія были истощены;—но никто не рѣшался сказать, что̀ оставалось предпринять человѣку? Вскорѣ между толпами явились люди,—они, казалось, съ давняго времени вели счетъ страданіямъ человѣка—и въ итогѣ выводили все его существованіе. Обширнымъ, адскимъ взглядомъ они обхватывали минувшее и преслѣдовали жизнь съ самаго ея зарожденія. Они вспоминали какъ она, подобно татю, закралась сперва въ темную землявую глыбу, и тамъ, посреди гранита и гнейса, мало-по-малу, истребляя одно вещество другимъ, развила новыя произведенія, болѣе совершенныя; потомъ, на смерти одного растенія она основала существованіе тысячи другихъ; истребленіемъ растеній она размножила животныхъ; съ какимъ коварствомъ она приковала къ страданіямъ одного рода существъ наслажденія, самое бытіе другого рода! Они вспоминали, какъ, наконецъ, честолюбивая, распространяя ежечасно свое владычество,—она все болѣе и болѣе умножала раздражительность чувствованія, и безпрестанно въ каждомъ новомъ существѣ, прибавляя къ новому совершенству новый способъ страданія, достигла наконецъ до человѣка, въ душѣ его развернулась со всею своею безумною дѣятельностію и счастіе всѣхъ людей возставила противъ счастія каждаго человѣка. Пророки отчаянія съ математическою точностію измѣряли страданіе каждаго нерва въ

тѣлѣ человѣка, каждаго ощущенія въ душѣ его. «Вспомните, говорили они:—съ какимъ лицемѣ-«ріемъ неумолимая жизнь вызываетъ человѣка изъ «сладкихъ объятій ничтожества.—Она закрываетъ «всѣ чувства его волшебною пеленою при его ро-«жденіи,—она боится, чтобы человѣкъ, увидѣвъ «все безобразіе жизни, не отпрянулъ отъ колыбели «въ могилу. Нѣтъ! коварная жизнь является ему «сперва въ видѣ теплой материнской груди, потомъ «порхаетъ передъ нимъ бабочкою и блещетъ ему «въ глаза радужными цвѣтами; она печется о его «сохраненіи и совершенномъ устройствѣ его души, «какъ нѣкогда мексиканскіе жрецы пеклись о жер-«твахъ своему идолу; дальновидная, она даритъ «младенца мягкими членами, чтобъ случайное па-«деніе не сдѣлало человѣка менѣе способнымъ къ «терзанію; нѣсколькими покровами рачительно за-«крываетъ его голову и сердце, чтобъ вѣрнѣе сбе-«речь въ нихъ орудія для будущей пытки; и не-«счастный привыкаетъ къ жизни, начинаетъ лю-«бить её: она то улыбается ему прекраснымъ «образомъ женщины, то выглядываетъ на него изъ-«подъ длинныхъ ресницъ ея, закрывая собою без-«образныя впадины черепа, то дышитъ въ горя-«чихъ рѣчахъ ея; то въ звукахъ поэзіи олицетво-«ряетъ все несуществующее; то жаждущаго при-«водитъ къ пустому кладезю науки, который ка-«жется неисчерпаемымъ источникомъ наслажденій. «Иногда, человѣкъ, прорывая свою пелену, мель-«комъ видитъ безобразіе жизни, но она предвидѣла

«это и заранѣе зародила въ немъ любопытство увѣ-
«риться въ самомъ ея безобразіи, узнать ее; зара-
«нѣе поселила въ человѣкѣ гордость видомъ без-
«конечнаго царства души его, и человѣкъ, завле-
«ченный, упоенный, незамѣтно достигаетъ той
«минуты, когда всѣ нервы его тѣла, всѣ чувства
«его души, всѣ мысли его ума,—во всемъ блескѣ
«своего развитія спрашиваютъ: гдѣ же мѣсто ихъ
«дѣятельности, гдѣ исполненіе надеждъ, гдѣ цѣль
«жизни? Жизнь лишь ожидала этого мгновенія,—
«быстро повергаетъ она страдальца на плаху; сдер-
«гиваетъ съ него благодѣтельную пелену, которую
«подарила ему при рожденіи, и какъ искусный ана-
«томъ, обнаживъ нервы души его—обливаетъ ихъ
«жгучимъ холодомъ.

«Иногда, отъ взоровъ толпы жизнь скрываетъ
«свои избранныя жертвы: въ тиши, съ раченіемъ
«воскормляетъ ихъ таинственною пищею мыслей,
«остритъ ихъ ощущенія; въ ихъ скудельную грудь
«вмѣщаетъ всю безграничную свою дѣятельность,
«и возвысивъ до небесъ духъ ихъ, жизнь съ насмѣ-
«шкою бросаетъ ихъ въ средину толпы; здѣсь они
«чужеземцы,—никто не понимаетъ языка ихъ,—
«нѣтъ ихъ привычной пищи,—терзаемые внутрен-
«нимъ гладомъ, заключенные въ оковы обществен-
«ныхъ условій, они измѣряютъ страданіе человѣка
«всею возвышенностію своихъ мыслей, всею раз-
«дражительностію чувствъ своихъ; въ своемъ мед-
«ленномъ томленіи перечувствуютъ томленіе всего
«человѣчества,—тщетно рвутся они къ своей мни-

«мой отчизнѣ,—они издыхаютъ, разувѣрившись въ «вѣрѣ цѣлаго бытія своего, и жизнь, довольная, «но не насыщенная ихъ страданіями, съ презрѣ«ніемъ бросаетъ на ихъ могилу безплодный ѳиміамъ «поздняго благоговѣнія.

«Были люди, которые рано узнавали коварную «жизнь и, презирая ея обманчивые призраки, съ «твердостію духа рано обращались они къ един«ственному вѣрному и неизмѣнному союзнику ихъ «противъ ея ухищреній—ничтожеству. Въ древно«сти, слабоумное человѣчество называло ихъ мало«душными; мы, болѣе опытные, менѣе способные «обманываться, назвали ихъ мудрѣйшими. Лишь «они умѣли найти надежное средство противъ вра«га человѣчества и природы, противъ неистовой «жизни; лишь они постигли, зачѣмъ она дала чело«вѣку такъ много средствъ чувствовать и такъ «мало способовъ удовлетворять своимъ чувствамъ. «Лишь они умѣли положить конецъ ея злобной дѣ«ятельности и разрѣшить давній споръ объ алхими«ческомъ камнѣ».

«Въ-самомъ-дѣлѣ, — размыслите хладнокровно, «продолжали несчастные:—«что́ дѣлалъ человѣкъ «отъ сотворенія міра?.... онъ старался избѣгнуть «отъ жизни, которая угнетала его своею существен«ностію. Она вогнала человѣка свободнаго, уеди«неннаго, въ свинцовыя условія общества, и что же? «человѣкъ несчастія одиночества замѣнилъ страда«ніями другаго рода, можетъ-быть ужаснѣйшими; «онъ продалъ обществу, какъ злому духу, блажен-

«ство души своей за спасеніе тѣла. Чего не выду-
«мывалъ человѣкъ, чтобъ украсить жизнь или за-
«быть о ней. Онъ употребилъ на это всю природу
«и тщетно въ языкѣ человѣческомъ: забывать о
«жизни—сдѣлалось однозначительнымъ съ вы-
«раженіемъ: быть счастливымъ; эта—мечта не-
«возможная; жизнь ежеминутно напоминаетъ о
«себѣ человѣку. Тщетно онъ заставлялъ другаго
«въ кровавомъ потѣ лица отъискивать ему даже
«тѣни наслажденій, — жизнь являлась въ обра-
«зѣ пресыщенія, ужаснѣйшемъ самого голода.
«Въ объятіяхъ любви, человѣкъ хотѣлъ укрыть-
«ся отъ жизни, а она являлась ему подъ именами
«преступленій, вѣроломства и болѣзней. Внѣ цар-
«ства жизни, человѣкъ нашелъ что-то невырази-
«мое, какое-то облако, которое онъ назвалъ поэ-
«зіею, философіей;—въ этихъ туманахъ онъ хо-
«тѣлъ спастись отъ глазъ своего преслѣдователя, а
«жизнь обратила этотъ утѣшительный призракъ въ
«грозное, тлетворное привидѣніе. Куда же еще
«укрыться отъ жизни? мы переступили за предѣлы
«самаго невыразимаго! чего ждать еще болѣе? мы
«исполнили наконецъ всѣ мечты и ожиданія мудре-
«цовъ, насъ предшествовавшихъ. Долгимъ опытомъ
«увѣрились мы, что все различіе между людьми есть
«только различіе страданій,—и достигли наконецъ
«до того равенства, о которомъ такъ толковали на-
«ши предки. Смотрите, какъ мы блаженствуемъ:
«нѣтъ между нами ни властей, ни богачей, ни ма-
«шинъ; мы тѣсно и очень тѣсно соединены другъ

«съ другомъ, мы члены одного семейства!—О люди!
«люди! не будемъ подражать нашимъ предкамъ, не
«дадимся въ обманъ,—есть царство иное, безмятеж-
«ное,—оно близко, близко!»

Тиха была рѣчь пророковъ отчаянія—она впи-
валась въ душу людей, какъ сѣмя въ разрыхлен-
ную землю, и росла какъ мысль давно уже развив-
шаяся въ глубокомъ уединеніи сердца. Всѣмъ по-
нятна и сладка была она—и всякому хотѣлось до-
говорить ее. Но, какъ во всѣхъ рѣшительныхъ эпо-
хахъ человѣчества,—не доставало избраннаго, ко-
торый бы вполнѣ выговорилъ мысль, крывшуюся
въ душѣ человѣка.

Наконецъ, явился онъ, мессія отчаянія! Хла-
денъ былъ взоръ его, громокъ голосъ, и отъ
словъ его мгновенно исчезали послѣднія развалины
древнихъ повѣрій. Быстро вымолвилъ онъ по-
слѣднее слово послѣдней мысли человѣчества—
и все пришло въ движеніе,—призваны были всѣ
усилія древняго искусства, всѣ древніе успѣхи
злобы и мщенія, все, что̀ когда либо могло умерщ-
влять человѣка, и своды пресѣклись подъ легкимъ
слоемъ земли, и искусствомъ утонченная селитра,
сѣра и уголь наполнили ихъ отъ конца экватора до
другаго. Въ уреченный, торжественный часъ, люди
исполнили наконецъ мечтанія древнихъ философовъ
объ общей семьѣ и общемъ согласіи человѣчества,
съ дикою радостію взялись за руки; громовой уп-
рекъ выражался въ ихъ взорѣ. Вдругъ изъ-подъ
глыбы земли явилась юная чета, недавно пощажен-

ная неистовою толпою; блѣдные, истощенные какъ тѣни мертвецовъ, они еще сжимали другъ друга въ объятіяхъ. «Мы хотимъ жить и любить посреди страданій»,—восклицали они и на колѣняхъ умоляли человѣчество остановить минуту его отмщенія; но это мщеніе было возлелѣяно вѣковыми щедротами жизни; въ отвѣтъ раздался грозный хохотъ, то былъ условленный знакъ—въ одно мгновеніе блеснулъ огонь; трескъ распадавшагося шара потрясъ солнечную систему; разорванныя громады Альповъ и Шимборазо взлетѣли на воздухъ, раздались нѣсколько стоновъ.... еще.... пепелъ возвратился на землю.... и все утихло.... и вѣчная жизнь впервые раскаялась!....

Предшедшій отрывокъ написанъ сочинителемъ незадолго предъ его кончиною; къ счастію, онъ не остался въ этомъ неестественномъ состояніи души. Въ послѣднемъ отрывкѣ, *Цецилія*, видно воздѣйствіе религіознаго чувства; этотъ отрывокъ, по-видимому, написанъ въ сильномъ волненіи духа, напоминаетъ библейскія выраженія, вѣроятно тогда читанныя авторомъ, и написанъ рукою почти неразбираемою; во многихъ мѣстахъ не дописаны слова и, кажется, не достаетъ окончанія.

Цецилія.

Дай мнѣ силу надъ сердцами.
Съ тайныхъ думъ покровъ сорви:
Чтобъ я могъ всевластнымъ духомъ
Цѣлый міръ наполнить звукомъ
Вдохновенья и любви.

ШЕВЫРЕВЪ—*Пѣснь къ Цециліи, покровительницѣ гармоніи.*

...Не людей онъ бѣжалъ, но ихъ счастія; не бѣдствій, но жизни; не жизни, но души вопрошающей. Не покоя онъ искалъ, но свинцоваго сна. Не нашелъ онъ того, чего искалъ и то, отъ чего онъ скрывался—растопило хладные своды его темницы. Здѣсь скорбь создала ему домъ; освѣтила его взоромъ отчаянія, населила его неслышимымъ воплемъ, стыдливой слезою и безумнымъ смѣхомъ; умъ и сердце раздрала на части и заклала ихъ на своемъ жертвенникѣ; чашу жизни переполнила желчью.

Гдѣ же ты, премудрость? Гдѣ семь столповъ твоихъ? Гдѣ твоя трапеза? Гдѣ царственное слово? Гдѣ рабы твои, посланные на высокое дѣланіе?

Такъ печальна жизнь наша, нѣтъ исцѣленія и гробы безмолвны? Случайно родимся мы, проживемъ и будемъ какъ не бывали? дымомъ разойдется душа человѣка и теплое слово погаснетъ какъ

вѣтромъ занесенная искра? и имя наше забвенно будетъ во время, и никто не воспомнитъ дѣлъ нашихъ? и жизнь наша—слѣдъ облака? распадется она какъ туманъ, лучами солнца отягченный? и не отворится скинія свиданія и никто не сниметъ печати?

Кто же успокоитъ стонъ мой? Кто дастъ разумъ сердцу? Кто дастъ слово духу?.................

....

А тамъ, за желѣзною рѣшеткою, въ храмѣ, посвященномъ св. Цециліи, все ликовало; лучи заходящаго солнца огненнымъ водометомъ лились на образъ покровительницы гармоніи, звучали ея золотые органы и, полные любви, звуки радужными кругами разносились по храму: какъ хотѣлъ бы несчастный вглядѣться въ это сіяніе, вслушаться въ эти звуки, перелить въ нихъ душу свою, договорить ихъ недоконченныя слова,—но до него доходили лишь неясный отблескъ и смѣшанный отголосокъ.

Этотъ отблескъ, эти отголоски говорили о чемъ-то душѣ его, о чемъ-то—для чего не находилъ онъ словъ человѣческихъ.

Онъ вѣрилъ, что за голубымъ отблескомъ есть сіяніе, что за неяснымъ отголоскомъ есть гармонія, и будетъ время, мечталъ онъ—и до меня достигнетъ сіяніе Цециліи, и сердце мое изойдетъ на ея звуки,—отдохнетъ измученный умъ въ свѣтломъ небѣ очей ея и я познаю наслажденіе слезами вѣры выплакать свою душу.........Межъ-тѣмъ,

жизнь его вытекала капля за каплею и въ каждой каплѣ были ядъ и горечь!.....................

«Далѣе дѣйствительно нельзя ничего разобрать» сказалъ Фаустъ....

— Довольно и этого, насмѣшливо замѣтилъ Викторъ.

— Ужасно! ужасно! проговорилъ Ростиславъ, потупивъ глаза въ землю.—Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ опуститься въ глубину души—и каждый найдетъ въ себѣ зародышъ всѣхъ возможныхъ преступленій....

— Нѣтъ, не въ глубину души, возразилъ Фаустъ: —а развѣ въ глубину логики; эта логика—престранная наука; начни съ чего хочешь: съ истины, или съ нелѣпости, она всему дастъ прекрасный, правильный ходъ, и поведетъ зажмуря глаза, пока не споткнется;—Бентаму, напр. ничего не стóяло перескочить отъ *частной* пользы къ пользѣ *общественной*, не замѣтивъ, что въ его системѣ между ними бездна; добрые люди XIX вѣка перескочили съ нимъ вмѣстѣ и по его же системѣ доказали, что общественная польза не иное что, какъ ихъ собственная выгода; нелѣпость сдѣлалась очевидною. Но это бы не бѣда, а вотъ что худо—во время этой прогулки можетъ пройти полстолѣтія; такъ логика Адама Смита споткнулась только въ Мальтусѣ; ею жилъ нашъ вѣкъ до сей минуты, да и теперь многихъ ли ты увѣришь, что мальтусова теорія есть

полная нелѣпость; съ нею для нихъ начинается новый силлогизмъ....

— Я замѣчу только одно, сказалъ Вечеславъ:—что и твои искатели приключеній и ихъ безумный экономистъ взводятъ, кажется, на Мальтуса небылицу; я, напримѣръ, не помню, чтобъ онъ рекомендовалъ развратъ, какъ лекарство противъ увеличенія народонаселенія.....

— Ты забываешь, отвѣчалъ Фаустъ:—что мои искатели давно уже умерли, и что, вѣроятно, они читали *первое* изданіе Мальтуса, который въ первомъ жару, при блескѣ ясной логической послѣдовательности своихъ мыслей, проговорился и высказалъ откровенно всѣ чудные выводы изъ своей теоріи. Какъ обыкновенно бываетъ, большая часть благовоспитанныхъ людей, не обративъ вниманія на безнравственность самаго начала теоріи, соблазнились нѣкоторыми второстепенными выводами, которые, однакожь, необходимо вытекали изъ самаго этого начала; чтобъ успокоить этихъ такъназываемыхъ нравственныхъ людей, а равно изъ англійскаго благоприличія, Мальтусъ, въ слѣдующихъ изданіяхъ своей книги, оставя теорію вполнѣ, вычеркнулъ всѣ слишкомъ ясные выводы; книга его сдѣлалась непонятнѣе, нелѣпость осталась та же, а нравственные люди успокоились. Попробуй теперь кто-нибудь въ Англіи сказать, что Мальтусъ гораздо нелѣпѣе алхимиковъ, отъискивающихъ универсальное лекарство! А между-тѣмъ, если теорія Мальтуса справедлива, то дѣйствительно скоро

человѣческому роду не останется ничего другаго, какъ подложить подъ себя пороху и взлетѣть на воздухъ, или пріискать другое, столь же дѣйствительное средство для оправданія мальтусовой системы.

Въ слѣдующій разъ, я вамъ прочту путевыя замѣтки моихъ друзей, близко касающіяся того же предмета; тамъ увидите полное или, какъ говорятъ, практическое примѣненіе теоріи другаго логическаго философа, котораго умозаключенія, наравнѣ съ мальтусовыми, имѣли честь образовать такъ называемую Политическую экономію нашего времени.

НОЧЬ ПЯТАЯ.

Городъ безъ имени

Въ пространныхъ равнинахъ Верхней-Канады, на пустынныхъ берегахъ Ореноко, находятся остатки зданій, бронзовыхъ оружій, произведенія скульптуры, которыя свидѣтельствуютъ, что нѣкогда просвѣщенные народы обитали въ сихъ странахъ, гдѣ нынѣ кочуютъ лишь толпы дикихъ звѣролововъ.

ГУМБОЛЬДЪ.—*Vues des Cordilières. T. I.*

.....Дорога тянулась между скалъ, поросшихъ мохомъ. Лошади скользили, поднимаясь на крутизну, и наконецъ совсѣмъ остановились. Мы принуждены были выйдти изъ коляски....

Тогда только мы замѣтили на вершинѣ почти неприступнаго утеса нѣчто, имѣвшее видъ человѣка. Это привидѣніе, въ черной епанчѣ, сидѣло недвижно между грудами камней въ глубокомъ безмолвіи. Подойдя ближе къ утесу, мы удивились, какимъ

10*

образомъ это существо могло взобраться на вышину, почти по голымъ отвѣснымъ стѣнамъ. Почтальйонъ на наши вопросы отвѣчалъ, что этотъ утесъ съ нѣкотораго времени служитъ обиталищемъ *черному человѣку*, а въ околодкѣ говорили, что этотъ черный человѣкъ сходитъ рѣдко съ утеса, и только за пищею, потомъ снова возвращается на утесъ и по цѣлымъ днямъ или бродитъ печально между камнями, или сидитъ недвижимъ, какъ статуя.

Сей разсказъ возбудилъ наше любопытство. Почтальйонъ указалъ намъ узкую лѣстницу, которая вела на вершину. Мы дали ему нѣсколько денегъ, чтобы заставить его ожидать насъ спокойнѣе, и черезъ нѣсколько минутъ были уже на утесѣ.

Странная картина намъ представилась. Утесъ былъ усѣянъ обломками камней, имѣвшими видъ развалинъ. Иногда причудливая рука природы, или древнее незапамятное искусство, растягивали ихъ длинною чертою, въ видѣ стѣны, иногда сбрасывали въ груду обвалившагося свода. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, обманутое воображеніе видѣло подобіе перистилей; юныя деревья, въ разныхъ направленіяхъ, выказывались изъ-за обломковъ; повилика пробивалась между разсѣлинъ и довершала очарованіе.

Шорохъ листьевъ заставилъ чернаго человѣка обернуться. Онъ всталъ, оперся на камень, имѣвшій видъ пьедестала, и смотрѣлъ на насъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ, но безъ досады. Видъ незна-

комца былъ строгъ и величественъ: въ глубокихъ впадинахъ горѣли черные, большіе глаза; брови были наклонены, какъ у человѣка, привыкшаго къ безпрестанному размышленію; станъ незнакомца казался еще величавѣе отъ черной епанчи, которая живописно струилась по лѣвому плечу его и ниспадала на землю.

Мы старались извиниться, что нарушили его уединеніе..... «Правда....» сказалъ незнакомецъ послѣ нѣкотораго молчанія: «я здѣсь рѣдко вижу посѣтителей; люди живутъ, люди проходятъ.... разительныя зрѣлища остаются въ сторонѣ; люди идутъ дальше, дальше—пока сами не обратятся въ печальное зрѣлище....»

—Не мудрено, что васъ мало посѣщаютъ, возразилъ одинъ изъ насъ, чтобъ завести разговоръ:— это мѣсто такъ уныло,—оно похоже на кладбище.

—На кладбище... перервалъ незнакомецъ:—да, это правда! прибавилъ онъ горько:—это правда— здѣсь могилы многихъ мыслей, многихъ чувствъ, многихъ воспоминаній....

—Вы вѣрно потеряли кого-нибудь, очень дорогаго вашему сердцу—продолжалъ мой товарищъ. Незнакомецъ взглянулъ на него быстро; въ глазахъ его выражалось удивленіе.

—Да, сударь, отвѣчалъ онъ:—я потерялъ самое драгоцѣнное въ жизни — я потерялъ отчизну....

—Отчизну?....

—Да, отчизну! вы видите ея развалины. Здѣсь, на самомъ этомъ мѣстѣ, нѣкогда волновались стра-

сти, горѣла мысль, блестящіе чертоги возносились къ небу, сила искусства приводила природу въ недоумѣніе.... Теперь остались одни камни, заросшіе травою—бѣдная отчизна! я предвидѣлъ твое паденіе, я стеналъ на твоихъ распутіяхъ: ты не услышала моего стона.... и мнѣ суждено было пережить тебя.—Незнакомецъ бросился на камень, скрывая лицо свое.... Вдругъ онъ вспрянулъ и старался оттолкнуть отъ себя камень, служившій ему подпорою.

—Опять ты предо мною, вскричалъ онъ: — ты, вина всѣхъ бѣдствій моей отчизны—прочь—прочь—мои слезы не согрѣютъ тебя, столбъ безжизненный... слезы безполезны... безполезны?... не правда ли?...—Незнакомецъ захохоталъ.

Желая дать другой оборотъ его мыслямъ, которыя съ каждою минутою становились для насъ непонятнѣе, мой товарищъ спросилъ незнакомца, какъ называлась страна, посреди развалинъ которой мы находились?

—У этой страны нѣтъ имени—она недостойна его; нѣкогда она носила имя,—имя громкое, славное, но она втоптала его въ землю; годы засыпали его прахомъ; мнѣ не позволено снимать завѣсу съ этого таинства...

—Позвольте васъ спросить, продолжалъ мой товарищъ:—не-уже-ли ни на одной картѣ не означена страна, о которой вы говорите?...

Этотъ вопросъ, казалось, поразилъ незнакомца...

—Даже на картѣ.... повторилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія:—да, это можетъ быть... это должно такъ быть; такъ... посреди безчисленныхъ переворотовъ, потрясавшихъ Европу въ послѣдніе вѣки, легко можетъ статься, что никто и не обратилъ вниманія на небольшую колонію, поселившуюся на этомъ неприступномъ утесѣ; она успѣла образоваться, процвѣсть и... погибнуть, незамѣченная историками... но, впрочемъ... позвольте... это не то... она и не должна была быть замѣченною; скорбь смѣшиваетъ мои мысли, и ваши вопросы меня смущаютъ... Если хотите... я вамъ разскажу исторію этой страны по порядку... это мнѣ будетъ легче... одно будетъ напоминать другое... только не перерывайте меня...

Незнакомецъ облокотился на пьедесталъ, какъ-будто на каѳедру, и съ важнымъ видомъ оратора началъ такъ:

«Давно, давно—въ XVIII столѣтіи, всѣ умы были взволнованы теоріями общественнаго устройства; вездѣ спорили о причинахъ упадка и благоденствія государствъ: и на площади, и на университетскихъ диспутахъ, и въ спальнѣ красавицъ, и въ комментаріяхъ къ древнимъ писателямъ, и на полѣ битвы.

«Тогда одинъ молодой человѣкъ въ Европѣ былъ озаренъ новою, оригинальною мыслію. Насъ окружаютъ, говорилъ онъ, тысячи мнѣній, тысячи теорій; всѣ онѣ имѣютъ одну цѣль—благоденствіе общества, и всѣ противорѣчатъ другъ-другу. Посмотримъ, нѣтъ ли чего-нибудь обащаго всѣмъ этимъ

мнѣніямъ? Говорятъ о правахъ человѣка, о должностяхъ: но что̀ можетъ заставить человѣка не переступать границъ своего права? что̀ можетъ заставить человѣка свято хранить свою должность? одно — собственная его польза! Тщетно вы будете ослаблять права человѣка, когда къ сохраненію ихъ влечетъ его собственная польза; тщетно вы будете доказывать ему святость его долга, когда онъ въ противорѣчіи съ его пользою. Да, *польза* есть существенный двигатель всѣхъ дѣйствій человѣка! Что безполезно—то вредно, что̀ полезно—то позволено. Вотъ единственное твердое основаніе общества! Польза и одна польза— да будетъ вашимъ и первымъ и послѣднимъ закономъ! Пусть изъ нея происходить будутъ всѣ ваши постановленія, ваши занятія, ваши нравы; пусть польза замѣнитъ шаткія основанія такъ называемой совѣсти, такъ называемаго врожденнаго чувства; всѣ поэтическія бредни, всѣ вымыслы филантроповъ—и общество достигнетъ прочнаго благоденствія.

«Такъ говорилъ молодой человѣкъ къ кругу своихъ товарищей—и это былъ—мнѣ не нужно называть его—это былъ Бентамъ.

«Блистательные выводы, построенные на столь твердомъ, положительномъ основаніи, воспламенили многихъ. Посреди стараго общества нельзя было привести въ исполненіе обширную систему Бентама: тому противились и старые люди, и старыя книги, и старыя повѣрья. Эмиграціи были въ модѣ. Богачи, художники, купцы, ремесленники обрати-

ли свое имѣніе въ деньги, запаслись земледѣльческими орудіями, машинами, математическими инструментами, сѣли на корабль и пустились отъискивать какой-нибудь незанятый уголокъ міра, гдѣ спокойно, вдали отъ мечтателей, можно было бы осуществить блистательную систему.

«Въ это время, гора, на которой мы теперь находимся, была окружена со всѣхъ сторонъ моремъ. Я еще помню, когда паруса нашихъ кораблей развѣвались въ гавани. Неприступное положеніе этого острова понравилось нашимъ путешественникамъ. Они бросили якорь, вышли на берегъ, не нашли на немъ ни одного жителя и заняли землю по праву перваго пріобрѣтателя.

«Всѣ, составлявшіе эту колонію, были люди болѣе или менѣе образованные, одаренные любовію къ наукамъ и искусствамъ, отличавшіеся изъисканностію вкуса, привычкою къ изящнымъ наслажденіямъ. Скоро земля была воздѣлана; огромныя зданія, какъ бы сами собою, поднялись изъ нея; въ нихъ соединились всѣ прихоти, всѣ удобства жизни; машины, фабрики, библіотеки, все явилось съ невыразимою быстротою. Избранный въ правители лучшій другъ Бентама все двигалъ своею сильною волею и своимъ свѣтлымъ умомъ. Замѣчалъ ли онъ гдѣ-нибудь малѣйшее ослабленіе, малѣйшую нерадивость: онъ произносилъ завѣтное слово: *польза*—и все по-прежнему приходило въ порядокъ, поднимались лѣнивыя руки, воспламенялась погасавшая воля; словомъ, колонія процвѣтала.

Проникнутые признательностію къ виновнику своего благоденствія, обитатели счастливаго острова на главной площади своей воздвигнули колоссальную статую Бентама и на пьедесталѣ золотыми буквами начертали: *польза.*

«Такъ протекли долгіе годы. Ничто не нарушало спокойствія и наслажденій счастливаго острова. Въ самомъ началѣ возродился-было споръ по предмету довольно-важному. Нѣкоторые изъ первыхъ колонистовъ, привыкшіе къ вѣрѣ отцовъ своихъ, находили необходимымъ устроить храмъ для жителей. Разумѣется, что тотчасъ же возродился вопросъ: полезно ли это? и многіе утверждали, что храмъ не есть какое-либо мануфактурное заведеніе, и что слѣдственно не можетъ приносить никакой ощутительной пользы. Но первые возражали, что храмъ необходимъ для того, дабы проповѣдники могли безпрестанно напоминать обитателямъ, что польза есть единственное основаніе нравственности и единственный законъ для всѣхъ дѣйствій человѣка. Съ этимъ всѣ согласились—и храмъ былъ устроенъ.

«Колонія процвѣтала. Общая дѣятельность превосходила всякое вѣроятіе. Съ ранняго утра жители всѣхъ сословій поднимались съ постели, боясь потерять понапрасну и малѣйшую частицу времени—и всякій принимался за свое дѣло: одинъ трудился надъ машиной, другой взрывалъ новую землю, третій пускалъ въ ростъ деньги—едва успѣвали обѣдать. Въ обществахъ былъ одинъ разго-

воръ—о томъ, изъ чего можно извлечь себѣ пользу? Появилось множество книгъ по сему предмету—что́ я говорю? однѣ такого рода книги и выходили. Дѣвушка вмѣсто романа читала трактатъ о прядильной фабрикѣ; мальчикъ лѣтъ двѣнадцати уже начиналъ откладывать деньги на составленіе капитала для торговыхъ оборотовъ. Въ семействахъ не было ни безполезныхъ шутокъ, ни безполезныхъ разсѣяній,—каждая минута дня была разочтена, каждый поступокъ взвѣшенъ, и ничто даромъ не терялось. У насъ не было минуты спокойствія, не было минуты того, что́ другіе называли самонаслажденіемъ,—жизнь безпрестанно двигалась, вертѣлась, трещала.

‹Нѣкоторые изъ художниковъ предложили устроить театръ. Другіе находили такое заведеніе совершенно безполезнымъ. Споръ долго длился — но наконецъ рѣшили, что театръ можетъ быть полезнымъ заведеніемъ, если всѣ представленія на немъ будутъ имѣть цѣлію доказать, что польза есть источникъ всѣхъ добродѣтелей, и что безполезное есть главная вина всѣхъ бѣдствій человѣчества. На этомъ условіи театръ былъ устроенъ.

‹Возникали многіе подобные споры; но какъ государствомъ управляли люди, обладавшіе бентамовою неотразимою діалектикою, то скоро прекращались ко всеобщему удовольствію. Согласіе не нарушалось— колонія процвѣтала!

‹Восхищенные своимъ успѣхомъ, колонисты положили на вѣчныя времена не перемѣнять своихъ

узаконеній, какъ признанныхъ на опытѣ послѣднимъ совершенствомъ, до котораго человѣкъ можетъ достигнуть. Колонія процвѣтала.

Такъ снова протекли долгіе годы. Не вдалекѣ отъ насъ, также на необитаемомъ островѣ, поселилась другая колонія. Она состояла изъ людей простыхъ, изъ земледѣльцевъ, которые поселились тутъ не для осуществленія какой-либо системы, но просто, чтобъ снискивать себѣ пропитаніе. То, что́ у насъ производили энтузіазмъ и правила, которыя мы сосали съ молокомъ матернимъ, то у нашихъ сосѣдей производилось необходимостью жить и трудомъ безотчетнымъ, но постояннымъ. Ихъ нивы, луга были разработаны, и возвышенная искусствомъ земля сторицею вознаграждала трудъ человѣка.

Эта сосѣдняя колонія показалась намъ весьма удобнымъ мѣстомъ для такъ называемой *эксплуатаціи*(*); мы завели съ нею торговыя сношенія, но, руководствуясь словомъ *польза*, мы не считали за нужное щадить нашихъ сосѣдей; мы задерживали разными хитростями провозъ къ нимъ необходимыхъ вещей и потомъ продавали имъ свои въ тридорога; многіе изъ насъ, оградясь всѣми законными формами, предприняли противъ сосѣдей весьма удачныя банкротства, отъ которыхъ у нихъ упали фабрики, что́ послужило въ пользу нашимъ; мы ссорили нашихъ

(*) Къ счастію, это слово въ семъ смыслѣ еще не существуетъ въ русскомъ языкѣ; его можно перевести: наживка на счетъ ближняго.

сосѣдей съ другими колоніями, помогали имъ въ этихъ случаяхъ деньгами, которыя, разумѣется, возвращались намъ сторицею; мы завлекали ихъ въ биржевую игру и посредствомъ искусныхъ оборотовъ были постоянно въ выигрышѣ; наши агенты жили у сосѣдей безвыходно и всѣми средствами: лестію, коварствомъ, деньгами, угрозами—постоянно распространяли нашу монополію. Всѣ наши богатѣли—колонія процвѣтала.

«Когда сосѣди вполнѣ разорились, благодаря нашей мудрой, основательной политикѣ, правители наши, собравши выборныхъ людей, предложили имъ на разрѣшеніе вопросъ: не будетъ ли полезно для нашей колоніи уже совсѣмъ пріобрѣсти землю нашихъ ослабѣвшихъ сосѣдей? Всѣ отвѣчали утвердительно. За симъ слѣдовали другіе вопросы: какъ пріобрѣсти эту землю, деньгами, или силою? На этотъ вопросъ отвѣчали, что сначала надобно испытать деньгами: а если это средство не удастся, то употребить силу. Нѣкоторые изъ членовъ совѣта, хотя и соглашались, что народонаселеніе нашей колоніи требовало новой земли, но что, можетъ-быть, было бы согласно болѣе съ справедливостію занять какой-либо другой необитаемый островъ, нежели посягать на чужую собственность. Но эти люди были признаны за вредныхъ мечтателей, за идеалоговъ: имъ доказано было посредствомъ математической выкладки, во сколько разъ болѣе выгодъ можетъ принести земля уже обработанная въ сравненіи съ землею, до которой еще не прикаса-

лась рука человѣка. Рѣшено было отправить къ нашимъ сосѣдямъ предложеніе объ уступкѣ намъ земли ихъ за извѣстную сумму. Сосѣди не согласились.... Тогда, приведя въ торговый балансъ издержки на войну съ выгодами, которыя можно было извлечь изъ земли нашихъ сосѣдей, мы напали на нихъ вооруженною рукою, уничтожили все, что̀ противопоставляло намъ какое-либо сопротивленіе; остальныхъ принудили откочевать въ дальнія страны, а сами вступили въ обладаніе островомъ.

«Такъ, по мѣрѣ надобности, поступали мы и въ другихъ случаяхъ. Несчастные обитатели окружныхъ земель, казалось, разработывали ихъ для того только, чтобъ сдѣлаться нашими жертвами. Имѣя безпрестанно въ виду одну собственную пользу, мы почитали противъ нашихъ сосѣдей всѣ средства дозволенными: и политическія хитрости, и обманъ, и подкупы. Мы по прежнему ссорили сосѣдей между собою, чтобъ уменьшить ихъ силы; поддерживали слабыхъ, чтобъ противопоставить ихъ сильнымъ; нападали на сильныхъ, чтобъ возстановить противъ нихъ слабыхъ. Мало-по-малу всѣ окружныя колоніи, одна за другою, подпали подъ нашу власть— и Бентамія сдѣлалась государствомъ грознымъ и сильнымъ. Мы величали себя похвалами за наши великіе подвиги, и нашимъ дѣтямъ поставляли въ примѣръ тѣхъ достославныхъ мужей, которые оружіемъ, а тѣмъ паче обманомъ обогатили нашу колонію. Колонія процвѣтала.

«Снова протекли долгіе годы. Вскорѣ, за покоренными сосѣдями, мы встрѣтили другихъ, которыхъ покореніе было не столь удобно. Тогда возникли у насъ споры. Пограничные города нашего государства, получавшіе важныя выгоды отъ торговли съ иноземцами, находили полезнымъ быть съ ними въ мирѣ. Напротивъ, жители внутреннихъ городовъ, стѣсненные въ маломъ пространствѣ, жаждали расширенія предѣловъ государства и находили весьма полезнымъ затѣять ссору съ сосѣдями, хоть для того, чтобъ избавиться отъ излишка своего народонаселенія. Голоса раздѣлились. Обѣ стороны говорили объ одномъ и томъ же: объ общей пользѣ, не замѣчая того, что каждая сторона подъ этимъ словомъ понимала лишь свою собственную. Были еще другіе, которые, желая предупредить эту распрю, заводили рѣчь о самоотверженіи, о взаимныхъ уступкахъ, о необходимости пожертвовать что-либо въ настоящемъ для блага будущихъ поколѣній. Этихъ людей обѣ стороны засыпали неопровержимыми математическими выкладками; этихъ людей обѣ стороны назвали вредными мечтателями, идеологами: и государство распалось на двѣ части: одна изъ нихъ объявила войну иноземцамъ, другая заключила съ ними торговый трактатъ (*).

(*) Американскій республиканскій журналъ: Tribune (изъ коего отрывокъ напеч. въ Сѣв. Пчелѣ 1861 сент. 21—№ 209 стр. 859 кол. 4) исчисляя слѣдствіе торжества ультра—монтантской партіи говоритъ: „одинъ штатъ немедленно объявитъ недѣйствительнымъ тарифъ союза, другой воспротивится военнымъ нало-

Это раздробленіе государства сильно подѣйствовало на его благоденствіе. Нужда оказалась во всѣхъ классахъ; должно было отказать себѣ въ нѣкоторыхъ удобствахъ жизни, обратившихся въ привычку. Это показалось нестерпимымъ. Соревнованіе произвело новую промышленую дѣятельность, новое изъисканіе средствъ для пріобрѣтенія прежняго достатка. Не смотря на всѣ усилія, Бентамиты не могли возвратить въ свои домы прежней роскоши— и на то были многія причины. При такъ называемомъ благородномъ соревнованіи, при усиленной дѣятельности всѣхъ и каждаго, между отдѣльными городами часто происходило то же, что́ между двумя частями государства. Противоположныя выгоды встрѣчались; одинъ не хотѣлъ уступить другому: для одного города нуженъ былъ каналъ, для другаго желѣзная дорога; для одного въ одномъ направленіи, для другаго въ другомъ. Между-тѣмъ, банкирскія операціи продолжались, но, сжатыя въ тѣсномъ пространствѣ, онѣ необходимо, *по естественному ходу вещей*, должны были обратиться уже не на сосѣдей, а на самихъ Бентамитовъ; и торговцы, слѣдуя нашему высокому началу—польза, принялись спокойно наживаться банкротствами, благоразумно задерживать предметы, на *которые было требованіе*, чтобъ потомъ продавать ихъ дорого́ю цѣною; съ основательностію заниматься биржевою игрою; подъ видомъ неограниченной, такъ на-

гамъ, третій не позволитъ ходить въ своихъ предѣлахъ почтѣ; вслѣдствіе всего этого союзъ придетъ въ полное разстройство.

зываемой, священной свободы торговли, учреждать монополію. Одни разбогатѣли—другіе разорились. Между-тѣмъ, никто не хотѣлъ пожертвовать частію своихъ выгодъ для общихъ, когда эти послѣднія не доставляли ему непосредственной пользы; и каналы засорялись; дороги не оканчивались по недостатку общаго содѣйствія; фабрики, заводы упадали; библіотеки были распроданы; театры закрылись. Нужда увеличивалась и поражала равно всѣхъ, богатыхъ и бѣдныхъ. Она раздражала сердца; отъ упрековъ доходили до распрей; обнажались мечи, кровь лилась, возставала страна на страну, одно поселеніе на другое; земля оставалась незасѣянною; богатая жатва истреблялась врагомъ; отецъ семейства, ремесленникъ, купецъ отрывались отъ своихъ мирныхъ занятій; съ тѣмъ вмѣстѣ общія страданія увеличились.

Въ этихъ внѣшнихъ и междоусобныхъ браняхъ, которыя то прекращались на-время, то вспыхивали съ новымъ ожесточеніемъ, протекло еще много лѣтъ. Отъ общихъ и частныхъ скорбей общимъ чувствомъ сдѣлалось общее уныніе. Истощенные долгой борьбою, люди предались бездѣйствію. Никто не хотѣлъ ничего предпринимать для будущаго. Всѣ чувства, всѣ мысли, всѣ побужденія человѣка ограничились настоящей минутой. Отецъ семейства возвращался въ домъ скучный, печальный. Его не тѣшили ни ласки жены, ни умственное развитіе дѣтей. Воспитаніе казалось излишнимъ. Одно считалось нужнымъ—правдою или неправдой

добыть себѣ нѣсколько вещественныхъ выгодъ. Этому искусству отцы боялись учить дѣтей своихъ, чтобъ не дать имъ оружія противъ самихъ себя; да и было бы излишнимъ; юный Бентамитъ, съ раннихъ лѣтъ, изъ древнихъ преданій, изъ разсказовъ матери научался одной наукѣ: избѣгать законовъ Божескихъ и человѣческихъ и смотрѣть на нихъ лишь какъ на одно изъ средствъ извлекать себѣ какую-нибудь выгоду. Нѐчему было оживить борьбу человѣка; нéчему было утѣшить его въ скорби. Божественный, одушевляющій языкъ поэзіи былъ недоступенъ Бентамиту. Великія явленія природы не погружали его въ ту безпечную думу, которая отторгаетъ человѣка отъ земной скорби. Мать не умѣла завести пѣсни надъ колыбелью младенца. Естественная, поэтическая стихія издавна была умерщвлена корыстными разсчетами пользы. Смерть этой стихіи заразила всѣ другія стихіи человѣческой природы; всѣ отвлеченныя, общія мысли, связывающія людей между собою, показались бредомъ; книги, знанія, законы нравственности—безполезною роскошью. Отъ прежнихъ славныхъ временъ осталось только одно слово—*польза*; но и то получило смыслъ неопредѣленный: его всякій толковалъ по-своему.

«Вскорѣ раздоры возникли внутри самаго главнаго нашего города. Въ его окрестностяхъ находились богатые рудники каменнаго угля. Владѣльцы этихъ рудниковъ получали отъ нихъ богатый доходъ. Но отъ долгаго времени и углубленія копей они напол-

нились водой. Добываніе угля сдѣлалось труднымъ. Владѣльцы рудниковъ возвысили на него цѣну. Остальные жители внутри города по дороговизнѣ не могли болѣе имѣть этотъ необходимый матеріалъ въ достаточномъ количествѣ. Наступила зима; недостатокъ въ угольѣ сдѣлался еще болѣе ощутительнымъ. Бѣдные прибѣгнули къ правительству. Правительство предложило средства вывести воду изъ рудниковъ и тѣмъ облегчить добываніе угля. Богатые воспротивились, доказывая неопровержимыми выкладками, что имъ выгоднѣе продавать малое количество за дорогую цѣну, нежели остановить работу для осушенія копей. Начались споры, и кончилось тѣмъ, что толпа бѣдняковъ, дрожавшихъ отъ холода, бросилась на рудники и овладѣла ими, доказывая съ своей стороны также неопровержимо, что имъ гораздо выгоднѣе брать уголь даромъ, нежели платить за него деньги.

«Подобныя явленія повторялись безпрестанно. Они наводили сильное безпокойство на всѣхъ обитателей города, не оставляли ихъ ни на площади, ни подъ домашнимъ кровомъ. Всѣ видѣли общее бѣдствіе—и никто не зналъ, какъ пособить ему. Наконецъ, отъискивая повсюду вину своихъ несчастій, они вздумали, что причина находится въ правительствѣ, ибо оно, хотя изрѣдка, въ своихъ воззваніяхъ напоминало о необходимости помогать другъ другу, жертвовать своею пользою пользѣ общей. Но уже всѣ воззванія были поздны; всѣ понятія въ обществѣ перемѣшались; слова перемѣни-

ли значеніе; самая общая польза казалась уже мечтою; эгоизмъ былъ единственнымъ, святымъ правиломъ жизни; безумцы обвиняли своихъ правителей въ ужаснѣйшемъ преступленіи—въ поэзіи. «Зачѣмъ намъ эти философическія толкованія о добродѣтели, о самоотверженіи, о гражданской доблести? какіе они приносятъ проценты? Помогите нашимъ существеннымъ, положительнымъ нуждамъ!» кричали несчастные, не зная, что существенное зло было въ ихъ собственномъ сердцѣ. «Зачѣмъ, говорили купцы, намъ эти ученые и философы? имъ ли править городомъ? Мы занимаемся настоящимъ дѣломъ; мы получаемъ деньги, мы платимъ, мы покупаемъ произведенія земли, мы продаемъ ихъ, мы приносимъ существенную пользу: мы должны быть правителями!» И всѣ, въ комъ нашлась хотя искра божественнаго огня, были, какъ вредные мечтатели, изгнаны изъ города. Купцы сдѣлались правителями, и правленіе обратилось въ компанію на акціяхъ. Исчезли всѣ великія предпріятія, которыя не могли непосредственно принести какую-либо выгоду, или которыхъ цѣль неясно представлялась ограниченному, корыстному взгляду торговцевъ. Государственная проницательность, мудрое предвѣдѣніе, исправленіе нравовъ, все, что́ не было направлено прямо къ коммерческой цѣли, словомъ, что́ не могло приносить процентовъ, было названо—мечтами. Банкирскій феодализмъ торжествовалъ. Науки и искусства замолкли совершенно; не являлось новыхъ открытій,

изобрѣтеній, усовершенствованій. Умножившееся народонаселеніе требовало новыхъ силъ промышленности; а промышленность тянулась по старинной, избитой колеѣ и не отвѣчала возрастающимъ нуждамъ.

«Предстали предъ человѣка нежданныя, разрушительныя явленія природы: бури, тлетворные вѣтры, моръ, голодъ... униженный человѣкъ преклонялъ предъ ними главу свою, а природа, необузданная его властью, уничтожала однимъ дуновеніемъ плоды его прежнихъ усилій. Всѣ силы дряхлѣли въ человѣкѣ. Даже честолюбивые замыслы, которые могли бы въ будущемъ усилить торговую дѣятельность, но въ настоящемъ разстроивали выгоды купцовъ-правителей, были названы предразсудками. Обманъ, подлоги, умышленное банкрутство, полное презрѣніе къ достоинству человѣка, боготвореніе злата, угожденіе самымъ грубымъ требованіямъ плоти—стали дѣломъ явнымъ, позволеннымъ, необходимымъ. Религія сдѣлалась предметомъ совершенно постороннимъ; нравственность заключилась въ подведеніи исправныхъ итоговъ; умственныя занятія—изъисканіе средствъ обманывать безъ потери кредита; поэзія—балансъ приходорасходной книги; музыка — однообразная стукотня машинъ; живопись—черченіе моделей. Нѣчему было подкрѣпить, возбудить, утѣшить человѣка; не́гдѣ было ему забыться хоть на мгновеніе. Таинственные источники духа изсякли; какая-то жажда томила,—а люди не знали ка́къ и назвать ее. Общія страданія увеличились.

«Въ это время на площади одного изъ городовъ нашего государства явился человѣкъ, блѣдный, съ распущенными волосами, въ погребальной одеждѣ. «Горе,» восклицалъ онъ, посыпая прахомъ главу свою: «горе тебѣ, страна нечестія; ты избила своихъ пророковъ, и твои пророки замолкли! Горе тебѣ! Смотри, на высокомъ небѣ уже собираются грозныя тучи; или ты не боишься, что огнь небесный ниспадетъ на тебя и пожжетъ твои веси и нивы? Или спасутъ тебя твои мраморные чертоги, роскошная одежда, груды злата, толпы рабовъ, твое лицемѣріе и коварство? Ты растлила свою душу, ты отдала свое сердце въ куплю, и забыла все великое и святое; ты смѣшала значеніе словъ и назвала златомъ добро, добромъ—злато, коварство—умомъ и умъ—коварствомъ; ты презрѣла любовь, ты презрѣла науку ума и науку сердца. Падутъ твои чертоги, порвется твоя одежда, травою порастутъ твои стогны, и имя твое будетъ забыто. Я, послѣдній изъ твоихъ пророковъ, взываю къ тебѣ: брось куплю и злато, ложь и нечестіе, оживи мысли ума и чувства сердца, преклони колѣни не предъ алтарями кумировъ, но предъ алтаремъ безкорыстной любви... Но я слышу голосъ твоего огрубѣлаго сердца; слова мои тщетно ударяютъ въ слухъ твой: ты не покаешься—проклинаю тебя!» Съ сими словами говорившій упалъ ницъ на землю. Полиція раздвинула толпу любопытныхъ и отвела несчастнаго въ сумасшедшій домъ. Черезъ нѣсколько дней, жители нашего города въ самомъ дѣлѣ были поражены

ужасною грозою. Казалось, все небо было въ пламени; тучи разрывались свѣтло-синею молніею; удары грома слѣдовали одинъ за другимъ безпрерывно; деревья вырывало съ корнемъ; многія зданія въ нашемъ городѣ были разбиты громовыми стрѣлами. Но больше несчастій не было; только чрезъ нѣсколько времени въ *Прейсъ-курантѣ*, единственной газетѣ, у насъ издававшейся, мы прочли слѣдующую статью:

«Мыломъ тихо. На партіи бумажныхъ чулокъ дѣлаютъ двадцать процентовъ уступки. Выбойка требуется.

«P. S. Спѣшимъ увѣдомить нашихъ читателей, «что бывшая за двѣ недѣли гроза нанесла ужас«ное повреженіе на сто миль въ окружности «нашего города. Многіе города сгорѣли отъ мол«ніи. Къ довершенію бѣдствій, въ сосѣдственной «горѣ образовался волканъ; истекшая изъ него ла«ва истребила то, что́ было пощажено грозою. Ты«сячи жителей лишились жизни. Къ счастію осталь«ныхъ, застывшая лава представила имъ новый «источникъ промышлености. Они отламываютъ «разноцвѣтные куски лавы и обращаютъ ихъ въ «кольца, серьги и другія укрошенія. Мы совѣтуемъ «нашимъ читателямъ воспользоваться несчастнымъ «положеніемъ сихъ промышлениковъ. По необхо«димости они продаютъ свои произведенія почти «за-даромъ, а извѣстно, что всѣ вещи, дѣлаемыя «изъ лавы, могутъ быть перепроданы съ большою «выгодою и проч....»

Нашъ незнакомецъ остановился. «Чтó вамъ разсказывать болѣе? Недолго могла продлиться наша искусственная жизнь, составленная изъ купеческихъ оборотовъ.

Протекло нѣсколько столѣтій. За купцами пришли ремесленники. «Зачѣмъ, кричали они, намъ этихъ людей, которые пользуются нашими трудами, и, спокойно сидя за своимъ столомъ, наживаются? Мы работаемъ въ потѣ лица; мы знаемъ трудъ; безъ насъ они бы не могли существовать. Мы приносимъ существенную пользу городу—мы должны быть правителями!» И всѣ, въ комъ таилось хоть какое-либо общее понятіе о предметахъ, были изгнаны изъ города; ремесленники сдѣлались правителями—и правленіе обратилось въ мастерскую. Исчезла торговая дѣятельность; ремесленныя произведенія наполнили рынки; не было центровъ сбыта; пути сообщенія пресѣклись отъ невѣжества правителей; искусство оборачивать капиталы утратилось; деньги сдѣлались рѣдкостью. Общія страданія умножились.

За ремесленниками пришли землепашцы. «Зачѣмъ», кричали они, «намъ этихъ людей, которые занимаются бездѣлками — и, сидя подъ теплою кровлею, съѣдаютъ хлѣбъ, который мы вырабатываемъ въ потѣ лица, ночью и днемъ, въ холодѣ и въ знoѣ? Чтó бы они стали дѣлать, если бы мы не кормили ихъ своими трудами? Мы приносимъ существенную пользу городу; мы знаемъ его первыя, необходимыя нужды—мы должны быть правителя-

ми.» И всѣ, кто только имѣлъ руку, непривыкшую къ грубой земляной работѣ, всѣ были изгнаны вонъ изъ города.

Подобныя явленія происходили съ нѣкоторыми измѣненіями и въ другихъ городахъ нашей земли. Изгнанные изъ одной страны, приходя въ другую, находили минутное убѣжище; но ожесточившаяся нужда заставляла ихъ искать новаго. Гонимые изъ края въ край, они собирались толпами и вооруженной рукою добывали себѣ пропитаніе. Нивы истаптывались конями; жатва истреблялась прежде созрѣнія. Земледѣльцы принуждены были, для охраненія себя отъ набѣговъ, оставить свои занятія. Небольшая часть земли засѣвалась и, обработываемая среди тревогъ и безпокойствъ, приносила плодъ необильный. Предоставленная самой себѣ, безъ пособій искусства, она заростала дикими травами, кустарникомъ, или заносилась морскимъ пескомъ. Нѣкому было указать на могущественныя пособія науки, долженствовавшія предупредить общія бѣдствія. Голодъ, со всѣми его ужасами, бурной рѣкою разлился по странѣ нашей. Братъ убивалъ брата остаткомъ плуга, и изъ окровавленныхъ рукъ вырывалъ скудную пищу. Великолѣпныя зданія въ нашемъ городѣ давно уже опустѣли; безполезные корабли сгнивали въ пристани. И странно и страшно было видѣть возлѣ мраморныхъ чертоговъ, говорившихъ о прежнемъ величіи, необузданную, грубую толпу, въ буйномъ развратѣ спорившую или о власти, или о дневномъ пропитаніи! Землетрясенія

довершили начатое людьми: они опрокинули всѣ памятники древнихъ временъ, засыпали пепломъ; время заволокло ихъ травою. Отъ древнихъ воспоминаній остался лишь одинъ четвероугольный камень, на которомъ нѣкогда возвышалась статуя Бентама. Жители удалились въ лѣса, гдѣ ловля звѣрей представляла имъ возможность снискивать себѣ пропитаніе. Разлученныя другъ отъ друга, семейства дичали; съ каждымъ поколѣніемъ терялась часть воспоминаній о прошедшемъ. Наконецъ, горе! я видѣлъ послѣднихъ потомковъ нашей славной колоніи, кàкъ они въ суевѣрномъ страхѣ преклоняли колѣни предъ пьедесталомъ статуи Бентама, принимая его за древнее божество, и приносили ему въ жертву плѣнниковъ, захваченныхъ въ битвѣ съ другими, столь же дикими племенами. Когда я, указывая имъ на развалины ихъ отчизны, спрашивалъ: какой народъ оставилъ по себѣ эти воспоминанія? они смотрѣли на меня съ удивленіемъ и не понимали моего вопроса. Наконецъ погибли и послѣдніе остатки нашей колоніи, удрученные голодомъ, болѣзнями, или истребленные хищными звѣрями. Отъ всей отчизны остался этотъ безжизненный камень, и одинъ я надъ нимъ плачу и проклинаю. Вы, жители другихъ странъ, вы, поклонники злата и плоти, повѣдайте свѣту повѣсть о моей несчастной отчизнѣ.... а теперь удалитесь и не мѣшайте моимъ рыданіямъ».

Незнакомецъ съ ожесточеніемъ схватился за чет-

вероугольный камень и, казалось, всѣми силами старался повергнуть его на землю....

Мы удалились.

Пріѣхавъ на другую станцію, мы старались отъ трактирщика собрать какія-либо свѣдѣнія о говорившемъ съ нами отшельникѣ.

— О!—отвѣчалъ намъ трактирщикъ:—мы знаемъ его. Нѣсколько времени тому назадъ, онъ объявилъ желаніе сказать проповѣдь на одномъ изъ нашихъ митинговъ (meetings). Мы всѣ обрадовались, особливо наши жены, и собрались послушать проповѣдника, думая, что онъ человѣкъ порядочный; а онъ съ первыхъ словъ началъ насъ бранить, доказывать, что мы самый безнравственный народъ въ цѣломъ свѣтѣ, что банкрутство есть вещь самая безсовѣстная, что человѣкъ не долженъ думать безпрестанно объ увеличеніи своего богатства, что мы непремѣнно должны погибнуть.... и прочія, тому подобныя, предосудительныя вещи. Наше самолюбіе не могло стерпѣть такой обиды національному характеру—и мы выгнали оратора за двери. Это его, кажется, тронуло за-живое; онъ помѣшался, скитается изъ стороны въ сторону, останавливаетъ проходящихъ и каждому читаетъ отрывки изъ сочиненной имъ для насъ проповѣди.—

— Ну, что̀? какъ вамъ нравится эта исторія? спросилъ Фаустъ, окончивъ чтеніе.

— Я не понимаю, что̀ эти господа хотѣли доказать своей исторіей, сказалъ Вечеславъ.

— Доказать? рѣшительно ничего! Вы знаете, при химическихъ опытахъ наблюдатели имѣютъ обыкновеніе вести журналъ всего, что ни замѣтятъ они при производствѣ опыта; не имѣя еще въ виду ничего доказывать, они записываютъ каждый фактъ, истинный или обманчивый....

— Да, какой тутъ фактъ! вскричалъ Викторъ:— такого факта никогда не бывало....

Фаустъ. — Для моихъ духоиспытателей фактомъ было—символическое прозрѣніе въ происшествія такой эпохи, которая, по естественному ходу вещей, должна бы непремѣнно образоваться, если бъ благое Провидѣніе не лишило людей способности, *вполнѣ* приводить въ исполненіе свои мысли, и если бы для счастія самого человѣчества каждая мысль не была останавливаема въ своемъ развитіи другою—ложною, или истинною, все равно— но которая, какъ поплавокъ, мѣшаетъ крючку (при помощи котораго кто-то забавляется надъ нами) погрузиться на дно и поднять всю тину. Впрочемъ, не смотря на всѣ препятствія, которыя человѣчество находитъ для полнаго развитія мысли одного кого-либо изъ своихъ членовъ, нельзя однако же не сознаться, что банкирскій феодализмъ на западѣ не попалъ прямо на дорогу Бентамитовъ; а на другомъ полушаріи есть страна, которая, кажется, пошла и дальше по этой дорогѣ; тамъ уже дуэли не на языкѣ, не на шпагахъ, а просто—*на зубахъ* сдѣлались вещію обыкновенною.

Вечеславъ—Все это очень хорошо, но я не

вижу цѣли всего этого. Что̀ хотятъ доказать, или, пожалуй, что̀ замѣтили эти господа? Что единственно матеріальная польза не можетъ быть цѣлію общества, ни служить основаніемъ для его законовъ,—я бы желалъ знать: ка̀къ бы они обошлись безъ этой пользы; по ихъ системѣ не нужно заботиться ни о дровахъ, ни о скотѣ, ни о платьѣ....

Фаустъ.—Кто говоритъ объ этомъ? все то благо, все добро! но вопросъ не въ томъ, и напрасно экономы-матеріалисты хотятъ затемнить его.—Объяснюсь примѣромъ не совсѣмъ благоуханнымъ; но для васъ, утилитаріевъ, вѣдь это все равно; всякій предметъ, по-вашему, имѣетъ право существовать, потому-что существуетъ. Тѣ люди, которые вывозятъ всякій соръ и нечистоту изъ города, приносятъ ему важную пользу: они спасаютъ городъ отъ непріятнаго запаха, отъ заразительныхъ болѣзней,—безъ ихъ пособія городъ не могъ бы существовать; вотъ, безъ сомнѣнія, люди въ высшей степени полезные,—не такъ ли?

Викторъ.—Согласенъ.

Фаустъ.—Что̀, если бы эти люди, гордые своими смрадными подвигами, потребовали перваго мѣста въ обществѣ, и сочли бы себя въ правѣ назначить ему цѣль и управлять его дѣйствіями?

Викторъ.—Этого никогда не можетъ случиться.

Фаустъ.—Неправда,—оно въ очью совершается, только въ другой сферѣ: господа экономисты-утилитаріи, возясь единственно надъ вещественными рычагами, также роются лишъ въ томъ сорѣ,

который застилаетъ для нихъ настоящую цѣль и природу человѣчества, и, ради своихъ смрадныхъ подвиговъ, вмѣстѣ съ банкирами, откупщиками, ажіотерами, торговцами и проч., почитаютъ себя въ правѣ занимать первое мѣсто въ человѣческомъ родѣ, предписывать ему законы и указывать цѣль его.—Въ ихъ рукахъ и земля, и море, и золото, и корабли со всѣхъ странъ свѣта; кажется, они все могутъ доставить человѣку,—а человѣкъ не доволенъ, существованіе его неполно, потребности его не удовлетворены и онъ ищетъ чего-то, что̀ не вносится въ бухгалтерскую книгу.

Викторъ.—Такъ уже не поэтамъ ли поручить это дѣло?

Фаустъ.—Поэты со времени Платона выгнаны изъ города; они любуются вѣнками, которыми ихъ увѣнчали; сидя на пригоркѣ и смотря на городъ, они не могутъ надивиться отъ-чего все движется въ городѣ съ восхожденіемъ солнца и все замираетъ, когда оно зашло; да иногда перечитываютъ рѣчи умнаго Борка о благоденствіи Индіи, подъ управленіемъ торговой компаніи, которая, какъ говорилъ знаменитый ораторъ, «чеканила деньги изъ человѣческаго мяса (*).»

Викторъ.—Такъ выдумайте же, господа, новые законы для политической экономіи, и посмотримъ ихъ на дѣлѣ.

Фаустъ. — Выдумать! выдумать законы! не

(*) См. рѣчи Борка въ началѣ 1788 года.

знаю, господа, отъ-чего вамъ такое дѣло кажется возможнымъ; мнѣ же кажется совершенно непонятнымъ, чтобы нашлось такое существо, которое кто-нибудь отправилъ бы въ міръ на житье съ порученіемъ изобрѣсть для того міра и для самого себя законы; ибо изъ сего должно было бы заключить, что у того міра нѣтъ никакихъ законовъ для существованія, т. е. что онъ существуетъ не существуя; я думаю, что во всякомъ мірѣ законы должны быть совсѣмъ готовые—сто́итъ отъискать ихъ. Впрочемъ, это дѣло не мое; я, какъ ученый, о которомъ упоминалъ Ростиславъ, замѣчаю только, что́ говорятъ другіе, а самъ ничего не говорю; однакожь, мнѣ сдается, что наибо́льшую роль играетъ во всей вселенной именно то, что̀ менѣе осязаемо или что́ менѣе полезно. Прочтите у Каруса (*) любопытныя доказательства того, что всѣ твердыя части, какъ—то: мускулы, кости, суть произведенія жидкихъ частей, другими словами, остатки уже совершившагося организма. Даже, кажется, можно замѣтить эту постепенность въ природѣ. Чѣмъ ниже мы спу-

(*) См. Carus—Grundzüge d. vergl. Anatomie. Эта знаменитая книга, совершившая переломъ въ понятіяхъ объ организмѣ, извѣстна всякому естествоиспытателю; мы рекомендуемъ ее, а равно и другую того же сочинителя: System der Physiologie—Dresden. 1839 — поэтамъ и художникамъ, тѣмъ болѣе, что въ этихъ книгахъ глубокая положительная ученость соединяется съ тѣмъ поэтическимъ элементомъ, благодаря которому Карусъ умѣлъ соединить въ себѣ качества физіолога первой величины, опытнаго врача, оригинальнаго живописца и литератора.

скаемся по степенямъ ея, тѣмъ, не смотря на наружную плотность, менѣе находимъ связи, крѣпости и силы; раздробите камень, онъ останется раздробленнымъ; срѣжьте дерево—оно зарастетъ; рана животнаго—исцѣлима; чѣмъ выше вы поднимаетесь въ сферу предметовъ, тѣмъ болѣе находите силы; вода слабѣе камня, паръ, кажется, слабѣе воды, газъ слабѣе пара, а между-тѣмъ, сила этихъ дѣятелей увеличивается по мѣрѣ ихъ видимой слабости. Поднимаясь еще выше, мы находимъ электричество, магнетизмъ—неосязаемые, неисчислимые, непроизводящіе никакой непосредственной пользы—а между-тѣмъ они-то и движутъ и держатъ въ гармоніи всю физическую природу. Мнѣ кажется, это порядочная указка для экономистовъ. Но уже поздно, господа, или, какъ говоритъ Шекспиръ, *уже становится рано*; завтра я покажу вамъ замѣтки нашихъ искателей о тѣхъ странныхъ символахъ въ этомъ мірѣ, которые называются поэтами, художниками и проч.

«Еще одно слово» сказать Викторъ:— вы, господа идеологи, летая по поднебесью, любите помыка́ть нами, бѣдными смертными, которые, какъ ты говоришь, роются въ сорѣ: нельзя ли не такъ рѣшительно?—ужь пускай Мальтусъ— Богъ съ нимъ; но Адамъ Смитъ, великій Адамъ Смитъ, отецъ всей политической экономіи нашего времени, образовавшій школу, прославленную именами Сея, Рикардо, Сисмонди! не слишкомъ ли рѣзко обвинить его въ явной нелѣпости, а съ нимъ и цѣлыя два

поколѣнія. Не-уже-ли на родъ человѣческій нашло такое ослѣпленіе, что въ-продолженіе полустолѣтія никто не замѣтилъ этой нелѣпости?

Фаустъ.—Никто? Нѣтъ, я слѣдую совѣту Гёте ([1]): я хвалю безъ зазрѣнія совѣсти; но когда я принужденъ порицать кого-нибудь, то всегда стараюсь поддержать свое мнѣніе какимъ-либо важнымъ авторитетомъ. Въ началѣ нашего вѣка, жилъ человѣкъ по имени Мельхіоръ Жіойа, о которомъ англійскіе и французскіе экономисты упоминаютъ въ исторіи науки, для очистки совѣсти, хотя, вѣрно, никто изъ нихъ не имѣлъ терпѣнія прочесть около дюжины томовъ in 4°, написанныхъ смиреннымъ Мельхіоромъ—этотъ чудный подвигъ глубокомыслія и учености. Въ 1816 году, онъ приложилъ къ своей книгѣ ([2]) таблицу, которую, не безъ ироніи, назвалъ: *настоящее состояніе науки;* въ этой таблицѣ, онъ свелъ разныя такъ-называемыя аксіомы политической экономіи Адама Смита и его послѣдователей; изъ таблицы явствуетъ, что эти господа просто самихъ-себя не понимали, не смотря на обманчивую ясность, за которою они гонялись. Такъ, напримѣръ, Адамъ Смитъ, великій Адамъ Смитъ доказываетъ, что трудъ есть первоначальный и не первоначальный источникъ народнаго богатства ([3]);

([1]) Wilhelm Meisters Wanderjahre.

([2]) См. Nuovo prospetto delle scienze economiche—6 v. in 4° Milano. 1816. Tomo V. Parte sesta—p. 223. Stato della scienza.

([3]) Adam Smith (Франц. изд. 1802 года.) T. I. p. 5 и T. IV. p. 507.

что усовершенствованіе промышлености зависитъ вполнѣ и не зависитъ отъ раздѣленія работъ (1);

что раздѣленіе работъ, есть и не есть главнѣйшая причина народнаго богатства (2);

что раздѣленіемъ работъ возбуждается и не возбуждается духъ изобрѣтательности (3);

что сельская промышленость зависитъ и не зависитъ отъ другихъ отраслей промышлености (4);

что земледѣліемъ доставляется и не доставляется наибóльшая выгода для капиталовъ (5);

что умственный трудъ есть и не есть сила производящая, т. е. умножающая народное богатство (6);

что частный интересъ лучше и хуже видитъ общественную пользу, нежели какое-либо правительственное лицо (7);

что частныя выгоды купцовъ тѣсно связаны и

---

(1) Ibidem T. III, p. 543 и T. I, p. 17—18; T. I, p. 11 и T. II. p. 215—216.

(2) Ibidem T. I. p. 24—25 и T. I, p. 262—264. T. I, p. 29 и T. II, p. 370, 193, 326 210, T. III, p. 323.

(3) Ibidem T. 1, p. 21—22; T. IV, p. 181—183.

(4) Ibidem T. II, p. 409—410 и T. II, p. 408.

(5) Ibidem T. II, p. 376—378, 407, 498 и T. I, p. 260—261 T. II, p. 401—402, 481, 483, 485, 486, 487, 413.

(6) Ibidem T. II, p. 204—205; T. I, p. 213—214, 23. 262—265 и T. II, 312—313.

(7) Ibidem. T. V, p. 524, T. III, p. 60, 223, T. II, p. 344 и T. II, p. 161, 423—424, T. III, p. 492. T. II, p. 248, 289, T. I, p. 219—227.

во все не связаны съ выгодами другихъ членовъ общества (*).

Кажется, довольно? я бралъ изъ таблицы на удачу; а дѣло идетъ о важнѣйшихъ аксіомахъ науки. Успѣхъ Адама Смита весьма понятенъ; главная цѣль его была доказать, что никто не долженъ вмѣшиваться въ купеческія дѣла, а что должно ихъ предоставить такъ - называемому *естественному ходу* и благородному соревнованію. Можно себѣ представить восхищеніе англійскихъ торговцевъ, когда они узнали, что съ профессорской каѳедры имъ предоставляется право барышничать, откупать, по произволу возвышать и понижать цѣны и хитрой уловкой, безъ дальняго труда, выигрывать сто на одинъ,—что во всемъ этомъ «они не только правы, чуть не святы» (**)....

Съ того времени, вошли въ моду звонкія слова «обширность торговли», «важность торговли», «свобода торговли». При помощи послѣдней клички, теорія Адама Смита пробралась во Францію и единственно по созвучію словъ самый смыслъ ихъ (если онъ есть) сдѣлался тамъ аксіомой: Адамъ Смитъ признанъ и глубокимъ философомъ, и благодѣтелемъ рода человѣческаго; за симъ немногіе читали его, и никто не понялъ, что́ онъ хотѣлъ сказать; но, не смо-

---

(*) Ibidem T. II, p. 161, T. III, p. 239, 208—209. 435. 54—55, 59 и T. III, p. 295. 145, 239, T. II, p. 164. 165. T. III, p. 465.

(**) Крыловъ.

тря на то, изъ темнаго, запутаннаго лабиринта его мыслей, вытекли многія повѣрья, ни на чемъ не основанныя, ни къ чему негодныя, но которыя льстили самымъ низкимъ страстямъ человѣка, и потому распространились въ толпѣ съ неимовѣрною быстротою. Такъ, благодаря Адаму Смиту и его послѣдователямъ, нынѣ *основательностію*, *дѣломъ* —называется лишь то, что̀ можетъ способствовать купеческимъ оборотамъ; человѣкомъ основательнымъ, дѣльнымъ называется лишь тотъ, кто умѣетъ увеличивать свои барыши, а подъ непонятнымъ выраженіемъ *естественное теченіе дѣлъ*—котораго отнюдь не должно нарушать,—разумѣются банкирскія операціи, денежный феодализмъ, ажіотерство, биржевая игра и прочія тому подобныя вещи.

—Слѣдственно, замѣтилъ Викторъ:—политическая экономія, по твоему, не существуетъ?....

«Нѣтъ! отвѣчалъ Фаустъ:—она существуетъ, она первая изъ наукъ, въ ней, можетъ быть, всѣ науки нѣкогда должны найдти свою осязаемую опору, но только—скажу тебѣ словами Гоголя, она существуетъ—*съ другой стороны.*»

НОЧЬ ШЕСТАЯ.

— Скажите мнѣ, сказалъ Ростиславъ, входя къ Фаусту въ обыкновенное время ихъ бесѣдъ:—отъчего и ты, и мы всѣ любимъ полунощничать? отъчего ночью вниманіе постояннѣе, мысли живѣе, душа разговорчивѣе?...

— На этотъ вопросъ легко отвѣчать, сказалъ Вячеславъ:—общая тишина невольно располагаетъ человѣка къ размышленію....

Ростиславъ.—Общая тишина? у насъ? да настоящее движеніе въ городѣ начинается лишь въ десять часовъ вечера. И какое тутъ размышленіе?— Просто, людей что-то тянетъ быть вмѣстѣ; отъ-того всѣ сборища, бесѣды, балы бываютъ ночью; какъ-бы невольно человѣкъ отлагаетъ до ночи свое соединеніе съ другими; отъ-чего такъ?

Викторъ.—Мнѣ кажется, это объясняется однимъ изъ физіологическихъ явленій: извѣстно, что около полуночи въ организмѣ происходитъ родъ лихорадки,—а въ этомъ состояніи всѣ нервы возбуждены, и то, что́ мы принимаемъ за живость

ума, за разговорчивость, есть не иное что, какъ слѣдствіе болѣзненнаго состоянія, нѣкотораго рода горячки...

Р о с т и с л а в ъ.—Но ты не отвѣчаешь на мой вопросъ:—отъ-чего это болѣзненное состояніе, какъ ты говоришь, заставляетъ людей соединяться между собою?

Ф а у с т ъ.—Если бъ я былъ изъ ученыхъ, я бы тебѣ сказалъ съ Шеллингомъ, что съ незапамятной древности ночь почиталась старѣйшимъ изъ существъ и что недаромъ наши предки Славяне считали время ночами (*); если бъ я былъ мистикомъ, я объяснилъ бы тебѣ это явленіе весьма просто. Видишь ли: ночь есть царство враждебной человѣку силы; люди чувствуютъ это, и чтобъ спастись отъ врага, соединяются, ищутъ другъ въ другѣ пособія: отъ-того ночью люди пугливѣе, отъ-того разсказы о привидѣніяхъ, о злыхъ духахъ, ночью производятъ впечатлѣніе сильнѣе, нежели днемъ...

— И отъ-того люди, прибавилъ смѣясь Вячеславъ:—по вечерамъ весьма прилежно стараются убить враждебную силу картами; а карселева лампа разгоняетъ домовыхъ....

— Ты не остановишь мистиковъ этой насмѣшкой, возразилъ Фаустъ:—они будутъ отвѣчать тебѣ, что

(*) См. небольшое, но изумительное по глубинѣ и учености сочиненіе Шеллинга: Ueber die Gottheiten von Samothrace, p. 12. Stuttgart 1815.

у враждебной силы двѣ глубокія и хитрыя мысли: первая—она старается всѣми силами увѣрить человѣка, что она не существуетъ, и потому внушаетъ человѣку всѣ возможныя средства забыть о ней; а вторая—сровнить людей между собою какъ можно ближе, такъ сплотить ихъ, чтобы не могла выставиться ни одна голова, ни одно сердце; карты есть одно изъ тѣхъ средствъ, которыя враждебная сила употребляетъ для достиженія своей двойной цѣли; ибо, во-первыхъ, за картами нельзя ни о чемъ другомъ думать, кромѣ картъ, и во-вторыхъ, главное, за картами всѣ равны: и начальникъ, и подчиненный, и красавецъ, и уродъ, и ученый, и невѣжда, и геній, и нуль, и умный человѣкъ, и глупецъ; нѣтъ никакого различія: послѣдній глупецъ можетъ объиграть перваго философа въ мірѣ, и маленькій чиновникъ большаго вельможу. Представь себѣ наслажденіе какого-нибудь нуля, когда онъ можетъ объиграть Ньютона или сказать Лейбницу: «да вы, сударь, не умѣете играть; вы, г. Лейбницъ, не умѣете картъ въ руки взять». Это якобинизмъ въ полной красотѣ своей. А между-тѣмъ, и то выгодно для враждебной силы, что за картами, подъ видомъ невиннаго препровожденія времени, поддерживаются потихоньку почти всѣ порочныя чувства человѣка: зависть, злоба, корыстолюбіе, мщеніе, коварство, обманъ,—все въ маленькомъ видѣ, но не менѣе того все-таки душа знакомится съ ними, а это для враждебной силы очень, очень выгодно....

— Однакожь нельзя ли избавить отъ мистицизма?

вскричалъ наконецъ Вячеславъ, выведенный изъ терпѣнія....

— Съ охотою, отвѣчалъ Фаустъ.

— А все-таки мой вопросъ остался неразрѣшеннымъ, замѣтилъ Ростиславъ....

Ф а у с т ъ.—Ты знаешь мое неизмѣнное убѣжденіе, что человѣкъ, если и можетъ рѣшить какой-либо вопросъ, то никогда не можетъ вѣрно перевести его на обыкновенный языкъ. Въ этихъ случаяхъ, я всегда ищу какого-либо предмета во внѣшней природѣ, который бы по своей аналогіи могъ служить хотя приблизительнымъ выраженіемъ мысли. Ты замѣчалъ ли, что задолго до заката солнечнаго, особливо на нашемъ сѣверномъ небѣ, на концѣ горизонта, за дальними облаками, появляется багровая полоса, не похожая на вечернюю зарю, ибо въ это время солнце еще свѣтитъ во всемъ своемъ блескѣ: эта часть утренней зари для жителей другаго полушарія. Стало-быть, каждую минуту есть разсвѣтъ на земномъ шарѣ, чтобъ каждую минуту часть его обитателей, какъ очередный часовой, возставала на стражу. Не даромъ такъ устроило Провидѣніе: можетъ-быть, это явленіе говоритъ намъ внятно, что ни на одну минуту природа не должна воспользоваться сномъ человѣка, ибо дѣйствительно, во время ночи всѣ вредныя вліянія природы на организмъ человѣка усиливаются: растенія не очищаютъ воздуха, но портятъ его; роса получаетъ вредное свойство; опытный медикъ преимущественно ночью наблюдаетъ больнаго, ибо ночью всякая

болѣзнь ожесточается. Можетъ-быть, намъ надобно слѣдовать примѣру медика, и наблюдать за нашей больною душою, какъ наблюдаетъ онъ за больнымъ тѣломъ, именно въ ту минуту, когда организмъ наиболѣе подверженъ вреднымъ вліяніямъ.... Солнце благосклоннѣе къ человѣку: оно символъ какого-то предпочтенія въ его пользу; оно прогоняетъ вредные туманы; оно заставляетъ грубое растеніе обработывать для человѣка жизненную часть воздуха (*); оно бодритъ сердце, и отъ-того, можетъ-быть, такъ сладокъ сонъ человѣка при восхожденіи солнца; онъ чуетъ символъ своего союзника и безмятежно засыпаетъ подъ его теплымъ и свѣтлымъ покровомъ...

Викторъ.—О, мечтатель! факты для тебя ничто. Развѣ отъ солнечнаго зноя не страждетъ человѣкъ подобно всѣмъ растеніямъ?..

Фаустъ.—Увѣряю тебя, что мои факты вѣрнѣе твоихъ, потому, можетъ-быть, что они менѣе осязаемы. Да! зной солнечный несносенъ для человѣка! Но въ этомъ фактѣ есть другой, а именно: солнце не дѣйствуетъ на насъ непосредственно, а чрезъ грубую атмосферу земли; воздухоплаватели, поднимаясь въ верхніе слои воздуха, не чувствовали солнечнаго зноя.... это для меня важная указка: чѣмъ выше мы отъ земли, тѣмъ слабѣе на насъ дѣйствуетъ ея природа....

(*) Извѣстно, что зеленыя части растенія выдыхаютъ кислородъ, но не иначе, какъ при солнечномъ свѣтѣ.

Викторъ.—Совершенная правда, и вотъ тому доказательство: за нѣкоторымъ предѣломъ атмосферы, у воздухоплавателей шла кровь изъ ушей, дышать было имъ тяжело, и они дрогли отъ холода.

Ростиславъ.—Для меня этотъ фактъ, кажется, выговариваетъ настоящую и трудную задачу человѣка: подниматься отъ земли, не оставляя ея...

Вячеславъ.—То есть, другими словами, надобно искать возможнаго—и не гоняться по-пусту за невозможнымъ....

Фаустъ не отвѣчалъ ничего, но перемѣнилъ разговоръ.

— Мы до свѣта не переспоримъ другъ друга, сказалъ онъ:—а я ни за что, хотя вы и друзья мои, не уступлю вамъ моего сладкаго утренняго сна; не приняться ли за рукопись? Надобно же дочитать ее.

Фаустъ началъ:—По порядку нумеровъ за «Экономистомъ» слѣдуетъ:

Послѣднiй Квартетъ Бетховена.

Я былъ увѣренъ, что Креспель помѣшался, Профессоръ утверждалъ противное. «Съ нѣкоторыхъ людей» сказалъ онъ: «природа или особенныя обстоятельства сорвали завѣсу, за которою мы потихоньку занимаемся разными сумасбродствами. Они похожи на тѣхъ насѣкомыхъ, съ коихъ анатомистъ снимаетъ перепонку и тѣмъ обнажаетъ движенiе ихъ мускуловъ. Что въ насъ только мысль, то въ Креспелѣ дѣйствiе».

Гофманъ.

1827 года, весною, въ одномъ изъ домовъ вѣнскаго предмѣстiя, нѣсколько любителей музыки разъигрывали новый квартетъ Бетховена, только-что вышедшiй изъ печати. Съ изумленiемъ и досадою слѣдовали они за безобразными порывами ослабѣвшаго генiя: такъ измѣнилось перо его! Исчезла прелесть оригинальной мелодiи, полной поэтическихъ замысловъ; художническая отдѣлка превратилась въ кропотливый педантизмъ бездарнаго контрапунктиста; огонь, который прежде пылалъ въ его быстрыхъ аллегро и, постепенно усиливаясь, кипучею лавою разливался въ полныхъ, огромныхъ созвучiяхъ,—погасъ среди непонятныхъ диссонансовъ, а оригинальныя, шутливыя тэмы, веселыхъ менуетовъ превратились—въ скачки и трели, невоз-

можныя ни на какомъ инструментѣ. Вездѣ ученическое, недостигающее стремленіе къ эффектамъ, несуществующимъ въ музыкѣ; вездѣ какое-то темное, непонимающее себя чувство. И это былъ все тотъ же Бетховенъ, тотъ же, котораго имя, вмѣстѣ съ именами Гайдна и Моцарта, Тевтонецъ произноситъ съ восторгомъ и гордостію!—Часто, приведенные въ отчаяніе безсмыслицею сочиненія, музыканты бросали смычки и готовы были спросить: не насмѣшка ли это надъ твореніями безсмертнаго? Одни приписывали упадокъ его глухотѣ, поразившей Бетховена въ послѣдніе годы его жизни; другіе—сумасшествію, также иногда омрачавшему его творческое дарованіе; у кого вырывалось суетное сожалѣніе; а иной насмѣшникъ вспоминалъ, какъ Бетховенъ въ концертѣ, гдѣ разъигрывали его послѣднюю симфонію, совсѣмъ не въ тактъ размахивалъ руками, думая управлять оркестромъ и не замѣчая того, что позади его стоялъ настоящій капельмейстеръ;—но они скоро снова принимались за смычки, и изъ почтенія къ прежней славѣ знаменитаго симфониста, какъ-бы противъ воли продолжали играть его непонятное произведеніе.

Вдругъ дверь отворилась и вошелъ человѣкъ въ черномъ сюртукѣ, безъ галстуха, съ растрепанными волосами; глаза его горѣли,—но то былъ огонь не дарованія; лишь нависшія, рѣзко обрѣзанныя оконечности лба являли необыкновенное развитіе музыкальнаго органа, которымъ такъ восхищался Галль,

разсматривая голову Моцарта,—«Извините, господа», сказалъ нежданный гость:—«позвольте посмотрѣть вашу квартиру—она отдается въ наймы....» Потомъ онъ заложилъ руки на спину и приблизился къ играющимъ. Присутствующіе съ почтеніемъ уступили ему мѣсто; онъ наклонялъ голову то на ту, то на другую сторону, стараясь вслушаться въ музыку; но тщетно: слезы градомъ покатились изъ глазъ его. Тихо отошелъ онъ отъ играющихъ и сѣлъ въ отдаленный уголъ комнаты, закрывъ лицо свое руками: но едва смычокъ перваго скрипача завизжалъ возлѣ подставки на случайной нотѣ, прибавленной къ *септим-аккорду* и дикое созвучіе отдалось въ удвоенныхъ нотахъ другихъ инструментовъ, какъ несчастный встрепенулся, закричалъ: я слышу! слышу!» въ буйной радости захлопалъ въ ладоши и затопалъ ногами.

— Лудвигъ! сказала ему молодая дѣвушка, вслѣдъ за нимъ вошедшая:—Лудвигъ! пора домой. Мы здѣсь мѣшаемъ!

Онъ взглянулъ на дѣвушку, понялъ ее и, не говоря ни слова, побрелъ за нею, какъ ребенокъ.

На концѣ города, въ четвертомъ этажѣ стараго каменнаго дома, есть маленькая душная комната, раздѣленная перегородкою. Постель съ разодраннымъ одѣяломъ, нѣсколько пуковъ нотной бумаги, остатокъ фортепьяно—вотъ все ея украшеніе. Это было жилище, это былъ міръ безсмертнаго Бетховена. Во всю дорогу онъ не говорилъ ни слова; но

когда они пришли, Лудвигъ сѣлъ на кровать, взялъ за руку дѣвушку и сказалъ ей: «Добрая Луиза! ты одна меня понимаешь; ты одна меня не боишься; тебѣ одной я не мѣшаю... Ты думаешь, что всѣ эти господа, которые разъигрываютъ мою музыку, понимаютъ меня: ничего не бывало! Ни одинъ изъ здѣшнихъ господъ капельмейстеровъ не умѣетъ даже управлять ею; имъ только бы оркестръ игралъ въ мѣру, а до музыки имъ какое дѣло! Они думаютъ, что я ослабѣваю; я даже замѣтилъ, что нѣкоторые изъ нихъ какъ-будто улыбались, разъигрывая мой квартетъ;—вотъ вѣрный признакъ, что они меня никогда не понимали; напротивъ, я теперь только сталъ истиннымъ, великимъ музыкантомъ. Идучи, я придумалъ симфонію, которая увѣковѣчитъ мое имя; напишу ее и сожгу всѣ прежнія. Въ ней я превращу всѣ законы гармоніи, найду эффекты, которыхъ до-сихъ-поръ никто еще не подозрѣвалъ; я построю ее на хроматической мелодіи двадцати литавръ; я введу въ нее аккорды сотни колоколовъ, настроенныхъ по различнымъ камер-тонамъ, ибо»—прибавилъ онъ шопотомъ—«я скажу тебѣ по секрету: когда ты меня водила на колокольню, я открылъ,—чего прежде никому въ голову не приходило,—я открылъ, что колокола—самый гармоническій инструментъ, который съ успѣхомъ можетъ быть употребленъ въ тихомъ *адажіо*. Въ финалъ я введу барабанный бой и ружейные выстрѣлы,—и я услышу эту симфонію, Луиза!» воскликнулъ онъ внѣ себя отъ восхище-

нія: «надѣюсь, что услышу», прибавилъ онъ улыбаясь, по нѣкоторомъ размышленіи. — «Помнишь ли ты, когда въ Вѣнѣ, въ присутствіи всѣхъ вѣнчанныхъ главъ свѣта, я управлялъ оркестромъ моей ватерлооской баталіи? Тысячи музыкантовъ, покорные моему взмаху, двѣнадцать капельмейстеровъ, а кругомъ батальный огонь, пушечные выстрѣлы.... О! это до-сихъ-поръ лучшее мое произведеніе, не смотря на этого педанта Вебера (*).— Но то, что́ я теперь произведу, затмитъ и это произведеніе.—Я не могу удержаться, чтобъ не дать тебѣ о немъ понятія.»

Съ сими словами, Бетховенъ подошелъ къ фортепьяно, на которомъ не было ни одной цѣлой струны, и съ важнымъ видомъ ударилъ по пустымъ клавишамъ. Однообразно стучали онѣ по сухому дереву разбитаго инструмента, а между-тѣмъ самыя трудныя фуги въ 5 и 6 голосовъ проходили черезъ всѣ таинства контрапункта, сами собою ложились подъ пальцы творца «Эгмонта», и онъ старался придать какъ можно болѣе выраженія своей музыкѣ... Вдругъ сильно, цѣлою рукою покрылъ онъ клавиши и остановился.

— Слышишь ли? сказалъ онъ Луизѣ:—вотъ аккордъ, котораго до-сихъ-поръ никто еще не осмѣ-

---

(*) Готфридъ Веберъ,—извѣстный контрапунктистъ нашего времени, котораго не должно смѣшивать съ сочинителемъ *Фрейшица*,—сильно и справедливо критиковалъ въ своемъ любопытномъ и ученомъ журналѣ „Цецилія“ — Wellingtons Sieg, слабѣйшее изъ произведеній Бетховена.

ливался употребить.—Такъ! я соединю всѣ тоны хроматической гаммы въ одно созвучіе и докажу педантамъ, что этотъ аккордъ правиленъ.—Но я его не слышу, Луиза, я его не слышу! Понимаешь ли ты, что́ значитъ не слыхать своей музыки?... Однакожь, мнѣ кажется, что когда я соберу дикіе звуки въ одно созвучіе,—то оно какъ-будто отдается въ моемъ ухѣ. И чѣмъ мнѣ грустнѣе, Луиза, тѣмъ больше нотъ мнѣ хочется прибавить къ *септим-аккорду*, котораго истинныхъ свойствъ никто не понималъ до меня.... Но полно! можетъ-быть, я наскучилъ тебѣ, какъ всѣмъ теперь наскучилъ.— Только знаешь что́? за такую чудную выдумку мнѣ можно наградить себя сегодня рюмкой вина. Какъ ты думаешь объ этомъ, Луиза?—

Слезы навернулисъ на глазахъ бѣдной дѣвушки, которая одна изъ всѣхъ учеництъ Бетховена не оставляла его, и подъ видомъ уроковъ, содержала его трудами рукъ своихъ: она дополняла ими скудный доходъ, полученный Бетховеномъ отъ его сочиненій и большею частію издержанный безъ толку на безпрестанную перемѣну квартиръ, на раздачу встрѣчному и поперечному. Вина не было! едва оставалось нѣсколько грошей на покупку хлѣба... Но она скоро отвернулась отъ Лудвига, чтобъ скрыть свое смущеніе, налила въ стаканъ воды и поднесла его Бетховену.

— Славный рейнвейнъ! говорилъ онъ, отпивая понемногу съ видомъ знатока.—Королевскій рейнвейнъ! онъ точно изъ погреба моего батюшки, бла-

женной памяти Фридерика. Я это вино очень помню! оно день ото дня становится лучше—это признакъ хорошаго вина!—И съ этими словами, охриплымъ, но вѣрнымъ голосомъ онъ запѣлъ свою музыку на извѣстную пѣсню гётева Мефистофеля:

Es war einmal ein König
Der hatt' einen grossen Floh—

но, противъ воли, часто сводилъ ее на таинственную мелодію, которою Бетховенъ объяснилъ Миньйону (*).

— Слушай, Луиза, сказалъ онъ наконецъ, отдавая ей стаканъ:—вино подкрѣпило меня, и я намѣренъ тебѣ сообщить нѣчто такое, что́ мнѣ уже давно хотѣлось и не хотѣлось тебѣ сказать. Знаешь ли, мнѣ кажется, что я ужь долго не проживу—да и что́ за жизнь моя?—это цѣпь безконечныхъ терзаній. Отъ самыхъ юныхъ лѣтъ я увидѣлъ бездну, раздѣляющую мысль отъ выраженія. Увы, никогда я не могъ выразить души своей; никогда того, что́ представляло мнѣ воображеніе, я не могъ передать бумагѣ; напишу ли?—играютъ?—не то!... не только не то, что́ я чувствовалъ, даже не то, что́ я написалъ. Тамъ пропала мелодія отъ-того, что низкій ремесленникъ не придумалъ поставить лишняго клапана; тамъ несносный фаготистъ заставляетъ меня передѣлывать цѣлую симфонію отъ-того, что его фаготъ не выдѣлываетъ пары басовыхъ нотъ; то скрипачъ убавляетъ необходимый звукъ въ ак-

(*) Kennst du das Land etc. Ты знаешь край и проч.

кордѣ отъ-того, что ему трудно брать двойныя ноты.—А голоса, а пѣніе, а репетиціи ораторій, оперъ?.. О! этотъ адъ до-сихъ-поръ въ моемъ слухѣ!— Но я тогда еще былъ счастливъ: иногда, я замѣчалъ, на безсмысленныхъ исполнителей находило какое-то вдохновеніе; я слышалъ въ ихъ звукахъ что-то похожее на темную мысль, западавшую въ мое воображеніе: тогда я былъ внѣ себя, я исчезалъ въ гармоніи, мною созданной. Но пришло время, мало-по-малу тонкое ухо мое стало грубѣть: еще въ немъ оставалось столько чувствительности, что оно могло слышать ошибки музыкантовъ, но оно закрылось для красоты; мрачное облако его объяло—и я не слышу болѣе своихъ произведеній,—не слышу, Луиза!.. Въ моемъ воображеніи носятся цѣлые ряды гармоническихъ созвучій; оригинальныя мелодіи пересѣкаютъ одна другую, сливаясь въ таинственномъ единствѣ; хочу выразить—все изчезло: упорное вещество не выдаетъ мнѣ ни единаго звука,—грубыя чувства уничтожаютъ всю дѣятельность души. О! что́ можетъ быть ужаснѣе этого раздора души съ чувствами, души съ душою! Зарождать въ головѣ своей творческое произведеніе и ежечасно умирать въ мукахъ рожденія!... Смерть души!—какъ страшна, какъ жива эта смерть!

—А еще этотъ безсмысленный Готфридъ вводитъ меня въ пустыя музыкальныя тяжбы, заставляетъ меня объяснять, почему я въ томъ или другомъ мѣ-

стѣ употребилъ такое и такое соединеніе мелодій, такое и такое сочетаніе инструментовъ, когда я самому себѣ этого объяснить не могу! Эти люди будто знаютъ, чтó такое душа музыканта, чтó такое душа человѣка? Они думаютъ, ее можно обкроить по выдумкамъ ремесленниковъ, работающихъ инструменты, по правиламъ, которыя на досугѣ изобрѣтаетъ засушенный мозгъ теоретика... Нѣтъ, когда на меня приходитъ минута восторга, тогда я увѣряюсь, что такое превратное состояніе искусства продлиться не можетъ; что новыми, свѣжими формами замѣнятся обветшалыя; что всѣ нынѣшніе инструменты будутъ оставлены, и мѣсто ихъ заступятъ другіе, которые въ совершенствѣ будутъ исполнять произведенія геніевъ; что исчезнетъ наконецъ нелѣпое различіе между музыкою писанною и слышимою. Я говорилъ гг. профессорамъ объ этомъ; но они меня не поняли, какъ не поняли силы соприсутствующей художническому восторгу, какъ не поняли того, что тогда я предупреждаю время и дѣйствую по внутреннимъ законамъ природы, еще не замѣченнымъ простолюдинами и мнѣ самому въ другую минуту непонятнымъ.... Глупцы! въ ихъ холодномъ восторгѣ, они, въ свободное отъ занятій время, выберутъ тэму, обдѣлаютъ ее, продолжатъ и не преминутъ потомъ повторить ее въ другомъ тонѣ; здѣсь по заказу прибавятъ духовые инструменты, или странный аккордъ, надъ которымъ думаютъ, думаютъ, и все это такъ благоразумно обточатъ, оближутъ;—

чего хотятъ они? я не могу такъ работать.... Сравниваютъ меня съ Микель-Анджеломъ—но ка́къ работалъ творецъ «Моисея»? въ гнѣвѣ, въ ярости, онъ сильными ударами молота ударялъ по недвижному мрамору и по-неволѣ заставлялъ его выдавать живую мысль, скрывавшуюся подъ каменною оболочкою. Такъ и я! Я холоднаго восторга не понимаю! Я понимаю тотъ восторгъ, когда цѣлый міръ для меня превращается въ гармонію, всякое чувство, всякая мысль звучитъ во мнѣ, всѣ силы природы дѣлаются моими орудіями, кровь моя кипитъ въ жилахъ, дрожь проходитъ по тѣлу и волосы на головѣ шевелятся... И все это тщетно! Да и къ чему это все? Зачѣмъ? живешь, терзаешься, думаешь; написалъ—и конецъ! къ бумагѣ приковались сладкія муки созданія—не воротить ихъ! унижены, въ темницу заперты мысли гордаго духа-создателя; высокое усиліе творца земнаго, вызывающаго на споръ силу природы, становится дѣломъ рукъ человѣческихъ!—А люди? люди! они придутъ, слушаютъ, судятъ—какъ-будто они судьи, какъ-будто для нихъ создаешь! Какое имъ дѣло, что мысль, принявшая на себя понятный имъ образъ, есть звѣно въ безконечной цѣпи мыслей и страданій; что минута, когда художникъ нисходитъ до степени человѣка, есть отрывокъ изъ долгой болѣзненной жизни неизмѣримаго чувства; что каждое его выраженіе, каждая черта—родилась отъ горькихъ слезъ Серафима, заклепаннаго въ человѣческую одежду, и часто отдающаго половину

жизни, чтобъ только минуту подышать свѣжимъ воздухомъ вдохновенія? А между-тѣмъ приходитъ время—вотъ, какъ теперь —чувствуешь: перегорѣла душа, силы слабѣютъ, голова больна: все, что ни думаешь, все смѣшивается одно съ другимъ, все покрыто какою-то завѣсою... Ахъ! я бы хотѣлъ, Луиза, передать тебѣ послѣднія мысли и чувства, которыя хранятся въ сокровищницѣ души моей, чтобы онѣ не пропали... Но что я слышу?...

Съ этими словами Бетховенъ вскочилъ и сильнымъ ударомъ руки растворилъ окно, въ которое изъ ближняго дома неслись гармоническіе звуки. — «Я слышу! воскликнулъ Бетховенъ, бросившись на колѣни и съ умиленіемъ протянулъ руки къ раскрытому окну; — «это симфонія Эгмонта: — такъ, я узнаю ее: вотъ дикіе крики битвы; вотъ буря страстей; она разгорается, кипитъ; вотъ ея полное развитіе—и все утихло, остается лишь лампада, которая гаснетъ,—потухаетъ—но не на вѣки... Снова раздались трубные звуки: цѣлый міръ ими наполняется, и никто заглушить ихъ не можетъ...

На блистательномъ балѣ одного изъ вѣнскихъ министровъ, толпы людей сходились и расходились.

— Какъ жаль! сказалъ кто-то: театральный капельмейстеръ Бетховенъ умеръ и, говорятъ, нѐ на что похоронить его.

Но этотъ голосъ потерялся въ толпѣ: всѣ прислушивались къ словамъ двухъ дипломатовъ, которые толковали о какомъ-то спорѣ, случившемся между кѣмъ-то, во дворцѣ какого-то нѣмецкаго князя.

— Я желалъ бы знать, сказалъ Викторъ: — до какой степени справедливъ этотъ анекдотъ.

— На это я тебѣ не могу дать удовлетворительнаго отвѣта, сказалъ Фаустъ:—и едва ли могли бы отвѣчать на твой вопросъ и хозяева рукописи, ибо мнѣ сдается, что они не были знакомы съ методою тѣхъ историковъ, которые читаютъ только то, что̀ написано въ лѣтописи, а никакъ не хотятъ прочесть того, что̀ въ ней не написано. Кажется, они разсуждали такъ: если этотъ анекдотъ былъ въ самомъ дѣлѣ, тѣмъ лучше; если онъ кѣмъ-либо выдуманъ, это значитъ, что онъ происходилъ въ душѣ его сочинителя; слѣдственно это происшествіе все-таки *было*, хотя и не *случилось*. Такое сужденіе можетъ показаться страннымъ, но въ этомъ случаѣ мои друзья, кажется, слѣдовали примѣру математиковъ, которые въ высшихъ исчисленіяхъ не заботятся о томъ, соединялись ли когда-нибудь въ природѣ 2 и 3, 4 и 10, а смѣло подъ буквами $a + b$ понимаютъ всѣ возможныя соединенія числъ. Впрочемъ, безпрестанная перемѣна квартиръ, глухота, родъ помѣшательства, всегдашнее недовольство,—кажется, все это принад-

лежитъ къ такъ-называемымъ историческимъ фактамъ въ жизни Бетховена; только добросовѣстные сочинители біографическихъ статей не взялись, за недостаткомъ документовъ, объяснить связь между его глухотою и помѣшательствомъ, между помѣшательствомъ и недовольствомъ, между недовольствомъ и музыкою.

Вячеславъ.—Что́ нужды! Фактъ ложный или истинный, — для меня онъ выговариваетъ, какъ сказалъ Ростиславъ, мое всегдашнее убѣжденіе, о которомъ я упоминалъ въ началѣ вечера, а именно: что надобно человѣку ограничиваться возможнымъ, или, какъ сказалъ Вольтеръ, въ отвѣтъ на нравственныя сентенціи: celà est bien dit; mais il faut cultiver notre jardin (*).

Фаустъ.—Это значитъ, что Вольтеръ не вѣрилъ даже тому, чему ему хотѣлось вѣрить....

Ростиславъ.—Меня въ этомъ анекдотѣ поразило одно: это—неизглаголанность нашихъ страданій. Дѣйствительно, самыя жестокія, самыя ясныя для насъ терзанія—тѣ, которыхъ человѣкъ передать не можетъ. Кто умѣетъ разсказать свои страданія, тотъ вполовину уже отдѣлилъ ихъ отъ себя.

Викторъ.—Вы, господа мечтатели, выдумали прекрасную уловку: чтобъ отдѣлаться отъ положительныхъ вопросовъ, вы принялись увѣрять что языкъ человѣческій недостаточенъ для выра-

---

(*) Candide

женія нашихъ мыслей и чувствъ. Мнѣ кажется, что скорѣе недостаточны наши познанія. Если бы человѣкъ предался чистому, простому наблюденію той грубой природы, которая у васъ въ такомъ загонѣ,—но, замѣтьте, наблюденію чистому, уничтоживъ въ себѣ всѣ свои собственныя мысли и чувства, всякую внутреннюю операцію,—тогда онъ яснѣе понялъ бы и себя, и природу, и нашелъ бы даже въ обыкновенномъ языкѣ достаточно для себя выраженій.

Фаустъ.—Я не знаю, нѣтъ ли въ этомъ такъ-называемомъ чистомъ наблюденіи оптическаго обмана; не знаю, можетъ ли человѣкъ совершенно отдѣлить отъ себя всѣ *свои собственныя* мысли и чувства, всѣ свои *воспоминанія* такъ, чтобъ ничто отъ его *я* не примѣшалось къ его наблюденію;—одна мысль наблюдать безъ мысли уже есть цѣлая теорія *a priori*... Но мы отдалились отъ Бетховена. Ни чья музыка не производитъ на меня такого впечатлѣнія; кажется, она касается до всѣхъ изгибовъ души, поднимаетъ въ ней всѣ забытыя, самыя тайныя страданія и даетъ имъ образъ; веселыя тэмы Бетховена—еще ужаснѣе: въ нихъ, кажется, кто-то хохочетъ—съ отчаянія... Странное дѣло: всякая другая музыка, особенно гайднова, производитъ на меня чувство отрадное, успокоивающее; дѣйствіе, производимое музыкою Бетховена, гораздо сильнѣе, но она васъ раздражаетъ: сквозь ея чудную гармонію слышится какой-то нестройной вопль; вы слушаете его симфонію, вы въ восторгѣ,—

а между-тѣмъ у васъ душа изныла. Я увѣренъ, что музыка Бетховена должна была его самого измучить.—Однажды, когда я не имѣлъ еще никакого понятія о жизни самого сочинителя, я сообщилъ странное впечатлѣніе, производимое на меня его музыкою, одному горячему почитателю Гайдна.— «Я васъ понимаю», отвѣчалъ мнѣ гайднистъ: «причина такого впечатлѣнія та же, по которой Бетховенъ, не смотря на свой музыкальный геній (можетъ-быть, высшей степени, нежели геній Гайдна),— никогда не былъ въ состояніи написать духовной музыки, которая приближалась бы къ ораторіямъ сего послѣдняго.—«Отъ-чего такъ?» спросилъ я. —Отъ-того, отвѣчалъ гайднистъ:—что Бетховенъ не вѣрилъ тому, чему вѣрилъ Гайднъ.

Викторъ.—Такъ! я этого ожидалъ! Да, скажите, господа, чтó вамъ за охота смѣшивать вещи, которыя не имѣютъ ничего между собою общаго? Какое вліяніе убѣжденія человѣка могутъ имѣть на музыку, на поэзію, на науку? Трудно говорить о такихъ предметахъ, но мнѣ кажется очевиднымъ, что если что-либо постороннее можетъ дѣйствовать на произведенія эстетическія, то развѣ степень знанія; знаніемъ, очевидно, можетъ расшириться въ художникѣ кругъ зрѣнія; ему здѣсь должно быть просторнѣе; но ка̀къ ему досталось это знаніе, какимъ путемъ, темнымъ или свѣтлымъ,—до этого поэзіи нѣтъ никакого дѣла. Недавно кто-то имѣлъ счастливую мысль составить новую науку: физическую философію, или философическую фи-

зику, которой цѣль: *дѣйствовать на нравственность посредствомъ знанія* (*),—вотъ, по моему мнѣнію, одна изъ самыхъ дѣльныхъ попытокъ нашего времени.

Фаустъ.—Знаю, что это мнѣніе теперь торжествуетъ; но скажи мнѣ, отъ-чего никто не призоветъ къ постели больнаго—такого медика, который былъ бы извѣстенъ за отъявленнаго атеиста?—Кажется, что̀ общаго между микстурою и убѣжденіями человѣка?—Я согласенъ съ тобою въ одномъ: въ необходимости знанія; такъ, напримѣръ, вопреки общему мнѣнію, я убѣжденъ, что поэту необходимы физическія науки; ему полезно иногда нисходить до внѣшней природы, хоть для того, чтобъ увѣряться въ превосходствѣ своей внутренней, а еще и для того, что, къ стыду человѣка, буквы въ книгѣ природы не такъ измѣнчивы, не такъ смутны, какъ въ языкѣ человѣческомъ: тамъ буквы постоянныя, *стереотипныя;* много важнаго поэтъ можетъ прочесть въ нихъ,—но для того прежде всего ему нужно позаботиться о добрыхъ *очкахъ*.... Однако, друзья мои, уже близко восхожденіе солнца, «*время намъ успокоиться, любезный Эвномъ*», какъ говоритъ Парацельзій въ одномъ забытомъ фоліантѣ.

(*) Въ такомъ духѣ издавался журналъ «*l'Educateur*» г. Рокуромъ.

НОЧЬ СЕДЬМАЯ.

Импровизаторъ.

> Es möchte kein Hund so länger leben!
> D'rum hab' ich mich der Magie ergeben.....
> *Göthe.*

По залѣ раздавались громкія рукоплесканія. Успѣхъ импровизатора превзошолъ ожиданія слушателей и собственныя его ожиданія. Едва назначали ему предметъ,—и высокія мысли, трогательныя чувства, въ одеждѣ полнозвучныхъ метровъ, вырывались изъ устъ его, какъ фантасмагорическія видѣнія изъ волшебнаго жертвенника. Художникъ не задумывался ни на минуту: въ одно мгновеніе мысль и зараждалась въ головѣ его, и проходила всѣ періоды своего возрастанія, и претворялась въ выраженія. Разомъ являлись и замысловатая форма пьесы, и поэтическіе образы, и щегольской эпи-

тетъ, и послушная рифма. Этого мало: въ одно и то же время ему задавали два и три предмета совершенно различные: онъ диктовалъ одно стихотвореніе, писалъ другое, импровизировалъ третье, и каждое было прекрасно въ своемъ родѣ: одно производило восторгъ, другое трогало до слезъ, третье морило со смѣху; а между-тѣмъ онъ, казалось, совсѣмъ не занимался своею работою, безпрестанно шутилъ и разговаривалъ съ присутствующими. Всѣ стихіи поэтическаго созданія были у него подъ руками, какъ-будто шашки на шахматной doskѣ, которыя онъ небрежно передвигалъ, смотря по надобности.

Наконецъ утомилось и вниманіе и изумленіе слушателей; они страдали за импровизатора; но художникъ былъ спокоенъ и холоденъ,—въ немъ не замѣтно было ни малѣйшей усталости,—но на лицѣ его видно было не высокое наслажденіе поэта, довольнаго своимъ твореніемъ, а лишь простое самодовольство фокусника, проворствомъ удивляющаго толпу. Съ насмѣшкою смотрѣлъ онъ на слезы, на смѣхъ, имъ производимые; одинъ изъ всѣхъ присутствующихъ не плакалъ, не смѣялся; одинъ не вѣрилъ словамъ своимъ и съ вдохновеніемъ обращался какъ холодный жрецъ, давно уже привыкшій къ таинствамъ храма.

Еще послѣдній слушатель не вышелъ изъ залы, какъ импровизаторъ бросился къ собиравшему деньги при входѣ, и съ жадностію Гарпагона принялся считать ихъ. Сборъ былъ весьма значителенъ. Им-

провизаторъ еще отъ роду не видалъ столько монеты и былъ внѣ себя отъ радости.

Восторгъ его былъ простителенъ. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ жестокая бѣдность стала сжимать его въ своихъ ледяныхъ объятіяхъ, какъ статуя спартанскаго тирана. Не пѣсни, а болѣзненный стонъ матери убаюкивали младенческій сонъ его. Въ минуту разсвѣта его понятій, не въ радужной одеждѣ жизнь явилась ему, но хладный остовъ нужды неподвижною улыбкой привѣтствовалъ его развивающуюся фантазію. Природа была къ нему немного—щедрѣе судьбы. Она, правда, надѣлила его творческимъ даромъ, но осудила въ потѣ лица отъискивать выраженія для поэтическихъ замысловъ. Книгопродавцы и журналисты давали ему нѣкоторую плату за его стихотворенія, плату, которая могла бы доставить ему достаточное содержаніе, если бъ для каждаго изъ нихъ Кипріяно не былъ принужденъ употреблять безконечнаго времени. Въ тѣ дни,—рѣдко тусклая мысль, какъ едва примѣтная звѣздочка, зараждалась въ его фантазіи; но когда и зараждалась, то яснѣла медленно и долго терялась въ туманѣ; уже послѣ трудовъ неимовѣрныхъ достигала она до какого-то неяснаго образа; здѣсь начиналась новая работа: выраженіе отлетало отъ поэта за миріады міровъ; онъ не находилъ словъ, а если и находилъ, то они не клеились; метръ не гнулся; привязчивое мѣстоименіе хваталось за каждое слово; долговязый глаголъ путался между именами; проклятая рифма пряталась между несо-

звучными словами. Каждый стихъ сто́илъ бѣдному поэту нѣсколькихъ изгрызенныхъ перьевъ, нѣсколькихъ вырванныхъ волосъ и обломанныхъ ногтей. Тщетны были его усилія! Часто хотѣлъ онъ бросить ремесло поэта и промѣнять его на самое низкое изъ ремеслъ; но насмѣшливая природа, вмѣстѣ съ творческимъ даромъ, дала ему и всѣ причуды поэта: и эту врожденную страсть къ независимости, и это непреоборимое отвращеніе отъ всякаго механическаго занятія, и эту привычку дожидаться минуты вдохновенія, и эту беззаботную неспособность разсчитывать время. Прибавьте къ тому всю раздражительность поэта, его природную наклонность къ роскоши, къ этому англійскому приволью, къ этому маленькому тиранству, которыми, наперекоръ обществу, природа любитъ отличать своего собственнаго аристократа! Онъ не могъ ни переводить, ни работать на срокъ или по заказу; и между-тѣмъ, какъ его собратія собирали съ публики хорошія деньги за какое-нибудь сочиненіе, случайно возбуждавшее ея любопытство,—онъ еще не могъ рѣшиться приняться за работу. Книгопродавцы перестали ему заказывать; ни одинъ изъ журналистовъ не хотѣлъ брать его въ сотрудники. Деньги, изрѣдка получаемыя несчастнымъ за какое-нибудь стихотвореніе, сто́ившее ему полугодовой работы, обыкновенно расхватывали заимодавцы, и онъ снова нуждался въ самомъ необходимомъ.

Въ томъ городѣ жилъ докторъ, по имени Сегеліель. Лѣтъ тридцать назадъ, его многіе знали за

довольно свѣдущаго человѣка; но тогда онъ былъ бѣденъ, имѣлъ столь малую практику, что рѣшился оставить медицинское ремесло и пустился въ торги. Долго онъ путешествовалъ, какъ говорятъ, по Индіи, и наконецъ возвратился на родину со слитками золота и множествомъ драгоцѣнныхъ каменьевъ, построилъ огромный домъ съ обширнымъ паркомъ, завелъ многочисленную прислугу. Съ удивленіемъ замѣчали, что ни лѣта, ни продолжительное путешествіе по знойнымъ климатамъ не произвели въ немъ никакой перемѣны; напротивъ, онъ казался моложе, здоровѣе и свѣжѣе прежняго; также не менѣе удивительнымъ казалось и то, что растенія всѣхъ климатовъ уживались въ его паркѣ, не смотря на то, что за ними почти не было никакого присмотра. Впрочемъ въ Сегеліелѣ не было ничего необыкновеннаго: онъ былъ прекрасный, статный человѣкъ, хорошаго тона, съ черными модными бакенбардами; носилъ просторное, но щегольское платье; принималъ къ себѣ лучшее общество, но самъ почти никогда не выходилъ изъ своего огромнаго парка; онъ давалъ молодымъ людямъ денегъ въ займы, не требуя отдачи; держалъ славнаго повара, чудесныя вина, любилъ сидѣть долго за обѣдомъ, ложиться рано и вставать поздно. Словомъ, онъ жилъ въ самой аристократической, роскошной праздности. Между-тѣмъ, онъ не оставлялъ и своего врачебнаго искусства, хотя принимался за него нéхотя, какъ человѣкъ, который не любилъ безпокоить себя; но когда принимался, то дѣлалъ

чудеса; какая бы ни была болѣзнь, смертельная ли рана, послѣднее ли судорожное движеніе,—докторъ Сегеліель даже не пойдетъ взглянуть на больнаго: спроситъ объ немъ слова два у родныхъ, какъ бы для проформы, вынетъ изъ ящика какой-то водицы, велитъ принять больному—и на другой день болѣзни какъ не бывало. Онъ не бралъ денегъ за леченіе, и его безкорыстіе, соединенное съ чуднымъ его искусствомъ, могло бы привлечь къ нему больныхъ всего міра, если бы за излеченіе онъ не назначалъ престранныхъ условій, какъ напримѣръ: изъявить ему знаки почтенія, доходившіе до самаго подлаго униженія; сдѣлать какой-нибудь отвратительный поступокъ; бросить значительную сумму денегъ въ море; разломать свой домъ. оставить свою родину и проч.; носился даже слухъ, что онъ иногда требовалъ такой платы, такой.... о которой не сохранило извѣстія цѣломудренное преданіе. Эти слухи расхоложали усердіе родственниковъ, и съ нѣкотораго времени уже никто не прибѣгалъ къ нему съ просьбою; къ тому же, замѣчали, что когда просившіе не соглашались на предложеніе доктора, то больной умиралъ уже непремѣнно; та же участь постигала всякаго, кто или заводилъ тяжбу съ докторомъ, или сказалъ про него что-нибудь дурное, или, просто, не понравился ему. Отъ всего этого, у доктора Сегеліеля набралось множество враговъ: иные стали доискиваться объ источникѣ его неимовѣрнаго богатства; медики и аптекари говорили, что онъ не имѣетъ право лечить непозволенными

способами; бо́льшая часть обвиняли его въ величайшей безнравственности, а нѣкоторые даже приписывали ему отравленіе умершихъ людей. Общій голосъ принудилъ наконецъ полицію потребовать доктора Сегеліеля къ допросу. Въ домѣ его сдѣланъ былъ строжайшій обыскъ. Слуги забраны. Докторъ Сегеліель согласился на все, безъ всякаго сопротивленія, и позволилъ полицейскимъ дѣлать все, что̀ имъ было угодно, ни во что не мѣшался, едва удостоивалъ ихъ взгляда и только-что изрѣдка съ презрѣніемъ улыбался.

Въ-самомъ-дѣлѣ, въ его домѣ не нашли ничего, кромѣ золотой посуды, богатыхъ курильницъ, покойныхъ мёбелей, креселъ съ подушками и рессорами, раздвижныхъ столовъ съ разными затѣями, нѣсколькихъ окруженныхъ ароматами кроватей, утвержденныхъ на декахъ музыкальныхъ инструментовъ,—въ родѣ кроватей доктора Грема, за позволеніе провести ночь на которыхъ онъ нѣкогда бралъ сотни стерлинговъ съ англійскихъ сластолюбцевъ; — словомъ, въ домѣ Сегеліеля нашли лишь выдумки богатаго человѣка, любящаго чувственныя наслажденія, лишь все то, изъ чего составляется приволье (comfortable) роскошной жизни, но больше ничего, ничего, могущаго возбудить малѣйшее подозрѣніе. Всѣ бумаги его состояли изъ коммерческихъ переписокъ съ банкирами и знатнѣйшими купцами всѣхъ частей свѣта, нѣсколькихъ Арабскихъ рукописей и кипы бумагъ, съ верху до низу исписанныхъ цифрами. Сначала эти послѣднія

очень обрадовали полицейскихъ чиновниковъ: они думали найдти въ нихъ цифрованное письмо; но по внимательномъ осмотрѣ оказалось, что то были простые черновые счеты, накопившіеся, по словамъ Сегеліеля, отъ долговременныхъ торговыхъ оборотовъ, что́ было весьма вѣроятно. Вообще, на всѣ пункты обвиненія докторъ Сегеліель отвѣчалъ весьма ясно, удовлетворительно и безъ всякаго замѣшательства; во всѣхъ словахъ его и во всѣхъ поступкахъ видна была больше досада на то, что его безпокоятъ изъ пустяковъ, нежели боязнь запутаться въ своихъ отвѣтахъ. Для объясненія богатства, онъ сослался на свои бумаги, по которымъ можно было видѣть всю исторію его торговли; торговля эта, правда, ведена была имъ съ какимъ-то волшебнымъ успѣхомъ, но впрочемъ не заключала въ себѣ ни одного преступнаго дѣйствія; медикамъ и аптекарямъ отвѣчалъ онъ, что докторскій дипломъ даетъ ему право лечить, кого и какъ онъ хочетъ; что онъ никому не навязывается съ своимъ леченіемъ; что не обязанъ объявлять составленіе своего лекарства и что, впрочемъ, они могутъ разлагать его лекарство какъ имъ угодно; что, не предлагая никому своихъ услугъ, онъ былъ въ правѣ назначать какую ему угодно плату; и что, если онъ часто назначалъ странныя условія, которыя всякій былъ воленъ принять или не принять, то это для того только, чтобъ избавиться отъ докучливой толпы, нарушавшей его спокойствіе—единственную цѣль его желаній. Наконецъ, при пунктѣ объ отравле-

ніи, докторъ возразилъ, что, какъ извѣстно всему городу, онъ большею частію лечилъ людей, ему совершенно неизвѣстныхъ; что никогда не спрашивалъ ни объ имени больнаго, ни объ имени того, кто приходилъ просить объ немъ, ни даже о мѣстѣ его жительства; что больные, когда онъ отказывался лечить, умирали отъ-того, что прибѣгали къ нему тогда уже, когда находились при послѣднемъ издыханіи; наконецъ, что враги его, вѣроятно, умирали по естественному ходу вещей; причемъ онъ доказалъ очевидными свидѣтельствами и доводами, что ни онъ и никто изъ его дома не имѣлъ ни малѣйшаго сношенія съ покойниками. Люди Сегеліеля, допрошенные поодиначкѣ со всѣми судейскими хитростями, подтвердили всѣ его показанія отъ слова до слова. Между-тѣмъ, слѣдствіе продолжалось; но все, что́ ни открывали, все говорило въ пользу доктора Сегеліеля. Ученый совѣтъ, подвергнувъ химическому разложенію Сегеліелево лекарство, по долгомъ разсужденіи, объявилъ, что это славное лекарство было не иное что, какъ простая рѣчная вода, и что дѣйствіе, будто-бы ею производимое, должно отнести къ сказкамъ, или приписать воображенію больныхъ. Свѣдѣнія, собранныя о болѣзняхъ людей, въ смерти которыхъ обвиняли Сегеліеля, показали, что ни одинъ изъ нихъ не умеръ скоропостижно; что бо́льшая часть изъ нихъ умерли отъ застарѣлыхъ или наслѣдственныхъ болѣзней; наконецъ, при вскрытіи труповъ людей, объ отравленіи которыхъ существовали силь-

нѣйшія подозрѣнія, не оказалось и тѣни отравленія, а обнаружились только извѣстные и обыкновенные признаки обыкновенныхъ болѣзней.

Этотъ процессъ, привлекшій многочисленное стеченіе народа въ тотъ городъ, долго длился, ибо обвинителями была почти половина его жителей; но наконецъ, какъ судьи не были предупреждены противъ доктора Сегеліеля, принуждены были единогласно объявить, что обвиненія, на него взнесенныя, не имѣли никакого основанія, что доктора Сегеліеля должно освободить отъ суда и отъ всякаго подозрѣнія, а доносчиковъ подвергнуть взысканію по законамъ. По произнесеніи приговора, Сегеліель, наблюдавшій до тѣхъ поръ совершенное равнодушіе, казалось, ожилъ; онъ немедленно внесъ въ судъ несомнѣнныя доказательства объ убыткахъ, понесенныхъ имъ отъ сего процесса по его обширной торговлѣ, и просилъ, чтобъ они взысканы были съ его обвинителей, съ которыхъ, сверхъ-того, требовалъ удовлетворенія за безчестіе, ему нанесенное. Никогда еще не видали въ немъ такой неутомимой дѣятельности: казалось, онъ переродился; исчезла его гордость; онъ самъ ходилъ отъ судьи къ судьѣ, платилъ несчетныя деньги лучшимъ стряпчимъ и разсылалъ гонцовъ во всѣ края свѣта; словомъ, употребилъ всѣ способы, которые находилъ и въ законахъ, и въ своемъ богатствѣ, и въ своихъ связяхъ, для конечнаго разоренія своихъ обвинителей, всѣхъ членовъ ихъ семействъ до послѣдняго, родственниковъ и друзей ихъ. Наконецъ, онъ достигъ

своей цѣли: многіе изъ его обвинителей лишились своихъ мѣстъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ единственнаго пропитанія; цѣлыя имѣнія нѣскольких семействъ отсуждены были въ его владѣніе. Ни просьбы, ни слезы разоренныхъ не трогали его души: онъ съ жестокосердіемъ изгонялъ ихъ изъ жилищъ, истреблялъ до тла ихъ домы, заведенія; вырывалъ съ корнями деревья и бросалъ жатву въ море. Казалось, и природа и судьба помогали его мщенію; враги его, всѣ до одного: ихъ отцы, матери, дѣти умирали мучительною смертію;—то въ семействѣ являлась заразительная горячка и пожирала всѣхъ членовъ его; то возобновлялись старинныя, давно уснувшія болѣзни; малѣйшій ушибъ въ младенчествѣ, бездѣльное уколотіе руки, незначащая простуда—обращались въ болѣзнь смертельную, и скоро самыя имена цѣлыхъ семействъ были стерты съ лица земли. То же было и съ тѣми, которые избѣгли отъ наказанія законовъ. Этого мало: поднималась ли буря, возставалъ ли вихрь,—тучи проходили мимо замка Сегеліелева и разражались надъ домами и житницами его непріятелей, и многіе видали, какъ въ это время Сегеліель выходилъ на террасу своего парка и весело чокался стаканомъ съ своими друзьями.

Это происшествіе навело сначала всеобщій ужасъ, и хотя Сегеліель, послѣ своего процесса, переселился въ городъ Б....., гдѣ снова началъ вести столь же роскошную жизнь, какъ и прежде, но многіе изъ жителей его родины, знавшіе подробно

всѣ обстоятельства процесса и раздраженные поступками Сегеліеля, не оставили своего плана — погубить. Они обратились къ старикамъ, помнившимъ еще прежніе процессы о чародѣйствѣ, и, потолковавъ съ ними, составили новый доносъ, въ которомъ изъясняли, что хотя по существующимъ законамъ и нельзя обвинить доктора Сегеліеля, но что нельзя и не видѣть во всѣхъ его дѣйствіяхъ какой-то сверхъестественной силы, и въ-слѣдствіе того просили: придерживаясь къ прежнимъ законамъ о чародѣйствѣ, снова разъискать все дѣло. Къ счастію Сегеліеля, судьи, къ которымъ попалась эта просьба, были люди просвѣщенные: одинъ изъ нихъ былъ извѣстенъ переводомъ Локка на отечественный языкъ; другой весьма важнымъ сочиненіемъ о юриспруденціи, къ которой онъ примѣнилъ Кантову систему; третій оказалъ значительныя услуги атомистической химіи. Они не могли удержаться отъ смѣха, читая эту странную просьбу, возвратили ее просителямъ, какъ недостойную уваженія, а одинъ изъ нихъ, по добродушію, прибавилъ къ тому изъясненіе всѣхъ случаевъ, казавшихся просителямъ столь чудесными; и — благодаря европейскому просвѣщенію, докторъ Сегеліель продолжалъ вести свою роскошную жизнь, собирать у себя все лучшее общество, лечить на предлагаемыхъ имъ условіяхъ, а враги его продолжали занемогать и умирать по-прежнему.

Къ этому страшному человѣку рѣшился идти нашъ будущій импровизаторъ. Какъ-скоро его впу-

стили, онъ бросился доктору на колѣни и сказалъ: ‹Господинъ докторъ! господинъ Сегеліель! вы видите предъ собою несчастнѣйшаго человѣка въ свѣтѣ: природа дала мнѣ страсть къ стихотворству, но отняла у меня всѣ средства слѣдовать этому влеченію. Нѣтъ у меня способности мыслить, нѣтъ способности выражаться; хочу говорить — слова забываю: хочу писать—еще хуже; не могъ же Богъ осудить меня на такое вѣчное страданіе! Я увѣренъ, что мое несчастіе происходитъ отъ какой-нибудь болѣзни, отъ какой-то нравственной натуги, которую вы можете вылечить.›

— Вишь, Адамовы сынки, сказалъ докторъ (это была его любимая поговорка въ веселый часъ): —Адамовы дѣтки! Все помнятъ батюшкину привилегію; имъ бы все безъ труда доставалось! И получше васъ работаютъ на семъ свѣтѣ. Но, впрочемъ, такъ ужъ и быть, прибавилъ онъ, помолчавъ:—я тебѣ помогу; да ты вѣдь знаешь, у меня есть свои условія...

‹Какія хотите, господинъ докторъ!—что́ бъ вы ни предложили, на все буду согласенъ; все лучше, нежели умирать ежеминутно.›

— И тебя не испугало все, что́ въ вашемъ городѣ про меня разсказываютъ?

‹Нѣтъ, господинъ докторъ! уже того положенія, въ которомъ я теперь нахожусь, вы не выдумаете. (Докторъ засмѣялся). Я буду съ вами откровененъ: не одна поэзія, не одно желаніе славы привели меня къ вамъ; но и другое чувство, болѣе нѣжное...

Будь я половчѣе на письмѣ, я бы могъ обезпечить мое состояніе, и тогда бы моя Шарлотта была ко мнѣ благосклоннѣе... Вы понимаете меня, господинъ докторъ?›

—Вотъ это я люблю, вскричалъ Сегеліель:—я, какъ наша матушка, инквизиція, до смерти люблю откровенность и полную ко мнѣ довѣренность; бѣда бываетъ только тому, кто захочетъ съ нами хитрить. Но ты, я вижу, человѣкъ прямой и откровенный; и надобно наградить тебя по достоинству. И такъ, мы соглашаемся исполнить твою просьбу и, дать тебѣ способность *производить безъ труда*; но первымъ условіемъ нашимъ будетъ то, что эта способность никогда тебя не оставитъ: согласенъ ли ты на это?

‹Вы шутите надо мною, господинъ Сегеліель!

—Нѣтъ, я человѣкъ откровенный и не люблю скрывать ничего отъ людей, мнѣ предающихся. Слушай и пойми меня хорошенько: способность, которую я даю тебѣ. сдѣлается частію тебя самого; она не оставитъ тебя ни на минуту въ жизни, съ тобою будетъ рости, созрѣвать и умретъ вмѣстѣ съ тобою. Согласенъ ли ты на это?

‹Какое же въ томъ сомнѣніе, г. докторъ?

— Хорошо. Другое мое условіе состоитъ въ слѣдующемъ: ты будешь *все видѣть*, *все знать*, *все понимать*. Согласенъ ли ты на это?

‹Вы, право, шутите, господинъ докторъ! Я не знаю, какъ благодарить васъ... Вмѣсто одного до-

бра, вы даете мнѣ два,—какъ же на это не согласиться!

— Пойми меня хорошенько: ты будешь *все знать, все видѣть, все понимать.*

‹Вы благодѣтельнѣйшій изъ людей, господинъ Сегеліель!

— Такъ ты согласенъ?

‹Безъ сомнѣнія; нужна вамъ росписка?

— Не нужно! Это было хорошо въ то время, когда не существовало между людьми заемныхъ писемъ; а теперь люди стали хитры; обойдемся и безъ росписки; сказаннаго слова такъ же топоромъ не вырубишь, какъ и писаннаго. Ничто въ свѣтѣ, любезный пріятель, *ничто* не забывается и не уничтожается.

Съ этими словами, Сегеліель положилъ одну руку на голову поэта, а другую на его сердце, и самымъ торжественнымъ голосомъ проговорилъ:

‹Отъ тайныхъ чаръ пріими ты даръ: обо всемъ размышлять, все на свѣтѣ читать, говорить и писать, красно и легко, слезно и смѣшно, стихами и въ прозѣ, въ теплѣ и морозѣ, на яву и во снѣ, на столѣ, на пескѣ, ножомъ и перомъ, рукой, языкомъ, смѣясь и въ слезахъ, на всѣхъ языкахъ....

Сегеліель сунулъ въ руку поэту какую-то бумагу и поворотилъ его къ дверямъ.

Когда Кипріяно вышелъ отъ Сегеліеля, то докторъ съ хохотомъ закричалъ: ‹Пепе! фризовую шинель!›—‹Агу!› раздалось со всѣхъ полокъ док-

торской библіотеки, какъ во 2-мъ дѣйствіи «Фрейшюца».

Кипріяно принялъ слова Сегелiеля за приказаніе камердинеру; но его удивило немного, за чѣмъ щеголеватому, роскошному доктору такое странное платье; онъ заглянулъ въ щелочку и что́ же увидѣлъ: всѣ книги на полкахъ были въ движеніи; изъ одной рукописи выскочила цифра 8, изъ другой арабскій алефъ, потомъ греческая дельта; еще, еще —и наконецъ вся комната наполнилась живыми цифрами и буквами; онѣ судорожно сгибались, вытягивались, раздувались, переплетались своими неловкими ногами, прыгали, падали; неисчислимыя точки кружились между ними, какъ инфузоріи въ солнечномъ микроскопѣ, и старый халдейскій полиграфъ билъ тактъ съ такою силою, что рамы звенѣли въ окошкахъ...

Испуганный Кипріяно бросился бѣжать опрометью.

Когда онъ нѣсколько успокоился, то развернулъ Сегелiелеву рукопись. Это былъ огромный свитокъ, сверху до низу исписанный непонятными цифрами, Но едва Кипріяно взглянулъ на нихъ, какъ оживленный сверхъестественною силою, понялъ значеніе чудесныхъ письменъ. Въ нихъ были расчислены всѣ силы природы: и систематическая жизнь кристалла, и беззаконная фантазія поэта, и магнитное біеніе земной оси, и страсти инфузорія, и нервная система языковъ, и прихотливое измѣненіе рѣчи; все высокое и трогательное было подве-

дено подъ ариѳметическую прогрессію; непредвидѣнное разложено въ Ньютоновъ биномъ; поэтическій полетъ опредѣленъ циклоидой; слово, раждающееся вмѣстѣ съ мыслію, обращено въ логариѳмы; невольный порывъ души приведенъ въ уравненіе. Предъ Кипріяно лежала вся природа, какъ остовъ прекрасной женщины, которую прозекторъ выварилъ такъ искусно, что на ней не осталось ни одной живой жилки.

Въ одно мгновеніе высокое таинство зарожденія мысли показалось Кипріяно дѣломъ весьма легкимъ и обыкновеннымъ; чортовъ-мостъ съ китайскими погремушками протянулся для него надъ бездною, отдѣляющею мысль отъ выраженія, и Кипріяно— заговорилъ стихами.

Въ началѣ сего разсказа мы уже видѣли чудный успѣхъ Кипріяно въ его новомъ ремеслѣ. Въ торжествѣ, съ полнымъ кошелькомъ, но нѣсколько усталый, онъ возвратился въ свою комнату; хочетъ освѣжить запекшіяся уста, смотритъ: въ стаканѣ не вода, а что-то странное: тамъ два газа борятся между собою, и миріяды инфузорій плаваютъ между ними; онъ наливаетъ другой стаканъ, все то же; бѣжитъ къ источнику—издали серебромъ льются студеныя волны —, приближается—опять то же, чтó и въ стаканѣ; кровь поднялась въ голову бѣднаго импровизатора, и онъ въ отчаяніи бросился на траву, думая во снѣ забыть свою жажду и горе; но едва онъ прилегъ, какъ вдругъ подъ ушами его раздается шумъ, стукъ, визгъ: какъ будто тысячи

молотовъ бьютъ объ наковальни, какъ-будто шероховатые поршни протираются сквозь груду каменьевъ, какъ-будто желѣзныя грабли цѣпляются и скользятъ по гладкой поверхности. Онъ встаетъ, смотритъ: луна освѣщаетъ его садикъ, полосатая тѣнь отъ садовой рѣшетки тихо шевелится на листахъ кустарника, вблизи муравьи строятъ свой муравейникъ, все тихо, спокойно;—прилегъ снова—снова начинается шумъ. Кипріяно не могъ заснуть болѣе; онъ провелъ цѣлую ночь не смыкая глазъ. Утромъ онъ побѣжалъ къ своей Шарлоттѣ искать покоя, повѣрить ей свою радость и горе. Шарлотта уже знала о торжествѣ своего Кипріяно, ожидала его, принарядилась, поправила свои свѣтлорусые волосы, вплела въ нихъ розовую ленточку и съ невиннымъ кокетствомъ посматривала въ зеркало. Кипріяно вбѣгаетъ, бросается къ ней, она улыбается, протягиваетъ къ нему руку,—вдругъ Кипріяно останавливается, уставляетъ глаза на нее...

И въ-самомъ-дѣлѣ было любопытно! Сквозь клетчатую перепонку, какъ сквозь кисею, Кипріяно видѣлъ, какъ трегранная артерія, называемая сердцемъ, затрепетала въ его Шарлоттѣ; какъ красная кровь покатилась изъ нея и, достигая до волосныхъ сосудовъ, производила эту нѣжную бѣлизну, которою онъ, бывало, такъ любовался... Несчастный! въ прекрасныхъ, исполненныхъ любви глазахъ ея онъ видѣлъ лишь какую-то камер-обскуру, сѣтчатую плеву, каплю отвратительной жидкости; въ ея миловидной поступи—лишь механизмъ

рычаговъ... Несчастный! онъ видѣлъ и желчный мѣшочекъ, и движенiе пищепрiемныхъ снарядовъ... Несчастный! для него Шарлотта, этотъ земной идеалъ, предъ которымъ молилось его вдохновенiе сдѣлалась—анатомическимъ препаратомъ!

Въ ужасѣ оставилъ ее Кипрiяно. Въ ближнемъ домѣ находилось изображенiе Мадонны, къ которой, бывало, прибѣгалъ Кипрiяно въ минуты отчаянiя, которой гармоническiй обликъ успокоивалъ его страждущую душу;—онъ прибѣжалъ, бросился на колѣни, умолялъ; но увы! для него уже не было картины: краски шевелились на ней, и онъ въ творенiи художника видѣлъ—лишь химическое броженiе.

Несчастный страдалъ до неимовѣрности; все: зрѣнiе, слухъ, обонянiе, вкусъ, осязанiе,—всѣ чувства, всѣ нервы его получили микроскопическую способность, и въ извѣстномъ фокусѣ малѣйшая пылинка, малѣйшее насѣкомое, несуществующее для насъ, тѣснило его, гнало изъ мiра; щебетанiе бабочкина крыла раздирало его ухо; самая гладкая поверхность щекотала его; все въ природѣ разлагалось предъ нимъ, но ничто не соединялось въ душѣ его: онъ *все видѣлъ, все понималъ*, но между имъ и людьми, между имъ и природою была вѣчная бездна; ничто въ мiрѣ не сочувствовало ему.

Хотѣлъ ли онъ въ высокомъ поэтическомъ произведенiи забыть самого себя, или въ историческихъ изъисканiяхъ набрести на глубокую думу, или отдохнуть умомъ въ стройномъ философскомъ зданiи

— тщетно: языкъ его лепеталъ слова, но мысли его представляли ему совсѣмъ другое:

Сквозь тонкую пелену поэтическихъ выраженій онъ видѣлъ всѣ механическія подставки созданія: онъ чувствовалъ, какъ бѣсился поэтъ, сколько разъ переламывалъ онъ стихи, которые казались невольно-вылившимися изъ сердца; въ самомъ патетическомъ мгновеніи, когда, казалось, всѣ внутреннія силы поэта напрягались и перо его не успѣвало за словами, а слова за мыслями,—Кипріяно видѣлъ, какъ поэтъ протягивалъ руку за «Академическимъ Словаремъ» и отъискивалъ эффектное слово; какъ посреди восхитительнаго изображенія тишины и мира душевнаго, поэтъ115 дралъ за уши капризнаго ребенка, надоѣдавшаго ему своимъ крикомъ, и зажималъ собственныя свои уши отъ дѣйствія женина трещоточнаго могущества.

Читая исторію, Кипріяно видѣлъ, какъ утѣшительные высокіе помыслы объ общей судьбѣ человѣчества, о его постоянномъ совершенствованіи, какъ глубокомысленныя догадки о важныхъ подвигахъ и характерѣ того или другаго народа, которые, казалось, сами выливались изъ историческихъ изъисканій, — въ-самомъ-дѣлѣ держались только искусственнымъ сцѣпленіемъ сихъ послѣднихъ, какъ это сцѣпленіе держалось за сцѣпленіе авторовъ, писавшихъ о томъ же предметѣ; это сцѣпленіе за искусственное сцѣпленіе лѣтописей, а это послѣднее за ошибку переписчика,

на которую, какъ на иголку, фокусники поставили цѣлое зданіе.

Вмѣсто того, чтобъ удивляться стройности философской системы, Кипріяно видѣлъ, ка̀къ въ философѣ зародилось прежде всего желаніе сказать что-нибудь новое; потомъ попалось ему счастливое, задорное выраженіе; ка̀къ къ этому выраженію онъ придѣлалъ мысль, къ этой мысли цѣлую главу, къ этой главѣ книгу, а къ книгѣ цѣлую систему; тамъ же, гдѣ философъ, оставляя свою строгую форму, какъ-бы увлеченный сильнымъ чувствомъ, пускался въ блестящее отступленіе,—тамъ Кипріяно видѣлъ, что это отступленіе только служило прикрышкою для средняго термина силлогизма, котораго игру словъ чувствовалъ самъ философъ.

Музыка перестала существовать для Кипріяно; въ восторженныхъ созвучіяхъ Генделя и Моцарта онъ видѣлъ только воздушное пространство, наполненное безчисленными шариками, которые одинъ звукъ отправлялъ въ одну сторону, другой въ другую, третій въ третью; въ раздирающемъ сердце воплѣ гобоя, въ рѣзкомъ звукѣ трубы онъ видѣлъ лишь механическое сотрясеніе; въ пѣніи страдиваріусовъ и амати — однѣ животныя жилы, по которымъ скользили конскіе волосы.

Въ представленіи оперы, онъ чувствовалъ лишь мученіе сочинителя музыки, капельмейстера; слышалъ, какъ настраивали инструменты, разучивали роли, словомъ, ощущалъ всѣ прелести репетицій; въ самыхъ патетическихъ минутахъ видѣлъ бѣшен-

ство режиссёра за кулисами и его споры съ статистами и машинистомъ, крючья, лѣстницы, веревки, и проч. и проч.

Часто вечеромъ, измученный Кипріяно выбѣгалъ изъ своего дома на улицу: мимо его мелькали блестящіе экипажи; люди съ веселыми лицами возвращались отъ дневныхъ заботъ подъ мирный домашній кровъ; въ освѣщенныя окна Кипріяно смотрѣлъ на картины тихаго семейнаго счастія, на отца и мать, окруженныхъ прыгающими малютками,—но онъ не имѣлъ наслажденія завидовать сему счастію: онъ видѣлъ, какъ чрезъ реторту общественныхъ условій и приличій, правъ и обязанностей, разсудка и правилъ нравственности—выработывался семейственный ядъ и прижигалъ всѣ нервы души каждаго изъ членовъ семейства; онъ видѣлъ, ка̀къ нѣжному, попечительному отцу надоѣдали его дѣти; ка̀къ почтительный сынъ нетерпѣливо ожидалъ родительской кончины; ка̀къ страстные супруги, держась рука за руку, помышляли: чѣмъ бы поскорѣе отдѣлаться другъ отъ друга?

Кипріяно обезумѣлъ. Оставивъ свое отечество, думая спастись отъ самого себя, пробѣжалъ онъ разныя страны, но вездѣ и всегда по прежнему продолжалъ *все видѣть* и *все понимать*.

Между-тѣмъ, и коварный даръ стихотворства не дремалъ въ Кипріяно. Едва на минуту замолкнетъ его микроскопическая способность, какъ стихи водою польются изъ устъ его; едва удержитъ свое холодное вдохновеніе, какъ снова вся природа ожи-

ветъ передъ нимъ мертвою жизнію, и безъ одежды, неприличная, какъ нагая, но обутая женщина, явится въ глаза ему. Съ какимъ горемъ онъ вспоминалъ о томъ сладкомъ страданіи, когда, бывало, на него находило рѣдкое вдохновеніе, когда неясные образы носились передъ нимъ, волновались, сливались другъ съ другомъ!... Вотъ образы яснѣютъ, яснѣютъ; изъ другаго міра медленно, какъ долгой поцалуй любви, тянется къ нему рой піитическихъ созданій;—приблизились, отъ нихъ пашетъ неземной теплотою, и природа сливается съ ними въ гармоническихъ звукахъ—ка̀къ легко, ка̀къ свѣжо на душѣ! Тщетное, тяжкое воспоминаніе! Напрасно хотѣлъ Кипріяно пересилить борьбу между враждебными дарами Сегеліеля: едва незамѣтное впечатлѣніе касалось раздраженныхъ органовъ страдальца, и снова микроскопизмъ одолѣвалъ его, и несозрѣлая мысль прорывалась въ выраженіе.

Долго скитался Кипріяно изъ страны въ страну; иногда нужда снова заставляла его прибѣгать къ пагубному Сегеліелеву дару: даръ этотъ доставлялъ избытокъ, а съ нимъ и всѣ вещественныя наслажденія жизни; но въ каждомъ изъ наслажденій былъ ядъ, и послѣ каждаго новаго успѣха умножалось его страданіе.

Наконецъ онъ рѣшился не употреблять болѣе своего дара, заглушить, задавить его, купить его цѣною нужды и бѣдности. Но ужь поздно! Отъ долговременнаго боренія расшаталось зданіе души

его; поломались тонкія связи, которыми соединены таинственныя стихіи мыслей и чувствованій,—и они распались, какъ распадаются кристаллы, проржавленные ѣдкою кислотою; въ душѣ его не осталось ни мыслей, ни чувствованій: остались какіе-то фантомы, облеченные въ одежду словъ, для него самого непонятныхъ. Нищета, голодъ истерзали его тѣло,—и долго брелъ онъ, питаясь милостынею и самъ не зная куда....

Я нашелъ Кипріяно въ деревнѣ одного степнаго помѣщика; тамъ исправлялъ онъ должность—шута. Въ фризовой шинели, подпоясанный краснымъ платкомъ, онъ безпрестанно говорилъ стихи на какомъ-то языкѣ, смѣшанномъ изъ всѣхъ языковъ.... Онъ самъ разсказывалъ мнѣ свою исторію и горько жаловался на свою бѣдность, но еще больше на то, что никто его не понимаетъ; что бьютъ его, когда онъ, въ пылу поэтическаго восторга, за недостаткомъ бумаги, изрѣжетъ столы своими стихами; а еще болѣе на то, что всѣ смѣются надъ его единственнымъ, сладкимъ воспоминаніемъ, котораго не могъ истребить враждебный даръ Сегеліеля—надъ его первыми стихами къ Шарлоттѣ.

— Измѣна, господа! вскричалъ Вячеславъ:—Фаустъ нарочно выбралъ этотъ отрывокъ изъ рукописи, вмѣсто отвѣта на наши вчерашнія возраженія.

— Ничего не бывало! отвѣчалъ Фаустъ:—съ моей стороны, тутъ не было никакого фокус-покуса;

я читалъ нумеръ за нумеромъ; я увѣренъ, что даже хозяева, сбирая доставленныя имъ замѣтки, предоставили учрежденіе ихъ послѣдовательности лучшему систематику—времени.

Вячеславъ.—И ты хочешь насъ увѣрить, что просто случай соединилъ Бетховена съ Импровизаторомъ, когда въ томъ и другомъ одна мысль, но выраженная съ противоположныхъ сторонъ?...

Ростиславъ.—Не знаю, сшутилъ ли съ нами Фаустъ по своему обыкновенію, но, признаюсь, случая я еще не замѣтилъ въ природѣ. Въ ней, напримѣръ, съ большою постепенностію связаны царство растительное съ царствомъ животнымъ, даже трудно опредѣлить, гдѣ кончится одно и начинается другое; а между-тѣмъ, одно служитъ, повидимому, совершеннымъ отрицаніемъ другому: всѣ важнѣйшіе о́рганы растенія—на его поверхности; внутри, часто совершенная пустота; мочки корня—органы питанія, листья—органы дыханія, брачное ложе между душистыми лепестками—все снаружи; у животныхъ, напротивъ, всѣ эти органы бережно скрыты внутри подъ нѣсколькими покровами, а снаружи видны лишь кожа, волосы, роговое вещество—о́рганы менѣе важные, почти неимѣющіе чувствительности; мнѣ всегда жизнь животныхъ представлялась отвѣтомъ на жизнь растеній, а человѣкъ судіей между ними. Если природа разъигрываетъ эту драму между своими низшими произведеніями, то не-уже-ли она предоставляетъ свои высшія, т.-е. человѣческія произведенія какому-то

случаю. Произведенія человѣка—чтобы то ни было: огромное ли піитическое твореніе, откровенный ли разговоръ, безпечная ли замѣтка путешественника,—я увѣренъ, что есть причина, почему одно изъ этихъ явленій слѣдуетъ за другимъ, въ томъ, а не въ другомъ порядкѣ, хотя часто мы не можемъ ея постигнуть, точно такъ же, какъ намъ непонятно, почему явленія, столь противоположныя, какъ ночь и день, слѣдуютъ одно за другимъ постоянно.

Викторъ. — Но прежде слѣдуетъ доказать, дѣйствительно ли произведенія человѣка на одной степени съ произведеніями природы, не говорю уже, превосходятъ ихъ.

Ростиславъ.—Безъ сомнѣнія, превосходятъ и по той же причинѣ, почему животное совершеннѣе растенія....

Викторъ.—Это убѣжденіе очень похвально; только жаль, что человѣку никогда не удалось построить такое мѣстоположеніе, какъ напр. Альпы или берегъ Средиземнаго Моря, ни достигнуть того совершенства, которое замѣчается, напр. въ тканяхъ растенія; ты знаешь, что самое тонкое кружево подъ микроскопомъ есть не иное что, какъ грубая связка веревокъ, а между тѣмъ эпидерма послѣдняго растенія поражаетъ правильностію своего расположенія.

Ростиславъ.—Ты смѣшиваешь два совершенно-различныя состоянія человѣка, двѣ совершенно-отдѣльныя степени, ибо въ человѣкѣ ихъ

много. Нѣкоторые ученые доказывали, что пирамида у древнихъ была символомъ огня (фтаса); это довольно-правдоподобно, ибо и огонь и пирамида оканчиваются остроконечіемъ: но, кажется, подъ символомъ огня скрывался другой, болѣе-глубокій—человѣкъ. Посмотри на пламя: въ немъ есть темная, холодная (*) часть—произведеніе грубыхъ испареній горящаго тѣла; въ немъ есть болѣе свѣтлая, гдѣ пламя похищаетъ жизненную стихію изъ атмосферы (**); эта часть лишь окисляетъ металлы; между обѣими частями есть точка,—одна точка; но здѣсь сильнѣйшая степень жара, которому ничто противостоять не можетъ: здѣсь платина приходитъ въ калильное состояніе, здѣсь возстановляются почти всѣ металлы (***). Ты сравниваешь произведенія природы съ произведеніями темной, холодной, безсильной области человѣка;—и природа торжествуетъ надъ человѣкомъ, унизившимся до природы; но какія произведенія природы могутъ достигнуть до произведеній свѣтлаго, пламеннаго горнила души человѣческой?—Духъ человѣка, исходя изъ одного начала съ природою, производитъ явленія, подобныя явленіямъ въ природѣ, но

(*) Мюррай опускалъ на нѣсколько секундъ порохъ въ ту темную часть пламени, въ которой отдѣляются газы, и которая видна сквозь свѣтлую его оболочку: взрыва не было, и порохъ даже отсырѣлъ.

(**) Кислородъ.

(***) На этомъ явленіи основано, какъ извѣстно, дѣйствіе паяльной, или, правильнѣе, плавильной трубки.

самопроизвольно, безусловно; это сродство или подобіе обмануло старинныхъ теоретиковъ, которые на немъ основали такъ-называемое подражаніе природѣ....

Вячеславъ.—Ты забываешь важную оговорку: подражаніе *изящной* природѣ....

Ростиславъ.—Отъ этой оговорки, теорія сдѣлалась еще неопредѣленнѣе и темнѣе, ибо съ словомъ *изящество* въ эту теорію втѣснилось нѣчто такое, что̀ разрушило ее вовсе; ибо если необходимо допустить человѣку право избирать изящное, то это значитъ, что въ душѣ его есть своя *мѣрка,* на которую онъ можетъ прикидывать и произведенія природы и свои собственныя. Тогда зачѣмъ же ему природа?

Вячеславъ.—На первый случай, хоть для того, чтобъ сравнить *обѣ мѣрки,* какъ ты говоришь: свою и находящуюся въ природѣ....

Ростиславъ.—Но, чтобъ сравнить ихъ, надобно еще *третью* мѣрку, въ истинѣ которой человѣкъ былъ бы убѣжденъ,—и такъ до безконечности; а въ послѣдней инстанціи послѣднимъ судіею останется все-таки душа человѣка....

Вячеславъ. — Но отъ-чего же человѣческія произведенія, напр. картина, тѣмъ болѣе намъ нравится, чѣмъ она ближе къ природѣ?

Ростиславъ.—Это родъ оптическаго обмана; близость къ природѣ есть понятіе совершенно-относительное; въ Рафаэлѣ находятъ ошибки противъ анатоміи,—но кто замѣчаетъ ихъ? Еслибъ

должно намъ было болѣе нравиться то, что́ ближе къ природѣ, то дерево, напр., Рюиздаля, должно бы уступить первенство дереву, слѣланному какою-либо цвѣточницею. Дагерротипъ какъ-бы нарочно появился въ нашу эпоху, чтобъ показать различіе между механическимъ и живымъ произведеніемъ. При появленіи дагерротипа, матеріалисты очень обрадовались: «Зачѣмъ намъ живописцы? зачѣмъ вдохновеніе? Картина будетъ рисоваться, и гораздо-вѣрнѣе, безъ вдохновенія, простымъ ремесленникомъ, при пособіи нѣсколькихъ капель іода и ртути. Но что́ же вышло? въ дагерротипѣ, подражаніе совершенно; а между-тѣмъ одни и тѣ же предметы (не говорю ужь о лицѣ человѣка, но хоть напр., дерево), мертвы въ дагерротипѣ, и оживаютъ лишь подъ рукою художника. На оборотъ: за нѣсколько тысячь лѣтъ, пепелъ покрылъ цѣлый городъ и похоронилъ его вмѣстѣ со всѣми обстоятельствами, которыя могли случиться въ минуту бѣдствія; нашъ современникъ, силою своего художническаго духа, воскрешаетъ эту минуту, и какъ волшебникъ заставляетъ васъ видѣть то, чего, вѣроятно, ни одинъ человѣкъ не видалъ; между-тѣмъ, картина Брюлова вѣрна: васъ убѣждаетъ въ томъ ощущеніе, которое она производитъ....

Вячеславъ.—Согласенъ, но Брюловъ, какъ Рафаэль, какъ Микель-Анджело, также, вѣроятно, срисовывалъ свои группы съ живыхъ моделей, наблюдалъ изверженіе огнедышущихъ горъ и другія явленія природы....

Ростиславъ.—Такъ! Но то ли чувство производятъ на насъ въ природѣ изломанная колесница, отшибенное колесо, пепельный дождь, самыя лица людей въ минуту подобнаго бѣдствія, какъ тѣ же самые предметы въ картинѣ Брюлова? Откуда взялась вся прелесть этихъ предметовъ, которые въ природѣ не могутъ имѣть никакой прелести?

Фаустъ.— Я не знаю, какую теорію по сему предмету составилъ себѣ нашъ великій художникъ; но замѣчу, что живописцы подвергаются оптическому обману, если думаютъ, что они въ своихъ картинахъ *копируютъ* природу; живописецъ, срисовывая съ *натуры*—лишь *питается* ею, какъ человѣческій организмъ питается грубыми произведеніями природы. Но какъ происходитъ этотъ процессъ? Вещества, принимаемыя нами въ пищу, подвергаются живому броженію: лишь тончайшія ихъ части остаются въ организмѣ и проходятъ чрезъ нѣсколько живыхъ превращеній прежде, нежели обратятся въ нашу плоть; для больнаго, и еще менѣе для мертваго организма—пища безполезна; живой организмъ долго можетъ обходиться безъ пищи и жить собственной силой; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ совершенно безъ нея могъ обойдтись. Все дѣло въ хорошей переваркѣ, которой первое условіе: жизненная сила....

Викторъ.—Вашъ разговоръ, господа, напоминаетъ мнѣ старинный анекдотъ. Однажды, Бенвенуто Челлини, отливая серебреную статую, замѣтилъ, что металла мало; боясь, что отливка не

удастся, онъ собралъ все домашнее серебро, кубки, ложки, кольца, и бросилъ въ горнило. Какой-то художникъ, который при отливкѣ мѣдной статуи былъ остановленъ такимъ же препятствіемъ, вспомнилъ догадку Бенвенуто, и также началъ бросать въ горнило всю мѣдную домашнюю посуду,—но опоздалъ: она не успѣла растопиться—и когда форму обломали, художникъ съ отчаяніемъ увидѣлъ, что изъ груди Венеры выглядывало дно кострюльки, надъ глазами торчала ложка, и такъ далѣе....

Фаустъ.—Ты совершенно попалъ на мою мысль: бѣда художнику, если внутреннее его горнило не въ силахъ расплавить грубую природу и превратить ихъ въ существо болѣе возвышенное. Это необходимо во всѣхъ встрѣчахъ человѣка съ природою: горе ему, если онъ преклонится предъ нею!

Ростиславъ.—О, безъ сомнѣнія! Еслибъ человѣкъ не былъ принужденъ изъ природы почерпать средства для своей жизни, то не было бы и повода къ преступленіямъ... Напр. воровство, грабительство, именно имѣютъ причиною то, что человѣкъ нуждается въ произведеніяхъ природы.

Фаустъ.—Съ этимъ едва-ли можно согласиться. Ты самъ справедливо замѣтилъ, что въ человѣкѣ есть не только свѣтлая, но и темная область; тамъ зараждаются наклонности, которыми приготовляются преступленія; иногда въ душѣ человѣка уже преступленіе совершилось прежде того, что́ обыкновенно называютъ преступленіемъ, и что́

есть не что иное, какъ порочная наклонность, получившая осязаемую форму. Есть темныя страсти, и, слѣдственно, преступленія, которыя могутъ совершиться въ человѣкѣ, даже если бъ онъ не былъ жильцемъ земнаго шара, даже еслибъ онъ не былъ въ сношеніи съ себѣ подобными: хоть, напр., праздность и гордость, которыя (что́ довольно-замѣчательно) у всѣхъ народовъ, во всѣхъ преданіяхъ, почитаются матерями всѣхъ пороковъ. Я пойду далѣе: въ природѣ, собственно, нѣтъ зла...

Ростиславъ.—Ты въ противорѣчіи съ дѣйствительностію; сто́итъ взглянуть на естественныя явленія: нѣтъ растенія, нѣтъ животнаго, которое не было бы принуждено жить разрушеніемъ или страданіемъ какого-либо растенія, или животнаго. Если страданіе не есть зло, то я не знаю, что́ разумѣть подъ этимъ словомъ.

Викторъ.—Замѣчу для потомства, что господа-идеалисты точно такъ же спорятъ, какъ и мы, бѣдные слуги грубой матеріальной природы.... Слѣдственно, идеальный мистическій міръ не есть еще царство мира....

Фаустъ.—Во-первыхъ, я не идеалистъ и не мистикъ: я эпикуреецъ, потому-что ищу, гдѣ находится наибольшая сумма наслажденій для человѣка; я, если хочешь, естествоиспытатель, даже эмпирикъ, только съ тою разницею, что не ограничиваюсь наблюденіемъ однихъ матеріальныхъ фактовъ, но нахожу необходимымъ разлагать и духовные. Во-вторыхъ, замѣчу, также для потомства,

что какъ бы ни спорили идеалисты, для нихъ все-таки существуетъ возможность когда-нибудь сойдтись, ибо всѣ они тянутся къ центру, но каждаго изъ васъ, господа-матеріалисты, тянетъ къ какой-нибудь точкѣ на окружности: отъ-того ваши пути безпрестанно расходятся.

Викторъ.—Можетъ-быть! Но, говоря твоимъ любимымъ выраженіемъ, символъ идеальныхъ путей, кажется, суть асимптоты, которые, вѣчно приближаясь, никогда не сойдутся....

Фаустъ.—Я болѣе согласенъ съ тобою, нежели ты думаешь. Ты правъ, и будешь правъ до тѣхъ-поръ, пока человѣкъ не найдетъ настоящей квадратуры круга, разумѣется, не въ геометрическомъ смыслѣ. (*) Но обратимся къ нашему вопросу: мы не въ такомъ противорѣчіи съ Ростиславомъ, какъ кажется; но мы и не согласны другъ съ другомъ. Такой родъ распри, не смотря на свою наружную нелѣпость, всего чаще бываетъ между людьми. Чтобъ опредѣлить, дѣйствительно ли нѣтъ зла во внѣшней природѣ, должно бы прежде опредѣлить, что такое зло; это завело бы насъ слишкомъ далеко, и едва ли не было бы излишнимъ. Для меня гораздо важнѣе и любопытнѣе опредѣлить, какое дѣйствіе производитъ на душу человѣка одностороннее погруженіе въ матеріальную природу, и какъ дѣйствуетъ аналогія между чело-

(*) Должно вспомнить, что въ мистическихъ теоріяхъ кругъ есть символъ вещественнаго міра, а квадратъ, треугольникъ—духовнаго.

вѣкомъ и его занятіями?—Въ природѣ мы замѣчаемъ для всякаго явленія постоянные законы: ты посѣялъ сѣмя, сохранилъ всѣ условія для его произбенія—оно выросло; забылъ одно изъ этихъ условій—оно погибло; и такъ всегда—сегодня какъ вчера, какъ завтра. Внѣшнюю природу не умолишь, ея не тронешь раскаяніемъ, въ ней нѣтъ прощенія: ошибся—расплачивайся, нѣтъ спасенія, нѣтъ отсрочки; одинъ день позабудь поливать любимое дорогое растеніе, не смотря на всю любовь къ нему, не смотря на все сожалѣніе—растеніе засохнетъ, и ничѣмъ не оживишь его. Этотъ законъ прекрасенъ въ своемъ мѣстѣ, т. е. на нижней степени природы; человѣкъ, неподнимающійся выше этой степени, пораженный видомъ сего закона, хотѣлъ примѣнить его къ явленіямъ другаго рода, напр., къ нравственнымъ. «Смотрите на природу, наблюдайте ея законы, подражайте ея законамъ!» говорили энциклопедисты XVIII столѣтія, и говорятъ донынѣ ихъ послѣдователи въ XIX вѣкѣ...

Вячеславъ.—Однако, укажи мнѣ хоть одну систему нравственности, гдѣ отвергалось бы раскаяніе и, слѣдственно, возможность прощенія...

Фаустъ.—Къ-счастію, теоретики по инстинкту часто измѣняютъ логической послѣдовательности. Правда, я не помню, чтобъ кто-нибудь прямо отрицалъ право раскаянія,—но это отрицаніе истекаетъ непосредственно изъ многихъ теорій, напр., хоть изъ Бентамовой, Мальтусовой; оно даже размѣнялось на мелкую монету: съ XVII вѣка хо-

дитъ по свѣту басня «Стрекоза и Муравей»; она переведена на всѣ языки; ее первую дѣти выучиваютъ наизусть. Не имѣла бы она такого успѣха въ XVIII вѣкѣ, еслибъ она не была выраженіемъ господствующей теоріи того времени, чего, вѣрно, и въ голову не приходило доброму Лафонтену. Обрати мораль этой басни въ правило, послѣдуй за его приложеніями, и ты дойдешь до того, что, по строгой логикѣ, больнаго отнюдь не должно лечить: «онъ боленъ, слѣдственно онъ виноватъ, слѣдственно долженъ быть наказанъ!»—Такой выводъ такъ же нелѣпъ и такъ же логически-вѣренъ, какъ знаменитая фраза Мальтуса: «Ты опоздалъ родиться, для тебя нѣтъ мѣста на пирѣ природы»; другими словами: «умирай съ голода». Это преклоненіе предъ законами вещественной природы, хотя не всегда. къ-счастію, достигаетъ такой логической ясности, но по аналогіи сильно дѣйствуетъ на душу человѣка. Извините, господа матеріалисты, но законъ растенія, цѣликомъ перенесенный на почву человѣческую, обращается въ безсмысленный педантизмъ и сушитъ сердце. Такого педанта нельзя назвать злымъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова; сухой человѣкъ не сдѣлаетъ зла безъ нужды, и сдѣлаетъ его безъ всякаго для себя удовольствія; злой человѣкъ сдѣлаетъ зло, просто изъ желанія зла, съ наслажденіемъ; но самый злой человѣкъ способенъ къ состраданію, къ раскаянію. Сухой педантъ, въ нашемъ языкѣ, чрезвычайно-вѣрно и глубоко назы-

вается *деревяшкою;* онъ, сообразно съ своею кличкою, никого не любитъ, ни чему не сострадаетъ, ни въ чемъ не раскаявается, но слѣпо слѣдуетъ такъ называемому закону природы: ростетъ, вытягиваетъ вѣтви и корни, заглушая другія растенія, не потому, чтобъ онъ злился на своихъ сосѣдей, а только потому, что съ этой стороны теплѣе и сырѣе.

Викторъ.—Ты забываешь, что между такъ-называемыми матеріалистами и проповѣдниками законовъ природы, были люди, отличавшіеся высокою филантропіею, какъ напр. Франклинъ....

Фаустъ.—Франклину такъ удалось разъиграть свою ролю, что до-сихъ-поръ ее трудно отличить отъ сущности хитраго дипломата. Прочти его сочиненія, и ты ужаснешься этого ложнаго, гордаго смиренія, этого постояннаго лицемѣрія и этого эгоизма, скрытаго подъ нравственными апоѳегмами. Отъ Франклина, по прямой линіи, происходитъ филантропъ-мануфактуристъ; я удивляюсь, какъ это психологическое явленіе до-сихъ-поръ не подало мысли комикамъ; (*) это настоящій Тартюфъ нашего вѣка, ибо деревяшка можетъ быть во всѣхъ образахъ, даже въ образѣ филантропа; эта личина для него всего тягостнѣе: ему душно подъ нею; одна навѣрно разсчитанная выгода можетъ заставить его разъигрывать роль филантропа. Мануфактуристъ-философъ, въ этомъ странномъ занятіи,

(*) Въ настоящее время существуетъ уже много комедій на этотъ предметъ.

дѣлаетъ лишь необходимое; далѣе этой черты онъ не переходитъ; онъ не проникаетъ въ существо бѣдствія, но старается только какъ-нибудь замазать его, чтобъ оно не такъ бросалось въ глаза; онъ заботится о довольствѣ и нравственности, даже о религіи своихъ работниковъ, но единственно столько, сколько нужно для безостановочной работы на фабрикѣ. Такая насмѣшка надъ самымъ возвышеннымъ чувствомъ, надъ христіянскою любовію, не остается безъ наказанія, и доказательства тому—совсѣмъ не филантропическія явленія, которыя вы найдете въ донесеніяхъ англійскому парламенту о состояніи дѣтей на фабрикахъ, и даже у докторовъ Юра и Баббежа, этихъ поборниковъ индустріальной религіи, и, наконецъ, ежедневно въ газетахъ.

Викторъ.—Ты забываешь, однако, что именно мануфактурной филантропіи мы обязаны однимъ изъ важнѣйшихъ правъ XIX вѣка на уваженіе потомства: исправительною системою тюремъ.

Фаустъ.—Я тогда согласился бы съ тобою, когда бы въ средніе вѣка монастыри не были настоящими исправительными заведеніями, и не достигали своей цѣли, едва-ли не съ бо́льшимъ успѣхомъ, нежели всѣ возможныя исправительныя системы *уединенія, молчанія*, которыя исправляютъ ли кого—Богъ вѣсть, но доводятъ человѣка до сумасшествія очень вѣрно (*). Думали, что можно испра-

(*) Особенно система молчанія имѣетъ это слѣдствіе. Не имѣя права по цѣлымъ днямъ выразить своего сомнѣнія, или

вить человѣка какъ растеніе, пересадя его въ теплицу; кажется, разочли очень вѣрно всѣ законы природы, которые могутъ на него дѣйствовать, свѣтъ, воздухъ,—но забыли одно: силу любви, двигающей горами; пока растеніе въ теплицѣ—оно, кажется, излечилось, исправилось; едва попало на прежнюю почву, всѣ труды надъ нимъ потеряны, ибо живой жизни ему не дали. Такъ не говорите же, господа, что довольно *знать* на семъ свѣтѣ, не заботясь о томъ, какимъ путемъ пришло это знаніе

подозрѣнія своему сосѣду, заключенный терзается мыслію, что на него что-либо донесли, и на этомъ пунктѣ сходитъ съ ума.

НОЧЬ ВОСЬМАЯ

(ПРОДОЛЖЕНІЕ РУКОПИСИ.)

Себастіянъ Бахъ.

Въ одномъ обществѣ, намъ показали человѣка лѣтъ пятидесяти, въ черномъ фракѣ, сухощаваго, грустнаго, но съ огненною, подвижною физіономіею. Онъ, какъ намъ сказывали, уже лѣтъ двадцать занимается престраннымъ дѣломъ: собираетъ коллекціи картинъ, гравюръ, музыкальныхъ сочиненій; для этой цѣли не жалѣетъ онъ ни денегъ, ни времени; часто предпринимаетъ дальнія путешествія для того только, чтобъ отъискать какую-нибудь неопредѣленную черту, случайно брошенную на бумагу живописцемъ, а не то—листокъ исчерченный музыкантомъ; цѣлые дни проводитъ онъ разбирая свои сокровища, то по хронологическому, то по систематическому порядку, то по авторамъ; но чаще всего тщательно всматривается въ эти живописныя черты, въ эти музыкальныя фразы; скла-

дываетъ отрывки вмѣстѣ, замѣчаетъ ихъ отличительный характеръ, ихъ сходство и различіе. Цѣль всѣхъ его изъисканій—доказать, что подъ этими чертами, подъ этими гаммами кроется таинственный языкъ, доселѣ почти неизвѣстный, но общій всѣмъ художникамъ—языкъ, безъ знанія котораго, по его мнѣнію, нельзя понять ни поэзіи вообще, ни какого-либо изящнаго произведенія, ни характера какого-либо поэта. Нашъ изслѣдователь хвалился, что ему удалось найдти смыслъ нѣсколькихъ выраженій этого языка и ими объяснить жизнь многихъ художниковъ; онъ не шутя увѣрялъ, что такое-то движеніе мелодіи означало грусть поэта, другое—радостное для него обстоятельство жизни; такое-то созвучіе говорило о восторгѣ; такая-то кривая линія означала молитву; такимъ-то колоритомъ выражался темпераментъ живописца и проч. Чудакъ преважно разсказывалъ, что онъ трудится надъ составленіемъ словаря этихъ іероглифовъ, и уже въ-послѣдствіи, при этомъ пособіи, издастъ, исправленныя и дополненныя біографіи разныхъ художниковъ; «ибо, присовокуплялъ онъ съ самымъ настойчивымъ педантизмомъ, эта работа очень многосложна и затруднительна: для совершеннаго познанія *внутренняго* языка искусствъ, необходимо изучить всѣ безъ исключенія произведенія художниковъ, а отнюдь не однихъ знаменитыхъ, потому-что, прибавлялъ онъ, поэзія всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ есть одно и то же гармоническое произведеніе; всякій художникъ прибавляетъ къ нему

свою черту, свой звукъ, свое слово; часто мысль, начатая великимъ поэтомъ, договаривается самымъ посредственнымъ; часто темную мысль, зародившуюся въ простолюдинѣ, геній выводитъ въ свѣтъ не мерцающій; чаще поэты, раздѣленные временемъ и пространствомъ, отвѣчаютъ другъ другу какъ отголоски между утесами: развязка «Иліады» хранится въ «Комедіи» Данте; поэзія Байрона есть лучшій коментарій къ Шекспиру; тайну Рафаэля ищите въ Альбертѣ Дюрерѣ; страсбургская колокольня — пристройка къ египетскимъ пирамидамъ; симфоніи Бетховена—второе колѣно симфоній Моцарта.... Всѣ художники трудятся надъ однимъ дѣломъ, всѣ говорятъ однимъ языкомъ: отъ-того всѣ невольно понимаютъ другъ-друга; но простолюдинъ долженъ учиться этому языку, въ потѣ лица отъискивать его выраженія.... такъ дѣлаю я, такъ и вамъ совѣтую.» Впрочемъ, нашъ изслѣдователь надѣялся скоро привести свою работу къ окончанію. Мы упросили его сообщить намъ нѣкоторыя изъ его историческихъ розысканій, и онъ безъ труда согласился на нашу просьбу.

Разсказъ его былъ такъ же страненъ, какъ его занятіе; онъ одушевлялся однимъ чувствомъ, но привычка соединять въ себѣ разнородныя ощущенія, привычка перечувствовывать чувства другихъ, производила въ его рѣчи сбродъ познаній и мыслей часто совершенно разнородныхъ; онъ сердился на то, что ему не достаетъ словъ, дабы сдѣлать рѣчь свою намъ понятною, и употреблялъ для объясне-

нія все, что ему ни попадалось: и химію, и іероглифику, и медицину, и математику; отъ пророческаго тона онъ нисходилъ къ самой пустой полемикѣ, отъ философскихъ разсужденій къ гостинымъ фразамъ: вездѣ смѣсь, пестрота, странность. Но, не смотря на всѣ его недостатки, я жалѣю, что бумага не можетъ сохранить его сердечнаго убѣжденія въ истинѣ словъ, имъ сказанныхъ, его драматическаго участія въ судьбѣ художниковъ, его особеннаго искусства отъ простаго предмета восходить постепенно до сильной мысли и до сильнаго чувства, его грустную насмѣшку надъ обыкновенными занятіями обыкновенныхъ людей.

Когда мы всѣ усѣлись вокругъ него, онъ окинулъ все собраніе насмѣшливымъ взоромъ и началъ такъ:

«Я увѣренъ, милостивые государи, что многіе изъ васъ слыхали—хоть имя Себастіяна Баха; (*) даже, можетъ быть, нѣкоторымъ изъ васъ приносилъ вашъ фортепьянный учитель какую-нибудь сарабанду или жигу, или что-нибудь съ такимъ же варварскимъ названіемъ, доказывалъ вамъ, что эта музыка будетъ очень полезна для выправленія вашихъ пальцевъ— и вы играли, играли, проклина-

(*) Въ то время, когда это писалось, въ Москвѣ имя Себастіяна Баха было извѣстно лишь весьма немногимъ музыкантамъ. Для меня Бахъ былъ почти первою учебною музыкальною книгою, которой бо́льшую часть я зналъ наизусть. Ничто тогда такъ меня не сердило, какъ наивные отзывы любителей о томъ, что они и не слыхивали о Бахѣ.

ли учителя и сочинителя и, вѣрно, спрашивали у самихъ себя: что̀ за охота была этому нѣмецкому органисту прибирать трудности къ трудностямъ, и съ насмѣшкой бросить ихъ въ толпу своихъ потомковъ, какъ лукъ одиссеевъ? Съ-тѣхъ-поръ, посреди блестящихъ, искрометныхъ произведенiй новой школы, вы забыли и Себастiяна Баха, и его однообразные, минорные напѣвы, или одна мысль о нихъ обдаетъ васъ холодомъ, какъ-будто комментарiй къ поэмѣ, предисловiе къ роману, вистъ посреди концерта, Московскiя газеты (*) между иностранными журналами въ палевой веленевой обверткѣ, съ розовыми листочками. Между-тѣмъ, вы встрѣчаете художника съ пламеннымъ сердцемъ, съ возвышеннымъ умомъ, который, въ уединенiи кабинета, изучаетъ творенiя забытаго вами Баха, величаетъ его именемъ вѣчно-юнаго... сказать ли?— равнаго не находитъ ему въ святилищѣ звуковъ.

Васъ удивляетъ это непонятное пристрастiе; вы пробѣгаете мелькомъ произведенiя безсмертнаго; и они вамъ кажутся гробницею какого-то Псамметиха, покрытою iероглифами; между ими и вами ря-

(*) Въ эту эпоху Московскiя газеты (Московскiя вѣдомости) издавались на плохой бумагѣ въ какомъ то старомодномъ форматѣ и съ удивительнымъ во всѣхъ отношенiяхъ неряшествомъ. Извѣстенъ ли читателю характеристическiй анекдотъ въ ту эпоху когда Московскiя вѣдомости увеличили свой форматъ. Это нововведенiе весьма не понравилось бо̀льшей части подписчиковъ. Одинъ подписчикъ писалъ изъ деревни въ Редакцiю: нельзя-ли для него одного печатать экземпляры газеты въ прежнемъ форматѣ, обѣщаясь за то платить вдвое.

ды вѣковъ, разноцвѣтныя облака новыхъ произведеній: они застилаютъ предъ вами таинственный смыслъ этихъ символовъ. Вы спрашиваете портретъ Баха,—но искусство, описанное Лафатеромъ, искусство переряжать лица великихъ людей въ каррикатуры, впрочемъ сохраняя все возможное сходство, еще не исчезло между живописцами,—и, вмѣсто Баха, вамъ показываютъ какого-то брюзгливаго старика съ насмѣшливою миною, съ большимъ напудреннымъ парикомъ,—съ величіемъ директора департамента. Вы принимаетесь за словари, за исторію музыки—о! не ищите ничего въ біографіяхъ Баха: въ нихъ поразитъ васъ одно, что Фридрихъ-Великій, котораго поэтическая душа въ музыкѣ искала убѣжища отъ антипоэтизма своего вѣка и своихъ собственныхъ мыслей, что насмѣшливый вѣнценосецъ преклонялъ колѣно предъ гармоническимъ алтаремъ Себастіяна: біографы Баха, какъ и другихъ поэтовъ, описываютъ жизнь художника, какъ жизнь всякаго другаго человѣка; они разскажутъ вамъ, когда онъ родился, у кого учился, на комъ женился; они готовы доказать вамъ, что Данте принадлежалъ къ партіи гибелиновъ, былъ гонимъ гвельфами, и отъ-того написалъ свою поэму, что Шекспиръ пристрастился къ театру, держа лошадей у подъѣзда, что Шиллеръ въ пламенныхъ стихахъ изливалъ свою душу отъ-того, что ставилъ ноги въ холодную воду, что Державинъ былъ министромъ юстиціи, и отъ-того написалъ «Вельможу»; для нихъ не существуетъ свя-

тая жизнь художника—развитіе его творческой силы, эта настоящая его жизнь, которой одни обломки являются въ происшествіяхъ ежедневной жизни; а они—они описываютъ обломки обломковъ, или... ка̀къ-бы сказать?—какой-то ненужный отсѣдъ, оставшійся въ химическомъ кубѣ, изъ котораго выпарился могучій воздухъ, приводящій въ движеніе колеса огромной машины. Изувѣры! они рисуютъ золотыя кудри поэта, и не видятъ въ немъ, подобно Гердеру, священнаго лѣса друидовъ, за которымъ совершаются страшныя таинства; на костыляхъ входятъ они во храмъ искусства, какъ древле недужные входили въ храмъ эскулаповъ, впадаютъ въ животный сонъ, пишутъ грезы на мѣдныхъ доскахъ, во обманъ потомкамъ, и забываютъ о богѣ храма.

Матеріалы для жизни художника одни: его произведенія. Будь онъ музыкантъ, стихотворецъ, живописецъ,—въ нихъ найдете его духъ, его характеръ, его физіономію, въ нихъ найдете даже тѣ происшествія, которыя ускользнули отъ метрическаго пера историковъ. Трудно выпытать творца изъ творенія, какъ трудно открыть тайну Всесоздателя въ глыбахъ гнейса и кристаллахъ оксинита горъ первородныхъ; но одна вселенная вѣщаетъ намъ о Всемогущемъ,—одни произведенія говорятъ о художникѣ. Не ищите въ его жизни происшествій простолюдина,—ихъ не было; нѣтъ минутъ непоэтическихъ въ жизни поэта; всѣ явленія бытія освѣщены для него незаходимымъ солнцемъ души

его, и она, какъ мемнонова статуя, безпрерывно издаетъ гармоническіе звуки....

Семейство Баховъ сдѣлалось извѣстнымъ въ Германіи около половины XVI-го столѣтія. Нѣмецкіе писатели, собиравшіе матеріалы о семъ семействѣ, начинаютъ его исторію съ того времени, когда глава его, Фохтъ Бахъ, гонимый за вѣру, переселился изъ Пресбурга въ Турингію. Наши господа-историки занимаются очень важными дѣлами,—ну что́ бы имъ значило доказать, что Фохтъ Бахъ принадлежалъ къ славянскому поколѣнію, подобно Гайдну и Плейелю (въ чемъ почти нѣтъ никакого сомнѣнія) и превратить мое нравственное убѣжденіе въ историческое? (*) Вѣдь имъ бы сто́яло только написать статью, потомъ другую, да хорошенько испестрить ссылками, а потомъ сослаться на эту статью, какъ на дѣло рѣшенное: вѣдь они основываютъ же первые вѣка русской исторіи на сборникѣ монаха, для препровожденія времени списывавшаго гофмановскія повѣсти византійскихъ лѣтописцевъ! И кто до Нибура сомнѣвался въ существованіи Ромула и Нумы-Помпилія? давно ли троянская война выпущена изъ введеній къ исторіямъ всѣхъ народовъ?

А это, право, стоитъ работы. Здѣсь идетъ дѣло не

(*) Довольно любопытно, что эта мысль, наведенная просто характеромъ нѣкоторыхъ мелодій Баха, въ послѣдствіи нашла себѣ дѣйствительно нѣкоторое историческое подтвержденіе. Бахъ есть не имя, а—*прозвище*.

о спорахъ удѣльныхъ князьковъ за дюжину деревянныхъ избушекъ, не о куньихъ мордкахъ, но о многочисленномъ семействѣ, въ продолженіи нѣсколькихъ поколѣній сохранившемъ поэтическое чувство:—явленіе безпримѣрное въ лѣтописяхъ изящныхъ искусствъ и физіологіи. Долго ли намъ, вмѣстѣ съ компаніей промышленниковъ, поселившихся въ Сѣверной-Америкѣ и съ европейскими Китайцами, которыхъ обыкновенно называютъ Англичанами, почитать поэзію за излишнюю стихію въ политическомъ обществѣ, и внутреннюю сущность жизни взвѣшивать на деньги, доказывать, что она ничего не вѣситъ, и потомъ простосердечно удивляться бѣдствіямъ общества и бѣдствіямъ человѣка?

Въ-самомъ-дѣлѣ, чувство религіозное и любовь къ гармоніи свыше осѣнили семью Баховъ. Въ безмятежной пристани, Фейтъ посвящалъ простосердечные дни своимъ дѣтямъ и музыкѣ; въ-теченіе времени, дѣти его разошлись по разнымъ краямъ Германіи; каждый изъ нихъ завелъ свое семейство, каждый велъ жизнь тихую и простую, подобно отцу своему, и каждый въ храмѣ Господнемъ возвышалъ души христіанъ духовною музыкою; но въ назначенный день въ году, они всѣ соединялись, какъ разрозненные звуки одного и того же созвучія, посвящали цѣлый день музыкѣ и снова расходились къ своимъ прежнимъ занятіямъ.

Въ одномъ изъ этихъ семействъ родился Себастіянъ; вскорѣ потомъ умерли отецъ и мать его: природа сотворила ихъ, чтобъ произвести велика-

го мужа и потомъ уничтожила, какъ предметы, болѣе ненужные. Себастіянъ остался на рукахъ Іоганна Христофора, своего старшаго брата.

Іоганнъ Христофоръ Бахъ былъ человѣкъ важный въ своемъ околодкѣ. Онъ никогда не забывалъ, что отецъ его, Амвросій Бахъ, былъ *гоф-унд-ратс-музикусъ* въ Эйзенахѣ, а дядя его, также Іоганнъ Христофоръ Бахъ — *гоф-унд-штатс-музикусъ* въ Арнштадтѣ, и что онъ самъ имѣетъ честь быть органистомъ ордруфской соборной церкви (*). Онъ уважалъ свое искусство, какъ почтенную, старую женщину, и былъ съ нимъ вѣжливъ, остороженъ и почтителенъ до чрезвычайности. Бюффонъ перенялъ у Христофора Баха привычку приниматься за работу не иначе, какъ во всемъ парадѣ. Дѣйствительно, Христофоръ садился за клавикордъ или за орга́ны не иначе, какъ въ чулкахъ и башмакахъ, и въ пукляхъ съ кошелькомъ, величественно возлегавшимъ по плисовому оранжевому кафтану, между двумя стразовыми блестящими пуговицами; никогда ни *септима*, ни *нона*, безъ приготовленія, не вырывались изъ-подъ его пальцевъ; не только въ церкви, но даже дома, даже изъ любопытства Христофоръ не позволялъ себѣ этого въ его молодости бывшаго нововведенія, которое онъ называлъ неуваженіемъ

(*) Себ. Бахъ род. въ Эйзенахѣ 1865 Марта 21, умеръ 1750 Іюля 30 (по Real-Enziclopädie—Іюля 28). Христофоръ Бахъ былъ его Zwillingsbruder. Старшій братъ Баха назывался: Iohann Cristopf и былъ органистомъ въ Ордруфѣ. Reissman—Von Bach zu Wagner—1861. Berlin p. 4

къ искусству. Изъ музыкальныхъ теоретиковъ онъ зналъ лишь Гаффорія «Opus Musicae Disciplinae» (*) и держался этой дисциплины, какъ воинской; 40 лѣтъ онъ прожилъ органистомъ одной и той же церкви; 40 лѣтъ каждое воскресенье игралъ почти одинъ и тотъ же хораль, 40 лѣтъ, одну и ту же къ нему прелюдію, и только по большимъ праздникамъ присоединялъ къ ней въ нѣкоторыхъ мѣстахъ одинъ форшлагъ и два триллера, и тогда слушатели говорили между собою: «о! сегодня нашъ Бахъ разгорячился!» Но за то онъ былъ извѣстенъ за чрезвычайнаго искусника составлять тѣ музыкальныя загадки, которыя, по тогдашнему обычаю, задавали музыканты другъ другу: никто труднѣе Христофора не выдумывалъ хода канону (**); ни-

---

(*) Gaforus oder Gafurius какъ написано въ *Valthem* Musik Lexicon Leipzig—1732 p. 270. Самый этотъ лексиконъ уже библіографическая рѣдкость. На приложенной къ лексикону гравюрѣ изображенъ органистъ, играющій на органѣ и за нимъ капельмейстеръ и оркестръ; гдѣ замѣчательно, что смычки скрипокъ, или точнѣе віолъ—не прямые, но согнутые, почти какъ контрабасные; еще любопытны весьма длинныя трубы, нынѣ уже несуществующія. На стѣнѣ виситъ волторна, теорба и нѣчто похожее на рожки. Всѣ музыканты разумѣется въ огромныхъ парикахъ, съ косами, чулкахъ и башмакахъ.

Мнѣ удалось видѣть лишь два сочиненія Гафурія въ дивной библіотекѣ Сергѣя Александровича Соболевскаго; оба — суть величайшая библіографическая рѣдкость и высшей важности для исторіи музыки; одно Practica musica Franchini Gafori Londensis. Milano 1496—in 4⁰ и другое: Franchini Gafurii....de Harmonia musicorom instrumentorum opus. Milano 1518 in 4⁰

(**) Знающіе музыку, догадаются, что здѣсь дѣло идетъ о томъ, что Нѣмцы называютъ Räthsel-Canon; для незнаю-

кто не пріискивалъ ему замысловатѣе эпиграфа. Неподвижный даже въ выборѣ разговора, онъ въ веселый часъ обыкновенно говорилъ только о двухъ предметахъ: 1-е, о заданномъ имъ канонѣ съ эпиграфомъ: sit trium series una (*), въ которомъ голоса должны были идти *блошинымъ* шагомъ и котораго не могли разрѣшить всѣ эйзенахскіе контрапунктисты, и 2-е, о черной обѣднѣ (messa nigra), сочиненіи его современника Керля, такъ названной потому, что въ ней были употреблены не однѣ бѣлыя ноты, но и четверти, что́ тогда почиталось удивительною смѣлостью. Христофоръ Бахъ удивлялся ему, но называлъ вреднымъ нововведеніемъ, которое нѣкогда должно будетъ въ конецъ разорить музыкальное искусство. Слѣдуя симъ-то правиламъ, Христофоръ Бахъ занимался музыкальнымъ воспитаніемъ своего меньшаго брата Себастіяна; онъ любилъ его какъ сына, и потому не давалъ ему поблажки. Онъ написалъ на нотномъ листочкѣ прелюдію, и заставилъ Себастіяна играть ее по нѣскольку часовъ въ день, не показывая ему никакой другой музыки; а по истеченіи двухъ лѣтъ, перевернулъ нотный листокъ вверхъ ногами и заставилъ Себастіяна въ этомъ новомъ видѣ разъигрывать ту же прелюдію, и также въ продолженіи двухъ лѣтъ; а чтобъ Себастіянъ не вздумалъ

щихъ музыки тщетно хотѣлъ бы я объяснить значеніе этого слова.

(*) Читателямъ веберовой „Цециліи“ извѣстно, что подобный канонъ былъ заданъ и музыкантамъ XIX столѣтія.

портить своего вкуса какой-нибудь фантазіей, онъ никогда не забывалъ запирать своего клавихорда, выходя изъ дома. По той же причинѣ тщательно скрывалъ онъ отъ Себастіяна всѣ произведенія новѣйшихъ музыкантовъ, хотя самъ уже не совсѣмъ слѣдовалъ правиламъ Гаффорія; но дабы наиболѣе утвердить Себастіяна въ началахъ чистой гармоніи, не давалъ ему читать никакой другой книги; часто свои объясненія на нее перерывалъ сильными выходками противъ Итальянцевъ; въ доказательство показывалъ на приведенную Гаффоріемъ въ примѣръ Litaniae mortuorum discordantes, музыку, всю составленную изъ диссонансовъ, и старался вселить въ юную душу Себастіяна ужасъ къ такому беззаконію. Часто слыхали, какъ Христофоръ хвалился, что, слѣдуя своей системѣ, онъ черезъ 30 лѣтъ сдѣлаетъ своего меньшаго брата первымъ органистомъ въ Германіи.

Себастіянъ почиталъ Христофора какъ отца и, по древнему обычаю, безпрекословно во всемъ ему повиновался; ему и въ мысль не приходило сомнѣваться въ братнемъ благоразуміи; онъ игралъ, игралъ, училъ, училъ, и прямо, и вверхъ ногами, четырехлѣтнюю прелюдію своего наставника; но наконецъ природа взяла свое: Себастіянъ замѣтилъ у Христофора книгу, въ которую послѣдній вписывалъ различныя жиги, сарабанды, мадригалы знаменитыхъ тогда Фроберга, Фишера, Пахельбеля, Букстегуда; въ ней также находилась и славная керлева черная обѣдня, о которой Христо-

форъ не могъ говорить равнодушно. Часто Себастіянъ заслушивался, когда братъ его медленно, задумываясь на каждой нотѣ, принимался разъигрывать эти завѣтныя произведенія. Однажды, онъ не утерпѣлъ и робко, сквозь зубы, попросилъ Христофора позволить ему испытать свои силы надъ этими іероглифами.

Христофору показалось такое требованіе непростительною въ молодомъ человѣкѣ самонадѣянностію; онъ съ презрѣніемъ улыбнулся, прикрикнулъ, притопнулъ и поставилъ книгу на прежнее мѣсто.

Себастіянъ былъ въ отчаяніи; и днемъ и ночью недоконченныя фразы запрещенной музыки звенѣли въ ушахъ его; ихъ докончить, разгадать смыслъ ихъ гармоническихъ соединеній—сдѣлалось въ немъ страстію, болѣзнію. Однажды ночью, мучимый безсонницею, юный Себастіянъ напѣвалъ потихоньку, стараясь подражать звукамъ глухаго клавихорда, нѣкоторыя фразы завѣтной книги, оставшіяся у него въ памяти, но многаго онъ не понималъ и многаго не помнилъ. Наконецъ, выбившись изъ силъ, Себастіянъ рѣшился на дѣло страшное: онъ поднялся по-тихоньку съ постели на цыпочки и, пользуясь свѣтлымъ луннымъ сіяніемъ, подошелъ къ шкапу, засунулъ рученку въ его рѣшетчатыя дверцы, выдернулъ таинственную тетрадь, раскрылъ ее.... Кто опишетъ восторгъ его? мертвыя ноты зазвучали предъ нимъ; то, чего тщетно онъ отъискивалъ въ неопредѣленныхъ представленіяхъ памяти,—то ясно выговаривалось ими. Цѣлую

ночь провелъ онъ въ этомъ занятіи, съ жадностію перевертывая листы, напѣвая, ударяя пальцами по столу, какъ-бы по клавишамъ, безпрестанно увлекаясь юнымъ, пламеннымъ порывомъ и безпрестанно пугаясь каждаго своего, нѣсколько громкаго звука, отъ котораго могъ проснуться строгій Христофоръ. Поутру, Себастіянъ положилъ книгу на прежнее мѣсто, давъ себѣ слово еще разъ повторить свое наслажденіе. Едва онъ могъ дождаться ночи и едва она наступила, едва Христофоръ выкурилъ и поколотилъ о столъ свою фарфоровую трубку, какъ Себастіянъ опять за работу; луна свѣтитъ, листы перевертываются, пальцы стучатъ по деревянной доскѣ, трепещущій голосъ напѣваетъ величественные тоны, приготовленные для органа во всемъ его безконечномъ великолѣпіи... Вдругъ у Себастіяна раждается мысль сдѣлать это наслажденіе еще болѣе сподручнымъ: онъ достаетъ листы нотной бумаги и, пользуясь слабымъ свѣтомъ луны, принимается списывать завѣтную книгу; ничто его не останавливаетъ,—не рябитъ въ молодыхъ глазахъ, сонъ не клонитъ молодой головы, лишь сердце его бьется и душа рвется за звуками... О, господа, этотъ восторгъ былъ не тотъ восторгъ, который находитъ на насъ къ концу обѣда и проходитъ съ пищевареніемъ, и не тотъ, который называютъ наши поэты мимолетнымъ: восторгъ Себастіяна длился шесть мѣсяцевъ, ибо шесть мѣсяцевъ употребилъ онъ на свою работу,— и во все это время, каждую ночь, какъ пламенная

дѣва, приходило къ нему знакомое наслажденіе: оно не вспыхивало и не гасло, оно тлѣло тихо, ровнымъ, но сильнымъ огнемъ, какъ тлѣетъ металлъ, очищаясь въ плавильномъ горнилѣ. Вдохновеніе Себастіяна, въ это время, какъ и во все время земнаго бытія его, было вдохновеніе, возведенное въ степень терпѣнія. Уже работа, изнурившая его силы, испортившая на всю жизнь его зрѣніе, приходила къ окончанію, какъ однажды, когда днемъ Себастіянъ хотѣлъ полюбоваться на свое сокровище, Христофоръ вошелъ въ комнату; едва взглянулъ онъ на книгу, какъ угадалъ хитрость Себастіяна и, не смотря ни на просьбы, ни на горькія его слезы, жестокосердый съ хладнокровіемъ бросилъ въ печь долгій и тяжкій трудъ бѣднаго мальчика. Удивляйтесь, господà, послѣ этого вашему миѳологическому Бруту: я здѣсь разсказываю вамъ не мертвый вымыселъ, а живую дѣйствительность, которая выше вымысла. Христофоръ нѣжно любилъ своего брата, понималъ, кàкъ тяжко огорчитъ онъ его геніальную душу, отнявъ у него плодъ долгой и тяжкой работы, видѣлъ его слезы, слышалъ его стоны,—и все это весело принесъ въ жертву своей системѣ, своимъ правиламъ, своему образу мыслей. Не выше ли онъ Брута, господа? или по крайней мѣрѣ, не равенъ ли этотъ подвигъ съ знаменитѣйшими подвигами языческой добродѣтели?

Но Себастіянъ не имѣлъ нашего высокаго понятія объ общественныхъ добродѣтеляхъ, не понялъ всего величія христофорова поступка: комната за-

вертѣлась вокругъ него, онъ готовъ былъ въ слѣдъ за своею работою отправить и экземпляръ этого проклятаго Гаффорія, который былъ всему виною,— а я долженъ предувѣдомить гг. библіомановъ, что этотъ экземпляръ, подвергавшійся столь явной опасности, былъ ни больше, ни меньше, какъ напечатанный въ Неаполѣ per Franciscum de Dino, anno Domini 1480 in 4⁰, то-есть editio princeps, и что, можетъ-быть, это былъ тотъ самый, едва-ли не единственный экземпляръ, который сохранился до нашего времени. Но богъ библіоманіи, неизвѣстный древнимъ, спасъ драгоцѣнное изданіе и обратилъ Немезиду на голову Христофора, который вскорѣ послѣ сего происшествія умеръ, какъ мы увидимъ ниже. Это также нѣчто въ родѣ исторіи Брутовъ, и я увѣренъ, что оно попадетъ въ какую нибудь хрестоматію въ число поучительныхъ историческихъ примѣровъ.

Незадолго передъ кончиною Христофора, насталъ день, въ который Себастіянъ долженъ былъ явиться на такъ называемую въ лютеранской церкви конфирмацію. Христофоръ Бахъ пожелалъ, чтобъ это важное происшествіе въ жизни протестанта случилось при могилѣ общаго отца ихъ, дабы она была, такъ-сказать, свидѣтелемъ, что старшій братъ вполнѣ исполнилъ родительскую обязанность. Для сего въ первый разъ завили букли Себастіяну, напудрили его, придѣлали кошелекъ, сшили ему французскій полосатый кафтанъ изъ стараго бабушкина робронда и повезли въ Эйзенахъ.

Здѣсь, въ первый разъ, Себастіянъ услышалъ звуки органа. Когда полное, потрясающее сердце созвучіе, какъ дуновеніе бури, слетѣло съ готическихъ сводовъ,—Себастіянъ позабылъ все его окружающее; это созвучіе, казалось, оглушило его душу; онъ не видалъ ничего—ни великолѣпнаго храма, ни рядомъ съ нимъ стоявшихъ юныхъ исповѣдницъ, почти не понималъ словъ пастора, отвѣчалъ, не принимая никакого участія въ словахъ своихъ; всѣ нервы его, казалось, наполнились этимъ воздушнымъ звукомъ, тѣло его невольно отдѣлялось отъ земли... онъ не могъ даже молиться. Христофоръ сердился и не могъ понять, отъ-чего прилежный, смиренный, кроткій, даже робкій Себастіянъ, столь твердо выучившій катихизисъ въ Ордруфѣ, хуже всѣхъ, и какъ-будто съ досадою отвѣчалъ пастору въ Эйзенахѣ, отъ-чего Себастіянъ замаралъ свой кафтанъ объ стѣну, оставилъ на башмакѣ пряжку незастегнутою, былъ разсѣянъ, невѣжливъ, толкалъ своихъ сосѣдей, не уступалъ мѣста старикамъ и не умѣлъ никому выговорить одну изъ тѣхъ длинныхъ кудрявыхъ фразъ, которыми Нѣмцы въ то время измѣряли степень своего уваженія. Въ понятіяхъ Христофора музыка соединялась со всѣми семейными и общественными обязанностями: фальшивая квинта и невѣжливое слово были для него совершенно одно и то же, и онъ былъ твердо увѣренъ, что человѣкъ, не наблюдающій всѣми принятыхъ обыкновеній, невѣжливый, неопрятно одѣтый, никогда не можетъ быть

хорошимъ музыкантомъ и наоборотъ,—и въ добромъ Христофорѣ зародилось грустное сомнѣніе: не уже-ли онъ ошибся въ своей системѣ, или лучше сказать въ своемъ братѣ, и изъ Себастіяна не выйдетъ ничего путнаго?

Это сомнѣніе обратилось въ увѣренность, когда послѣ обѣдни онъ повелъ Себастіяна къ Банделеру, славному органному мастеру того времени и родственнику семейства Баховъ. Послѣ обѣда, веселый Банделеръ, по старинному обычаю, предложилъ собесѣдникамъ спѣть такъ-называемый Quodlibet—родъ музыки, бывшей тогда въ большомъ употребленіи; въ ней всѣ участвовавшіе пѣли народныя пѣсни, всѣ вмѣстѣ, но каждый свою, и за величайшее искусство почиталось вести свой голосъ такъ, чтобъ онъ, не смотря на разноголосицу, составлялъ съ другими голосами чистую гармонію. Бѣдный Себастіянъ попадалъ безпрестанно въ фальшивыя квинты, и немудрено: онъ засматривался, засматривался, увы! не на кроткую и прекрасную Энхенъ, дочь Банделера, которой живой портретъ можете видѣть въ Эрмитажѣ, въ изображеніи молодой дѣвушки, нарисованной Лукою Кранахомъ,—Себастіянъ засматривался на огромныя деревянныя и свинцовыя трубы, клавиши, педали и другія принадлежности недоконченнаго органа, находившіяся въ столовой комнатѣ; его юный умъ, пораженный видомъ этого хаоса, трудился надъ разрѣшеніемъ задачи: какимъ образомъ столь низкіе предметы порождаютъ вели-

чественную гармонію? Христофоръ былъ въ отчаяніи.

Послѣ обѣда, старики развеселились, разговорились. Христофоръ Бахъ уже выкурилъ десятую трубку, уже въ десятый разъ разсказывалъ анекдотъ про свой канонъ и про арнштадскихъ органистовъ, и уже въ десятый разъ всѣ присутствующіе принимались смѣяться отъ чистаго сердца,—когда замѣтили, что Себастіянъ исчезъ. Общее смятеніе. Туда, сюда—нѣтъ Себастіяна; Христофоръ въ первую минуту подумалъ, что Себастіянъ, уставшій отъ дневныхъ хлопотъ, захотѣлъ ранѣе лечь въ постелю; но онъ ошибся: Себастіянъ не возвращался. Христофоръ, не нашедши его дома, разсердился, огорчился, выкурилъ трубку и заснулъ въ обыкновенное время.

И немудрено, что не отъискали Себастіяна. Никому не могло прійдти въ голову, что онъ, въ то время, по узкимъ эйзенахскимъ улицамъ пробирался къ соборной церкви. Мысль—разсмотрѣть, откуда и какъ происходятъ тѣ волшебные звуки, которые поразили его душу еще поутру, во время обѣдни, зародилась въ головѣ Себастіяна, и онъ положилъ: во что бы то ни стало доставить себѣ это наслажденіе.

Долго искалъ онъ входа въ церковь. Главныя врата были заперты; уже Себастіянъ готовъ былъ забраться по наружной стѣнѣ въ открытое въ двухъ саженяхъ отъ земли окошко, не боясь ни сломить головы, ни навлечь на себя подозрѣнія въ свято-

татствѣ, когда вдругъ, къ великой радости, онъ увидѣлъ низенькую, не крѣпко притворенную дверь; онъ толкнулъ,—дверь отворилась; маленькая круглая лѣстница представилась глазамъ его; дрожа отъ страха и радости, онъ быстро побѣжалъ по ней, шагая черезъ нѣсколько ступеней, и наконецъ очутился въ какомъ-то узкомъ мѣстѣ... передъ нимъ ряды колоннъ, разной величины мѣхи, готическія украшенія. Луна, и теперь покровительствовавшая ему, мелькнула въ разноцвѣтныя стекла полукруглыхъ окошекъ, и Себастіянъ едва не вскрикнулъ отъ восхищенія, когда увидѣлъ, что находится на томъ мѣстѣ, гдѣ поутру видѣлъ органиста; смотритъ—передъ нимъ и клавиши,— какъ-будто манятъ его извѣдать его юныя силы; онъ бросается, сильно ударяетъ по нимъ, ждетъ, какъ полногласный звукъ грянетъ о своды церкви, — но органъ, какъ-будто стонъ гнѣвнаго мужа, раздался, испустилъ нестройное созвучіе по храму и умолкнулъ. Тщетно Себастіянъ бралъ тотъ и другой аккордъ, тщетно трогалъ то одну, то другую клавіатуру, тщетно выдвигалъ и вдвигалъ находившіяся вблизи рукоятки,—органъ молчалъ, и только глухой костяной стукъ отъ клавишей, приводившихъ въ движеніе клапаны трубъ, какъ-будто насмѣхался надъ усиліями юноши. Холодъ пробѣжалъ по жиламъ Себастіяна: онъ помыслилъ, что Богъ наказываетъ его за святотатство, и что органу суждено навсегда молчать подъ его рукою; эта мысль привела его почти въ безпамятство; но нако-

нецъ онъ вспомнилъ видѣнные имъ мѣхи и съ улыбкою догадался, что безъ ихъ движенія органъ играть не можетъ, что первый звукъ, имъ слышанный, происходилъ отъ небольшаго количества воздуха, оставшагося въ какомъ-либо воздухопроводѣ; онъ подосадовалъ на свое невѣжество и бросился къ мѣхамъ; сильною рукою онъ приводилъ ихъ въ движеніе, и потомъ опрометью бѣгалъ къ клавіатурѣ, чтобы воспользоваться тѣмъ количествомъ воздуха, которое не успѣвало вылетать изъ мѣха, пока онъ добѣгалъ до клавіатуры; но тщетно,—не вполнѣ потрясенныя трубы издавали лишь нестройные звуки, и Себастіянъ обезсилѣлъ отъ долгаго движенія. Чтобъ не потерять напрасно плодовъ своего ночнаго путешествія, онъ вознамѣрился по-крайней-мѣрѣ осмотрѣть это чудное для него произведеніе искусства. По узкой лѣстницѣ, едва приставленной къ верхнему этажу органа, онъ пробрался въ его внутренность. Съ изумленіемъ смотрѣлъ онъ на все его окружавшее: здѣсь огромныя четвероугольныя трубы, какъ-будто остатки отъ древняго греческаго зданія, тянулись стѣною одна надъ другой, а вокругъ ихъ ряды готическихъ башень возвышали свои остроконечныя металлическія колонны; съ любопытствомъ разсматривалъ онъ воздухопроводы, которые, какъ жилы огромнаго организма, соединяли трубы съ несметными клапанами клавишей, чудно устроенную машину, неиздающую никакого особеннаго звука, но громкое сотрясеніе воздуха, соединяющееся со всѣми звуками,

которому никакой инструментъ подражать не можетъ...

Вдругъ онъ смотритъ: четвероугольные столбы подымаются съ мѣстъ своихъ, соединяются съ готическими колоннами, становятся рядъ за рядомъ, еще.... еще—и взорамъ Себастіяна явилось безконечное, дивное зданіе, котораго на яву описать не можетъ бѣдный языкъ человѣческій. Здѣсь таинство зодчества соединялось съ таинствами гармоніи; надъ обширнымъ, убѣгающимъ во всѣ стороны отъ взора помостомъ, полныя созвучія пересѣкались въ образѣ легкихъ сводовъ и опирались на безчисленныя ритмическія колонны; отъ тысячи курильницъ восходилъ благоухающій дымъ, и всю внутренность храма наполнялъ радужнымъ сіяніемъ... Ангелы мелодіи носились на легкихъ облакахъ его, и исчезали въ таинственномъ лобзаніи; въ стройныхъ геометрическихъ линіяхъ воздымались сочетанія музыкальныхъ орудій; надъ святилищемъ восходили хоры человѣческихъ голосовъ; разноцвѣтныя завѣсы противозвучій свивались и развивались предъ нимъ, и хроматическая гамма игривымъ барельефомъ струилась по карнизу... Все здѣсь жило гармоническою жизнію, звучало каждое радужное движеніе, благоухалъ каждый звукъ,—и невидимый голосъ внятно произносилъ таинственныя слова религіи и искусства...

Долго длилось сіе видѣніе. Пораженный пламеннымъ благоговѣніемъ, Себастіянъ упалъ ницъ на землю, и мгновенно звуки усилились, загремѣли,

земля затряслась подъ нимъ, и Себастіянъ проснулся. Величественные звуки еще продолжались, съ ними сливается говоръ голосовъ... Себастіянъ осматривается: дневной свѣтъ поражаетъ глаза,—онъ видитъ себя во внутренности органа, гдѣ вчера онъ заснулъ обезсиленный своими трудами.

Себастіянъ никакъ не могъ увѣрить воего брата, что провелъ ночь въ церкви, играя на орга́нѣ; невольное движеніе души, руководившее Себастіяна въ семъ случаѣ, было непонятно Христофору. Напрасно говорилъ ему Себастіянъ о непостижимомъ чувствѣ, которое увлекло его, о своемъ нетерпѣніи, о своемъ восторгѣ. Христофоръ отвѣчалъ, что ему самому это все извѣстно, что дѣйствительно восторгъ долженъ существовать въ музыкантѣ, какъ о томъ пишетъ и Гаффорій, но что для восторга должно выбирать пристойное время; онъ доказывалъ убѣдительными доводами и примѣрами, что всякій восторгъ, всякая страсть должна основываться на правилахъ благоразумія и пристойнаго поведенія, точно такъ же, какъ всякая музыкальная идея на правилахъ контрапункта, а не на нарушеніи всѣхъ правилъ, приличій и обычаевъ; что увлекаться какимъ бы то ни было чувствомъ есть дѣло человѣка безнравственнаго и неблаговоспитаннаго; за симъ непосредственно, онъ съ новымъ жаромъ начиналъ упрекать Себастіяна, напоминая ему, что ни отцу, ни дѣду его, ни прадѣду никогда не случалось не ночевать дома, и въ заключеніе приписывалъ все бывшее съ Себастіяномъ выдум-

кѣ молодаго человѣка, который хочетъ ею прикрыть какія-нибудь непозволительныя шалости.

Это происшествіе утвердило Христофора въ мысли, что Себастіянъ—человѣкъ погибшій, и столько огорчило его, что причинило ему болѣзнь, отъ которой онъ въ скорости переселился въ вѣчную жизнь. Себастіянъ ужаснулся, не нашедши у себя въ сердцѣ полнаго сожалѣнія о потерѣ своего воспитателя.

Себастіянъ не возвращался болѣе въ Ордруфъ, но, оставшись въ Эйзенахѣ, посвятилъ жизнь свою развитію своего музыкальнаго дара (*). Съ благоговѣніемъ онъ выслушивалъ уроки разныхъ славныхъ органистовъ, находившихся въ этомъ городѣ, но ни одинъ изъ нихъ не удовлетворялъ его неумолимой любознательности. Тщетно выспрашивалъ онъ у своихъ учителей тайны гармоніи; тщетно спрашивалъ ихъ, какимъ образомъ наше ухо понимаетъ соединенія звуковъ? отъ-чего чувства слуха нельзя повѣрить никакимъ другимъ физическимъ чувствомъ? отъ-чего такое соединеніе однихъ и тѣхъ же звуковъ приводитъ въ восторгъ, а другое раздираетъ слухъ? Учители отвѣчали ему услов-

(*) Въ одну изъ моихъ заграничныхъ поѣздокъ я нарочно остановился въ Эйзенахѣ и разумѣется прежде всего спросилъ: гдѣ домъ Себастіяна Баха. Трактирный лакей долго не возвращался, но наконецъ пришелъ ко мнѣ съ извѣстіемъ, что Господина Баха въ Эйзенахѣ уже нѣтъ.—Гдѣ же онъ? спросилъ я. „*Говорятъ*, что Г. Бахъ умеръ“, отвѣчалъ аккуратный лакей.

ными искусственными правилами, но эти правила не удовлетворяли ума его; то чувство о музыкѣ, которое осталось въ его душѣ послѣ таинственнаго его видѣнія, было ему понятнѣе, но словами онъ самъ не могъ себѣ дать въ немъ отчета.

Воспоминаніе объ этомъ видѣніи не оставляло Себастіяна ни на минуту; онъ не могъ бы вполнѣ даже расказать его, но впечатлѣніе, произведенное этимъ чувствомъ, жило и мѣшалось со всѣми его мыслями и чувствами, и накидывало на нихъ какъ-бы радужное покрывало. Когда онъ разсказывалъ о семъ Банделеру, котораго не переставалъ посѣщать послѣ смерти Христофора, старикъ смѣялся и совѣтовалъ ему не думать о грезахъ, а употреблять свое время на изученіе органнаго мастерства, увѣряя, что оно можетъ доставить ему безбѣдное на всю жизнь пропитаніе.

Себастіанъ, въ простотѣ сердца, почти вѣрилъ словамъ Банделера и негодовалъ на себя, зачѣмъ сновидѣніе, такъ часто и противъ его воли, приходитъ къ нему въ голову.

Въ-самомъ-дѣлѣ, Себастіянъ въ скоромъ времени переселился къ Банделеру, и со всѣмъ возможнымъ рвеніемъ принялся учиться его ремеслу, а потомъ и помогать ему. Съ величайшимъ раченіемъ онъ обтачивалъ клавиши, вымѣривалъ трубы, придѣлывалъ поршни, выгибалъ проволоку, обклеивалъ клапаны; но часто работа выпадала у него изъ рукъ, и онъ съ горестію помышлялъ о неизмѣримомъ разстояніи, раздѣлявшимъ чувство, возбужден-

ное въ немъ таинственнымъ его видѣніемъ, отъ ремесла, на которое онъ былъ осужденъ; смѣхъ работниковъ, ихъ пошлыя шутки, визгъ настроиваемыхъ органовъ выводили его изъ задумчивости, и онъ, упрекая себя въ своемъ ребяческомъ мечтательствѣ, снова принимался за работу. Банделеръ не замѣчалъ такихъ горькихъ минутъ души Себастіяновой; онъ видѣлъ только его прилежаніе, и въ головѣ старика вертѣлись другія мысли: онъ часто ласкалъ Себастіяна при своей Энхенъ, или ласкалъ свою Энхенъ при Себастіянѣ; часто заводилъ онъ рѣчь объ ея искусствѣ вести расходъ и заниматься другимъ домашнимъ хозяйствомъ, потомъ о ея набожности, а иногда и о миловидности. Энхенъ краснѣла, умильно посматривала на Себастіяна, и съ нѣкотораго времени стали замѣчать въ домѣ, что она съ бо́льшимъ раченіемъ начала крахмалить и выглаживать свои манжеты, и еще съ бо́льшимъ прилежаніемъ и гораздо больше времени, нежели прежде, проводить на кухнѣ и за домашними счетами.

Однажды, Банделеръ объявилъ своимъ домашнимъ, что у него будетъ къ обѣду старый его товарищъ, недавно пріѣхавшій въ Эйзенахъ, люнебургскій органный мастеръ, Іоганнъ Албрехтъ. «Я его до сихъ поръ люблю» говорилъ Банделеръ: «онъ человѣкъ добрый и тихій, истинный христіанинъ, и могъ бы даже быть славнымъ органнымъ мастеромъ; но человѣкъ странный; за все хватается: мало ему органовъ, нѣтъ! онъ хочетъ дѣ-

лать и органы, и клавихорды, и скрипки, и теорбы; и надъ всѣмъ этимъ ужь мудритъ, мудритъ— и что́ же изъ этого выходитъ? Слушайте, молодые люди! Закажутъ ему органъ—онъ возьметъ и, нѐчего сказать, работаетъ рачительно—не мѣсяцъ, не два, а годъ и больше,—да не утерпитъ, ввернетъ въ него какую-нибудь новую штуку, къ которой не привыкли наши органисты; органъ у него и останется на рукахъ; радъ, радъ, что продастъ его за полцѣны. Скрипку ли станетъ дѣлать... Вотъ сосѣдъ нашъ Клоцъ—онъ нашелъ секретъ: возьметъ скрипку стараго мастера Штейнера, сниметъ съ нея мѣрку, вырѣжетъ доску точь-въ-точь, по ней и дужку подгонитъ, и подставку поставитъ, и колки ввернетъ, и выйдетъ у него изъ рукъ не скрипка, а чудо; отъ того у него скрипки на расхватъ берутъ, не только что въ нашей благословенной Германіи, но и во Франціи, и въ Италіи— и вотъ посмотрите, нашъ сосѣдъ какой себѣ домикъ выстроилъ. Старикъ же Албрехтъ?—станетъ онъ мѣрку снимать... все вычисляетъ, да вымѣриваетъ, ищетъ въ скрипкѣ какой-то математической пропорціи: то сниметъ съ нея четвертую струну, то опять навяжетъ, то выгнетъ деку, то выпрямитъ, то сдѣлаетъ ее вздутою, то плоскою—и ужь хлопочетъ, хлопочетъ; а что выходитъ? Повѣрите ли, вотъ ужь двадцать лѣтъ, какъ ему не удалось сдѣлать ни одной порядочной скрипки. Между-тѣмъ, время идетъ, а торговля его никакъ не подвигается: все онъ какъ-будто въ первый разъ заводитъ

мастерскую... Не берите съ него примѣра, молодые люди; худо бываетъ, когда у человѣка умъ за разумъ зайдетъ. Новизна и мудрованье въ нашемъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, никуда не годятся. Наши отцы, право, не глупые были люди; они все хорошее придумали, а намъ ужь ничего выдумывать не оставили; дай Богъ и до нихъ-то добраться!»

При этихъ словахъ, вошелъ Іоганнъ Албрехтъ(*). «Кстати», сказалъ Банделеръ, обнимая его: «кстати пришелъ, мой добрый Іоганнъ. Я сейчасъ только бранилъ тебя и совѣтовалъ моимъ молодымъ людямъ не подражать тебѣ.»

— Дурно сдѣлалъ, любезный Карлъ! отвѣчалъ Албрехтъ:—потому, что мнѣ въ нихъ будетъ большая нужда. Я пріѣхалъ просить у тебя помощниковъ для новой и трудной работы...

«Ну, ужь вѣрно еще какая-нибудь выдумка!» вскричалъ Банделеръ съ хохотомъ.

— Да! выдумка, и которая, подивись, удалась мнѣ...

«Какъ всѣ твои скрипки...»

— Нѣчто поважнѣе скрипокъ; дѣло идетъ о совершенно-новомъ регистрѣ (**) въ органѣ.

(*) Въ лѣтописяхъ музыки извѣстны три Іоганна Албрехта, явившіеся нѣсколько позже; неизвѣстно, о которомъ изъ нихъ говоритъ повѣствователь; впрочемъ, кажется, у него своя хронологія. Мы предоставляемъ самому читателю повѣрить ее какъ слѣдуетъ.

(**) Органъ, какъ извѣстно, составленъ какъ-бы изъ нѣсколькихъ оркестровъ или массъ различныхъ инструментовъ.

«Такъ! я уже зналъ это. Нельзя ли сообщить? Поучимся у тебя хоть разъ въ жизни....»

— Ты знаешь, я не люблю говорить на вѣтеръ. Вотъ, за обѣдомъ, на свободѣ, потолкуемъ о моемъ новомъ регистрѣ.

«Посмотримъ, посмотримъ.»

Къ обѣду собралось нѣсколько человѣкъ эйзенахскихъ органистовъ и музыкантовъ; къ нимъ, по древнему нѣмецкому обычаю, присоединились всѣ ученики Банделера, такъ, что за столомъ было довольно многочисленное собраніе.

Албрехту напомнили о его обѣщаніи.

«Вы знаете, мои друзья» сказалъ онъ: «что я уже давно стараюсь проникнуть въ таинства гармоніи, и для этого безпрестанно занимаюсь разными опытами.»

— Знаемъ, знаемъ, сказалъ Банделеръ:—къ сожалѣнію, знаемъ.

«Ка́къ бы то ни было, я почитаю такое занятіе необходимымъ для нашего мастерства....»

— Въ этомъ-то и бѣда твоя...

«Дослушай меня терпѣливо!»

«Недавно, занимаясь пиѳагоровыми опытами надъ монохордомъ, я сильно рванулъ толстую, длинную струну, крѣпко натянутую, и—вообразите себѣ

Деревянныя трубы составляютъ одну массу; металлическія другую; каждая изъ нихъ имѣетъ многія подраздѣленія. Сіи подраздѣленія имѣютъ каждое свое наименованіе: Vox humana, Quintadena, и проч. т. п. Сіи-то подраздѣленія называются *регистрами*.

мое удивленіе: я замѣтилъ, что къ звуку, ею изданному, присоединялись другіе тоны. Я повторилъ нѣсколько разъ свой опытъ—и наконецъ явственно удостовѣрился, что эти тоны были: квинта и терція; это наблюденіе озарило мой умъ яркимъ свѣтомъ: и такъ, подумалъ я, все въ мірѣ приводится къ единству—такъ и должно быть! Во всякомъ звукѣ мы слышимъ цѣлый аккордъ. Мелодія есть рядъ аккордовъ; каждый звукъ есть не иное что, какъ полная гармонія. Я началъ надъ этимъ думать; думалъ, думалъ—наконецъ рѣшился сдѣлать къ органу новый регистръ, въ которомъ каждый клавишъ открываетъ нѣсколько трубокъ, настроенныхъ въ полный аккордъ—и этотъ регистръ я назвалъ мистеріей (*): ибо дѣйствительно, въ немъ скрывается важное таинство.»

Всѣ старики захохотали, а молодые на ухо стали перешептываться другъ съ другомъ. Банделеръ не утерпѣлъ, вскочилъ съ мѣста, открылъ клавихордъ: «Послушайте, господа» вскричалъ онъ: «какое изобрѣтеніе намъ предлагаетъ нашъ добрый Албрехтъ», и заигралъ какую-то комическую народную пѣсню фальшивыми квинтами. Общій смѣхъ удвоился; одинъ Себастіянъ не участвовалъ въ немъ, но, вперивъ глаза на Албрехта, съ нетерпѣніемъ ожидалъ отвѣта.

«Смѣйтесь, какъ хотите, господа,—но я принужденъ вамъ сказать, что мой новый регистръ при-

(*) Это слово въ нынѣшнихъ органахъ превратилось въ прозаическое выраженіе: *Mixturen*.

далъ такую силу и величіе органу, какихъ у него до-сихъ-поръ не было.»

— Это ужь слишкомъ! проговорилъ Банделеръ и, подавъ знакъ другимъ къ молчанію, во весь обѣдъ не говорилъ болѣе ни слова объ этомъ предметѣ.

Когда обѣдъ кончился, Банделеръ отвелъ Албрехта въ сторону отъ молодыхъ людей и сказалъ:

«Послушай, мой милый и любезный Іоганнъ! Не сердись на меня, стараго своего сотоварища и соученика; я не хотѣлъ тебѣ говорить при молодыхъ людяхъ; но теперь, наединѣ, какъ старый твой другъ, говорю тебѣ: войди въ себя, не стыди своихъ сѣдыхъ волосъ—не-ужь-ли ты въ-самомъ-дѣлѣ хочешь свой нелѣпый регистръ придѣлать къ органу?»....

— Какъ придѣлать! вскричалъ Албрехтъ громко:—да это уже сдѣлано, и повторяю тебѣ, ни одинъ доселѣ существовавшій органъ не можетъ сравниться съ моимъ...

«Послушай меня, Іоганнъ! Ты знаешь, я лѣтъ пятьдесятъ уже занимаюсь органнымъ мастерствомъ; лѣтъ тридцать живу мастеромъ; вотъ сосѣдъ Гартманнъ тоже; наши отцы, дѣды наши дѣлали органы,—какъ же ты хочешь насъ увѣрить въ такомъ дѣлѣ, которое противно первымъ основаніямъ нашего мастерства?...»

— И, однакоже, не противно природѣ!

«Да помилуй; тутъ не только фальшивыя квинты, но совершенная нескладица.»

— И между-тѣмъ, эти фальшивыя квинты въ полномъ органѣ составляютъ величественную гармонію.

«Да фальшивыя квинты...»

— Не ужь-ли вы думаете, прервалъ его Албрехтъ: —вы, господа, которые въ продолженіи 50 лѣтъ обтачиваете трубы точно такъ же, какъ отцы и дѣды ваши обтачивали,—не ужь-ли вы думаете, что это занятіе дало вамъ возможность постигнуть всѣ таинства гармоніи? Этихъ таинствъ не откроете молоткомъ и пилою: они далеко, далеко въ душѣ человѣка, какъ въ закрытомъ сосудѣ; Богъ выводитъ ихъ въ міръ, они принимаютъ тѣло и образъ не по волѣ человѣка, но по волѣ Божіей. Вамъ ли остановить ея дѣйствія, потому что вы ея не понимаете?... Но окончимъ это. Повторяю, что я къ вамъ пришелъ съ просьбою, къ тебѣ, Карлъ, и къ тебѣ, Гартманнъ: я теперь заваленъ работою, мнѣ нужны помощники—ссудите меня нѣсколькими учениками.

«Помилуй!» сказалъ Банделеръ, разсерженный: «да кто же изъ нихъ согласится пойдти къ тебѣ въ ученики послѣ всего того, что́ ты здѣсь наговорилъ?»

— Если бъ я смѣлъ.... проговорилъ тихо Себастіянъ.

«Какъ? ты, Себастіянъ? лучшій, прилежнѣйшій изъ моихъ учениковъ...»

— Мнѣ хотѣлось бы послушать новый органъ господина Албрехта...

«Послушать фальшивыя квинты... Не-ужь-ли ты вѣришь, что это возможное дѣло?...»

— Ѳома невѣрующій! вскричалъ Албрехтъ:—да поѣзжай самъ въ Люнебургъ—тамъ по-крайней-мѣрѣ увѣришься своими собственными ушами...

«Кто? я? я поѣду въ Люнебургъ? зачѣмъ? чтобы сказали, что я ничего не смыслю въ своемъ мастерствѣ, что я такой же чудакъ, какъ Албрехтъ, что я вѣрю его выдумкамъ, которымъ повѣритъ развѣ мальчикъ,—чтобъ всѣ стали смѣяться надо мною....»

— Не безпокойся; ты будешь въ такой компаніи, надъ которою не будутъ смѣяться. Императоръ, въ проѣздъ свой чрезъ Люнебургъ, былъ у меня...

«Императоръ?»

— Ты знаешь, какой онъ глубокій знатокъ музыки. Онъ слышалъ мой новый органъ и заказалъ мнѣ такой же для вѣнской соборной церкви; вотъ условіе въ 10 тысячъ гульденовъ; вотъ другіе заказы для Дрездена, для Берлина... Теперь вѣришь ли мнѣ? Я до-сихъ-поръ не говорилъ вамъ объ этомъ и ожидалъ, что вы повѣрите словамъ вашего стараго Албрехта...—

Руки опустились у присутствующихъ. Послѣ нѣкотораго молчанія, Клокъ подошелъ къ Албрехту и, низко поклонясь ему, сказалъ: «Хоть я и не зани-

маюсь органнымъ мастерствомъ, но такое важное открытіе заставляетъ и меня просить васъ, господинъ Албрехтъ, позволить мнѣ посмотрѣть на вашъ новый регистръ и поучиться.» Гартманнъ, не говоря ни слова, тотчасъ пошелъ домой приготовляться къ отъѣзду. Одинъ Банделеръ остался въ нерѣшимости; онъ отпустилъ къ Албрехту нѣсколько учениковъ, а съ ними и Себастіяна, но самъ въ Люнебургъ не поѣхалъ.

Недолго работалъ Себастіянъ у Албрехта. Однажды, въ праздничный день, когда юноша, сидя за клавихордомъ, напѣвалъ духовныя пѣсни, старикъ незамѣтно вошелъ въ комнату и долго его слушалъ. «Себастіянъ!» наконецъ сказалъ онъ: «я теперь только узналъ тебя; ты не ремесленникъ; не твое дѣло обтачивать клавиши; другое, высшее предназначеніе тебя ожидаетъ. Ты музыкантъ, Себастіянъ!»—вскричалъ пламенный старецъ:—«ты опредѣленъ на это высокое званіе, котораго важность немногіе понимаютъ. Тебѣ дало въ удѣлъ Провидѣніе говорить тѣмъ языкомъ, на которомъ человѣку понятно Божество, и на которомъ душа человѣка доходитъ до престола Всевышняго. Со временемъ мы больше поговоримъ объ этомъ. Теперь же оставь свои ремесленныя занятія; я теряю въ тебѣ надежнаго помощника, но не хочу противоборствовать волѣ Провидѣнія: оно тебя недаромъ создало.

‹Тебѣ› продолжалъ Албрехтъ послѣ нѣкотораго молчанія: ‹тебѣ трудно будетъ здѣсь получить мѣсто органиста; у тебя хорошій голосъ—надобно образовать его; Магдалина ходитъ учиться пѣнію къ здѣшнему пастору: ходи вмѣстѣ съ нею; между-тѣмъ, я постараюсь помѣстить тебя въ хоръ Михайловской Церкви—это обезпечитъ твое содержаніе; а ты пока изучай органъ—это величественное подобіе Божія міра: въ обоихъ много таинствъ; ихъ открыть можетъ одно прилежное изученіе.›

Себастіянъ бросился къ ногамъ Албрехта.

Съ-тѣхъ-поръ Себастіянъ былъ какъ родной въ домѣ Іоганна.

Магдалина была проста и прекрасна. Мать ея, Италіянка, передала ей черные лоснистые локоны, которые кудрями вились надъ сѣверными голубыми глазами; но въ этомъ заключалось все, чѣмъ Магдалина отличалась отъ своихъ сверстницъ. Лишившись матери на третьемъ году отъ рожденія и воспитанная въ простотѣ старинныхъ нѣмецкихъ нравовъ, она не знала ничего, кромѣ своего маленькаго міра: по-утру посмотрѣть за кухней, потомъ полить цвѣты въ огородѣ, послѣ обѣда уголокъ возлѣ окошка и пяльцы, въ субботу принять бѣлье, въ воскресенье къ пастору. Про нее тогдашніе люнебургскіе музыканты говорили, что она похо-

жа на итальянскую тэму, обработанную въ нѣмецкомъ вкусѣ. Себастіянъ ходилъ съ нею учиться пѣть, какъ-будто съ товарищемъ. На неопытнаго юношу, воспламененнаго рѣчами Албрехта, не дѣйствовала красота и невинность дѣвушки; въ чистой душѣ его не было мѣста для земнаго чувства: въ ней носились одни звуки, ихъ чудныя сочетанія, ихъ таинственныя отношенія къ міру. Напротивъ, гордый юноша еще сердился на прелестную и выговаривалъ ей, когда ея несозрѣвшій голосъ перерывался на необходимой нотѣ аккорда, или когда она простодушно спрашивала объясненія въ музыкальныхъ задачахъ, которыя казались такъ легкими Себастіяну.

Себастіянъ плавалъ въ своей стихіи: албрехтово огромное хранилище книгъ и нотъ было ему открыто. Утромъ онъ изощрялъ свои силы на различныхъ инструментахъ, особливо на клавихордѣ, или занимался пѣніемъ; въ продолженіи дня, онъ выпрашивалъ у знакомаго органиста ключъ отъ церковнаго органа, и тамъ, одинъ, подъ готическими сводами, изучалъ таинства чуднаго инструмента. Лишь алтарь Божій, покрытый завѣсою, внималъ ему въ величественномъ безмолвіи. Тогда Себастіянъ вспоминалъ свое приключеніе въ эйзенахской церкви; снова его младенческое сновидѣніе возставало изъ-за мрачныхъ углубленій храма: съ каждымъ днемъ оно становилось ему понятнѣе—и благоговѣйный ужасъ находилъ на душу юноши, сердце его горѣло, и волосы подымались на голо-

вѣ. Въ вечеру, возвращаясь домой, онъ заставалъ Албрехта, уставшаго отъ дневныхъ заботъ, окруженнаго учениками; тихо бесѣдовалъ онъ съ ними, и высокія рѣчи, позлащенныя игривымъ иносказаніемъ, выливались изъ устъ его. Не думайте, однакоже, господа, что Албрехтъ принадлежалъ къ числу тѣхъ краснорѣчивыхъ риторовъ, которые сперва начертятъ голый скелетъ, а потомъ и прiймутся, для удовольствія почтеннѣйшей публики, украшать его метафорами, аллегоріями, метонимiями и другими конфектами. Языкъ обыкновенный былъ потому рѣдокъ въ устахъ Албрехта, что онъ не находилъ въ немъ словъ для выраженія своихъ мыслей: онъ былъ принужденъ искать во всей природѣ предметовъ, которые могли бы облечь его чувство, недоговариваемое словомъ. Есть языкъ, которымъ говоритъ полудикій, перешедшій на первую точку, просвѣщенія, когда его только-что поразили новыя еще неразгаданныя мысли; тѣмъ же языкомъ говоритъ и вошедшій въ святилище тайныхъ наукъ, желая дать тѣло предметамъ, для которыхъ недостаточенъ языкъ человѣка; такимъ языкомъ говорилъ и Албрехтъ, который, можетъ-быть, былъ соединеніемъ того и другаго; немногіе сочувствовали Албрехту и понимали его; другіе старались поймать въ словахъ его какое-либо новое руководство для своего мастерства; остальные, разсѣянно,— изъ почтенія слушали его.

«Было время» говаривалъ Албрехтъ: «отъ котораго намъ не осталось ни звука, ни слова, ни очер-

ка: тогда *выраженіе* было ненужно человѣчеству; сладко покоилось оно въ невинной, младенческой колыбели и въ безпечныхъ снахъ понимало и Бога и природу, настоящее и будущее. Но.... всколыхалась колыбель младенца; нѣжному, неоперенному какъ могыльку, въ едва раздавшейся личинкѣ, предстала природа грозная, вопрошающая; тщетно юный алкидъ хотѣлъ въ свой младенческій лепетъ заковать ея огромныя, разнообразныя формы; она коснулась главою міра идей, пятою—грубаго инстинкта кристалловъ, и вызвала человѣка сравниться съ собою. Тогда родились два постоянные, вѣчные, но опасные, вѣроломные союзника души человѣка: *мысль* и *выраженіе*.

«Никто не знаетъ, какъ долго длилась эта первобытная распря: на полѣ битвы до-сихъ-поръ остались лишь пирамиды, брошенныя въ пескахъ Египта; великолѣпные чертоги, свидѣтельствующіе о древней силѣ, занесенные иломъ; остались еще болѣзни человѣка, которыхъ тяжкая цѣпь исчезаетъ во мракѣ древности. Побѣжденный, но сильный прежнею силою, человѣкъ продолжалъ эту битву, падалъ, но съ каждымъ новымъ паденіемъ, какъ Антей, пріобрѣталъ новое могущество; уже, казалось, онъ подчинилъ себѣ необоримую,—какъ вдругъ предъ душою человѣка явился новый противникъ, болѣе страшный, болѣе взыскательный, болѣе докучливый, болѣе недовольный — *онъ самъ*: съ появленіемъ этого сподвижника проснулась и усмиренная на время сила природы. Грозные, неотступные

враги съ ожесточеніемъ устремились на человѣка и, какъ Титаны въ битвѣ съ Зевесомъ, поражали его громадой страшныхъ вопросовъ о жизни и смерти, о волѣ и необходимости, о движеніи и покоѣ, и тщетно бы донынѣ философъ уклонялся за щитъ логическихъ заключеній, тщетно математикъ скрывался бы въ извилинахъ спирали и конхоиды,—человѣчество погибло бы, если бы небо не послало ему новаго поборника: *искусство*! Эта могучая, ничѣмъ необоримая сила, отблескъ Зиждителя, скоро покорила себѣ и природу, и человѣка; какъ Эдипъ, она угадала всѣ символы двуглаваго сфинкса—и это торжественное мгновеніе жизни человѣчества люди назвали Орфеемъ, покоряющимъ камни силою гармоніи. Съ помощію этой живительной, творческой мощи, человѣкъ соорудилъ зданіе іероглифовъ, статуй, храмовъ, «Иліаду» Гомера, «Божественную Комедію» Данте, олимпійскіе гимны и псальмы христіанства: онъ сомкнулъ въ нихъ таинственныя силы природы и души своей; заключенныя въ ихъ великолѣпныхъ, но тѣсныхъ темницахъ, онѣ рвутся изъ нихъ на свободу, и отъ-того, при взглядѣ на Цецилію Дюрера, на Венеру Медичейскую, со сводовъ страсбургской колокольни на насъ пашетъ тѣмъ дыханіемъ бурнымъ, которое хладомъ проходитъ по жиламъ и погружаетъ душу въ священную думу.

«Но есть еще высшая степень души человѣка, которой онъ не раздѣляетъ съ природою, которая ускользаетъ изъ-подъ рѣзца ваятеля, которую не

доскажутъ пламенныя строки стихотворца—та степень, гдѣ душа, гордая своею побѣдой надъ природою, во всемъ блескѣ славы, смиряется предъ Вышнею Силою, съ горькимъ страданіемъ жаждетъ перенести себя къ подножію Ея престола, и, какъ странникъ среди роскошныхъ наслажденій чуждой земли, вздыхаетъ по отчизнѣ; чувство, возбуждающееся на этой степени, люди назвали *невыразимымъ;* единственный языкъ сего чувства—*музыка:* въ этой высшей сферѣ человѣческаго искусства, человѣкъ забываетъ о буряхъ земнаго странствованія; въ ней, какъ на высотѣ Альповъ, блещетъ безоблачное солнце гармоніи; одни ея неопредѣленные, безграничные звуки, обнимаютъ безпредѣльную душу человѣка; лишь они могутъ совокупить во-едино стихіи грусти и радости, разрозненныя паденіемъ человѣка,—лишь ими младенчествуетъ сердце и переноситъ насъ въ первую невинную колыбель перваго невиннаго человѣка.

«Не ослабѣвайте же, юноши! Молитесь, сосредоточивайте всѣ познанія ума, всѣ силы сердца на усовершенствованіе орудій сего дивнаго искусства; въ ихъ простыхъ, грубыхъ трубахъ сокрыто таинство возбужденія возвышеннѣйшихъ чувствъ въ душѣ человѣка; каждый новый шагъ ихъ къ успѣху приближаетъ ихъ къ той духовной силѣ, которой онѣ должны служить выраженіемъ; каждый новый шагъ ихъ есть новая побѣда человѣка надъ жизнію, надъ этимъ призракомъ, который, смѣясь надъ усиліями ума, съ каждымъ днемъ становится

ужаснѣе и грозитъ въ прахъ разрушить скудельный сосудъ человѣка.»

Такъ часто бесѣдовалъ Албрехтъ; вокругъ его царствовало глубокое безмолвіе; лишь изрѣдка вспыхивалъ уголь погасавшаго очага и мгновенно освѣщалъ сѣдую голову старца, молодыя, свѣжія лица германскихъ юношей, черные локоны Магдалины, блестящія развалины недоконченныхъ инструментовъ.... Раздавался голосъ ночнаго сторожа, старецъ благословлялъ присутствующихъ и оканчивалъ гармоническій день торжественною, звучною молитвою.

Слова Албрехта падали на душу Себастіяна; часто онъ терялся въ ихъ таинственности; онъ не могъ бы даже пересказать ихъ, но понималъ чувство, которое они выражали; этимъ чувствомъ безсознательно возрастала душа его и укрѣплялась въ пламенной внутренней дѣятельности....

Годы протекали; Албрехтъ окончилъ постройку своихъ органовъ, полученныя деньги роздалъ по ученикамъ, или употребилъ на новые опыты, и, не помышляя объ умноженіи своего достатка, уже снова трудился надъ какимъ-то новымъ усовершенствованіемъ своего любимаго инструмента: говорятъ, что онъ хотѣлъ соединить въ немъ представителей всѣхъ стихій міра: земли и воздуха, воды и огня. Между-тѣмъ, въ Люнебургѣ только и говорили, что о молодомъ органистѣ Бахѣ; и голосъ

Магдалины развивался съ лѣтами: уже она могла разбирать партицію съ перваго взгляда, пѣла и играла себастіанову музыку.

Однажды, Албрехтъ сказалъ молодому музыканту: «Слушай, Себастіанъ; тебѣ уже не́ у кого учиться въ Люнебургѣ: ты далеко обогналъ всѣхъ здѣшнихъ органистовъ; но искусство безконечно: тебѣ надобно познакомиться съ тѣми, которыхъ мѣсто ты нѣкогда долженъ заступить въ музыкальномъ мірѣ. Я тебѣ выхлопоталъ мѣсто придворнаго скрипача въ Веймарѣ; оно тебѣ доставитъ деньги—необходимую вещь на землѣ, а деньги доставятъ тебѣ возможность побывать въ Любекѣ и Гамбургѣ, гдѣ ты услышишь славныхъ друзей моихъ: Букстегуда и Рейнкена. Мѣшкать нѣчего въ этомъ свѣтѣ; время летитъ—собирайся въ дорогу.»

Сначала, это предложеніе обрадовало Себастіана: услышать Букстегуда, Рейнкена, которыхъ сочиненія онъ зналъ почти наизустъ, повѣрить себя, такъ ли онъ понималъ ихъ высокія мысли; услышать ихъ блистательныя импровизаціи, которыхъ нельзя приковать къ бумагѣ; узнать ихъ способъ соединенія регистровъ; испытать свои силы предъ этими знаменитыми судіями; распространить свою извѣстность—все это въ минуту представилось юному воображенію; но оставить домъ, въ которомъ развился его младенческій талантъ, домъ, въ которомъ все дышало, все жило гармоніею; не слыхать болѣе Албрехта, попасть снова въ среду людей холодныхъ, непонимающихъ святы-

ни искусства!... Тутъ пришла ему въ голову и Магдалина съ ея черными локонами, съ ея голубыми глазами, съ ея простосердечною улыбкою. Онъ такъ привыкъ къ ея мягкому, будто бархатомъ подернутому голосу; къ нему, казалось, приросли всѣ любимыя мелодіи Себастіяна; она такъ хорошо помогала ему разъигрывать новыя партиціи; она съ такимъ участіемъ слушала его сочиненія; онъ такъ любилъ, чтобы она была передъ нимъ, когда, въ грезахъ импровизаціи, глаза его неподвижно останавливались на одномъ и томъ же мѣстѣ... Еще недавно, она догадалась, что себастіяновы пальцы не захватывали всѣхъ необходимыхъ звуковъ въ аккордѣ, встала, наклонилась на стулъ и положила свой маленькій пальчикъ на клавишъ... Себастіянъ задумался; чѣмъ больше онъ думалъ, тѣмъ больше видѣлъ, что Магдалина мѣшалась со всѣми происшествіями его музыкальной жизни; онъ удивлялся, ка́къ до-сихъ-поръ не замѣчалъ этого... посмотрѣлъ вокругъ себя: вотъ ноты, которыя она для него переписывала; вотъ перо, которое она для него чинила; вотъ струна, которую она навязала въ его отсутствіе; вотъ листокъ, на которомъ она записала его импровизацію, безъ чего эта импровизація навсегда бы потерялась... Изъ всего этого, Себастіянъ заключилъ, что Магдалина ему необходима; углубляясь больше въ самого себя, онъ наконецъ нашелъ, что чувство, которое онъ ощущалъ къ Магдалинѣ, было то, что̀ обыкновенно называютъ любовью. Это открытіе его очень изумило: ежедневное обращеніе

въ одной и той же сферѣ мыслей и чувствъ; ежедневное спокойствіе, столь естественное, сродное характеру Себастіяна, даже однообразный порядокъ занятій въ домѣ Албрехта,—все это такъ пріучило душу юноши къ тихому, гармоническому бытію; Магдалина была столь стройнымъ, необходимымъ звукомъ въ этой гармоніи, что самая любовь ихъ зародилась, прошла всѣ свои періоды почти незамѣтно для самихъ молодыхъ людей:—такъ полно слилась она со всѣми происшествіями ихъ цѣломудренной жизни.—Можетъ-быть, Магдалина стала раньше понимать это чувство; но одна разлука могла объяснить его Себастіяну.

«Магдалина! сестрица!» сказалъ ей Себастіянъ, запинаясь, когда она вошла въ комнату:—«отецъ твой посылаетъ меня въ Веймаръ... мы не будемъ вмѣстѣ... можетъ-быть, долго не увидимся: хочешь ли быть моею женою? тогда мы всегда будемъ вмѣстѣ.»

Магдалина закраснѣлась, подала ему руку и сказала:—Пойдемъ къ батюшкѣ.

Старикъ встрѣтилъ ихъ, улыбаясь:

«Я уже давно предвидѣлъ это» сказалъ онъ: «видно, Божія воля»,—прибавилъ онъ со вздохомъ, «Богъ да благословитъ васъ, дѣти; искусство васъ соединило: пусть оно будетъ крѣпкою связью для всего вашего существованія. Но только, Себастіянъ, не слишкомъ прилѣпляйся къ пѣнію; ты слишкомъ часто поешь съ Магдалиною: голосъ исполненъ страстей человѣческихъ; незамѣтно, въ

минуту самаго чистаго вдохновенія—въ голосъ прорываются звуки изъ другаго, нечистаго міра; на человѣческомъ голосѣ лежитъ еще печать перваго грѣшнаго вопля!.. Органъ, тебѣ подвластный, не есть живое орудіе; но зато и непричастенъ заблужденіямъ нашей воли: онъ вѣчно спокоенъ, безстрастенъ, какъ безстрастна природа; его ровныя созвучія не покоряются прихотямъ земнаго наслажденія; лишь душа, погруженная въ тихую, безмолвную молитву, даетъ душу и его деревяннымъ трубамъ и онѣ, торжественно потрясая воздухъ, выводятъ предъ нее собственное ея величіе...»

Я не буду вамъ разсказывать, милостивые государи, подробностей о свадьбѣ Себастіяна, о его поѣздкѣ въ Веймаръ, о кончинѣ Албрехта вскорѣ затѣмъ послѣдовавшей, о разныхъ должностяхъ, которыя Себастіянъ занималъ въ разныхъ городахъ; о его знакомствѣ съ разными знаменитыми людьми. Всѣ эти подробности вы найдете въ различныхъ біографіяхъ Баха; мнѣ—не знаю какъ вамъ—мнѣ любопытнѣе происшествія внутренней жизни Себастіяна. Чтобъ познакомиться съ этими происшествіями есть единственное средство: я вамъ совѣтую, подобно мнѣ, проиграть всю бахову музыку отъ начала до конца. Жаль, что умеръ мой говорливый старикъ Албрехтъ: онъ, по-крайней-мѣрѣ, разсказывалъ то, что́ чувствовалъ Себастіянъ; когда Себастіянъ слушалъ Албрехта, то всегда

думалъ, что себя слушаетъ; самъ же словеснымъ языкомъ говорилъ мало, — онъ говорилъ только звуками органа. А вы не можете себѣ вообразить, какъ трудно съ этого небеснаго, безпредѣльнаго языка переводить на нашъ сжатый, смѣшанный съ прахомъ жизни языкъ. Иногда мнѣ на четыре ноты приходится писать цѣлый томъ комментарій, и все-таки эти четыре ноты яснѣе моего тома говорятъ для того, кто умѣетъ понимать ихъ.

Дѣйствительно, Бахъ зналъ только одно въ этомъ мірѣ—свое искусство; все въ природѣ и жизни,—радость, горе—было понятно ему тогда только, когда проходило сквозь музыкальные звуки; ими онъ мыслилъ, ими чувствовалъ, ими дышалъ Себастіянъ; все остальное было для него ненужно и мертво Я вѣрю тому, что Тальма въ минуту сильнѣйшей скорби невольно подходилъ къ зеркалу, чтобъ посмотрѣть, какія морщины она произвела на лицѣ его. Таковъ долженъ быть художникъ—таковъ былъ Бахъ; подписывая денежную сдѣлку, онъ замѣтилъ, что буквы его имени составляютъ оригинальную, богатую мелодію, и написалъ на нее фугу (*); услышавъ первый крикъ своего младенца, онъ обрадовался, но не могъ не изслѣдовать, къ какого рода гаммѣ принадлежали звуки имъ слышанные; узнавъ

(*) Извѣстна бахова фуга на слѣдующій мотивъ:

о смерти своего истиннаго друга, онъ закрылъ лицо рукою—и черезъ минуту началъ писать погребальный Motetto.—Не обвиняйте Баха въ нечувствительности:—онъ чувствовалъ, можетъ-быть, глубже другихъ, но чувствовалъ по-своему; это были человѣческія чувства, но въ мірѣ искусства. Столь же мало онъ цѣнилъ и собственную свою славу: въ Гамбургѣ разсказывали, ка̀къ столѣтній органистъ Рейнкенъ, услышавъ Баха, прослезился и сказалъ съ простосердечіемъ: «Я думалъ, что мое искусство умретъ вмѣстѣ со мною, но ты его воскрешаешь.» Въ Дрезденѣ толковали, ка̀къ Маршандъ, знаменитый органистъ того времени, вызванный на соперничество съ Бахомъ, испугался и уѣхалъ изъ Дрездена въ самый день концерта; въ Берлинѣ удивлялись, что Фридрихъ-Великій, прочитывая передъ началомъ своего домашняго концерта списокъ пріѣзжающихъ въ Потсдамъ, сказалъ окружающимъ съ видимымъ безпокойствомъ: «Господа! старшій Бахъ пріѣхалъ», со смиреніемъ отложилъ свою флейту, послалъ тотчасъ за Бахомъ, заставилъ его въ дорожномъ платьѣ переходить отъ фортепьянъ къ фортепьянамъ, которыя стояли во всѣхъ комнатахъ Потсдамскаго Дворца, далъ Себастіяну тэму для фуги, и съ благоговѣніемъ слушалъ его.

А Себастіянъ, возвращаясь къ своей Магдалинѣ, разсказывалъ ей, лишь какая счастливая мелодія ему попалась во время импровизаціи передъ Рейнкеномъ, ка̀къ сдѣланъ соборный органъ въ Дрезденѣ и ка̀къ онъ у короля Фридриха воспользовался разстроен-

ною нотою фортепьяна для энгармоническаго перехода—и только! Магдалина не спрашивала больше, а Себастіянъ тотчасъ садился за клавихордъ и игралъ или пѣлъ съ нею свои новыя сочиненія: это былъ обыкновенный способъ разговора между супругами; иначе они не говорили между собою.

Таковы были и всѣ дни его жизни. Утромъ онъ писалъ, потомъ объяснялъ своимъ сыновьямъ и другимъ ученикамъ таинства гармоніи, или исполнялъ въ церкви должность органиста, ввечеру садился за клавихордъ, пѣлъ и игралъ съ своей Магдалиной, засыпалъ спокойно, и во снѣ ему слышались одни звуки, представлялись однѣ движенія мелодій. Въ минуты разсѣянности, онъ веселилъ себя, разбирая новую музыку ad aperturam libri, или импровизируя фантазіи по цифрованному басу, или, слушая тріо, садился за клавихордъ, прибавлялъ новый голосъ и такимъ образомъ превращалъ тріо въ настоящій квартетъ.

Частая игра на органѣ, безпрестанное размышленіе о семъ инструментѣ, еще болѣе развили ровный, спокойный, величественный характеръ Баха Этотъ характеръ отражался во всей его жизни, или, лучше сказать, во всей его музыкѣ. Въ раннихъ его сочиненіяхъ видны еще нѣкоторыя жертвы господствовавшему въ его время вкусу; но въ послѣдствіи Бахъ отрясъ и этотъ прахъ, привязывавшій его къ ежедневной жизни, и спокойная душа его вполнѣ напечатлѣлась въ его величественныхъ мелодіяхъ, въ его ровномъ, безстрастномъ выра-

женіи. Словомъ, онъ сдѣлался церковнымъ органомъ возведеннымъ на степень человѣка.

Я уже говорилъ вамъ, что на него вдохновеніе не находило порывами; тихимъ огнемъ оно горѣло въ душѣ его: за клавихордомъ дома, въ хорѣ своихъ учениковъ, въ пріятельской бесѣдѣ, за органомъ въ храмѣ, онъ вездѣ былъ вѣренъ святынѣ искусства, и никогда земная мысль, земная страсть не прорывались въ его звуки; отъ-того, теперь, когда музыка перестала быть молитвою, когда она сдѣлалась выраженіемъ мятежныхъ страстей, забавою праздности, приманкою тщеславія — музыка Баха кажется холодною, безжизненною; мы не понимаемъ ея, какъ не понимаемъ безстрастія мучениковъ на кострѣ язычества; мы ищемъ понятнаго, близкаго къ нашей лѣни, къ удобствамъ жизни; намъ страшна глубина чувства, какъ страшна глубина мыслей; мы боимся, чтобъ, погрузясь во внутренность души своей, не открыть своего безобразія; смерть оковала всѣ движенія нашего сердца — мы боимся жизни! боимся того, что̀ не выражается словами: а что̀ можно ими выразить?... Не то ощущалъ Бахъ, погруженный въ развитіе своихъ музыкальныхъ фантазій: вся душа его переселялась въ пальцы; покорные его волѣ, они выражали его чувство въ безчисленныхъ образахъ; но это чувство было едино, и простѣйшее его выраженіе заключалось въ нѣсколькихъ нотахъ: такъ едино чувство молитвы, хотя дары ея разнообразно являются въ людяхъ.

Не то ощущали и счастливцы, внимавшіе органу, звучавшему подъ пальцами Баха; не разсѣявалось ихъ благоговѣніе игривыми блестками: его сначала выражала мелодія простая, какъ просто первое чувство младенствующаго сердца, — потомъ, мало-по-малу, мелодія развивалась, мужала, порождала другую ей созвучную, потомъ третью; всѣ онѣ то сливались между собою въ братскомъ лобзаніи, то разсыпались въ разнообразныхъ аккордахъ; но первое благоговѣйное чувство не терялось ни на минуту: оно лишь касалось всѣхъ движеній, всѣхъ изгибовъ сердца, чтобъ благодатною росою оживить всѣ силы душевныя; когда же были исчерпаны всѣ ихъ многоразличные образы, оно снова являлось въ простыхъ, но огромныхъ, полныхъ созвучіяхъ, и слушатели выходили изъ храма съ освѣженною, съ воззванною къ жизни и любви душою.

Біографы Баха описываютъ это гармоническое, нынѣ потерянное таинство слѣдующимъ образомъ: «Во время богослуженія, говорятъ они, Бахъ бралъ одну тэму и такъ искусно умѣлъ ее обработывать на органѣ, что она ему доставала часа на два. Сначала была слышна эта тэма въ форшпилѣ или въ прелюдіи; потомъ Бахъ обработывалъ ее въ видѣ фуги: потомъ, посредствомъ различныхъ регистровъ, обращалъ онъ въ тріо или квартетъ все ту же тэму; за симъ слѣдовалъ хораль, въ которомъ опять была та же тэма, расположенная на три или на четыре голоса; наконецъ, въ заключеніе, слѣдовала

новая фуга, опять на ту же тэму, но обработанную другимъ образомъ и къ которой присоединялись двѣ другія. Вотъ настоящее органное искусство.»

Такъ эти люди переводятъ на свой языкъ религіозное вдохновеніе музыканта!

Однажды, во время богослуженія, Бахъ сидѣлъ за органомъ весь погруженный въ благоговѣніе, и хоръ присутствовавшихъ сливался съ величественными созвучіями священнаго инструмента. Вдругъ органистъ невольно вздрогнулъ, остановился; черезъ минуту онъ снова продолжалъ играть, но всѣ замѣтили, что онъ былъ встревоженъ, что онъ безпрестанно оборачивался назадъ и съ безпокойнымъ любопытствомъ посматривалъ на толпу. Въ срединѣ пѣнія, Бахъ замѣтилъ, что къ общему хору присоединился голосъ прекрасный, чистый, но въ которомъ было что-то странное, что-то непохожее на обыкновенное пѣніе: часто онъ то заливался, какъ вопль страданія, то рѣзко раздавался, какъ буйный возгласъ веселой толпы, то вырывался какъ-будто изъ мрачной пустыни души,—словомъ, это былъ голосъ не благоговѣнія, не молитвы, въ немъ было что-то соблазнительное. Опытное ухо Баха тотчасъ замѣтило этотъ новый родъ выраженія; оно было для него яркимъ, ослѣпительнымъ цвѣтомъ на полусвѣтлой картинѣ; оно нарушало общую гармонію; отъ этого выраженія пламенное благоговѣніе переставало быть цѣломудреннымъ;

духовная, легкокрылая молитва тяжелѣла; въ этомъ выраженіи была какая-то горькая насмѣшка надъ общимъ таинственнымъ спокойствіемъ — она смутила Баха; тщетно онъ хотѣлъ не слыхать ея, тщетно хотѣлъ истребить эти земные порывы въ громогласныхъ аккордахъ: страстный, болѣзненный голосъ гордо возносился надъ всѣмъ хоромъ и, казалось, оскверннялъ каждое созвучіе.

Когда Бахъ возвратился домой, въ слѣдъ за нимъ вошелъ незнакомецъ, говоря, что онъ иностранецъ, музыкантъ и пришелъ принести дань своего уваженія знаменитому Баху. То былъ молодой человѣкъ, высокаго роста съ черными, полуденными глазами; противъ германскаго обыкновенія, онъ не носилъ пудры; его черныя кудри разсыпались по плечамъ, обрисовывали его смуглое, сухощавое лицо, на которомъ безпрестанно мѣнялось выраженіе; но общій характеръ его лица была какая-то безпокойная задумчивость или разсѣянность; его глаза безпрестанно перебѣгали отъ предмета къ предмету и ни на одномъ не останавливались; казалось, онъ боялся чужаго вниманія, боялся и своихъ страстей, которыя мрачнымъ огнемъ горѣли въ его томныхъ, подернутыхъ влагою взорахъ.

«Я родомъ изъ Венеціи, по имени Франческо» сказалъ молодой человѣкъ: «ученикъ знаменитаго аббата Оливы, послѣдователя славнаго Чести.»

— Чести! сказалъ Бахъ: — я знаю его музыку; слыхалъ и объ аббатѣ Оливѣ, хотя мало; очень радъ познакомиться съ вами.

Добродушный и простосердечный Бахъ, ласково принимавшій всѣхъ иностранцевъ, обласкалъ и молодаго человѣка, распрашивалъ его о состояніи музыки въ Италіи и наконецъ, хотя и не любилъ новой итальянской музыки, но пригласилъ Франческо познакомить его съ новыми произведеніями его учителя.

Франческо отважно сѣлъ за клавихордъ, запѣлъ, —и Себастіянъ тотчасъ узналъ тотъ голосъ, который поразилъ его въ церкви, однакоже, не показалъ неудовольствія, и слушалъ Венеціянца со всегдашнимъ своимъ спокойствіемъ и добродушіемъ.

Тогда только-что начинался вѣкъ новой итальянской музыки, которой послѣднее развитіе мы видимъ въ Россини и его послѣдователяхъ. Кариссими, Чести, Кавалли хотѣли сбросить нѣсколько уже устарѣвшія формы своихъ предшественниковъ, дать пѣнію нѣкоторую свободу; но послѣдователи сихъ талантовъ пошли далѣе: уже пѣніе претворялось въ неистовый крикъ; уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прибавляли украшенія не для самой музыки, но чтобъ дать пѣвцу возможность блеснуть своимъ голосомъ; изобрѣтеніе слабѣло, игривость руладъ и трелей заступила мѣсто обработанныхъ, полныхъ созвучій. Бахъ имѣлъ понятіе объ операхъ Чести и Кавалли; но новый родъ, въ которомъ пѣлъ Франческо, былъ совершенно неизвѣстенъ арнштадтскому органисту. Представьте себѣ важнаго Баха, привыкшаго къ мелодическо-

му спокойствію, привыкшаго въ каждой нотѣ видѣть математическую необходимость, и слушающаго наборъ звуковъ, которымъ итальянское выраженіе, незнакомое Германіи, придавало совершенно особенный характеръ, причудливый тревожный. Венеціянецъ пропѣлъ нѣсколько арій (это слово уже вводилось тогда въ употребленіе) своего учителя, потомъ нѣсколько народныхъ канцонеттъ, обдѣланныхъ въ новомъ вкусѣ. Кроткій Бахъ все слушалъ терпѣливо, только смѣялся исподтишка, и съ притворнымъ смиреніемъ замѣчалъ, что онъ не въ состояніи ничего написать въ такомъ родѣ.

Но что̀ сдѣлалось съ Магдалиною? Отъ-чего вдругъ пропала краска съ ея свѣжаго лица? отъ-чего она неподвижно устремила взоры на незнакомца? отъ-чего трепещетъ она? отъ-чего руки ея холодѣютъ и слезы льются изъ глазъ?

Незнакомецъ кончилъ, распрощался съ Бахомъ, просилъ позволенія еще разъ посѣтить его,—а Магдалина все стоитъ неподвижно, опершись на полурастворенную дверь, и все еще слушаетъ. Незнакомецъ, уходя, нечаянно взглянулъ на Магдалину, и холодъ пробѣжалъ по ея нервамъ.

Когда незнакомецъ совсѣмъ ушелъ, Бахъ, незамѣтившій ничего происшедшаго, хотѣлъ съ Магдалиною пошутить немного на счетъ своего самонадѣяннаго новаго знакомца; но вдругъ онъ видитъ, что Магдалина бросается къ клавихорду и старается повторить тѣ напѣвы, тѣ выраженія незнакомца, которыя остались у ней въ

памяти. Себастіянъ подумалъ сначала, что она передразниваетъ Венеціянца, и готовъ былъ расхохотаться; но онъ пришелъ внѣ себя отъ удивленія, когда Магдалина, закрывъ лицо руками, вскричала:

«Вотъ музыка, Себастіянъ! вотъ настоящая музыка! Я теперь только понимаю музыку! Часто, какъ-будто во снѣ я вспоминала тѣ мелодіи, которыя мать моя напѣвала, качая меня на рукахъ своихъ,—но онѣ исчезли изъ моей памяти; тщетно я хотѣла ихъ найдти въ твоей музыкѣ, во всей той музыкѣ, которую я слышу ежедневно,—тщетно! Я чувствовала, что ей чего-то не доставало—но не могла себѣ объяснить этого; это былъ сонъ, котораго подробности забыты, который оставилъ во мнѣ одно сладкое воспоминаніе. Лишь теперь я узнала, чего недостаетъ вашей музыкѣ: я вспомнила пѣсни моей матери... Ахъ, Себастіянъ! вскричала она съ необыкновеннымъ движеніемъ кидаясь на шею къ Себастіяну:—брось въ огонь всѣ твои фуги, всѣ твои каноны; пиши, Бога ради, пиши итальянскія канцонетты.»

Себастіянъ безъ шутокъ подумалъ, что его Магдалина просто помѣшалась; онъ посадилъ ее въ кресла, не спорилъ, и обѣщалъ все, чего она ни просила.

Незнакомецъ посѣтилъ еще нѣсколько разъ нашего органиста. Себастіянъ былъ въ состояніи выбросить его изъ окошка; но, видя радость своей Магдалины при каждомъ его посѣщеніи, онъ былъ не въ силахъ принять его неласково.

Однакоже, Себастіянъ съ удивленіемъ замѣчалъ, что въ нарядѣ Магдалины явилась какая-то изъисканность, что она почти съ глазъ не спускала молодаго Венеціянца, ловила каждый звукъ, вылетавшій изъ груди его; Себастіяну страннымъ казалось, проживъ 20 лѣтъ съ своею женою въ полной тишинѣ и согласіи, вдругъ приняться ревновать ее къ человѣку, котораго она едва знала; но Бахъ былъ безпокоенъ, и слова албрехтовы: «голосъ исполненъ страстей человѣческихъ» невольно отзывались въ ушахъ его.

Къ-несчастію, Бахъ имѣлъ право ревновать въ полной силѣ этого слова. Итальянская кровь, въ продолженіи сорока лѣтъ... сорока лѣтъ! обманутая воспитаніемъ, образомъ жизни, привычкою— вдругъ пробудилась при родныхъ звукахъ; новый, неразгаданный міръ открылся Магдалинѣ; полуденныя страсти, долго непонятныя, долго сжатыя въ душѣ ея, развились со всею быстротою пламенной юности; ихъ терзанія увеличивались терзаніемъ, которое только можетъ испытать женщина, понявшая любовь уже при закатѣ красоты своей.

Франческо тотчасъ замѣтилъ дѣйствіе, производимое имъ на Магдалину. Ему смѣшно и забавно было влюбить въ себя старую жену знаменитаго органиста; лестно было его тщеславію возбуждать такое вниманіе женщины посреди сѣверныхъ варваровъ; сладко было его сердцу отмстить за насмѣшки, которыми нѣмецкіе музыканты осыпàли музыку

его школы, въ домѣ ихъ первоклассного таланта перебить дорогу у классической фуги; и когда Магдалина, внѣ себя, забывая своего мужа, обязанности матери семейства, опершись на клавихордъ, устремляла на него пламенные взоры,—насмѣшливый Венеціянецъ также не жалѣлъ своихъ соблазнительныхъ полуденныхъ глазъ, старался вспомнить всѣ тѣ напѣвы, все то выраженіе, которые приводятъ въ восторгъ Итальянца,—и бѣдная Магдалина, какъ дельфійская жрица на треножникѣ, невольно входила въ судорожное, убійственное состояніе.

Наконецъ Итальянцу наскучила эта комедія: не ему было понять душу Магдалины—онъ уѣхалъ.

Бахъ былъ внѣ себя отъ радости. Бѣдный Себастіянъ! Правда, Франческо не увезъ Магдалины, но увезъ спокойствіе изъ тихаго жилища смиреннаго органиста. Бахъ не узнавалъ своей Магдалины. Прежде бодрая, дѣятельная, заботливая о своемъ хозяйствѣ—теперь она сидѣла по цѣлымъ днямъ, сложивъ руки, въ глубокой задумчивости и потихоньку напѣвала Францескины канцонеты.—Тщетно Бахъ писалъ для нея и веселые менуеты, и заунывныя сарабанды, и фуги in stilo francese—Магдалина слушала ихъ равнодушно, почти съ неудовольствіемъ, и говорила: «Прекрасно! а все не то!»—Бахъ начиналъ сердиться. Немногіе и тогда понимали его музыку; преданный вполнѣ искусству, онъ не дорожилъ людскимъ мнѣніемъ, мало вѣрилъ похваламъ часто пристрастныхъ любите-
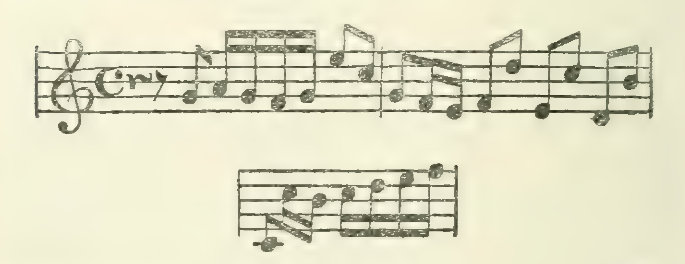
лей; не въ преходящей модѣ, но въ собственномъ глубокомъ чувствѣ онъ старался постигнуть тайны искусства; но онъ привыкъ къ участію Магдалины въ его музыкальной жизни; ему сладко было ея одобреніе: оно укрѣпляло его самоувѣренность. Видѣть ея равнодушіе, видѣть противорѣчіе съ цѣлію своей жизни и видѣть его въ маленькомъ кругу своего семейства, въ своей женѣ, въ существѣ, которое въ продолженіи столькихъ лѣтъ одно съ нимъ чувствовало, одно мыслило, одно пѣло,—это было несносно для Себастіяна.

Къ этому присоединились и другія непріятности: Магдалина почти оставила свое хозяйство; порядокъ, къ которому привыкъ Бахъ въ своемъ домѣ, нарушился; прежде, онъ бывалъ такъ спокоенъ въ этотъ отношеніи, такъ свободно предавался своему искусству, зная, что Магдалина заботится о всѣхъ его привычкахъ, о всемъ вещественномъ жизни,—теперь Себастіянъ принужденъ былъ самъ входить во всѣ подробности, на пятидесятомъ году жизни учиться мелочамъ, посреди музыкальнаго вдохновенія думать о своемъ платьѣ. Бахъ сердился.

А Магдалина! Магдалина терзалась, но другимъ образомъ. Часто, отерши глаза, вспоминала она о своихъ обязанностяхъ, или раскрывала Баховы партиціи,—но ей являлись черные глаза Франческа, въ ушахъ ея отдавались его страстные напѣвы, и Магдалина съ отвращеніемъ бросала отъ себя безстрастныя ноты. Часто ея терзанія доходили до изступленія; она готова была забыть все, оставить

свой домъ, бѣжать въ слѣдъ за прелестнымъ Венеціянцемъ, упасть къ его ногамъ и принести ему въ даръ свою любовь вмѣстѣ съ своею жизнію; но она взглядывала въ зеркало:—равнодушное, оно представляло ей сорокалѣтнія морщины, которыя ясно говорили Магдалинѣ, что пора ея миновалась,—и Магдалина съ воплемъ и рыданіемъ бросалась на постелю, или бѣжала къ мужу и въ сильномъ волненіи духа говорила ему: «Себастіянъ! напиши мнѣ итальянскую канцонетту! не-ужь-ли ты не можешь написать итальянской канцонетты?» Несчастная думала, что этимъ она перенесетъ на Себастіяна преступную любовь свою къ Франческо.

Бахъ слушалъ ее и не могъ не смѣяться; онъ почиталъ слова Магдалины прихотью женщины: а для женской ли прихоти могъ Себастіянъ унизить искусство, низвести его на степень фиглярства? Просьбы Магдалины были ему и смѣшны и оскорбительны. Однажды, чтобъ отвязаться отъ нея, онъ написалъ на листкѣ извѣстную тэму, которою въ послѣдствіи воспользовался Гуммель:

но тотчасъ замѣтилъ, какъ удобно она можетъ образоваться въ фугу. Дѣйствительно, ему не доставало

cis дурной фуги въ сочиняемомъ имъ тогда Wohltemperirtes Clavier», онъ поставилъ въ ключѣ шесть діэзовъ,—и итальянская канцонетта обратилась въ фугу для учебнаго употребленія (*).

Между-тѣмъ, время текло. Магдалина перестала просить у Себастіяна итальянскихъ канцонеттъ, снова принялась за хозяйство—и Бахъ успокоился: онъ могъ по-прежнему предаться усовершенствованію своего искусства,—а это одно и надобно ему было въ жизни; онъ полагалъ, что прихоть Магдалины исчезла совершенно, и хотя она рѣдко, какъ-бы нé-хотя, разбирала съ нимъ партиціи, но Бахъ привыкъ даже и къ ея равнодушію: онъ писалъ тогда свою знаменитую Passion's-Musik, былъ ею доволенъ—ему не надобно было ничего болѣе.

Въ то же время, новое обстоятельство стало хотя обманомъ способствовать его семейному спокойствію. Давно уже зрѣніе Баха, изнуренное продолжительными трудами, начинало ослабѣвать; дошло наконецъ до того, что онъ не могъ болѣе работать вечеромъ; наконецъ, и дневной свѣтъ сдѣлался тяжкимъ для Себастіяна; наконецъ и дневной свѣтъ исчезъ для него. Болѣзнь Себастіяна пробудила на время Магдалину; она нѣжно заботилась о бѣдномъ слѣпцѣ, писала музыку подъ его диктовку, играла ее, водила его подъ руку въ церковь къ органу,—казалось, воспоминаніе о Франческо совсѣмъ изгладилось изъ ея памяти.

(*) См: Clavecin bien tempéré par S. Bach. I. partie.

Но это была неправда. Чувство, вспыхнувшее въ Магдалинѣ, только покрылось пепломъ; оно не являлось наружу, но тѣмъ сильнѣе разрывалось въ глубинѣ души ея. Слезы Магдалины изсякли; улетѣло то піитическое видѣніе, въ которомъ представлялся ей обольстительный Венеціянецъ; она не позволяла себѣ болѣе напѣвать его пѣсень; словомъ, все прекрасное, услаждающее терзанія любви, покинуло Магдалину; въ ея сердцѣ осталась одна горечь, одна увѣренность въ невозможности своего счастія, одинъ предѣлъ страданіямъ — могила. И могила приближалась къ ней; ея тлетворный воздухъ истреблялъ румянецъ и полноту Магдалины, впивался въ грудь ея, застилалъ лицо морщинами, захватывалъ ея дыханіе....

Бахъ узналъ все это, когда Магдалина была уже на смертной постели.

Эта потеря поразила Себастіяна больше собственнаго несчастія; съ слезами на глазахъ, написалъ онъ погребальную молитву, и проводилъ тѣло Магдалины до кладбища.

Сыновья Себастіяна Баха съ честію занимали мѣста органистовъ въ разныхъ городахъ Германіи. Смерть матери соединила все семейство: всѣ сходились къ знаменитому старцу, старались утѣшать, развлекать его музыкой, разсказами; старецъ слушалъ все со вниманіемъ, по привычкѣ искалъ прежней жизни, прежней прелести въ сихъ разсказахъ,—но почувствовалъ въ первый разъ, что ему хотѣлось чего-то другаго: ему хотѣлось, чтобъ

кто-нибудь разсказалъ, ка́къ ему горько, посидѣлъ возлѣ него безъ постороннихъ распросовъ, положилъ бы руку на его рану... Но этихъ струнъ не было между нимъ и окружающими; ему разсказывали похвальные отзывы всей Европы о его музыкѣ, его разспрашивали о движеніи аккордовъ, ему толковали о разныхъ выгодахъ и невыгодахъ капельмейстерской должности... Вскорѣ Бахъ сдѣлалъ страшное открытіе: онъ узналъ, что въ своемъ семействѣ онъ былъ—лишь профессоръ между учениками. Онъ все нашелъ въ жизни: наслажденіе искусства, славу, обожателей—кромѣ самой жизни; онъ не нашелъ существа, которое понимало бы всѣ его движенія, предупреждало бы всѣ его желанія, —существа, съ которымъ онъ могъ бы говорить не о музыкѣ. Половина души его была мертвымъ трупомъ!

Тяжко было Себастіяну; но онъ еще не унывалъ: святое пламя искусства еще горѣло въ его сердцѣ, еще наполняло для него міръ, — и Бахъ продолжалъ учить своихъ послѣдователей, давать совѣты при постройкѣ органовъ и занимать въ церкви должность органиста.

Но скоро Бахъ замѣтилъ, что его мысли перестали ему представляться въ прежней ясности, что пальцы его слабѣютъ: что́ прежде казалось ему легкимъ, то теперь было необоримою трудностью; исчезла его ровная, свѣтлая игра; его члены искали успокоенія.

Часто онъ заставлялъ себя приводить къ органу; по прежнему силою воли хотѣлъ онъ побѣдить неискусство пальцевъ, по прежнему хотѣлъ громогласными созвучіями пробудить свое засыпавшее вдохновеніе; иногда съ восторгомъ вспоминалъ свое младенческое сновидѣніе: ясно оно было ему, вполнѣ понималъ онъ его таинственные образы— и вдругъ невольно начиналъ ожидать, искать голоса Магдалины,—но тщетно: чрезъ его воображеніе пробѣгалъ лишь нечистый, соблазнительный напѣвъ Венеціянца.—голосъ Магдалины повторялъ его въ углубленіи сводовъ,—и Бахъ въ изнеможеніи упадалъ безъ чувствъ...

Скоро Бахъ уже не могъ сойдти съ креселъ; окруженный вѣчною тьмою, онъ сидѣлъ сложивъ руки, опустивъ голову—безъ любви, безъ воспоминаній... Привыкшій, какъ къ жизни, къ безпрестанному вдохновенію, онъ ждалъ снова его благодатной росы,—какъ привыкшій къ опіуму жаждетъ небеснаго напитка; воображеніе его, изнывая, искало звуковъ, единственнаго языка, на которомъ ему была понятна и жизнь души его и жизнь вселенной,—но тщетно: одряхлѣвшее, оно представляло ему лишь клавиши, трубы, клапаны органа! мертвые, безжизненные, они ужь не возбуждали сочувствія: магическій свѣтъ, проливавшій на нихъ радужное сіяніе, закатился навѣки!...

НОЧЬ ДЕВЯТАЯ.

Вечернее солнце пылало надъ величавой рѣкою; алыя облака разсыпались по сизому небу, и каждое свѣтилось стороною, обращенною къ солнцу, а другою исчезало въ туманѣ.—Фаустъ сидѣлъ у окна, то перебирая листы старой книги, то смотря, какъ багровый отблескъ рѣчной волны разстилался по стѣнамъ комнаты и придавалъ картинамъ, статуямъ, всѣмъ неодушевленнымъ предметамъ трепетаніе жизни. Нашъ философъ былъ задумчивѣе обыкновеннаго; на лицѣ его не было примѣтно той постоянной, но не злой насмѣшки, съ которой онъ задавалъ загадки молодымъ людямъ, его окружавшимъ, и которыхъ разнорѣчащія мысли столь мало походили на спокойствіе увѣренности, которымъ, казалось, обладалъ добрый чудакъ. Въ эту минуту, Фаустъ не расположенъ былъ къ шуткѣ; его мечты, казалось, были важны и грустны; когда онъ перелистывалъ свою старую книгу—тогда ясность снова сообщалась его взорамъ; когда онъ отводилъ ихъ отъ книги, какъ-бы желая во внутренности ду-

ши сосредоточить смыслъ читаннаго—снова грусть появлялась на лицѣ философа.

Дверь отворилась; вошелъ молодой Ростиславъ, всегда разсѣянный, всегда далекій отъ настоящей минуты.

Ростиславъ.—Сегодня, когда я собирался къ тебѣ, мнѣ пришли въ голову всѣ наши послѣдніе разговоры, перемѣшавшіеся съ твоею рукописью... что за энциклопедія! какихъ вопросовъ мы не касались!...

Фаустъ.—И какіе разрѣшили, ты хочешь сказать...

Ростиславъ.—Именно! если бы кто-либо насъ подслушалъ и записалъ наши рѣчи... что̀ бы объ насъ подумали...

Фаустъ.—Мыслящіе люди сказали бы, что по-крайней-мѣрѣ нашъ разговоръ—не поддѣльный; педанты доказали бы намъ очень убѣдительно, что разговоръ долженъ быть не что иное, какъ диссертація, логически развитая въ драматической формѣ...

Ростиславъ.—А что, если бы въ-самомъ-дѣлѣ на каждый вечеръ намъ опредѣлить себѣ какой либо одинъ предметъ, назначить очередь, кому говорить за другимъ, положить себѣ за правило не отступать отъ предмета, пока мы не разсмотрѣли его во всей подробности?..

Фаустъ.—Тогда бы мы объявили притязаніе на полную, стройную систему философіи—на что,

можетъ-быть, надобно имѣть право, котораго я покуда въ насъ не признаю. Мнѣ кажется, мы похожи на странниковъ, зашедшихъ ночью въ незнакомую землю, о которой они имѣютъ свѣдѣнія и неподробныя и неполныя; въ сей землѣ они должны жить и потому изучить ее; но въ эту минуту исканія, всякій систематизмъ былъ бы для нихъ дѣломъ свыше ихъ силъ, и, слѣдственно, источникомъ заблужденія; все, что они знаютъ объ этой странѣ—это: что они ея не знаютъ. Въ эту минуту, ихъ можетъ скорѣе спасти догадка самопроизвольная, безсознательная, инстинктивная,—до нѣкоторой степени поэтическая; въ эту минуту, всего важнѣе—искренность воли; въ-послѣдствіи, они, можетъ-быть, примѣтятъ свои заблужденія, оцѣнятъ свои догадки и, можетъ-быть, найдутъ, что въ одной изъ нихъ—и скрывается искомая истина. Но до-тѣхъ-поръ, покорись они систематизму—и странники сдѣлаются рабами собственнаго слова, актёрами; разговоръ потеряетъ всю искренность, и, если угодно, всю пользу; онъ обратится въ сцену, на которой всякій говоритъ не то, что невольно, безсознательно въ немъ возбудилось рѣчью другаго, но старается своей собственной мысли дать самую благообразную форму и, посредствомъ хитросплетенія словъ, всегда болѣе или менѣе неопредѣленныхъ, во что бъ ни стало, предохранить свою рѣчь отъ возраженія. Такъ и съ нами! да, сверхъ-того, есть и другое не малое затрудненіе, которое мнѣ сію минуту пришло въ голову: слова: «единство», «пред-

метъ» обыкновенно встрѣчаются въ первыхъ параграфахъ всякой философской книги, какъ вещи совершенно всякому извѣстныя и понятныя, но признаюсь, они-то меня и останавливаютъ. Есть ли что либо неопредѣленнѣе слова: *единство?* развѣ слово еще болѣе сбивчивое: *предметъ?* — Соединеніе же этихъ двухъ словъ составляетъ для меня нѣчто вовсе непонятное...

Ростиславъ. — Я не понимаю твоего затрудненія; положимъ, мы избрали себѣ предметомъ опредѣлить: что такое дерево?.. и будемъ держаться этого вопроса, не касаясь ни камня, ни животнаго, ни искусства, и такъ далѣе...

Фаустъ. — Тщетная мечта! Съ чего начать, чтобъ не удалиться ни на шагъ отъ избраннаго предмета? Одинъ начинаетъ говорить о жизни дерева; ему возражаютъ, что онъ удаляется отъ предмета ибо жизнь дерева есть лишь одно изъ явленій этого предмета, и предварительно надобно опредѣлить, что́ понимать подъ словомъ: жизнь? Другой предлагаетъ начать прямо съ описанія частей дерева; здѣсь новые вопросы: начать ли съ корней, какъ органовъ питанія? начать ли съ органовъ дыханія—листьевъ? Одинъ увѣряетъ, что надобно начать съ коры—какъ внѣшней оболочки, прежде всего поражающей наши чувства. Другой столь же основательно доказываетъ, что надобно начинать съ сердцевины, какъ центральной части дерева; тогда рождается вопросъ: что́ такое централь-

ная часть и существуетъ ли она въ деревѣ? Предлагаютъ, чтобъ кончить эти споры, дѣйствовать отрицательно, то-есть, прежде всего показать, отъчего дерево не есть ни камень, ни животное; но тутъ естественно рождается вопросъ: что̀ такое камень? что̀ такое животное? и съ каждымъ новымъ предметомъ начинается та же исторія, что и съ деревомъ... и не достанетъ ни вѣковъ, ни жизни мильйоновъ людей для того, чтобъ опредѣлить: съ чего начать, чтобъ говорить о деревѣ? ибо въ этотъ вопросъ войдутъ всѣ науки, вся природа... и отъ-того, кажется, всѣ споры, въ продолженіи вѣковъ возбуждающіеся въ человѣчествѣ, приводятся къ одному и тому же вопросу: съ чего начать? или лучше сказать къ другому еще высшему: что̀ такое начало? что̀ такое знаніе? и наконецъ: возможно ли знаніе? — А этотъ вопросъ есть предѣлъ науки, которая называется философіею...

Ростиславъ.—Если бы и такъ... то намъ ли пугаться этого вопроса, намъ ли, которыхъ половина жизни протекла въ трудахъ надъ этою страшною, но отрадною наукою?

Фаустъ. — Согласенъ; кажется, мы то и дѣлаемъ. Но возможно ли для этой науки, какъ и для всякой другой, то, что̀ называется стройною логическою формою—это вопросъ иной.

Ростиславъ.—Слѣдственно, ты не допускаешь возможности логическаго построенія мыслей?

Фаустъ. — Я пока не допускаю того, чтобъ

люди, говоря между собою, совершенно понимали другъ друга... Я не могу войдти здѣсь въ разборъ тѣхъ началъ, на которыхъ *для меня* основано это убѣжденіе; но, кажется, до него можно дойдти и другими путями. Испытаю. Хорошо было Кондильяку; для него вся философія состояла въ *искусствѣ разсуждать*; онъ забылъ только одно: что глупцы и сумасшедшіе часто очень логически разсуждаютъ; одного они не могутъ себѣ логически доказать: сумасшедшій, что онъ сумасшедшій, глупецъ, что онъ глупъ. — Къ сожалѣнію, я не знаю, какимъ образомъ каждый изъ насъ можетъ доказать себѣ, что онъ дѣйствительно въ здравомъ умѣ, что онъ, напримѣръ, не принимаетъ части за цѣлое, цѣлое за часть, движеніе за покой и покой за движеніе, точно такъ же, какъ тотъ чудакъ, который, ходя по комнатѣ, держался за стѣнку, полагая, что онъ вѣчно на кораблѣ въ бурную погоду; пока не открытъ этотъ способъ доказательства, до-тѣхъ-поръ, по моему мнѣнію, каждый разговоръ, каждая рѣчь есть обманъ, въ который мы впадаемъ сами и вводимъ другихъ; мы думаемъ, что говоримъ объ одномъ предметѣ, когда вмѣсто того говоримъ о совершенно-различныхъ предметахъ...

Ростиславъ.—Но тогда не было бы возможности двумъ людямъ никогда въ чемъ либо согласиться, а между-тѣмъ это случается...

Фаустъ. — Весьма рѣдко, а если и случается, то, кажется, совсѣмъ инымъ процессомъ, далеко не

логическимъ. Два человѣка могутъ согласно вѣрить, или, если угодно, *чувствовать* истину, но никогда согласно *думать* о ней, и тѣмъ менѣе свое согласіе выразить словами. Объясню тебѣ это весьма простымъ примѣромъ: кто изъ насъ не знаетъ, что̀ такое металлъ? Каждый, даже неучившійся минералогіи или химіи, знаетъ, что́ значитъ, когда говорятъ: «такое-то тѣло есть металлъ». Въ старинныхъ химіяхъ находились весьма подробныя опредѣленія металла и отличій его отъ другихъ минераловъ. Новѣйшіе химики принуждены были отказаться отъ опредѣленія: что̀ такое металлъ? И дѣйствительно, невозможно: чѣмъ отличается металлъ отъ другихъ тѣлъ? крѣпостію, — но алмазъ крѣпче металла; ковкостію, — тогда, куда отнести ртуть? тѣмъ, что онъ простое тѣло? но простыхъ тѣлъ болѣе полсотни; блескомъ? но сѣра, слюда имѣютъ металлическій блескъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ; наконецъ, къ довершенію бѣдъ, открыли тѣло, имѣющее въ своихъ соединеніяхъ всѣ свойства металловъ, и между-тѣмъ, этого тѣла никто не видалъ; химія не можетъ уловить его, оно почти не существуетъ—это, какъ знаешь, металлъ *аммоній*. А между-тѣмъ, мы понимаемъ другъ друга, когда говоримъ о металлахъ, и отнюдь не смѣшиваемъ этого тѣла съ другими Что-жь это значитъ? что мы къ данному слову присовокупляемъ еще *какое-то* понятіе, не выражаемое словами, понятіе, сообщенное намъ не внѣшнимъ предметомъ, но самобытно и безусловно изшедшее изъ нашего

духа. Я привелъ въ примѣръ слово простое, означающее предметъ простой; но что же должно происходить въ нашихъ словахъ, когда мы говоримъ о понятіяхъ неосязаемыхъ, о понятіяхъ, заключающихъ въ себѣ тысячу другихъ понятій, каковы, напримѣръ, понятія нравственныя. Полное вавилонское смѣшеніе языковъ! Отсюда, частію проистекаетъ мое убѣжденіе, что мы говоримъ не словами, но чѣмъ-то, что находится внѣ словъ, и для чего слова служатъ только загадками, которыя иногда, но отнюдь не постоянно, наводятъ насъ на мысль, заставляютъ насъ *догадываться*, *пробуждаютъ въ насъ нашу мысль*, но отнюдь не выражаютъ ее. Отъ-того, чѣмъ подробнѣе мы хотимъ изложить какое-либо понятіе, тѣмъ болѣе мы должны употреблять словъ или неопредѣленныхъ знаковъ, словомъ, чѣмъ яснѣе, т. е. чѣмъ матеріальнѣе хотимъ выразить нашу мысль, тѣмъ болѣе она теряетъ опредѣленности. Въ этомъ смыслѣ, можетъ-быть, и говорилъ Сократъ: «все, что я знаю, это—что ничего не знаю», а отнюдь не въ духовномъ смыслѣ, какъ обыкновенно полагаютъ; ибо рѣчь внутренняя всегда понятна для людей, находящихся въ нѣкоторой степени симпатіи; въ этомъ былъ убѣжденъ и Сократъ—и тому доказательство: онъ не молчалъ. Одно условіе понимать другъ друга: говорить искренно и отъ полноты душевной; тогда, всякое слово получаетъ ясность отъ своего вышняго источника. Когда два или три человѣка говорятъ *отъ души*, они не останавливаются на бóльшей или меньшей полнотѣ сво-

ихъ словъ; между ними образуется внутренняя гармонія; внутренняя сила одного возбуждаетъ внутреннюю силу другаго; ихъ соединенія, какъ соединеніе организмовъ въ магнетическомъ процессѣ, возвышаетъ ихъ силу; они оба дружно съ быстротою неизчислимою переходятъ цѣлые міры различныхъ понятій и согласно достигаютъ искомой мысли; если этотъ переходъ выразить словами, то, по ихъ несовершенству, они едва означатъ лишь конечныя грани: точку отправленія и точку покоя; внутренняя нить, ихъ связывающая, для словъ недоступна. Отъ-того, въ живомъ, откровенномъ, искреннемъ разговорѣ, кажется, нѣтъ логической связи, а между-тѣмъ, лишь при этомъ гармоническомъ столкновеніи внутреннихъ силъ человѣка раждаются нежданно самыя глубокія наблюденія, какъ замѣтилъ мимоходомъ Гёте (*). Этотъ гармоническій процессъ объяснить словами еще труднѣе, нежели объяснить, что такое металлъ; на этотъ процессъ, обыкновенно, не обращаютъ вниманія, а между-тѣмъ, онъ такъ важенъ, что безъ предварительнаго изученія этого процесса—всякое философическое понятіе, выраженное словами, есть не иное что, какъ простой звукъ, могущій имѣть тысячи произвольныхъ значеній; словомъ, безъ предварительнаго изученія *процесса выраженія мыслей*—никакая философія невозможна, ибо при первомъ шагѣ она

(*) Wilhelm Meisters Lehrjahre.

должна уже употребить этотъ процессъ, а между-тѣмъ, явленія до нѣкоторой степени однородныя съ этимъ процессомъ у насъ ежедневно предъ глазами; возьмемъ примѣръ самый простой: кто не знаетъ, что лучшій способъ убѣжденія не логика, но такъ называемое нравственное вліяніе; отсюда различіе между рѣчью импровизированною и рѣчью читаемою; отсюда простое слово: «впередъ», произнесенное опытнымъ полководцемъ, дѣйствуетъ на воиновъ сильнѣе самой лучшей диссертаціи; отсюда, на примѣръ, чудное дѣйствіе рѣчей Наполеона, которыя въ чтеніи—лишь наборъ напыщенныхъ словъ; отсюда, наконецъ, прелесть дружеской, откровенной бесѣды и нестерпимая тоска чопорнаго разговора.

Ростиславъ.—Знаешь ли, что ты своими словами уничтожаешь возможность всякой науки, всякаго изученія?

Фаустъ.—Нѣтъ, я спасаю науку отъ того камня, который швыряется ей подъ ноги скептицизмомъ и догматизмомъ. Впрочемъ, не я началъ. Шеллингъ, въ первый годъ текущаго столѣтія, бросилъ въ міръ одну глубокую мысль, какъ задачу для юнаго вѣка, задачу, которой разработка должна наложить на него характерическую печать, и гораздо вѣрнѣе выразить его внутреннее значеніе въ эпохахъ міра, нежели всѣ возможные паровики, винты, колеса и другія индустріальныя игрушки. Онъ отличилъ безусловное, самобытное, свободное самовозрѣніе души—отъ того возрѣнія души, ко-

торое подчиняется, например, математическим, уже *построенным* фигурам; он признал основу всей философии—во внутреннем чувстве, он назвал первым знанием—знание того акта нашей души, когда она обращается на самую себя и есть вместе и предмет и зритель (*); словом, он укрепил первый, самый трудный шаг науки на самом неопровержимом, на самом явном явлении и тем, как-бы по предчувствию, положил вечную преграду для всех искусственных систем, которыя, подобно гегелизму, начинают

(*) Вот подлинныя слова Шеллинга: „Единственный предмет трансцендентальной философии есть *внутреннее чувство*, и предмет ея никогда не может быть, как в математике, предметом внешняго воззрения (Anschauung). — Предмет математики столько же не вне знания, как и предмет философии. Все существо математики основано на воззрении; она существует лишь в воззрении; но в воззрении *внешнем*. От-того, математик не занимается самовоззрением (актом построения), но только тем, что уже построено, что всегда может проявляться во внешность, тогда как философия вникает лишь в самый акт построения, в акт совершенно *внутренний*.

Сверх-того, предметы тр. философии существуют тогда только, когда они суть произведения самобытныя, свободныя. — Нельзя принудить к внутреннему воззрению сих предметов, как можно принудить к внешнему воззрению математической фигуры: действительность математической фигуры основана на внешнем чувстве; точно также действительность философическаго понятия основана на внутреннем. „System des transcendentalen Idealismus“, § 4. Tübingen, 1800.

науку не съ дѣйствительнаго факта, но, напримѣръ, съ *чистой* идеи, съ *отвлеченія отвлеченія* (*).

Не знаю, ошибаюсь ли я, но мнѣ кажется, что великій мыслитель, произнося великую мысль, живо чувствовалъ тотъ раздоръ между мыслію и словомъ, который, по моему убѣжденію, играетъ столь важную роль въ жизни человѣчества. «Упрекъ въ темнотѣ, говоритъ онъ (**), который дѣлаютъ философіи, происходитъ не отъ ея дѣйствительной темноты, но отъ того, что не всякому данъ тотъ органъ, которымъ она можетъ быть схвачена». Если такъ, то что́ значитъ слово, употребляемое нами для выраженія мысли? Измѣняемая форма, ясная для одного, менѣе понятная для другаго, вовсе непонятная для третьяго!

Ростиславъ.—Такъ! Я согласенъ съ тобою въ томъ, что́ можетъ относиться къ высшимъ положеніямъ философіи, но въ другихъ подчиненныхъ наукахъ...

Фаустъ.—Философія есть наука науки; ея основное положеніе не можетъ быть вполнѣ выражено словомъ, ибо какъ бы слово ни было совершенно, между имъ и мыслію будетъ всегда minimum разницы, которое дифферентируется смотря по философскому органу, о которомъ говоритъ

(*) См. Hegel's Encyclopedie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse § 19 u. § 24. Tübingen, 1827.

(**) Schelling's System des transcendentalen Idealismus. p. 51.

Шеллингъ; довести сей minimum разницы до нуля— есть въ настоящую минуту высшая задача философіи; до разрѣшенія этой задачи, какое бы положеніе ни было взято за первоначальное (и чѣмъ выше оно, тѣмъ труднѣе), оно, проходя сквозь слова, будетъ имѣть столько же смысловъ, сколько головъ человѣческихъ... Это положеніе, приспособленное къ какой либо отдѣльной отрасли знаній человѣческихъ, вноситъ и въ нее свой измѣняющійся, шаткій характеръ; отсюда логическое построеніе этой отдѣльной отрасли становится ложнымъ, обманчивымъ, основаннымъ на шаткомъ значеніи употребленныхъ словъ ...

Ростиславъ.—Слѣдственно, еще разъ, по твоему, никакая наука, никакое знаніе невозможно...

Фаустъ.—Нѣтъ! еслибъ я сказалъ, то я бы спорилъ противъ дѣйствительности; всякое знаніе возможно—ибо возможно первоначальное знаніе, т. е. знаніе акта самовоззрѣнія; но какъ это знаніе есть знаніе внутреннее, инстинктивное, не извнѣ, но изъ собственной сущности души порожденное,— то таковы должны быть и всѣ знанія человѣка. Оттого я не признаю возможности существованія наукъ, искусственно построенныхъ учеными, я не понимаю науки, которая называлась бы философіею, исторіею, химіею, физикою... это оторванныя, изуродованныя части одного стройнаго организма, одной и той же науки, которая живетъ въ душѣ человѣка и которой форма должна разнообра-

зиться, смотря по его философскому органу, или, другими словами, по сущности его духа. Въ этой наукѣ также должны соединяться всѣ науки, существующія подъ различными названіями, какъ въ тѣлесномъ организмѣ соединяются всѣ формы природы, а не однѣ химическія, не однѣ математическія и такъ далѣе. Словомъ, каждый человѣкъ долженъ образовать свою науку изъ существа своего индивидуальнаго духа. Слѣдственно, изученіе не должно состоять въ логическомъ построеніи тѣхъ или другихъ знаній (это роскошь, пособіе для памяти — не болѣе, если еще пособіе); оно должно состоять въ постоянномъ *интегрированіи* духа, въ возвышеніи его, другими словами, въ увеличеніи его самобытной дѣятельности. Вопросъ о томъ, до какой степени и какимъ образомъ возможно это возвышеніе, какимъ образомъ оно можетъ проливать свѣтъ на все неизмѣримое царство знанія—этотъ вопросъ важенъ и я не могу теперь отвѣчать на него вполнѣ; укажу только на нѣкоторыя отдѣльныя его разрѣшенія (*). Такъ, напр.,

---

(*) Дифференцированіе въ простѣйшемъ смыслѣ есть путь отъ многоугольника къ кругу; интегрированіе—путь отъ круга къ многоугольнику. Фаустъ не даромъ употребляетъ эти выраженія: въ мистикѣ все чувственное выражается кругомъ; духовное единицею, которой проявленія: линія и треугольникъ, играющій столь важную роль въ мистическихъ книгахъ. Отсюда въ кабалистикѣ значеніе чиселъ: 6 и 9, встрѣчающихся постоянно между прочимъ у Сенъ-Мартена; шесть ♀ ♁ есть торжество единицы надъ кругомъ, разрушеніе чувственнаго; девять ♀ торжество чувственнаго надъ духовнымъ—разрушеніе духовнаго.

для меня совершенно ясно, что эта дѣятельность не возбудится тѣмъ или другимъ фактомъ, тѣмъ или другимъ силлогизмомъ, ибо силлогизмомъ можно доказать, но не увѣрить; но что эта дѣятельность можетъ быть возбуждена, между-прочимъ, путемъ *эстетическимъ*, т.-е. «посредствомъ непонятнаго начала, какъ говоритъ Шеллингъ (*), которое невольно, и даже противъ воли соединяетъ предметы съ познаніемъ.» Эстетическая дѣятельность проникаетъ до души не посредствомъ искусственнаго логическаго построенія мыслей, но *непосредственно*; ея условіе есть то особое состояніе, которое называется *вдохновеніемъ*, состояніе понятное только тому, кто имѣетъ органъ сего состоянія, но имѣющее необъяснимую привилегію дѣйствовать и на тѣхъ, у кого этотъ органъ на низшей степени. Низшія степени предполагаютъ существованіе высшихъ степеней сего чуднаго духовнаго процесса— и Шеллингъ...

(*Входятъ* Вячеславъ и Викторъ).

Вячеславъ.—Такъ! толкуютъ о Шеллингѣ! поздравляю васъ, господа, учитесь снова, Шеллингъ вовсе перемѣнилъ свою систему...

Фаустъ (*къ Ростиславу*). Не правду ли я говорилъ, что языкъ человѣческій есть предатель его мысли и что мы другъ друга не понимаемъ? Такъ Шеллингъ вовсе измѣнилъ свои мысли, не правда ли? и вы вѣрите этому?

(*) Ibidem—pag. 457.

Викторъ.—Во всѣхъ журналахъ, даже въ вашихъ философскихъ...

Фаустъ.—Знаю! знаю!—есть люди, для которыхъ всякая неудача есть истинное наслажденіе; они радуются опечаткѣ въ роскошномъ изданіи; фальшивой нотѣ у отличнаго музыканта; грамматической ошибкѣ у искуснаго писателя; когда неудачи нѣтъ, они, по добротѣ сердца, ее предполагаютъ,—все-таки слаще. Успокойтесь, господа, великій мыслитель нашего вѣка не перемѣнилъ своей теоріи. Васъ обманываютъ слова: слова похожи на морскую зрительную трубу, которая колеблется въ рукахъ у стоящаго на палубѣ; въ этой трубѣ есть для глаза нѣкоторое ограниченное поле, но на этомъ полѣ предметы мѣняются безпрестанно, смотря по положенію глаза; онъ видитъ много предметовъ, но ни одного явственно; къ сожалѣнію—слова наши еще хуже этого оптическаго инструмента—не́ на что и опереть ихъ! мысли скользятъ подъ фокусомъ слова! мыслитель сказалъ одно,—для слушателя выходитъ нѣчто другое; мыслитель избираетъ лучшее слово для той же мысли, силится приковать слово къ значенію мысли нитями другихъ словъ—а вы, господа, думаете, что онъ перемѣнилъ и самую мысль! оптическій обманъ! оптическій обманъ!

Вячеславъ.—Это очень утѣшительно для самолюбія господъ философовъ, но еще слѣдуетъ доказать....

Фаустъ.—Я даю слово доказать это убѣжденіе, какъ скоро явятся въ свѣтъ новыя лекціи Шеллинга.

Викторъ.—Ну, а что же знаменитая рукопись? какую еще сказку разскажутъ намъ твои эксцентрическіе путешественники.

Фаустъ.—Рукопись кончена.

Вячеславъ.—Какъ кончена?—Стало быть это былъ *пуфъ*! эти господа брались, кажется, прояснить всѣ тайны міра духовнаго и вещественнаго, а дѣло ограничилось только какими-то идеальными біографіями какихъ-то чудаковъ, которые бы спокойно могли пробыть въ полной неизвѣстности безъ всякаго изъяна для человѣческой исторіи.

Фаустъ.—Мнѣ кажется, что мои друзья видѣли неразрывную, живую связь между всѣми этими лицами—идеальными или нѣтъ—не въ томъ дѣло.

Викторъ.—Признаюсь въ моей непроницательности: я этой связи не замѣтилъ.

Фаустъ.—Мнѣ она кажется довольно явною; но если вы сомнѣваетесь въ ней, я прочту вамъ еще нѣсколько листковъ, которыхъ я не хотѣлъ-было читать, ибо они не что иное, какъ жертва систематическому характеру вѣка, которому мало мысли безграничной, неопредѣленной,—а непремѣнно надобно что нибудь такое, что бъ можно было ощупать. Такъ слушайте жь! вотъ вамъ систематическое оглавленіе всей рукописи и даже эпилогъ къ ней

Фаустъ читалъ:

Судилище.

Подсудимый! понялъ ли ты себя? нашелъ ли ты себя? что сдѣлалъ ты съ своею жизнію?

Піранези.

Я обошелъ вселенную; я началъ съ востока, возвратился съ запада. Вездѣ я искалъ самого себя! Я искалъ себя въ пучинахъ океана, въ кристаллахъ горъ первородныхъ, въ сіяніи солнца — все охватилъ въ мои могучія объятія и, пораженный собственною моею силою, я забылъ о людяхъ и не подѣлился съ ними моею жизнію!

Судилище.

Подсудимый! твоя жизнь принадлежала людямъ, а не тебѣ!

Экономистъ.

Я отдалъ душу мою людямъ; моя жизнь развилась пышнымъ, роскошнымъ цвѣтомъ — я отдалъ его людямъ: люди оборвали, растерзали его—и онъ исчезъ прежде, нежели я надышался его упоительнымъ запахомъ. Въ горячей любви къ нимъ, я сошелъ въ мрачный кладезь науки, я исчерпалъ его до изнеможенія силъ, думая утолить жажду человѣчества; но предо мною былъ сосудъ Данаидъ! я не наполнилъ его,—лишь забылъ о себѣ.

Судилище.

Подсудимый! жизнь твоя принадлежала тебѣ, а не людямъ.

Городъ безъ имени.

Я много занимался моею жизнію; я расчелъ ее по математической формулѣ и замѣтивъ, что всякое высокое чувство, всякая поэзія, всякій энтузіазмъ, всякая вѣра не входитъ въ мое уравненіе, я принялъ ихъ за нуль и, чтобы жить спокойно и удобно, увидѣлъ необходимость безъ нихъ обойдтись; но отринутое мною чувство сожгло меня самого и я поздно увидѣлъ, что въ моемъ уравненіи забыта важная буква....

Судилище.

Подсудимый! твоя жизнь принадлежала не тебѣ, но чувству.

Бетховенъ.

Душа моя жила въ громогласныхъ созвучіяхъ чувства; въ немъ думалъ я собрать всѣ силы природы и возсоздать душу человѣка.... я изнемогъ недоговореннымъ чувствомъ.

Судилище.

Подсудимый! жизнь твоя принадлежала тебѣ, а не чувству.

Импровизаторъ.

Я страстно любилъ жизнь мою—я хотѣлъ и на-

уку, и искусство, и поэзію, и любовь закласть на жертвенникѣ моей жизни; я лицемѣрно преклонялъ колѣни предъ ихъ алтарями—и пламя его опалило меня.

Судилище.

Подсудимый! жизнь твоя принадлежала искусству, а не тебѣ!

Себастіянъ Бахъ.

Нѣтъ! Я не лицемѣрилъ моему искусству! Въ немъ я хотѣлъ сосредоточить всю жизнь мою, ему я принесъ въ жертву всѣ дарованія, данныя мнѣ Провидѣніемъ, отдалъ всѣ семейныя радости, все что веселитъ послѣдняго простолюдина....

Судилище.

Подсудимый! жизнь твоя принадлежала тебѣ, а не искусству.

Сегеліель.

Что это за забавное судилище? Помилуйте, да на что жь это похоже; оно на каждомъ шагу себѣ противорѣчитъ: то живи для себя, то для искусства, то для себя, то для науки, то для себя, то для людей. Ему просто хочется обманывать насъ! — Что ни говори, какъ ни называй вещи, какое на себя ни надѣвай платье—все *я* остается *я* и все дѣ-

лается для этого *я*. Не вѣрьте, господа, этому судилищу, оно само не знаетъ чего отъ насъ требуетъ.

Судилище.

Подсудимый! ты укрываешься отъ меня. Я вижу твои символы—но тебя, тебя я не вижу. Гдѣ ты? кто ты? отвѣчай мнѣ.

Голосъ въ неизмѣримой безднѣ.

Для меня нѣтъ полнаго выраженія!

ЭПИЛОГЪ.

Ростиславъ. — То есть, эти господа разными окольными дорогами дошли опять до того, съ чего начали, то есть, до роковаго вопроса о значеніи жизни...

Вячеславъ. — Нѣтъ, они, кажется, по предчувствію, что ли, хотѣли доказать любимую Фаустову мысль о томъ, что мы не можемъ выражать своихъ мыслей, и что, говоря, мы другъ друга не понимаемъ...

Фаустъ. — Твои слова могутъ служить однимъ изъ доказательствъ моей, какъ ты говоришь, любимой мысли. Я часто обращаюсь къ ней, — но, видно, недовольно ясно выражаюсь, не смотря на всѣ мои усилія: и не мудрено — я долженъ, для доказательства, что орудіе не годится, употреблять то же самое орудіе. Это все равно, какъ-бы повѣрять невѣрный аршинъ тѣмъ же самымъ аршиномъ, или голодному питаться своимъ голодомъ. Нѣтъ, я не говорю, чтобъ слова наши вовсе не годились для выраженія мысли, — но утверждаю, что тожество

между мыслію и словомъ простирается лишь до нѣкоторой степени; опредѣлить эту степень дѣйствительно невозможно посредствомъ словъ—ее должно ощутить въ себѣ.

Вячеславъ. — Такъ пробуди же во мнѣ это ощущеніе.

Фаустъ—Не могу—если оно само въ тебѣ не пробуждается; можно человѣка навести на это ощущеніе, указывая на разныя психологическія, физіологическія и физическія явленія; но произвести это ощущеніе въ другомъ безъ собственнаго его внутренняго процесса—нѣтъ возможности; точно такъ же, какъ можно человѣка навести на идею красоты, совершенства, гармоніи; но дать ощупать эту идею невозможно, ибо полнаго выраженія этой идеи не найдешь въ природѣ,—она лишь въ головѣ Рафаэля, Моцарта и другихъ людей въ этомъ родѣ.

Викторъ. — Если такъ, то и никакія твои физическія явленія не могутъ служить для выраженія мысли, а ты когда-то сказалъ, что въ природѣ буквы постоянныя, стереотипныя. Ужь воля твоя, для меня всегда яснѣе слово или цифра, нежели всѣ эти сравненія и метафоры, которыми ты и твоя рукопись такъ щедро насъ надѣляешь.

Фаустъ.—Ты напрасно хочешь обвинить меня въ противорѣчіи; дѣйствительно, буквы природы постояннѣе буквъ человѣческихъ и вотъ тому доказательство: въ природѣ дерево всегда ясно и

вполнѣ выговариваетъ свое слово; дерево, подъ какими бы именами оно ни существовало въ языкѣ человѣческомъ; между-тѣмъ, къ уничиженію нашей гордости, — нѣтъ слова нами произносимаго, которое бы не имѣло тысячи различныхъ смысловъ и не подавало повода къ спорамъ. Дерево было деревомъ для всякаго отъ начала вѣковъ; но вспомни хоть одно слово, выражающее нравственное понятіе, котораго бы смыслъ не измѣнялся почти съ каждымъ годомъ. Слово: изящество то ли значило для людей прошлаго вѣка, что̀ для людей нынѣшняго? добродѣтель язычника—была бы преступленіемъ въ наше время; вспомни злоупотребленіе словъ: равенство, свобода, нравственность. Этого мало: нѣсколько саженей земли и смыслъ словъ перемѣняется: баранта, вендетта, всѣ роды кровавой мести — въ нѣкоторыхъ странахъ значатъ: долгъ, мужество, честь.

Викторъ.—Я согласенъ, что эта неопредѣленность выраженій существуетъ въ метафизикѣ, но кто въ этомъ виноватъ? отъ-чего этой неопредѣленности не существуетъ въ точныхъ наукахъ? здѣсь каждое слово опредѣлено, потому-что предметъ его опредѣленъ, осязаемъ.

Фаустъ —Совершенная правда—и тому доказательство: наприм., безконечность, величины безконечно великія и безконечно малыя, математическая точка — словомъ, всѣ тѣ основанія, съ которыхъ должна бы начинаться математика; въ химіи, ре-

комендую слова: сродство, катализисъ, простое тѣло; не говоря о другихъ наукахъ, гдѣ идетъ дѣло о живой природѣ.—Вспомни слова Биша̀—великаго экспериментатора, опытнаго физика, убитаго анатомическими опытами, котораго кто-то, и не совсѣмъ безъ основанія, поставилъ на ряду съ Наполеономъ. Биша̀ долженъ былъ сознаться, что «для тѣлъ органическихъ надобно выдумать новый языкъ, ибо всѣ слова, которыя мы переносимъ изъ физическихъ наукъ въ животную или растительную экономію, напоминаютъ намъ такія понятія, которыя вовсе не соотвѣтствуютъ физіологическимъ явленіямъ» (*). Когда мы говоримъ, мы каждымъ словомъ вздымаемъ прахъ тысячи смысловъ, присвоенныхъ этому слову и вѣками, и различными странами, и даже отдѣльными людьми. Въ природѣ этого нѣтъ, ибо въ природѣ нѣтъ воли; она—произведеніе вѣчной необходимости; растеніе цвѣло за тысячу лѣтъ, какъ оно цвѣтетъ сегодня. Отъ-того, когда мы хотимъ нашему слову дать характеръ опредѣленный, мы невольно хватаемся за опредѣленную букву природы, какъ за постоянный символъ живой мысли, однородной съ нашею мыслію; мы стараемся нашей мысли дать ту прочную одежду, которой сами сотворить не умѣемъ, ибо не умѣемъ направить нашей воли по такимъ же прочнымъ законамъ, по которымъ дѣйствуетъ природа.

(*) Bichat — Recherches physiologiques sur la vie et la mort. Paris. 1829. p. 108.

В и к т о р ъ.—Еще противорѣчіе: не самъ ли ты еще недавно силился убѣдить насъ, что произведеніе природы гораздо ниже произведеній человѣческихъ... теперь выходитъ на оборотъ...

Ф а у с т ъ.—Опять споръ въ словахъ! замѣть, что я сказалъ *такимъ* же, но не *тѣмъ* же законамъ природы; какъ скоро человѣкъ хочетъ подражать природѣ,—онъ всегда ниже ея; но онъ всегда выше, когда творитъ своей внутреннею силою; что́ нужды, что онъ для своихъ потребностей пользуется тѣми удобствами, которыя онъ находитъ въ природѣ! въ паркѣ у богатаго владѣльца есть и хижины, и развалины, и луга, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ спалъ на травѣ, или жилъ въ хижинѣ: у него есть свои чертоги,—и главное дѣло, чтобъ владѣлецъ-то былъ богатъ самъ по себѣ.

В я ч е с л а в ъ.—Въ чемъ же можетъ заключаться это богатство, или, оставя сравненія, когда же человѣкъ можетъ вполнѣ выразить свою мысль?

Ф а у с т ъ.—Когда его воля достигла до той степени высоты, гдѣ *она увѣрена въ своей искренности.*

В я ч е с л а в ъ.—Но чѣмъ увѣрится она въ этой искренности?

Ф а у с т ъ.—Тѣмъ же процессомъ, которымъ математикъ увѣряется, что a можетъ быть равно b, ибо этой аксіомы онъ не можетъ доказать ни чѣмъ существующимъ въ природѣ; въ природѣ человѣкъ

можетъ найдти лишь *сходство*, но *равенства*—никогда; эта идея безусловно существуетъ въ человѣкѣ...

Викторъ. — Ка́къ? равенства двухъ предметовъ не существуетъ въ природѣ? я вижу два листа на деревѣ: вижу, что они оба зелены, оба остроконечны, оба ростутъ на деревѣ—и заключаю, что они равны между собою; это равенство прикладываю къ другимъ предметамъ и такъ далѣе...

Фаустъ.—По какому праву? ты не можешь не видѣть, что какъ-бы два листа ни были сходны между собою, межу ними нѣтъ математическаго равенства, что между ними есть minimum разницы...

Викторъ.—Согласенъ.

Фаустъ.—Если ты видишь этотъ minimum разницы, слѣдственно, самъ замѣчаешь, что есть нѣчто въ предметѣ, что́ противорѣчитъ идеѣ совершеннаго равенства; слѣдственно, ты берешь изъ природы, чего въ ней не замѣтилъ; и я снова спрашиваю: по какому праву? другими словами: откуда?

Викторъ.—Посредствомъ отвлеченія...

Фаустъ.—Но отвлеченіе есть процессъ, которымъ мы сжимаемъ въ одну форму тысячи различныхъ свойствъ предмета; нельзя сжать того, чего нѣтъ; если нѣтъ въ природѣ совершеннаго равенства,—то нѐ откуда ему взяться и въ твое отвле-

ченіе. Ты хочешь сдѣлать вѣрное сокращеніе какой нибудь книги; если ты къ своему сокращенію прибавилъ мысли, которыхъ нѣтъ въ книгѣ — твое сокращеніе невѣрно, ты обманываешь и себя и другихъ; такъ и со всѣми такъ называемыми отвлеченіями. Они сжимаютъ нѣсколько частныхъ понятій и прибавляютъ къ нимъ новое—откуда же взялось оно? Словомъ, если мы имѣемъ идею равенства, красоты, совершеннаго добра и проч. т. п.— то они существуютъ въ насъ сами собою, безусловно, и мы лишь какъ мѣрку прикладываемъ ихъ къ видимымъ предметамъ. Это говорилъ еще Платонъ, и я не постигаю какъ можно до-сихъ-поръ толковать о дѣлѣ столь ясномъ.

Ростиславъ.—Мы отдалились отъ вопроса: дѣло шло—о выраженіи мыслей. Признаюсь, убѣжденіе Фауста весьма меня безпокоитъ; оно потрясаетъ все зданіе нашихъ наукъ, ибо онѣ всѣ—выражаются словами...

Фаустъ.—Бо́льшею частію,—но не всѣ.

Вячеславъ.—Какъ не всѣ? но чѣмъ же? нельзя ли безъ загадокъ...

Фаустъ.—Вопросъ: можетъ ли быть наука, невыражаемая словами, завелъ бы насъ слишкомъ далеко; я пока настаиваю только на томъ, чтобъ мы не слишкомъ довѣряли нашимъ словамъ и не думали, что наши мысли *вполнѣ* выражаются словами; не даромъ эта настойчивость пугаетъ Ростислава; дѣло

довольно важное, и отъ него происходитъ довольно бѣдъ на землѣ. .

Вячеславъ.—Вольтеръ ужь давнымъ давно говорилъ объ этомъ....

Фаустъ.—У Вольтера была сумасбродная и преступная цѣль и потому онъ видѣлъ только одну сторону вопроса, одно то, что́ могъ онъ употребить какъ оружіе противъ предмета своей ненависти. Между тѣмъ, никто такъ не пользовался двусмысленностію словъ, какъ самъ Вольтеръ; всѣ его мнѣнія завернуты въ эту оболочку.—Здѣсь дѣло другое; *двусмысленность* словъ—большое неудобство; но *безсмысленность* еще важнѣе, и словъ послѣдняго рода гораздо больше въ обращеніи—благодаря между прочимъ и Вольтеру...

Вячеславъ.—Не слишкомъ-ли строго, особливо въ отношеніи къ такому человѣку, у котораго нельзя отнять геніальности...

Фаустъ.—Я знаю существо, у котораго еще менѣе можно отнять права на геніальность...

Вячеславъ.—Кто же такое...

Фаустъ. — Его называютъ иногда Луциферомъ...

Вячеславъ.—Я не имѣю чести его знать...

Фаустъ.—Тѣмъ хуже; мистики говорятъ, что онъ больше всего знакомъ съ тѣми, которые его не знаютъ...

Вячеславъ.—Былъ уговоръ: безъ мистицизма.

Фаустъ.—Шутки въ сторону, я не знаю никого, кромѣ этого господина, который могъ бы съ такою ловкостію пустить по свѣту напримѣръ, слѣдующія безсмысленныя слова: *фактъ, чистый опытъ, положительныя знанія, точныя науки,* и проч. т. п. Этими словами человѣчество пробавляется уже не первый вѣкъ, не присвоивая имъ ровно никакого смысла; напримѣръ, въ воспитаніи говорятъ: сдѣлайте милость безъ теорій, а побольше фактовъ, фактовъ; голова дитяти набивается фактами; эти факты толкаются въ его юномъ мозгу безъ всякой связи; одинъ ребенокъ глупъ,—другой, усиливаясь найдти какую нибудь связь въ этомъ хаосѣ, самъ себѣ составляетъ теорію, да какую!—говорятъ: «дурно учили!» совершенно согласенъ. Въ ученомъ мірѣ то и дѣло вы слышите: сдѣлайте милость безъ умозрѣній, а опытъ, чистый опытъ; между-тѣмъ, извѣстенъ только одинъ совершенно чистый опытъ, безъ малѣйшей примѣси теоріи и вполнѣ достойный названія опыта: медикъ лечилъ портнаго отъ горячки; больной, при смерти, проситъ на послѣдяхъ покушать ветчины; медикъ, видя, что уже спасти больнаго нельзя, соглашается на его желаніе; больной покушалъ ветчины—и выздоровѣлъ. Медикъ тщательно внесъ въ свою записную книжку слѣдующее опытное наблюденіе: «ветчина—успѣшное средство отъ горячки». Чрезъ нѣсколько времени, тому же медику случилось лѣчить сапожника также отъ горячки; опираясь *на опытъ,* врачъ предписалъ больному ветчину—больной умеръ; ме-

дикъ, на основаніи правила: записывать фактъ какъ онъ есть, не примѣшивая никакихъ умствованій, прибавилъ къ прежней отмѣткѣ слѣдующее примѣчаніе: «средство полезное лишь для портныхъ, но не для сапожниковъ».—Скажите, не такого-ли рода наблюденій требуютъ эти господа, когда толкуютъ о *чистомъ опытѣ;* еслибы *опытный* наблюдатель продолжалъ собирать свои *опытныя* наблюденія—то современемъ, изъ нихъ бы составилось то, что̀ называютъ теперь наукою...

Викторъ.—Шутка не дѣло...

Фаустъ.—И дѣло не шутка, а я думаю, что эти господа просто шутятъ...

Викторъ. — Но, помилуй! Можно ли сравнивать всѣхъ людей, занимающихся опытами — съ глупцемъ, который записывалъ все, что ему кидалось въ глаза, безъ всякаго разбора...

Фаустъ. — Извините! разборъ ужь предполагаетъ какую нибудь теорію, а какъ по вашему теорія можетъ быть слѣдствіемъ лишь *чистыхъ опытовъ,* то мой медикъ имѣлъ полное право внести свое наблюденіе въ памятную книжку. Я не сравниваю эмпириковъ съ этимъ медикомъ, — потомучто они, говоря одно, дѣлаютъ другое; каждый изъ нихъ, вопреки своей теоріи, имѣлъ теорію, такъ, что, дѣйствительно, въ ихъ устахъ *чистый опытъ*— есть слово безъ мысли. Но пойдемъ далѣе: часто въ словѣ есть мысль, допустимъ даже всѣмъ понятная, всѣмъ ясная; проходитъ время, смыслъ слова

измѣняется, но слово остается; таково, напримѣръ, слово: нравственность; высоко было это слово въ устахъ, — хоть Конфуція; чтó сдѣлали изъ него его потомки? слово осталось—но оно теперь значитъ у нихъ не иное что, какъ наружная форма приличія; за тѣмъ—обманъ, коварство, развратъ всякаго рода — сдѣлались чѣмъ-то постороннимъ. Любопытна эта страна вообще и важная указка для формалистовъ. Не даромъ ею восхищались философы XVIII вѣка; она точь въ точь приходилась по мѣркѣ ихъ разрушительному ученію; все въ ней высказано, выражено; есть форма всего; есть форма просвѣщенія, форма военнаго искусства; даже форма пороха и огнестрѣльныхъ орудій—но сущность сгнила, и сгнила такъ, что трехсотъ-мильйонное государство можетъ рухнуться отъ малѣйшаго европейскаго натиска (*). Загляните въ исторію, въ это кладбище фактовъ—и вы увидите, чтò значатъ одни слова, когда смыслъ ихъ не опирается на внутреннее достоинство человѣка. Что значатъ всѣ эти скопища людей, эти домашніе раздоры, мятежи— какъ не споръ о словахъ, не имѣющихъ значенія, какъ, напримѣръ, хоть форма общественная; не ходя далеко — вспомните о Французской революціи; люди поднялись противъ угнетенія, противъ деспотизма, какъ они его называли—-пролиты рѣки крови; и наконецъ сбылись на дѣлѣ мечты Руссо и

(*) Легкая побѣда Англичанъ надъ Китайцами доказала справедливость этого замѣчанія, написаннаго еще въ 1838 г

Вольтера; люди, къ величайшему удовольствію, добились до республиканскихъ формъ, а съ ними—до Робеспьера и другихъ господъ того же разбора, которые, подъ защитою тѣхъ же самыхъ формъ, показали на дѣлѣ, а не на словахъ, чтó значитъ угнетеніе и варварство. Вотъ шутки, которыя разъигрываются на свѣтѣ по милости словъ! Ими живетъ царство лжи!

Вячеславъ.—Прекрасно! но если съ одной стороны—ложь, то съ противоположной должна быть истина; и потому мнѣ бы очень было любопытно узнать, какимъ способомъ человѣку можно обойдтись безъ словъ. Напримѣръ, я бы желалъ знать, чего добились твои пріятели, сочинители читанной тобою рукописи, которые подобно тебѣ были убѣждены въ вредѣ этого снадобья. Къ чему довели ихъ прыжки чрезъ языкъ человѣческій?

Фаустъ.—Мои молодые друзья были люди своего времени. Сегодня, между бумагами я нашелъ кстати родъ заключенія къ ихъ путешествію; оно не длинно, но довольно замѣчательно, по точкѣ зрѣнія, до которой дошли мои мечтатели—также жертвы слова! Имъ принадлежитъ одна честь: они открыли врага—но побѣдить его было не ихъ дѣло, и, можетъ быть, и не наше. Слушайте:

«Насъ спросятъ: «Чѣмъ же кончилось ваше путешествіе?»—Путешествіемъ. Не окончивъ его, мы состарѣлись тою старостію, которая въ XIX вѣкѣ начинается съ колыбели — страданіемъ. Ничто не

спасло насъ отъ него: тщетны были опредѣленная наука одного, неопредѣленное искусство другаго. Тщетно мы измѣряли шагами пустыню души человѣческой, тщетно съ вѣрою мы стонали и плакали въ преддверіяхъ ея храмовъ, тщетно съ горькою насмѣшкою разсматривали ихъ развалины. —безмолвна была пустыня и не раздралась еще завѣса святилища! Мы останавливали проходящихъ, мы вопрошали ихъ о знаменитыхъ вѣстникахъ неба, на минуту являвшихся на землѣ, они указывали намъ на невидимые часы вѣковъ, и отвѣчали: «страданіе! страданіе!» Въ дали алѣла заря какого-то непонятнаго солнца; но вокругъ насъ вѣялъ вѣтеръ полуночи, холодъ проникалъдо костей, и мы повторяли: «страданіе!» Не для насъ эта заря, не для насъ это солнце! Не согрѣть ему наше окостенѣлое сердце! Для насъ одно солнце—страданіе!—Эти листки опалены его жгучею теплотою!

«Было время, когда скептицизмъ почитался самою ужасною мыслію, которую когда-либо изобрѣтала душа человѣка; эта мысль убила все въ своемъ вѣкѣ: и вѣру, и науку, и искусство; она возмутила народы, какъ пески морскіе; она увѣнчала кипариснымъ вѣнцомъ клеветниковъ Провидѣнія вмѣстѣ съ светителями міра; она заставила людей искать, какъ надежной пристани, разрушенія, зла и ничтожества. Но есть еще чувство ужаснѣйшее самаго скептицизма, можетъ быть, болѣе благое въ своихъ послѣдствіяхъ, но за то болѣе мучительное для тѣхъ, которые осуждены испытать его.

«Скептицизмъ есть, въ нѣкоторомъ смыслѣ, міръ своего рода, міръ, имѣющій свои законы, словомъ, міръ замкнутый, до нѣкоторой степени міръ спокойный.

«У скептицизма есть удовлетворенное желаніе—ничего не желать; исполненная надежда—ничего не надѣяться; успокоенная дѣятельность—ничего не искать; есть и вѣра—ничему не вѣрить. Но отличительный характеръ настоящаго мгновенія,—не есть собственно скептицизмъ, но желаніе выйдти изъ скептицизма, чему-либо вѣрить, чего-либо надѣяться, чего-либо искать — желаніе ничѣмъ не удовлетворяемое и потому мучительное до невыразимости. Куда ни обращаетъ свой грустный взоръ другъ человѣчества—все опровергнуто, все поругано, все осмѣяно: нѣтъ жизни въ наукѣ, нѣтъ святыни въ искусствѣ! что̀ мы говоримъ, нѣтъ мнѣнія, котораго бы противное не было подтверждено всѣми доказательствами, возможными для человѣка. Такія несчастныя эпохи противорѣчія оканчиваются тѣмъ, что̀ называется синкретизмомъ, то есть, соединеніемъ въ безобразную систему, вопреки уму, всѣхъ самыхъ противорѣчащихъ мнѣній; такіе примѣры нерѣдки въ исторіи: когда, въ послѣднихъ вѣкахъ древняго міра, всѣ системы, всѣ мнѣнія были потрясены, тогда просвѣщеннѣйшіе люди того времени спокойно соединяли самые противорѣчащіе отрывки Аристотеля, Платона и еврейскихъ преданій. Въ нынѣшней старой Европѣ мы видимъ то же...

«Горькое и странное зрѣлище! Мнѣніе противъ мнѣнія, власть противъ власти, престолъ противъ престола, и вокругъ сего раздора—убійственное, насмѣшливое равнодушіе! Науки, вмѣсто того, чтобы стремиться къ тому единству, которое одно можетъ возвратить имъ ихъ мощную силу, науки раздробились въ прахъ летучій, общая связь ихъ потерялась, нѣтъ въ нихъ органической жизни; старый Западъ, какъ младенецъ, видитъ однѣ части, одни признаки—общее для него непостижимо и невозможно; частные факты, наблюденія, второстепенныя причины—скопляются въ безмѣрномъ количествѣ;—для чего? съ какою цѣлію?—узнать ихъ, не только изучить, не только повѣрить было невозможностію уже во времена Лейбница; что́ жь нынѣ,—когда скоро изученіе незамѣтнаго насѣкомаго завладѣетъ названіемъ науки, когда скоро и на нее человѣкъ посвятитъ жизнь свою, забывая все подлунное; ученые отказались отъ всесоединяющей силы ума человѣческаго; они еще не наскучили наблюдать, слѣдить за природою, но вѣрятъ лишь случаю,—отъ случая ожидаютъ они вдохновенія истины,—они молятся случаю. Eventus magister stultorum. Уже въ томъ видятъ возвышеніе науки, когда она обращается въ ремесло!... и слово язычника: «Мы ничего не знаемъ!» глубоко напечатлѣлось на всѣхъ твореніяхъ нашего вѣка!... наука погибаетъ.

Въ искусствѣ давно уже истребилось его значеніе;—оно уже не переносится въ тотъ чудесный міръ, въ которомъ, бывало, отдыхалъ человѣкъ отъ грусти

здѣшняго міра; поэтъ потерялъ свою силу; онъ потерялъ вѣру въ самого-себя—и люди уже не вѣрятъ ему; онъ самъ издѣвается надъ своимъ вдохновеніемъ, и лишь этой насмѣшкою вымаливаетъ вниманіе толпы... искусство погибаетъ.

«Религіозное чувство на Западѣ?—оно было бы давно уже забыто, еслибъ его внѣшній языкъ еще не остался для украшенія, какъ готическая архитектура, или іероглифы на мебеляхъ, или для корыстныхъ видовъ людей, которые пользуются этимъ языкомъ, какъ новизною. Западный храмъ—политическая арена; его религіозное чувство—условный знакъ мелкихъ партій. Религіозное чувство погибаетъ!

«Погибаютъ три главные дѣятели общественной жизни! Осмѣлимся же выговорить слово, которое, можетъ-быть, теперь многимъ покажется страннымъ и черезъ нѣсколько времени—слишкомъ простымъ: Западъ гибнетъ!

«Такъ! онъ гибнетъ! Пока онъ сбираетъ свои мелочныя сокровища, пока предается своему отчаянію—время бѣжитъ, а у времени есть собственная жизнь, отличная отъ жизни народовъ; оно бѣжитъ, скоро обгонитъ старую, одряхлѣвшую Европу—и, можетъ-быть, покроетъ ее тѣми же слоями недвижнаго пепла, которыми покрыты огромныя зданія народовъ древней Америки—народовъ безъ имени.

«Не-ужь-ли въ-самомъ-дѣлѣ такая судьба ожидаетъ это гордое средоточіе десяти вѣковъ просвѣщенія?

Не-ужь-ли какъ дымъ разлетятся изумительныя произведенія древней науки и древняго искусства? Не-ужь-ли заглохнутъ не распустившись живыя растенія, посѣянныя геніями-просвѣтителями?

«Иногда, въ счастливыя мгновенія, кажется, само Провидѣніе возбуждаетъ въ человѣкѣ уснувшее чувство вѣры и любви къ наукѣ и искусству; иногда долго, вдалекѣ отъ бурь міра, хранитъ оно народъ, долженствующій показать снова путь, съ котораго совратилось человѣчество, и занять первое мѣсто между народами. Но одинъ новый, одинъ невинный народъ достоинъ сего великаго подвига; въ немъ одномъ, или посредствомъ его, еще возможно зарожденіе новаго свѣта, обнимающаго всѣ сферы ума и общественной жизни (*).

«Когда азійскія царства, которыхъ имена, какъ грозныя привидѣнія, являются намъ на страницахъ исторіи, въ кровавой борьбѣ спорили о первенствѣ міра,—свѣтъ истины тихо возрасталъ въ пустынѣ Евреевъ; когда науки и искусство Египта погасли въ развратѣ,—Греція обновила ихъ силу въ своихъ объятіяхъ; когда духъ отчаянія заразилъ всѣ общественныя стихіи гордаго Рима,—христіане, этотъ народъ народовъ, спасли человѣчество отъ погибели; когда въ концѣ среднихъ вѣковъ ослабѣвшая дѣятельность духа готова была поглотить

(*) Внимательный читатель замѣтитъ, что въ этихъ строкахъ вся теорія *славянофилизма*, появившагося во 2-й половинѣ текущаго столѣтія.

сама-себя,—новыя части свѣта дали новую пищу и новыя силы ослабѣвшему старцу, и продлили его искусственную жизнь.

«О, вѣрьте! будетъ призванный изъ народа юнаго, свѣжаго, непричастнаго преступленіямъ стараго міра! Будетъ достойный взлелѣять въ душѣ своей высокую тайну и возставить свѣтильникъ на свѣшницу, и путники изумятся, какимъ образомъ разрѣшеніе задачи было такъ близко, такъ ясно—и такъ долго скрывалось отъ глазъ человѣка.

«Гдѣ же нынѣ шестая часть свѣта, опредѣленная Провидѣніемъ на великій подвигъ? Гдѣ нынѣ народъ, хранящій въ себѣ тайну спасенія міра? Гдѣ сей призванный... гдѣ онъ? Куда увлекло насъ высокое чувство народной гордости? Не этимъ ли языкомъ говорили всѣ народы, вступавшіе на поприще жизни? Они также мечтали видѣть въ себѣ разрѣшеніе всѣхъ тайнъ человѣка, зародышъ и залогъ блаженства вселенной!

«Что, если?... страшная мысль! но позабудемъ о ней! полководецъ, готовясь на смертный бой, не говоритъ о погибели! онъ вспоминаетъ преданія мудрыхъ, заблужденія неудачныхъ.

«Много царствъ улеглось на широкой груди орла русскаго! Въ годину страха и смерти, одинъ русскій мечъ разсѣкъ узелъ, связывавшій трепетную Европу—и блескъ русскаго меча донынѣ грозно свѣтится посреди мрачнаго хаоса стараго міра... Всѣ явленія природы суть символы одно другому: Европа назвала Русскаго *избавителемъ*! въ этомъ

имени таится другое еще высшее званіе, котораго могущество должно проникнуть всѣ сферы общественной жизни: не одно *тѣло* должны спасти мы —но и *душу* Европы!

«Мы поставлены на рубежѣ двухъ міровъ: протекшаго и будущаго; мы новы и свѣжи; мы непричастны преступленіямъ старой Европы; предъ нами разъигрывается ея странная, таинственная драма, которой разгадка, можетъ-быть, таится въ глубинѣ русскаго духа; мы—только свидѣтели; мы равнодушны, ибо уже привыкли къ этому странному зрѣлищу; мы безпристрастны, ибо часто можемъ предугадать развязку, ибо часто узнаемъ пародію вмѣстѣ съ трагедіею... Нѣтъ, не даромъ Провидѣніе водитъ насъ на эти сатурналіи, какъ нѣкогда Спартанцы водили своихъ юношей смотрѣть на опьянѣлыхъ варваровъ!

«Велико наше званіе и труденъ подвигъ! Все должны оживить мы! Нашъ духъ вписать въ исторію ума человѣческаго, какъ имя наше вписано на скрижаляхъ побѣды. Другая высшая побѣда—побѣда науки, искусства и вѣры, ожидаетъ насъ на развалинахъ дряхлой Европы. Увы! можетъ-быть, не нашему поколѣнію принадлежитъ это великое дѣло! Мы еще слишкомъ близки къ зрѣлищу, которое было предъ нашими глазами!.. Мы еще надѣялись, мы еще ожидали прекраснаго отъ Европы! На нашей одеждѣ еще остались знаки праха ею возмущеннаго. Мы еще раздѣляемъ ея страданія! Мы еще не уединились въ свою самобытность. Мы струна

не настроенная —мы еще не поняли того звука, который мы должны занимать во всеобщей гармоніи (*). Всѣ эти страданія—удѣлъ вѣка, или удѣлъ человѣчества? мы еще не знаемъ! Несчастные, мы даже готовы вѣрить, что таковъ удѣлъ человѣчества! Страшная, ледяная мысль! она преслѣдуетъ насъ, она проникла въ кровь нашу, она растетъ, она мужаетъ вмѣстѣ съ нами! мы заражены! одинъ гробъ исцѣлитъ нашу заразу.

‹Тебя, новое поколѣніе, тебя ждетъ новое солнце, тебя!—а ты не поймешь нашихъ страданій! ты не поймешь нашего вѣка противорѣчій! ты не поймешь этого столпотворенія, въ которомъ смѣшались всѣ понятія и каждое слово получило противоположное себѣ значеніе! ты не поймешь, какъ мы жили безъ вѣрованій, какъ мы жили однимъ страданіемъ! ты будешь смѣяться надъ нами!—Не презирай насъ! мы были скудельнымъ сосудомъ, который Провидѣніе бросило въ первое горнило, чтобъ очистить грѣхи отцевъ нашихъ; для тебя оно сохранило искусный чеканъ, чтобы возвести тебя на свое пиршество.

‹Соедини же въ себѣ опытность старца съ силою юноши; нещадя силъ, выноси сокровища науки изъ-подъ колеблющихся развалинъ Европы, и, вперя глаза свои въ послѣднія судорожныя движенія издыхающей, углубись внутрь себя! въ себѣ, въ

(*) Теперь съ этимъ можетъ быть другіе славянофилы не согласятся,—но *тогда* сомнѣніе еще дозволялось.

собственномъ чувствѣ ищи вдохновенія, изведи въ міръ свою собственную, не прививную дѣятельность и въ святомъ триединствѣ вѣры, науки и искусства ты найдешь то спокойствіе, о которомъ молились отцы твои. Девятнадцатый вѣкъ принадлежитъ Россіи!»

— Если бы ихъ устами, да медъ пить:—сказалъ Ростиславъ.

— Разумѣется, возразилъ Вячеславъ:—но согласитесь, господа, что̀ за паѳосъ!..

— Фразы и фразы, вотъ и все! произнесъ Викторъ диктаторскимъ тономъ.

— Согласенъ, что фразы, отвѣчалъ Фаустъ:—но мои покойники жили въ вѣкѣ фразъ,—тогда не говорили иначе; ныньче, тѣ же фразы, только съ претензіей на краткость, на сжатость; сдѣлались ли онѣ отъ того яснѣе?—Богъ знаетъ. Со времени Бентама фразы мало-по-малу все сжимались и наконецъ обратились въ одну гласную букву: я. Что можетъ быть короче? но едва-ли фраза въ этомъ видѣ сдѣлалась яснѣе десятка бентамовыхъ томовъ, гдѣ она выражена на каждой страницѣ длинными періодами. — Я, признаюсь, люблю фразы; въ фразахъ, человѣкъ иногда забудетъ свое ремесло актёра и проговорится отъ души, а что проговаривается отъ души, то бываетъ иногда истиной, хотя часто самъ говорящій того не замѣтилъ.

Викторъ.—Да что жь истиннаго въ филиппикѣ твоихъ покойниковъ? въ самомъ дѣлѣ что-ли Западъ погибаетъ? что за вздоръ! Напротивъ, ко-

гда, въ какую эпоху онъ былъ такъ богатъ силами и средствами жизни, какъ въ нынѣшнюю? Все въ немъ движется: желѣзныя дороги пересѣкаютъ его изъ края въ край; промышленность дошла до чудеснаго; война сдѣлалась невозможностію; личная безопасность ограждена; школы размножаются; тюрьмы смягчаются; науки идутъ исполинскими шагами; съѣзды ученыхъ дѣлаютъ малѣйшее открытіе достояніемъ всей Европы; а сила, вещественная сила такова, что весь міръ преклоняется предъ Западомъ. Гдѣ же признаки паденія, погибели?

Фаустъ.—Я бы на это могъ тебѣ отвѣчать словами натуралистовъ, политиковъ, медиковъ—о томъ, что высшее развитіе силъ какого-бы то ни было организма есть *начало* его *конца*; но я лучше хочу согласиться съ тобою, что мнѣніе моихъ друзей о Западѣ преувеличено; я собствепно не вижу въ немъ признака близкаго паденія, но потому только, что не вижу и того высшаго развитія силъ, о которомъ ты говоришь;—подождемъ аеростата, и тогда увидимъ. Касательно оцѣнки текущаго времени, я буду нѣсколько невѣжливѣе моихъ друзей; они характеръ настоящей эпохи назвали *синктретизмомъ*, я осмѣлюсь сказать, что ея характеръ просто—*ложъ*, какой еще не бывало въ прежней исторіи міра.

Викторъ.—Не́чего церемониться; Шлецеръ прежде тебя сказалъ въ дѣтской книжкѣ, «что родъ человѣческій еще вообще очень глупъ» (*).

(*) Шлецерова исторія для дѣтей, кн. 2.

Вячеславъ.—То-есть, Шлецеру этими словами хотѣлось сказать: «какъ я уменъ» или «я одинъ уменъ».

Ростиславъ.—Это тайный смыслъ каждаго слова, произносимаго человѣкомъ...

Вячеславъ.—Отъ-того и Фаустъ увѣренъ, что онъ одинъ въ свѣтѣ искрененъ...

Фаустъ.—Нѣтъ, къ сожалѣнію, я еще далекъ отъ этой увѣренности, я еще не имѣю на нее права, ибо считаю эту увѣренность высшимъ благомъ, которое можетъ быть доступно человѣку. Ложь столькими покровами охватываетъ его съ первой минуты рожденія, что борьба съ нею поглощаетъ всѣ его силы. Эти покровы кровяными жилами приросли къ человѣческому организму. Часто съ плачемъ и воплемъ срывая ихъ съ своей внутренности, послѣ долгихъ, неизмѣримыхъ страданій, истомленный, обезсиленный—думаешь, что достигнулъ до сердцевины души своей—ничего не бывало! тамъ новый покровъ, кровавый, безобразный, пятнающій чистоту воли и... снова начинается та же работа. У меня притязаніе на одну привилегію: я бы *хотѣлъ* не обманывать, и не обманываться; но, еще разъ, не знаю, имѣю ли и на нее право!

Вячеславъ.—Успокойся. Эту привилегію ты раздѣляешь со всѣмъ родомъ человѣческимъ...

Фаустъ.— Полно такъ ли? всегда человѣкъ обманывалъ себя и обманывалъ другихъ, но лишь

въ наше время онъ достигнулъ до такого совершенства, что *желаетъ быть обманутымъ.*

Викторъ.—Въ наше время? Напротивъ! Когда, въ какую эпоху дѣйствительность, очевидность, правда, были въ такомъ ходу, какъ нынѣ? Ужь теперь ничего не выиграешь поверхностными соображеніями, аналогіями, приблизительными наблюденіями: нынѣ требуютъ точности, цифръ, фактовъ—они одни обращаютъ на себя вниманіе...

Фаустъ.—То-есть, соскучивъ толковать, какъ-бы поправить свое зрѣніе и вычистить очки—больные оттолкнули отъ себя это досадное, безпокойное подозрѣніе и безъ околичностей рѣшили, что ихъ зрѣніе совершенно здорово и очки совершенно чисты; отъ-того одинъ видитъ предметы зелеными, другой красными, пока не прійдетъ третій и не станетъ увѣрять, что предметы ни зеленые, ни красные, а синіе. За ними приходитъ человѣкъ, который или тщательно соберетъ всѣ эти показанія, такъ, просто для справки, или заключитъ, что въ предметѣ соединено все вмѣстѣ: и зеленое и красное и синее; тотъ и другой въ полномъ убѣжденіи, что изъ собранія многихъ лжей можетъ наконецъ составиться истина, точно такъ же, какъ физики прошедшаго вѣка доказывали, что солнечный свѣтъ состоитъ изъ всѣхъ грубыхъ цвѣтовъ, имъ порождаемыхъ. Въ этомъ я и вижу бѣду; нѣтъ опаснѣе сумасшедшаго, который вовсе не подозрѣваетъ, что онъ сумасшедшій. Нѣтъ опаснѣе обманщика, который имѣетъ видъ откровеннаго человѣка.

Викторъ.—Но гдѣ же эти обманы? и преимущественно въ нашемъ вѣкѣ?

Фаустъ.—Повторяю: не только люди обманываютъ другъ друга, но даже знаютъ, что они обмануты.

Вячеславъ.—По-крайней-мѣрѣ, въ этомъ знаніи ты не отказываешь нашему вѣку?

Фаустъ.—Въ томъ бѣда, а не шутка. Мы нашли искусство обманывать и что еще страннѣе обманываться — сознательно. Было время, когда, если человѣкъ оскорбленъ другимъ, то они подерутся и убьютъ другъ друга очень-просто. Теперь, въ нашъ вѣкъ, просвѣщенные люди точно также оскорбляютъ другъ друга, точно также дерутся и точно также убиваютъ, но съ прибавкою: одинъ почитаетъ другаго подлецомъ, но, вызывая на поединокъ, увѣряетъ въ своемъ искреннемъ *почтеніи* и *преданности*. Было время, когда человѣкъ напивался виномъ и опіумомъ — не зная ихъ гибельнаго вліянія на здоровье; теперь человѣкъ это очень хорошо знаетъ и однако напивается тѣмъ и другимъ. Древній Грекъ или Римлянинъ вѣрилъ или не вѣрилъ оракулу, Палладѣ, Зевсу, теперь мы знаемъ, что оракулъ лжетъ—а всетаки ему вѣримъ. Девять на десять такъ называемыхъ Римскихъ-католиковъ не вѣрятъ ни въ непогрѣшительность Папы ни въ добросовѣстность Езуитовъ, и десять на десять готовы хоть на ножи за то и другое. Мы такъ свыклись съ ложью, что

эти явленія кажутся намъ дѣломъ отнюдь не страннымъ. Не угодно ли посмотрѣть ихъ братцевъ и сестрицъ на земномъ шарѣ. Напримѣръ, хоть въ представительныхъ государствахъ—, не говоримъ о другихъ,—только и рѣчи, что о волѣ народа, о всеобщемъ желаніи; но всѣ знаютъ, что это желаніе только нѣсколькихъ спекуляторовъ; говорятъ: общее благо—всѣ знаютъ, что дѣло идетъ о выгодѣ нѣсколькихъ купцовъ или, если угодно, акціонерскихъ и другихъ компаній. Куда бѣжитъ эта толпа народа?—выбирать себѣ законодателей—кого-то выберутъ? успокойтесь, это всѣ знаютъ—того, за кого больше заплачено. Чтó это за скопище? говорятъ о злоупотребленіяхъ, о необходимости новыхъ мѣръ... о гибели отечества—толпа волнуется вокругъ ораторовъ... ничего! это врачи безъ больныхъ и адвокаты безъ процессовъ, имъ нѐчѣмъ жить, а вотъ, заварится кровавая каша, то, можетъ-быть, и имъ достанется ложка: это и сами ораторы и всѣ слушатели знаютъ. Куда идутъ эти почтенные мужи? въ далекія страны, для просвѣщенія полудикихъ. Какой подвигъ самоотверженія! ничего не бывало; дѣло въ томъ, чтобы сбыть бумажные чулки нѣсколькими дюжинами больше,—это всѣ знаютъ и сами миссіонеры. Вотъ произносится вѣчная обоюдная клятва, страшное дѣло!—ничего, всѣ знаютъ, что при совершеніи брачнаго обряда съ намѣреніемъ упущено то, безъ чего бракъ, при случаѣ, можетъ почесться небывалымъ. Мирный судья захватилъ въ тавернѣ нѣсколько человѣкъ,

всѣ спокойны, ибо всѣ знаютъ, что свидѣтели при дѣлѣ съ-родни судьѣ и получатъ за явку узаконенную плату и что только изъ того были всѣ хлопоты; гдѣ-то говорятъ горячо о необходимости поддержать хлѣбную промышленность, какіе факты! какіе доводы!—но всѣ знаютъ, что дѣло идетъ лишь о пользѣ нѣсколькихъ монополистовъ, вокругъ которыхъ сосѣди умираютъ съ голода; философъ съ каѳедры обѣщается открыть всю истину, но всѣ знаютъ, что онъ ея не знаетъ и не скажетъ, а между-тѣмъ его слушаютъ; въ гостиной являются чета супруговъ, братья, члены семейства и говорятъ другъ про друга величайшія нѣжности, но и они и всѣ знаютъ, что они другъ друга терпѣть не могутъ и дожидаются, какъ сказалъ Пушкинъ:

Когда же чортъ возьметъ тебя?

Журналистъ до истощенія силъ увѣряетъ въ своемъ безпристрастіи, но всѣ читатели очень хорошо знаютъ, что во вчерашнемъ засѣданіи акціонерской компаніи, журналу опредѣлено быть того мнѣнія, а не другаго (*). Человѣкъ, вынесенный невѣжественною толпою на первое мѣсто страны, говоритъ этой толпѣ невѣроятные комплименты—всѣ знаютъ, что это неправда, всѣ знаютъ, что онъ такъ говоритъ потому только, что иначе ему бы не усидѣть, но однако слушаютъ съ удовольствіемъ. Одинъ мой знакомый говорилъ въ шутку: «что за льстецъ это Б**; въ глаза

(*) Намекъ на Times.

льститъ безъ малѣйшаго стыда; но что будешь дѣлать! знаю, что лжетъ, а пріятно!» Въ этихъ немногихъ словахъ вся характеристика вѣка. Когда необходимость доводитъ до откровенности, тогда ея нагота прикрывается изъ благоприличія словами, часто совершенно-противоположнаго значенія; одинъ государственный мужъ выразился такъ: «наши отцы касались этого вопроса съ такою мудрою *терпимостію* (tolerance), что до-сихъ-поръ онъ никогда не возмущалъ общаго спокойствія, и я равно никогда не допущу въ этомъ дѣлѣ нововведеній(*)». Къ чему относилось это прекрасное слово: терпимость? вы подумаете къ вѣроисповѣданіямъ, или къ чему-нибудь подобному. Нѣтъ! просто къ возмутительному рабству негровъ и безпощадному самоуправству южныхъ американскихъ плантаторовъ американскихъ негровъ! — *Терпимость* въ этомъ смыслѣ! образецъ изобрѣтательности! Неоцѣненная игра словъ! и къ сожалѣнію, не первая и не послѣдняя. Если все это, господа, не *ложь*—то мы понимаемъ что-то совершенно различное подъ этимъ словомъ.

Викторъ —Нѣтъ! но ты смѣшиваешь ложь съ словомъ приличіе, которое, конечно, играетъ важную ролю въ нашемъ вѣкѣ—и тѣмъ лучше—это признакъ его просвѣщенія...

Вячеславъ. — Умный человѣкъ сказалъ: ли-

(*) Прокламація Фан-Бурена 4 марта 1837.

цемѣріе есть невольная дань уваженія, которую порокъ приноситъ добродѣтели(*).

Фаустъ. — Я знаю изрѣченіе еще лучше: языкъ данъ человѣку на то, чтобы скрывать его мысли(**)...

Викторъ. — Ужь если пошло на цитаты, — то я напомню о весьма глубокой мысли, нынѣ опростонародившейся: toutes les vérités ne sont pas bonnes á dire, — я не знаю, какъ перевести это по-русски; переводятъ: *не всякая правда кстати*, но это не то...

Фаустъ. — Къ счастію не то! нашъ дѣвственный языкъ не позволилъ растлить себя этой развращенною нелѣпостію(***); онъ не далъ мѣста ея общему, безусловному смыслу, — нашъ языкъ, насильно принявъ иноземную гостью, стѣснилъ ее въ случайность: *не кстати — не въ пору*, — и бережно сохранилъ свое самобытное, врожденное, глубокое, хотя и простое слово: «хлѣбъ соль ѣшь, а правду рѣжь». На эту пословицу можно написать цѣлый курсъ нравственности, которая, разумѣется, не войдетъ въ Бентамовы рамки; въ нихъ мѣсто только первой, хлѣбной половинѣ нашего честнаго присловья. — Такъ вотъ до чего вы дошли, господа

(*) Рошфуко.

(**) Талейранъ.

(***) Фаустъ въ своемъ увлеченіи забываетъ, что нашъ языкъ принялъ же въ себя выраженія: законная взятка, — честный доходецъ, — забываетъ и всю терминологію крѣпостного права.

эмпирики, господа фактисты, люди положительные! вы спрятали слово ложь подъ словомъ приличіе, какъ ребенокъ голову въ подушки, и думаете, что васъ не видно! что̀ въ словѣ, когда смыслъ его уничижаетъ, пугаетъ душу человѣка? гдѣ же ваша любовь къ очевидности, къ ясности, къ фактамъ, къ цифрамъ? эта любовь только до нѣкоторой степени,—а тамъ—да здравствуетъ ложь!—о! вы правы! спрячьте вашу ложь, закройте ее, закрасьте, замажьте ее,—потому-что если кто вамъ покажетъ ее лицемъ къ лицу, то вы возненавидите себя за ваше безобразіе...

Викторъ.—Все, что ты говоришь, очень справедливо въ нѣкоторомъ смыслѣ...

Фаустъ.—Въ нѣкоторомъ смыслѣ! еще платьецо на *ложъ!* рядите, рядите, господа, вашу воспитанницу, или воспитательницу...

Викторъ.—Да какъ ни называй, ложь, приличіе, духъ времени—все равно; дѣло въ томъ, что при пособіи этого снадобья Западъ вышелъ изъ мрака среднихъ вѣковъ, возвысился до той степени, гдѣ мы его видимъ теперь; сдѣлался разсадникомъ изобрѣтеній, искусствъ, наукъ... главное —цѣль, а не средства...

Фаустъ. — По-крайней-мѣрѣ ты соглашаешься, что разсадникъ завелся при пособіи—*синкретическаго снадобья*, чтобы сказать благоприличнѣе — добрый знакъ!—Цѣль достигнута, ты говоришь?

Викторъ.—Достигается...

Фаустъ. — Посмотримъ же, чего достигли, — древо по плоду познается. Повторяю, мысли моихъ покойныхъ друзей о Западѣ преувеличены,—но... прислушайся къ самимъ западнымъ писателямъ, приглядись къ западнымъ фактамъ,—не къ одному, но ко всѣмъ безъ искюченія; прислушайся къ крикамъ отчаянія, которые раздаются въ современной литературѣ...

Викторъ.—Это ничего не доказываетъ; какъ можно ссылаться на показанія самыхъ болтливыхъ людей въ человѣческомь родѣ, на литераторовъ? имъ, извѣстно, нужно одно—произвести эффектъ чѣмъ бы то ни было — правдой или неправдой...

Фаустъ. — Такъ! но нельзя отрицать, что въ произведеніяхъ литературныхъ, особенно въ романѣ, отражается, если не жизнь общественная, то по-крайней-мѣрѣ, состояніе духа пишущихъ людей, хотя и болтливыхъ, какъ ты говоришь, но все-таки составляющихъ цвѣтъ общества...

Вячеславъ. — О! безъ сомнѣнія—что ни говори, печать—дѣло великое, это оселокъ и весьма вѣрный! Сколько людей считались умными въ свѣтѣ, даже геніями,—казалось, они проглотили всю земную мудрость,—но ихъ личина спадала при первыхъ строкахъ ими напечатанныхъ; нежданно открывалось. что предполагаемыя глубокія мысли не что иное, какъ пара ребяческихъ фразъ, остроуміе—

натянутый наборъ словъ, ученость—ниже гимназическаго курса, а логика—хаосъ...

Фаустъ. Я согласенъ съ тобою, но съ нѣкоторыми ограниченіями... впрочемъ, это въ сторону; я говорилъ о литературѣ, какъ объ одномъ изъ термометровъ духовнаго состоянія общества; этотъ термометръ показываетъ: неодолимую тоску (malaise), господствующую на Западѣ, отсутствіе всякаго общаго вѣрованія, надежду безъ упованія, отрицаніе безъ всякаго утвержденія. Посмотримъ на другіе термометры.—Викторъ упоминалъ о чудесахъ промышленности нашего вѣка. Западъ есть міръ мануфактурный; Кетле былъ невольно приведенъ своими добросовѣстными статистическими таблицами до слѣдующихъ заключеній: 1-е, что число преступленій гораздо значительнѣе въ промышленныхъ, нежели въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ (*); 2-е, что нищета гораздо сильнѣе въ странахъ мануфактурныхъ, нежели гдѣ либо, ибо малѣйшее политическое обстоятельство, малѣйшій застой въ сбытѣ повергаетъ тысячи людей въ нищету и приводитъ ихъ къ преступленіямъ (**). Современная промышленность дѣйствительно производитъ чудеса: на фабрикахъ, какъ вамъ извѣстно, употребляютъ большое число дѣтей ниже одиннадцати-лѣтняго возраста, даже до шести лѣтъ, по самой простой причинѣ, потому-что имъ платить дешевле; какъ фабрич-

(*) Quetelet, sur l'Homme, ou Essai de Physique sociale. Bruxelles. 1836 t. 1, p. 215.

(**) Ibidem. t. II, p. 211.

ную машину невыгодно останавливать на ночь, ибо время—капиталъ, то на фабрикахъ работаютъ днемъ и ночью; каждая партія одиннадцать часовъ въ сутки; къ концу работы, бѣдныя дѣти до того утомляются, что не могутъ держаться на ногахъ, падаютъ отъ усталости, и засыпаютъ такъ, что ихъ можно разбудить только бичемъ; честные промышленники, чтобы помочь этому неудобству, сдѣлали чудное изобрѣтеніе: они выдумали сапоги изъ жести, которые мѣшаютъ бѣднымъ дѣтямъ — даже падать отъ усталости...

Викторъ. — Это частный случай, который ничего не доказываетъ...

Фаустъ.—Имѣй терпѣніе хоть пробѣжать парламентскія изслѣдованія съ 1832 по 1834 годъ и другіе документы (*), то ли ты найдешь тамъ?— вездѣ одинъ отвѣтъ: десятилѣтнія дѣти на работѣ по одиннадцати часовъ въ сутки; усталости до утомленія; распухнувшія ноги; спинная болѣзнь; недостатокъ сна, отъ котораго всегдашнее полусонное состояніе (**); наконецъ, что всего важнѣе—невозможность какого-либо воспитанія, какого-либо образованія, тѣмъ менѣе нравственнаго, ибо послѣ

(*) Factories inquiry. First report; second report; supplementary report 1832—1834, 4 v. in-folio.

(**) Кажется, это полусонное состояніе очень удобно для фабрикъ. Новѣйшія газеты наполнены описаніемъ *снотворнаго* состава, которымъ западные фабриканты усмиряютъ дѣтей слишкомъ рѣзвыхъ.

одиннадцати-часовой работы нѣтъ времени для школы; а если бы и нашлось это время, то физическое и нравственное состоянiе дѣтей таково,—что ученье для нихъ безполезно; коммисары парламента открыли, что большая часть фабричныхъ работниковъ не умѣютъ ни читать, ни писать, и прежде времени поражены старческою немощью; это ужь не сказка, а оффицiальное дѣло.

Викторъ. — Однакоже докторъ Юръ доказалъ, что самое пребыванiе на фабрикѣ способствуетъ образованiю работниковъ...

Фаустъ.—Я помню это мѣсто—это такой пуфъ, что его нельзя читать безъ смѣха и безъ сожалѣнiя. Многоученый докторъ Юръ, горячiй поборникъ бумажныхъ мотковъ, хватается за все, чтобъ защитить предметъ своего обожанiя: онъ говоритъ о необходимости для работника смотрѣть на термометръ, который будто бы «вмѣстѣ съ гигрометромъ открываетъ ему тайны природы, закрытыя другимъ людямъ; онъ каждый день имѣетъ случай» продолжаетъ филантропъ-мануфактуристъ «наблюдать расширенiе твердыхъ тѣлъ, происходящее отъ возвышенiя температуры, на огромныхъ паровыхъ трубахъ, нагрѣвающихъ комнаты... получать свѣдѣнiя въ практической механикѣ изъ самой прядильной машины... (*)». Вотъ образецъ положи-

---

(*) Philosophie des manufactures par Andrew Ure. 2 vol. in-12. Bruxelles; traduit sous les yeux de l'auteur. Ch. I. p. 36—et sqq.

тельности! мануфактурный философъ полагаетъ, что можно знанія ввернуть въ голову человѣка, какъ винтъ въ стѣну, безъ всякаго предварительнаго приготовленія, которое бы могло развить умственныя понятія человѣка до той степени, гдѣ отдѣльныя знанія дѣлаются ему доступными...

Викторъ. — Но ты долженъ согласиться, что ежедневное обращеніе съ машинами, съ термометромъ не можетъ нѣсколько не развить умственныхъ способностей человѣка...

Фаустъ.—Такъ: если онъ геній; передъ другими же, цѣлый вѣкъ будетъ вертѣться колесо и висѣть термометръ — и они ничего не поймутъ ни въ томъ, ни въ другомъ. Тысячи людей смотрѣли, какъ па̀ромъ поднимается крышка съ чайника—но одного Уатса это наблюденіе привело къ паровой машинѣ. Англичанинъ Гельсъ (Hales), одинъ изъ знаменитѣйшихъ химическихъ ремесленниковъ семнадцатаго вѣка, даже изобрѣлъ снарядъ для собиранія газовъ; онъ ихъ, такъ сказать, щупалъ руками,—но не узналъ ихъ, принималъ ихъ за одинъ и тотъ же воздухъ съ нѣкоторыми примѣсями. Для генія не нужно школы; но всѣ *не-геніи* не могутъ обойдтись, по-крайней-мѣрѣ, безъ первоначальнаго воспитанія. Да и все это мечта! стоитъ взглянуть на прядильную мануфактуру! ты знаешь, есть ли возможность тому, кто долженъ ежеминутно смотрѣть за сотнями обрывающихся нитокъ,— производить наблюденія надъ термометромъ и

углубляться въ механику? уже не говорю о тѣхъ несчастныхъ, которыхъ единственное занятіе, въ продолженіе полусутокъ—ползать на четверенькахъ подъ машиною и подбирать хлопки,—ибо въ этомъ состоитъ вся работа дѣтей; какимъ образомъ они въ это время занимаются термометрическими и гигрометрическими наблюденіями—это извѣстно одному доктору Юру! Впрочемъ, кажется, глубокое размышленіе надъ винтами и колесами самопрядильни не открыли и самому доктору Юру тайнъ природы, довольно извѣстныхъ другимъ смертнымъ; на замѣчаніе одного умнаго лондонскаго врача, который безъ церемоніи сказалъ, что *ночная* работа—гибель для здоровья, и особенно въ дѣтскомъ возрастѣ препятствуетъ правильному развитію тѣла, докторъ Юръ насмѣшливо и съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства доказываетъ медицинскому факультету, что машины сильно освѣщены газомъ и, слѣдственно, ночная работа не можетъ быть вредна дѣтямъ...

Ростиславъ.—Не-ужь-ли ты не шутишь?

Фаустъ.—Загляни во вторую главу втораго тома «Философіи Мануфактуръ» (*); этотъ отвѣтъ показываетъ, что доктору Юру вовсе не извѣстно одно изъ самыхъ простыхъ положеній физіологіи о вліяніи ночи на организмъ животныхъ. Только мануфактурному философу дозволено такое невѣроятное,

---

(*) Ibidem—pag. 149.

непростительное невѣжество—за то докторъ Юръ человѣкъ положительный и считается авторитетомъ въ прядильномъ и вообще мануфактурномъ мірѣ...

Ростиславъ.—Хоть упоминаетъ ли онъ о нравственномъ образованіи несчастныхъ дѣтей на фабрикахъ?...

Фаустъ.—Онъ вообще очень хвалитъ фабричное нравственное воспитаніе, чему я нашелъ у него и доказательство: «если главный работникъ на шерстяной фабрикѣ» говоритъ онъ (*) «человѣкъ трезвый и порядочный, то онъ не имѣетъ нужды мучить (harasser) своихъ маленькихъ помощниковъ... но если онъ преданъ горячимъ напиткамъ или вспыльчивъ, то поступаетъ съ ними тирански... когда онъ, возвращаясь изъ трактира, запоздаетъ, то, чтобъ нагнать время, пускаетъ машину съ такою быстротою, что его помощники не успѣваютъ ему помогать... тогда онъ немилосердно бьетъ ихъ длиннымъ каткомъ (billy rollet)...» чѣмъ не воспитаніе? бѣдныя дѣти въ полной власти у взрослаго пьянаго негодяя—но вѣдь это лишь въ продолженіи одиннадцати часовъ въ день! Впрочемъ, докторъ Юръ не шутя увѣряетъ, что это случается только на шерстяныхъ фабрикахъ, но отнюдь не на бумажныхъ (**), и надѣется, что новыя усовершенствованія на шерстяныхъ фабрикахъ устранятъ эту маленькую непріятность.

(*) Ibidem t. I, p. 13.

(**) Тамъ же.

Викторъ.—Но ты берешь только случайности...

Фаустъ.—Эти случайности на всѣхъ фабрикахъ Запада...

Викторъ.—Ты указываешь лишь на одну сторону...

Фаустъ —Тебѣ угодно другую; вотъ она: Карлъ Дюпень торжественно объявилъ съ парламентской трибуны, что «на 10,000 рекрутъ въ мануфактурныхъ департаментахъ Францiи представляется 8,900 больныхъ и уродовъ, а въ земледѣльческихъ лишь 4,000» (*).

Викторъ.—Это все темная сторона; должно брать въ разсчетъ и силу обстоятельствъ, какъ напримѣръ огромную производительность Запада, которая, естественно, понижаетъ цѣны на фабричныя произведенiя и заставляетъ производить дешевле и въ ме́ньшее время; отъ того всѣ эти ночныя работы, употребленiе дѣтей, утомленiе... безъ того бо́льшая часть фабрикантовъ бы разорились...

Фаустъ.—Я не вижу нужды въ этой непомѣрной производительности...

Викторъ!—Помилуй! ты хочешь ограничить свободу промышленности...

Фаустъ.—Я не вижу нужды въ этой безпредѣльной свободѣ...

(*) См. газеты тридцатыхъ годовъ.

Викторъ.—Но безъ нея не будетъ соревнованія...

Фаустъ.—Я не вижу нужды въ этомъ такъ называемомъ соревнованіи... какъ? люди алчные къ выгодѣ, стараются всѣми силами потопить одинъ другаго, чтобы сбыть свое издѣлье, и для того жертвуютъ всѣми человѣческими чувствами, счастіемъ, нравственностію, здоровьемъ цѣлыхъ поколѣній—и потому только, что Адаму Смиту вздумалось назвать эту продѣлку соревнованіемъ, свободою промышленности—люди не смѣютъ и прикоснуться къ этой святынѣ? О, ложь безстыдная, позорная!

Викторъ.—Я согласенъ, что настоящее состояніе западной промышленности представляетъ много страннаго и печальнаго—но не въ ней одной заключается Западъ. Вспомни, что Западъ—колыбель нашего просвѣщенія, что на Западъ ходятъ учиться, что Западъ истинный храмъ наукъ...

Фаустъ.—Обширный вопросъ! объ немъ можно говорить до завтрашней ночи! Чтобъ не распространяться вдаль—я спрошу только: какія именно науки подвинулись въ этомъ храмѣ? Я вижу движеніе на Западѣ, вижу безмѣрную трату силъ, вижу множество пріемовъ полезныхъ и безполезныхъ—имъ не худо учиться,—думать, что новая наука далеко оставила за собою древнюю—это вопросъ другой; новая наука увеличила ль хоть

на волосъ благоденствіе человѣка? это вопросъ третій.

Викторъ.—Послушай: отрицать просвѣщеніе Запада—дѣло невозможное; ты этого не докажешь...

Фаустъ.—Я не отрицаю его, и даже признаю, что намъ еще многому остается учиться на Западѣ, но я хотѣлъ бы привести это просвѣщеніе въ настоящую оцѣнку. Успѣхи въ политической экономіи и общественномъ благоустройствѣ мы уже видѣли и видимъ каждый день; дѣло дошло до того, что одинъ добрый чудакъ предложилъ перевернуть весь общественный бытъ и испытать не лучше ли будетъ, вмѣсто обузданія страстей, дать имъ полный разгулъ и еще подстрекать ихъ; а этотъ чудакъ былъ человѣкъ не глупый; нелѣпость, до которой дошелъ онъ, доказываетъ, что уже нѣтъ выхода изъ того круга, въ который забрела западная наука. Въ наукахъ физическихъ приложеній много, но что именно принадлежитъ новому вѣку... сомнительно.

Викторъ.—Мысль приписывать всѣ изобрѣтенія древнимъ очень стара, о ней написаны сотни книгъ...

Фаустъ.—Стало быть въ ней есть нѣчто справедливое; вамъ извѣстно мое убѣжденіе: я не могу повѣрить, чтобы наука могла подвинуться далеко, когда ученые ее тянутъ въ разныя стороны!

Въ этомъ путешествіи, они могутъ наткнуться на новое, но только наткнуться; старики, кажется, тянули въ одну сторону и отъ того повозка шла проворнѣе...

Викторъ и Вячеславъ.—Доказательства! доказательства!

Фаустъ.—Вы знаете книгу, надъ которой я теперь тружуся; ея цѣль—напомнить о позабытыхъ знаніяхъ—нѣчто въ родѣ сочиненія Панциролы: De rebus deperditis; но мимоходомъ она, неожиданно для меня самого, доказала, что всѣ наши физическія знанія были извѣстны, во-первыхъ, алхимикамъ, магамъ и другимъ людямъ этого разбора, далѣе въ элевзинскомъ храмѣ, а еще далѣе у жрецовъ египетскихъ. Ограничусь теперь только нѣкоторыми намеками. Когда мы достовѣрно знаемъ, что тотъ или другой предметъ существовалъ въ данное время, то мы должны заключить, что существовали и средства произвести его; видя деревянный домъ, мы заключаемъ, что брусы были деревьями, что они вырублены желѣзомъ, что желѣзо было выковано, что желѣзо добыто изъ руды, что руда была разработана, и такъ далѣе. Всѣ важнѣйшія химическія соединенія, безъ которыхъ наша наука не могла бы сдвинуться съ мѣста, достались намъ отъ алхимиковъ: алкоголь, металлы, важнѣйшія кислоты, щелочи, соли; ихъ существованіе необходимо предполагаетъ знанія по-крайней-мѣрѣ столь же обширныя, какъ въ наше время, если

бы даже самые процессы и снаряды и не были подробно описаны;—для меня это ясно, какъ дважды-два—четыре.

Викторъ.—Сохранилась исторія одного открытія, которое можетъ служить разгадкою, какимъ образомъ могли быть сдѣланы многія другія, безъ пособія особенныхъ знаній. Финикійскіе купцы безъ всякой химіи, а случайно открыли стекло, раскладывая огонь на берегу для своего обѣда.

Фаустъ.—Плиній сохранилъ эту сказку вмѣстѣ со многими другими. По его словамъ «торговцы употребили вмѣсто столовъ для обѣда куски *нитра* (*), находившагося на ихъ кораблѣ; нитръ, подверженный дѣйствію огня вмѣстѣ съ береговымъ пескомъ, полился прозрачными струями, и таково было происхожденіе стекла.» Дѣло въ томъ, что этого никогда не могло случиться, не во гнѣвъ Плинію: стекло при столь маломъ жарѣ и на открытомъ мѣстѣ никакъ не могло образоваться—и по самой простой причинѣ: для плавки стекла необходима температура не костра, но плавильной печи; что ни говори, а существованіе стекла въ древности указываетъ на огромныя предварительныя знанія, которыя одни могли довести до фабрикаціи стекла; открытію состава стекла, открытію пропорціи веществъ въ него входящихъ, должны были бы, судя

---

*) Glebas nitri—Plinii Hist. natur. lib. XXXVI, c. 65, селитра? поташъ? натръ?

по нашему, предшествовать тысячи опытовъ; да не забудемъ и эластическаго, вовсе намъ непонятнаго стекла, о которомъ ясно говоритъ Плиній и, кажется, Светоній...

Вячеславъ. — Возвышать древнихъ, чтобы унизить новѣйшихъ—на это была мода и прошла!...

Фаустъ.—Я не утверждаю, что всѣ возможныя открытія принадлежатъ древнимъ; но нельзя забыть, напримѣръ, преданіе о Нумѣ Помпиліи, ученикѣ пиѳагорейцовъ, который будто-бы посредствомъ таинственныхъ обрядовъ сводилъ громъ на землю; названіе Юпитера Елиціемъ, то есть притягивателемъ (*); разсказъ Тита-Ливія (**) о Туллѣ Гостиліи, который, подражая Нумѣ и, забывъ нѣчто въ обрядѣ, былъ пораженъ молніей—разсказъ, напоминающій въ точности смерть Рикмана посреди опытовъ надъ громоотводомъ, описанную Ломоносовымъ; нельзя забыть и обстоятельства, которыми сопровождались египетскія иниціаціи, и которыми объясняются слова Эсхила (***) «одна Минерва знаетъ, гдѣ хранятся громы»; бальзамированіе, описанное Геродотомъ, показываетъ, что Египтянамъ былъ извѣстенъ креозотъ, до котораго мы едва добра-

(*) Eliciunt cœlo te, Jupiter; unde minores
Nunc quoque te celebrant, Eliciumque vocant.
говоритъ Овидій lib. 3 v. 328. Jupiter Elicius—ab eliciendo, sive extrahendo. См. Дютана.

(**) Lib. I. c. 20. Ср. также Plinii lib. I, c. 53, de fulminis evocandis

(***) Въ послѣдней части Трилогіи объ Орестѣ: Эвмениды.

лись послѣ многолѣтнихъ усилій; отдаленность времени, истребленіе и искаженіе письменныхъ памятниковъ препятствуютъ въ семъ случаѣ дать осязать истину; но я утверждаю по-крайней-мѣрѣ, что мы не двинулись ни на шагъ въ знаніи природы со времени бѣдственнаго направленія наукъ, произведеннаго Бэкономъ Веруламскимъ, а еще болѣе его послѣдователями. Кто будетъ имѣть терпѣніе прочесть творенія алхимиковъ, тотъ легко убѣдится въ истинѣ этого страннаго съ перваго раза утвержденія; всѣ нынѣшнія химическія знанія находятся не только въ Албертѣ Великомъ, Рогерѣ Баконѣ, Раймондѣ Лулліи, Василіи Валентинѣ, Парацельзіи, и въ другихъ чудныхъ людяхъ сего разряда, но эти знанія были столько разработаны, что встрѣчаются и въ алхимикахъ меньшей величины. Ты найдешь, напримѣръ, въ *Космополитѣ* (*) опытъ замораживанія воды посредствомъ сѣрной кислоты, что предполагаетъ существованіе снарядовъ, предполагающихъ въ свою очередь обширную опытность. Азотъ былъ извѣстенъ Рогеру Бакону; даже въ книгѣ подъ именемъ Артефія (**) замѣчается знаніе свойства газовъ; не только у Василія Валентина, но и у Гильдебранда (***) описаны металлы съ такою

(*) Въ новѣйшемъ 1723 г. переводѣ: Cosmopolite ou nouvelle lumière chymique—p. 26.

(**) Artephii antiquissimi philosophi de arte occulta atque lapide philosophorum liber secretus—in-4. 1612.

(***) Magiae naturalis—P. II. Hortus deliciarum—durch Wolfgangum Hildebrandum—1625 in-4.

подробностію, которой не встрѣтишь и во многихъ новѣйшихъ сочиненіяхъ; важность анализа органическихъ веществъ чувствовалъ Генрихъ Кунратъ (*)...

Вячеславъ.—Сдѣлай милость, пощади.... что за имена? что могли знать такіе варвары?

Фаустъ.—Я нарочно указалъ на такихъ, которые и въ свое время не пользовались особенною знаменитостію, а между-тѣмъ мы съ трудомъ доходимъ и до ихъ знаній...

Викторъ.—Но предоставь хотя что-либо нашему времени: на-примѣръ, хоть знаніе того, что вода не есть первоначальная стихія, какъ были увѣрены древніе, не смотря на всю ихъ мудрость...

Фаустъ.—Это также одна изъ сказокъ, которою тѣшитъ насъ наше экспериментальное самолюбіе; древніе никогда не принимали воду за простое тѣло, по-крайней-мѣрѣ со временъ Платона который въ «Тимеѣ» именно говоритъ, что «вода *раздѣляется* посредствомъ огня и производитъ огненное тѣло или два воздухообразныхъ тѣла» — не ясно ли здѣсь означены: кислородъ и водородъ, открытіемъ которыхъ мы такъ гордимся? для меня нѣтъ сомнѣнія, что подъ наименованіями стихій: огня, воздуха, воды и земли у древнихъ скрывались понятія, соотвѣтствующія нашимъ четыремъ

(*) Amphiteatrum sapientiæ eternæ solius veræ—Lipsiæ 1602 infolio.

простымъ тѣламъ: кислороду, азоту, водороду и углероду (*); на это можно привести сотни доказательствъ: стоитъ вспомнить объ Элеатикахъ, не говоря уже о Пиѳагорейцахъ! Когда новѣйшіе химики доказываютъ, что всѣ органическія тѣла образуются изъ газовъ, составляющихъ воздухъ — я снимаю шляпу и кланяюсь весьма старому знакомому, — современнику Анаксимена. Не надобно забывать также, что всѣ главнѣйшіе газы были извѣстны алхимику Фанъ-Гельмонту и что даже слово *газъ* принадлежитъ ему...

Викторъ. — По-крайней-мѣрѣ сила пара...

Фаустъ. — Ее употреблялъ *практически* Гіеронъ Александрійскій за 120 лѣтъ до Р. Х.; ее предлагалъ Браско Карлу V-му; между этими двумя эпохами, о ней говорилъ, какъ знаешь, и Рогеръ Баконъ, — теперь все это ясно выведено на справку...

Викторъ. — По-крайней-мѣрѣ аэростаты...

Фаустъ. — Были извѣстны тому же чудному Бакону, — а одинъ изъ алхимиковъ даже весьма подробно описалъ аэростатъ, за сто лѣтъ до Монгольфьера и предлагалъ его устроить точно такъ, какъ *догадались* его устроивать весьма недавно, то есть изъ мѣди (*). Смотри, вотъ и изображеніе: и

(*) Вотъ сіе любопытное, донынѣ едва-ли замѣченое мѣсто у Платона, по переводу Аста: terra quidem concurrens cum igne dissoluta ab ejus acie fertur, sive in ipso igne soluta fuerit (металлъ?), sive in aëris (окиселъ?), sive in aquæ mole (соли?), dum concurrentes forte ejus partes rursusque inter se ipsæ copulatæ ter-

шары и лодка и паруса; у этихъ варваровъ, какъ говоритъ Викторъ, есть сокровища непочатыя, нетронутыя, до иныхъ мы доходимъ случайно, до другихъ боимся прикоснуться, остальныхъ не знаемъ... Всѣ эти дивы были произведеніе не кропотливой чувственной экспериментаціи, но такого взгляда на природу, который намъ и не снится въ томъ мышиномъ горизонтѣ, въ который мы попали благодаря Бэкону Веруламскому.

Вячеславъ.—Я не знаю, зачѣмъ особенно обвинять Бэкона; если экспериментальное направленіе и дошло до злоупотребленія, то въ этомъ скорѣе можно обвинить послѣдователей Бэкона: Локка, Кондильяка и другихъ.

Викторъ.—А я такъ не вижу, что общаго между открытіемъ той или другой кислоты и тѣми, или другими метафизическими идеями?..

Фаустъ.—Въ храмѣ философіи, какъ въ вышнемъ судилищѣ, опредѣляются тѣ задачи, которыя въ данную эпоху разработываются въ низшихъ слояхъ человѣческой дѣятельности. — Нельзя не

---

ra evadant: neque enim in aliam umquam speciem transeant. Aqua autem ab igne vel etiam ab aëre divisa potest fieri composita *unum ignis corpus et duo aëris*. De aëris vero particulis ex una parte dissoluta duo existent corpora ignis. Plat. op. t. 5. p. 197. Ed. As. 1822. —Осмѣлюсь замѣтить, что *δὲ* въ словахъ: *δύο δὲ ἀέρος*— можетъ значить: *или*, славянское *же*, не смотря на *μὲν*.

(*) Francesco Lana—Prodromo all'arte maestra—Brescia 1670,—in-folio,—cap. 6, p. 52—61: Fabricare una Nave, che camini sostentata sopra l'aria a remi et a vele, quale si dimostra poter riuscire in prattica.

замѣтить явнаго параллелизма между самыми отвлеченными метафизическими положеніями вѣка и движеніемъ прикладныхъ наукъ, которыя образуютъ всю общественную, семейственную и индивидуальную жизнь человѣка въ томъ вѣкѣ. Такъ, на пр. довольно любопытно, что постепенное раздробленіе естественныхъ знаній, или лучше сказать ихъ измельченіе, другими словами, ихъ оремесленіе, — по моему, ихъ постепенное паденіе — соотвѣтствуетъ именно той бѣдственной эпохѣ, когда философія, поскользнувшись въ Бэконѣ, перешла чрезъ Локка и опустилась до Кондильяка, не смотря на все противодѣйствіе великаго Лейбница, т. е. со второй половины XVII вѣка до начала XIX; съ этой минуты, какъ-бы какимъ-то колдовствомъ, не появляются болѣе тѣ основныя открытія, образовавшія огромный арсеналъ физическихъ знаній, которымъ донынѣ мы пользуемся, неблагодарно подсмѣиваясь надъ стариками; на сцену выходятъ одни ремесленныя приложеніе того, что уже прежде было открыто. Что касается до Бэкона, то вѣроятно онъ самъ не ожидалъ, до какой нелѣпости дойдутъ его послѣдователи; онъ нападалъ на экспериментальную методу толпы своего времени «слѣпую и безсмысленную», какъ онъ называлъ ее; онъ требовалъ, чтобы опыты были производимы въ нѣкоторомъ порядкѣ и съ нѣкоторою методою; но на Бэконѣ лежитъ тяжкая отвѣтственность за то, что онъ пріучилъ изслѣдователей останавливаться на *случайныхъ*, *второстепенныхъ* при-

чинахъ, оставляя въ сторонѣ *внутреннюю сущность* явленій; онъ произнесъ эти несчастныя слова, этотъ драгоцѣнный клейнодъ ученаго міра въ продолженіи двухъ вѣковъ, нынѣ размѣнявшійся на мелкую монету: «Лучшее изъ всѣхъ доказательствъ есть безъ сомнѣнія опытъ, — но такой опытъ, гдѣ обращаютъ вниманіе лишь на фактъ, находящійся передъ глазами...» и далѣе: «Должно, собравъ множество фактовъ разнаго рода извлекать изъ нихъ познаніе причинъ и началъ...» (*).

Викторъ.—Но что же дѣлали твои алхимики? развѣ также не угорали возлѣ своихъ печей, также не собирали факты? если даже египетскіе храмы были не иное что, какъ физическія лабораторіи, то вѣроятно и тамъ слѣдовали Бэконову правилу...

Фаустъ. — Съ тою разницею, что древніе, а равно большая часть алхимиковъ знали, куда они идутъ; матеріальный опытъ былъ для нихъ послѣднею ступенькою въ изъисканіи истины; со времени Бэконовскаго направленія, люди начинаютъ съ этой ступеньки и идутъ, что говорится — на пропалую, сами не зная куда и за чѣмъ... Отъ того алхимики открыли такъ, между дѣломъ, все то, безъ чего мы теперь пошевельнуться не можемъ,— а мы—лишь винты, да колеса для бумажныхъ колпаковъ...

Викторъ.—Все такъ! допустимъ, что всѣ нынѣшнія знанія были извѣстны и древнимъ и сред-

(*) Nov. Org. l. I. c. 70.

нимъ вѣкамъ, что мы подбираемъ только крохи съ ихъ роскошнаго стола, — но дѣло въ томъ, что этотъ столъ былъ *для немногихъ*, и для весьма немногихъ, тогда какъ теперь наука — словно общій столъ въ богатой гостинницѣ, приходи кто хочетъ...

Фаустъ.—Съ этимъ я согласенъ, хотя замѣчу, что двери въ этой гостинницѣ не довольно широки, и столъ не всякому по деньгамъ. Дѣйствительно, въ древнемъ и среднемъ мірѣ наука была тайною, извѣстною лишь жрецамъ или адептамъ; и донынѣ существуютъ тайны въ разныхъ техническихъ производствахъ — по очень простой причинѣ: по корыстолюбію изобрѣтателей; ты знаешь, сколько времени (съ начала 18-го вѣка) составъ синьки былъ тайною, хотя имъ производили значительную торговлю; лишь въ концѣ 18-го вѣка Шель и Бертолетъ обнародовали составъ водородо-синеродной кислоты; для стариковъ, эта тайна была необходимостію: они понимали странную надпись въ храмѣ Изиды: «не открывай тайны подъ страхомъ наказанія персикомъ»—и знали, почему персиковое дерево посвящено было богу молчанія,—что между прочимъ показываетъ, что древніе знали прежде насъ и водородосинеродную кислоту (*). Платонъ безпрестанно останавливается и оговаривается, ка-

(*) Acide prussique; извѣстно, что этотъ ужасный ядъ можно добыть и изъ персиковыхъ косточекъ, къ счастію съ большимъ трудомъ во всякомъ случаѣ. (См. Hœfer-Hist. d. l. Chim.)

саясь предметовъ, которые ему были извѣстны какъ *посвященному*; необходимость этой тайны такъ была важна въ средніе вѣки, что Рогеръ Баконъ, самый откровенный изъ алхимистовъ, назвавъ селитру и сѣру, входящія въ составъ пороха, скрываетъ слово: уголь подъ весьма темной анаграммой: luru vopo vir can utriet (читаютъ: carbonum pulvere), —наконецъ почти въ наше время нѣкто въ Лондонѣ, объявившій намѣреніе открыть тайну составленія золота, былъ найденъ убитымъ въ своей комнатѣ (*). Но чѣмъ тѣснѣе былъ кружокъ этихъ людей, — тѣмъ удивительнѣе, что они безъ всѣхъ нашихъ пособій, книгъ, словарей, снарядовъ, журналовъ, съѣздовъ открыли прежде насъ всѣ наши открытія...

Вячеславъ.—Я такъ не вижу тутъ ничего чуднаго: алхимики искали вздора: философскаго камня, а случайно набрели на разныя открытія...

Фаустъ.—Знаешь ли, что̀ надобно для того, чтобы случайно что-нибудь найдти?

Вячеславъ.—Рядъ опытовъ...

Фаустъ. — И *глаза*... въ обширномъ смыслѣ этого слова!.. иначе мы будемъ походить на работника, образующагося по системѣ доктора Юра.

Викторъ. — Что ни говори, но невозможно, чтобы эти тысячи спеціальныхъ опытовъ, которые

(*) См. Geschichte der Alchemie—von Schmieder; Halle, 1832 Hœfer, ibidem.

нынѣ производятся тысячами людей во всѣхъ краяхъ міра, по всѣмъ отраслямъ естествознанія, не довели бы наконецъ до открытія настоящей теоріи природы...

Фаустъ. — И тому доказательство: метеорологія; ея явленія у всѣхъ передъ глазами, наблюденія сего рода возможны ежедневно, ежечасно... и до чего дошла она? до отрицательнаго отвѣта?— Метеорологи могутъ доказать только одно: что всѣ бывшія донынѣ объясненія (выведенныя изъ прямыхъ опытовъ) ложны и что мы, въ настоящемъ состояніи науки, не можемъ объяснить даже образованія снѣга, града, дождя, направленія вѣтра и проч.... (*) За метеорологіею и всѣ другія науки, при настоящемъ направленіи, тянутся къ тому же результату. Не помню кто-то замѣтилъ весьма справедливо, что эти господа похожи на физіолога, который бы выпустилъ изъ человѣка всю кровь до капли, чтобъ лучше объяснить ему составъ и дѣйствіе крови. Отъ безвѣрія въ возможность общихъ началъ, отъ навыка довольствоваться второстепенными, случайными причинами, отъ непривычки къ высшему движенію духа, произошли два зла:

(*) Пулье, Кемтцъ, Араго. Эта книга—не ученая диссертація; подводить на каждомъ шагу цитаты значило бы обременять ее излишнимъ балластомъ; и безъ того здѣсь много ссылокъ, хотя авторъ ограничивался лишь совершенно необходимыми. Для тѣхъ читателей, которые повѣрятъ автору—цитаты не нужны; для другихъ—онъ въ послѣдствіи можетъ открыть цѣлый арсеналъ цитатъ, на которыхъ основаны указанія, въ сей книгѣ содержащіяся.

первое зло — увѣренность, что всякое ощущеніе души тогда только дѣйствительно существуетъ, когда можетъ быть выражено словами; такимъ образомъ то, что не подходитъ подъ ту или другую матеріальную форму, названо мечтою; эта увѣренность такъ сильна, что ея не могутъ поколебать ежедневныя явленія, ее видимо отрицающія. Кто не толкуетъ о *медицинскомъ глазѣ* (coup d'oeil médicinal)? Спросите у медика, обладающаго симъ даромъ: какъ онъ напалъ прямо на причину болѣзни? почему онъ предписалъ именно такой, а не другой способъ лѣченія?—и часто вы приведете самаго ученаго медика въ затрудненіе. Въ одномъ Китаѣ требуютъ, чтобы врачъ непремѣнно пріискалъ болѣзнь своего паціента въ оффиціальныхъ медицинскихъ книгахъ и лечилъ бы въ точности по описанію, — я нахожу это весьма логическимъ: если все можетъ быть выражено словами, то слѣдуетъ только слѣдовать этимъ словамъ, и дѣло въ шляпѣ; вѣдь было же время, когда думали, что посредствомъ піитики и реторики можно человѣка научить поэзіи! Парижская Академія еще недавно требовала, чтобы ей дали ощупать дѣйствія животнаго магнетизма; — кто возстаетъ противъ такихъ требованій, тотъ идетъ противъ логики. — Другое зло: гибельная *спеціальность*, которая нынѣ почитается единственнымъ путемъ къ знанію, — и обращаетъ человѣка въ камеръ-обскуру, вѣчно наведенную на одинъ и тотъ же предметъ; цѣлые годы она отражаетъ его безъ всякаго

сознанія, за чѣмъ и для чего и въ какой связи этотъ предметъ съ другими? — еще до-сихъ-поръ есть люди, которые увѣрены, что чудеса англійской промышленности происходятъ отъ того, что тамъ, если человѣкъ дѣлаетъ винтъ, то дѣлаетъ его цѣлую жизнь и ничего, кромѣ этого винта въ мірѣ не знаетъ. Для этихъ господъ — *сосредоточенность вниманія* — эта высшая духовная сила, могущая втянуть въ свою сферу всю природу и доступная лишь высшему духу, — есть не иное что, какъ машинка, которая колотитъ цѣлые годы по одному и тому же мѣсту. Отъ этихъ двухъ золъ: *раздоръ* и *разрозненность* въ наукѣ и въ жизни; отъ нихъ— анархія, споры нескончаемые, и труды безсвязные; отъ нихъ безсиліе человѣка предъ природой. Коснитесь какого угодно предмета, самаго отвлеченнаго или самаго простаго житейскаго; соберите отвѣты людей *спеціальныхъ* — этихъ кандидатовъ въ *немогузнайки*, какъ говорилъ Суворовъ; этотъ повальный обыскъ можетъ быть довольно любопытенъ:

«Скажите мнѣ, сдѣлайте милость, химическій составъ тѣхъ или другихъ веществъ, употребляемыхъ въ пищу, какое можетъ имѣть вліяніе на организмъ человѣка и слѣдственно на одинъ изъ источниковъ общественнаго богатства?» — Извините, это не по моей части; я занимаюсь лишь финансовою наукою.

«Скажите, нельзя ли объяснить нѣкоторые историческія происшествія вліяніемъ химическаго со-

става веществъ, въ разныя времена употреблявшихся въ пищу человѣкомъ?» — Извините, я не могу развлекаться изученіемъ исторіи — я химикъ.

«Скажите, дѣйствительно ли изящныя искусства и въ особенности музыка имѣютъ такое сильное вліяніе на смягченіе нравовъ — и какой именно родъ музыки?» — Помилуйте, вѣдь музыка такъ, забава, игрушка — когда мнѣ ею заниматься? — я юристъ.

«Скажите, не можетъ ли нынѣшняя ваша постоянно страстная, или блистательная музыка нарушить равновѣсіе нравственныхъ стихій, отъ которыхъ зависитъ устройство общества?» — Извините, этотъ вопросъ отъ меня слишкомъ далекъ — я играю на скрипкѣ.

«Не можете ли мнѣ объяснить значеніе обрядовъ, которые наблюдались въ древности жрецами Цибелы или земли?» — Извините, филологія до меня не касается — я агрономъ.

«Скажите, нѣтъ ли между древними процессами земледѣлія такихъ опытовъ, которые нынѣ забыты, и которые бы не худо было повторить?» — Извините, я не сельскій хозяинъ, — я филологъ.

«Не знаете ли, чему приписать особенное размноженіе и часто появленіе тѣхъ или другихъ насѣкомыхъ въ томъ или другомъ году? — не замѣчено ли въ исторіи какихъ-нибудь періодовъ въ этихъ явленіяхъ? не осталось ли объ этомъ какого-либо хоть темнаго преданія въ климатерическихъ годахъ, о кото-

рыхъ толковали астрологи?» — Извините, я космологіею вообще не занимаюсь—я разсматриваю мошекъ въ микроскопъ и, признаюсь, не безъ успѣха, — я открылъ съ десятокъ совершенно новыхъ породъ.

«Скажите, не замѣтили ль вы отношенія между уклоненіями магнитной стрѣлки и необыкновеннымъ урожаемъ того или другаго растенія или особенною смертностію между животными?» — Извините, я не могу входить въ такія частности — я посвятилъ себя чисто магнетическимъ наблюденіямъ.

«Скажите, милостивый государь, до какой степени распространеніе теорій *за* и *противъ* врожденныхъ идей въ Платоновомъ смыслѣ, можетъ имѣть вліяніе на административныя мѣры въ томъ или другомъ государствѣ?» — Какой странный вопросъ! онъ слишкомъ далекъ отъ меня — я чиновникъ, бюрократъ.

«А вы, милостивый государь, не можете ли мнѣ сказать, до какой степени гармоническое построеніе души человѣческой должно быть принимаемо въ соображеніе при полицейскомъ устройствѣ города?»—Это, кажется, принадлежитъ къ камеральнымъ наукамъ, а я преподаю логику и реторику.

«Скажите, нѣтъ ли возможности по наружнымъ формамъ растенія опредѣлить его внутреннія свойства, какъ писалъ объ этомъ Раймондъ Луллій,—напримѣръ, то или другое его врачебное свойство?» — Это собственно былъ-бы медицинскій предметъ, я же

занимаюсь только ботанической классификаціею, а Раймонда Луллія мнѣ не удавалось читать — я не библіоманъ.

«Не замѣтили ль вы аналогіи въ наружныхъ формахъ растеній, имѣющихъ одинаковое врачебное дѣйствіе? — нельзя ли при пособіи этого явленія составить болѣе правильную, болѣе постоянную систему растительнаго царства и на основаніи такой системы прямо искать еще неоткрытаго растенія, или въ данномъ растеніи — того или другаго вещества, а не на удачу?» — Это бы очень усилило наши средства, и примѣръ тому хинина, которую гораздо удобнѣе употреблять, нежели самую хину; что же касается до аналогіи, о которой вы говорите, то ее нельзя не замѣтить; такъ, напримѣръ, большая часть ядовитыхъ растеній имѣютъ нѣчто общее въ своей физіономіи; я не могу однакожь взяться за разработку этого предмета: это дѣло ботаниковъ, а я — практическій медикъ.

«Скажите по-крайней-мѣрѣ, что такое жинсенкъ, это странное растеніе, которое въ Китаѣ продается на вѣсъ золота и которому приписываютъ такую чудную силу?» — Я могу вамъ сказать: это — Panax quinquefolium, изъ семейства діоспирей; какія же свойства этого растенія, о томъ спросите у химиковъ, а я — ботаникъ.

«Скажите, какой составъ этого страннаго растенія, какое его дѣйствіе на организмъ и какъ его употребляютъ?» — Всего вѣрнѣе, что оно состоитъ

изъ кислорода, водорода, углерода и можетъ-быть азота; какое же его дѣйствіе, спросите у оріенталистовъ, или у путешественниковъ.

«Вы, милостивый государь, одинъ изъ немногихъ людей, которые долго жили въ Китаѣ, вы человѣкъ образованный, скажите что такое это растеніе и какъ его употребляютъ?» — Слыхалъ я объ немъ, что его нѣсколько родовъ, изъ которыхъ одинъ очень обыкновенный и не производитъ никакого дѣйствія, но другой, очень рѣдкій, или какъ я самъ видѣлъ, дѣйствительно спасаетъ самыхъ трудныхъ больныхъ. Какое различіе между этими родами и въ какихъ случаяхъ употребляютъ тотъ или другой, я не могъ этого изучить — потому-что не занимаюсь естественными науками: я лингвистъ и оріенталистъ.

«Милостивый государь, вы такъ хорошо пишите, — что̀ бы вамъ написать книгу человѣческимъ языкомъ, которая бы сдѣлала для всякаго привлекательными и доступными физическія знанія.» — Что дѣлать? это не мой предметъ! я занимаюсь только изящною литературою.

«Вы, милостивый государь, вы такъ глубоко изучили физику и естественную исторію, — что̀ бы вамъ исправить варварскую физическую номенклатуру, которая отталкиваетъ читателей и дѣлаетъ лучшія физическія сочиненія непонятными для всякаго не физика.» — Что дѣлать? это не мой предметъ! я не литераторъ.

«Я слышалъ, милостивый государь, что вы напечатали вашу книгу о дифференціанальномъ и интегральномъ исчисленіи; говорятъ, что если вникнуть въ ваши формулы, то въ нихъ найдется объясненіе почти всѣхъ физическихъ, химическихъ, этнографическихъ явленій! какъ я радъ, что вы наконецъ напечатали вашу книгу!» — Что пользы! ее едва-ли прочтутъ десять человѣкъ, — а поймутъ едва-ли трое въ цѣломъ мірѣ.

«А вы, милостивый государь, — вы, который по существу вашей науки, должны имѣть обо всемъ свѣдѣнія, скажите, отъ чего разбрелись всѣ ученые въ разныя стороны и каждый говоритъ языкомъ, котораго другой не понимаетъ? отъ чего мы все изучили, все описали и — почти ничего не знаемъ?» — Извините, это не мой предметъ; я только собираю факты — я статистикъ!...

Вячеславъ. — Будетъ! будетъ! если ты намѣренъ собирать всѣ недомолвки ученаго міра, то можешь проговорить до скончанія вѣка...

Фаустъ. — Я ищу: не сольются ли гдѣ-нибудь эти капельки крови, которыя такъ усердно выпускаются этими господами изо всѣхъ жилъ природы, каждый изъ своей?

Викторъ. —Успокойся! они начинаютъ сливаться: напримѣръ, утверждено тожество электричества, гальванизма, магнетизма...

Фаустъ. — Пора! объ этомъ Шеллингъ говорилъ уже лѣтъ 30 тому... что жь далѣе?..

В и к т о р ъ. — Тебѣ бы все хотѣлось философскаго камня! этимъ къ сожалѣнію нашъ вѣкъ угодить тебѣ не можетъ... точно такъ же, какъ ни магіей, ни кабалой, ни астрологіей...

Ф а у с т ъ. — Спроси у Берцелія, Дюма, Распайля и у другихъ химиковъ, принимаютъ-ли они навѣрное металлы за простыя тѣла и станутъ ли они теперь смѣяться надъ тѣмъ, кто бы сталъ отъискивать не философскій камень—нѣтъ! какъ можно въ XIX-мъ вѣкѣ! нѣтъ! а *радикалъ металловъ,*—то есть, именно то, чего искали алхимики! — правда, они называли предметъ своихъ исканій очень странными именами: меркуріемъ, квинтессенціею, дѣвственной землею,—что совершенно непростительно съ ихъ стороны.—Скажу вамъ, господа, маленькій секретъ, только держите его про себя, — а не то скажутъ, что я, не въ шутку, занимаюсь алхиміею. Въ новѣйшей химіи есть одно несчастное простое тѣло, называемое азотомъ; это вещество служитъ очистительнымъ козлищемъ для химическихъ грѣховъ; когда химикъ не знаетъ что онъ такое нашелъ, — тогда это *не знаю* онъ называетъ или *потерей,* или *азотомъ,* смотря по обстоятельствамъ; азотъ въ наше время, не смотря на то, что объ немъ говорятъ безпрестанно, есть вещество совершенно отрицательное: если химикамъ попадется газъ, который не имѣетъ свойствъ ни одного изъ извѣстныхъ имъ газовъ, — то его называютъ азотомъ. Вотъ вамъ мой секретъ: мнѣ сдается, что азотъ не только былъ

извѣстенъ алхимикамъ, но что даже онъ для нихъ былъ — *сложное тѣло.* Когда въ этомъ убѣдятся и наши химики, тогда останется одинъ шагъ до металлическаго газа—или такъ называемаго нынѣ, съ ужимкою,—*радикала металловъ.* Теперь я могу сказать, какъ нѣкогда алхимики въ концѣ загадочной страницы: «Сынъ мой! я открылъ тебѣ важную тайну!» — Все это хорошо,—только вотъ что худо: когда это совершится, то, боюсь, люди точно такъ же будутъ смѣяться надъ нашими атомами, изомеріей, каталитическою силою, можетъ-быть даже надъ нашими окислами, окисями, недокисями, перекисями и другими изящными именами, — точно такъ же, какъ мы смѣемся надъ меркуріемъ, зеленымъ и краснымъ дракономъ алхимиковъ...

Вячеславъ. — Разумѣется, науки совершенствуются — и какъ знать, гдѣ онѣ остановятся...

Фаустъ. — Обманъ словъ — по-крайней-мѣрѣ въ нашемъ вѣкѣ. Я вижу въ немъ одно: мы трудились, трудились — и опять дошли до того же, что до насъ было извѣстно. По моему: не́ за чѣмъ было ходить такъ далеко...

Викторъ. — По-крайней-мѣрѣ мы оставимъ нашимъ потомкамъ богатые матеріалы, опыты, сдѣланные при пособіи такихъ снарядовъ, объ утонченности которыхъ наши предшественники не могли имѣть никакого понятія...

Фаустъ. — Не знаю, къ чему послужила выставка этихъ прекрасныхъ, выполированныхъ

игрушекъ, которыя называются физическими снарядами?... У Архимеда для опредѣленія плотности тѣлъ былъ очень незавидный снарядъ — вода; у Галилея для открытія законовъ движенія маятника — снарядомъ была люстра, висѣвшая въ церкви; для Ньютона, говорятъ — яблоко...

Вячеславъ. — Но хоть изъ милости оставь что-нибудь нашему времени. Не-ужь-ли всѣ ученые, трудившіеся въ продолженіи цѣлаго столѣтія съ половиною, не стоятъ ни малѣйшаго вниманія?...

Фаустъ. — О, нѣтъ! я этого не говорю! какъ не уважать ученыхъ! какъ не уважать трудовъ и страданій немногихъ высокихъ дѣятелей, ощутившихъ въ себѣ необходимость единства науки и непонятыхъ современниками! Какъ, даже въ низшей сферѣ дѣятелей, не изумляться тому мужеству, съ которымъ они часто приносятъ въ жертву наукѣ и трудъ и спокойствіе жизни и самую жизнь! Ученый для меня то же, что воинъ; я даже собираюсь написать прелюбопытную книгу: «*о мужествѣ ученыхъ*», начиная съ смиреннаго антикварія или филолога, который каждый день, мало-по-малу, впиваетъ въ себя всѣ зародыши болѣзней, грозящихъ его затворнической жизни — до химика, который, не смотря на всю свою опытность, никогда не можетъ поручиться, что онъ выйдетъ живой изъ лабораторіи; начиная отъ Плинія-старшаго, убитаго въ сраженіи съ волканомъ, до Рикмана, застрѣленнаго громовымъ отводомъ, Дюлона, по-

терявшаго глазъ въ борьбѣ съ хлоромъ, Парана Дюшателе, проводившаго недѣли по колѣни въ сточныхъ ямахъ, заражавшихъ весь городъ, до Александра Гумбольдта, спускавшагося въ рудники, чтобъ испытать на себѣ дѣйствіе асфикціи, прикладывавшаго себѣ шпанскія мухи для гальваническихъ опытовъ, до всѣхъ жертвъ плавиковой, гидрокіануровой кислоты... и увѣряю васъ, что никого не забуду. Но чѣмъ болѣе я уважаю труды ученыхъ, тѣмъ болѣе — еще разъ — скорблю объ этой безмѣрной и напрасной тратѣ раздробленныхъ силъ, которая замѣчается теперь на Западѣ; тѣмъ болѣе скорблю, что наука болѣе столѣтія все упрямѣе бредетъ по трудной, тернистой дорогѣ, и доходитъ лишь до мелкихъ ремесленныхъ приложеній которыя, при другомъ пути, пришли бы сами собою,—или до простаго механическаго записыванія фактовъ, безъ цѣли, почти безъ надежды, подобно метеорологіи... скорблю, что мы еще не вышли изъ пеленокъ восемнадцатаго вѣка, что еще не сбросили съ себя постыднаго ига энциклопедистовъ и матеріалистовъ, что общая, живая связь наукъ потерялась и что истинное начало знанія все болѣе и болѣе забывается...

Вячеславъ. — По-крайней-мѣрѣ ты не будешь отвергать успѣховъ исторіи въ наше время, потомучто безъ нея ты самъ бы не могъ сдѣлать шага въ твоей аттакѣ противъ нашего вѣка...

Фаустъ. —Исторія! исторія еще не существуетъ

В и к т о р ъ. — Позволь хоть въ этомъ усомниться! когда, въ какомъ вѣкѣ болѣе обращалось вниманія на исторію? когда историческія сокровища подвергались такой усиленной разработкѣ?

Ф а у с т ъ. — И все-таки исторія, какъ наука, не существуетъ! Главное условіе всякой науки: знать свое будущее, т. е. знать, чѣмъ бы она могла быть, если бы она достигла своей цѣли. Химія, физика, медицина, не смотря на все ихъ настоящее несовершенство, знаютъ, чѣмъ онѣ могутъ быть, слѣдственно, къ чему онѣ идутъ, — исторія и этого не знаетъ: подобно ботаникѣ, метеорологіи, статистикѣ, она накладываетъ камень на камень, не зная, какое выйдетъ зданіе, сводъ или пирамида, или просто развалина, да еще и выйдетъ ли что-нибудь.

В я ч е с л а в ъ.—Ты смѣшиваешь исторію съ хронологіею, съ лѣтописью... время лѣтописей прошло; какой историкъ со временъ Вольтерова «Опыта о правахъ народныхъ» (Essai sur les mœurs) не старается соединять историческіе факты такъ, чтобъ сдѣлать возможными общіе выводы?

Ф а у с т ъ. — Правда! потребность одной общей, живой теоріи ощущается, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе, лучшими умами вѣка, вездѣ: въ исторіи, какъ и въ другихъ наукахъ; но съ исторіею случилось то же, что съ метеорологіею. Она очень подробно описала, что молнія есть электрическая искра, сопровождаемая громомъ; съ другой стороны, опытомъ найдено разстояніе, пробѣгаемое звукомъ;

изъ этихъ фактовъ сдѣланы весьма основательные выводы: что чѣмъ дальше гроза, чѣмъ больше проходитъ времени между появленіемъ молніи и звукомъ грома, тѣмъ человѣку безопаснѣе; эта теорія обратилась къ аксіому; подъ нее стали подводить всѣ встрѣчавшіяся явленія; добрые люди, учившіеся наукамъ, и до-сихъ-поръ считаютъ по пульсу время, пробѣгающее между молніею и громомъ и съ увѣренностію объявляютъ удивленному простолюдину, что гроза отъ него на столько-то верстъ! Прекрасно! чего лучше! вотъ что значитъ вѣрное наблюденіе фактовъ, и теорія не на мечтахъ, а на фактахъ основанная! Но, вотъ, что очень огорчило господъ опытныхъ теоретиковъ: представились другіе факты, а именно: люди, животныя, зданія были поражены грозою безъ малѣйшей молніи и безъ грома! что̀ дѣлать съ опытною теоріею? она вся вверхъ дномъ! «Ничего! сказали наблюдатели: мы пріобщимъ эти факты къ другимъ, противорѣчащимъ — вотъ и все, а для утѣшенія теоретиковъ пріищемъ какое-нибудь названіе для этихъ досадныхъ фактовъ, назовемъ ихъ хоть возвратнымъ ударомъ (choc de retour)!»—Та же теорія на основаніи цифръ и статистическихъ выводовъ объявила, что грозы чаще бываютъ въ жаркихъ странахъ, нежели въ холодныхъ и очень тщательно объяснила этотъ законъ посредствомъ электрической жидкости; но, къ несчастію, къ статистическимъ таблицамъ послѣдовало небольшое дополненіе, а именно, что въ Лимѣ, Перу и Каирѣ почти не бываетъ грозъ, —

тогда, какъ въ Ямайкѣ отъ ноября до апрѣля грозы бываютъ ежедневно (*). Вѣроятно, послѣдняя страна имѣетъ привиллегію на электрическую жидкость, въ которой отказано первымъ. — Въ исторіи, и особенно въ такъ называемой философической исторіи, точно та же исторія. — Ничего бы не могло быть любопытнѣе собранія историческихъ выводовъ о причинахъ произшествій, и оцѣнки историческихъ лицъ; одинъ говоритъ: такая-то страна уцѣлѣла, потому-что, не смотря на неблагопріятныя обстоятельства, рѣшилась удержать свою народность; другой: такая-то страна погибла, потому-что, не смотря на тѣ же самыя обстоятельства, хотѣла удержаться. Такой-то полководецъ, не смотря на всѣ увѣщанія, поторопился и отъ-того потерялъ сраженіе; а такой-то, въ тѣхъ же обстоятельствахъ, не смотря на всѣ увѣщанія, не захотѣлъ медлить и выигралъ сраженіе. Варвары напали на Римлянъ, но должны были уступить ихъ воинской дисциплинѣ; варвары напали на Римлянъ и распалась Римская Имперія, не смотря на ея воинскую дисциплину. — Іоаннъ Гуссъ погибъ, потому-что, полагаясь на охранительное письмо, отдался въ руки непримиримымъ врагамъ своимъ; Лютеръ восторжествовалъ, потому-что, не смотря на примѣръ Гусса, пошелъ прямо въ средину непримиримыхъ враговъ своихъ. Вотъ уроки этого такъ называемаго училища народовъ — исторіи.

(*) См. Кемтца Метеорологію.

Спроси ее о чемъ хочешь: на все она дастъ отвѣтъ, вмѣстѣ утвердительный и отрицательный; нѣтъ нелѣпости, которой бы нельзя подкрѣпить указаніями на *нелицемѣрныя скрижали* исторіи и чѣмъ онѣ нелицемѣрнѣе, тѣмъ удобнѣе гнутся подъ всякіе выводы. Отъ-чего это странное, безобразное явленіе? все отъ одной причины: отъ-того, что историки, какъ метеорологи, думали возможнымъ останавливаться на второстепенныхъ причинахъ; думали, что рядъ фактовъ можетъ ихъ привести къ какой либо общей формулѣ! — И что жь мы замѣчаемъ въ настоящую минуту: историки, видя постоянно, что отъ однѣхъ и тѣхъ же причинъ проистекаютъ совершенно противоположныя слѣдствія, — рѣшились снова проситься въ лѣтописцы. Я нахожу это весьма логическимъ! сливайте, сливайте, господа, разныя лѣкарства въ одну и ту же стклянку — можетъ-быть что-нибудь и выйдетъ!

Викторъ. — Нападая на противоположные выводы изъ одинакихъ произшествій, ты забылъ, что необходимо принимать въ расчетъ разныя обстоятельства, какъ на-примѣръ, географическое положеніе, климатъ...

Фаустъ. — Англія немножко побольше Исландіи и почти въ одинакихъ физическихъ обстоятельствахъ — отъ-чего такая разница въ судьбѣ этихъ двухъ острововъ?... климатъ? отъ-чего Англичане, переселившіеся въ Сѣверную Америку, не сдѣлались Индійцами, а Индійцы Англичанами?

отъ-чего Евреи, Цыгане не приняли нравовъ всѣхъ тѣхъ климатовъ, гдѣ они находились и находятся?

Викторъ. — Причина простая: народный характеръ, духъ времени...

Фаустъ. — Ты произнесъ два важныя слова, только одного я не понимаю, на другое потребую объясненій. Что̀ такое, на-примѣръ, духъ времени? я это слово встрѣчаю очень часто, но опредѣленія его еще не видалъ нигдѣ...

Викторъ. — Опредѣлить это слово трудно, но смыслъ его довольно понятенъ; подъ духомъ времени разумѣютъ отличительный характеръ всѣхъ дѣйствій человѣчества въ данную эпоху, общее направленіе умовъ къ тому или другому предмету, къ тому или другому образу мнѣній, общее убѣжденіе, — наконецъ, нѣчто соотвѣтствующее возрасту отдѣльнаго человѣка, нѣчто необходимое, неизбѣжное...

Фаустъ. — Кажется, ты опредѣлилъ довольно вѣрно; но вотъ вопросъ: откуда берется это общее направленіе, это общее убѣжденіе? зависитъ ли оно отъ одной какой либо мощной причины, или отъ нѣсколькихъ разныхъ началъ? Если духъ времени происходитъ отъ одного начала, то онъ долженъ производить одно общее убѣжденіе, исключающее всѣ другія убѣжденія; если духъ времени проистекаетъ отъ различныхъ началъ, тогда убѣжденіе, имъ производимое, не можетъ быть общимъ,

ибо оно раздѣлится на нѣсколько разныхъ убѣжденій, изъ которыхъ каждое будетъ имѣть притязаніе на первенство, и тогда: прощай необходимость. Возьмемъ частный примѣръ: какой, на-примѣръ, по твоему, характеръ настоящаго вѣка?...

Викторъ. — Промышленный, положительный, это ясно какъ дважды два — четыре...

Фаустъ. — Хорошо; вотъ необходимое призваніе нашего вѣка, не такъ ли? мы во всемъ ищемъ положительной, осязаемой пользы, не такъ ли?

Викторъ. — Безъ сомнѣнія.

Фаустъ. — Если такъ, то объясни мнѣ, сдѣлай милость, какимъ образомъ музыка существуетъ въ нашемъ вѣкѣ? въ нашей положительной эпохѣ она совершенная невозможность, нелѣпость! всякое другое искусство имѣетъ хотя отдаленную пользу; поэзія нашла себѣ уголокъ въ такъ называемыхъ дидактической и анакреонтической поэзіи; посредствомъ стиховъ можно научить на-примѣръ, хоть какъ нитки мотать; Делиль написалъ руководство для садовниковъ; не помню кто — поэму о переплетномъ дѣлѣ; живопись напоминаетъ вещественные предметы и годится для изображенія машинъ, домовъ, мѣстностей и другихъ полезныхъ предметовъ; архитектура — и говорить нѣчего. Но музыка? музыка рѣшительно не можетъ доставить никакой пользы! какъ же она уцѣлѣла въ нашемъ вѣкѣ, гдѣ на каждомъ шагѣ вопросъ: а къ чему это полезно? другими словами:

а къ какой денежной операціи это пригодно?—Если бы люди имѣли несчастіе быть вполнѣ логическими, они бы должны были выбросить музыку за окошко, какъ старую рухлядь. Человѣкъ, который, слушая музыку, сказалъ: Sonate! que me veux-tu? (*) былъ человѣкъ весьма логическій, ибо дѣйствительно посредствомъ музыки нельзя себѣ выпросить даже стакана воды. Какъ втерлось это безполезное искусство въ наше воспитаніе? отъ-чего почтенному фабриканту хочется, чтобъ дочь его бренчала на фортепьянахъ? зачѣмъ онъ на музыкальные уроки и на инструменты тратитъ деньги, которыя бы могли быть употреблены на болѣе полезные предметы?

Викторъ. — Утѣшься, причина такого мотовства очевидна: тщеславіе и больше ничего!

Фаустъ. — Согласенъ! музыка дѣйствительно втерлась въ новѣйшее общество въ одномъ изъ его маскарадныхъ платьевъ, подъ покровительствомъ тщеславія, но почему наше тщеславіе подружилось именно съ музыкой? почему, на-примѣръ, не съ кухней? что было бы гораздо легче и гораздо полезнѣе? Тутъ случилось нѣчто довольно странное и любопытное. Почтенному фабриканту, заставлявшему свою дочь играть блистательныя варіяціи на di tanti palpiti, никакъ не приходило въ голову, что нѣсколько пустыхъ филантроповъ, занимающихся исправительною системою, наткнулись на фактъ

(*) Соната! чего ты отъ меня хочешь?

вполнѣ непонятный: они замѣтили, что лишь тѣ изъ преступниковъ склонны къ исправленію, въ которыхъ оказывается расположеніе къ музыкѣ (*). Что за странный термометръ!

Викторъ. — Ужь воля твоя — я никакъ не могу понять, какое можетъ быть отношеніе между руладами и нравственными поступками человѣка.

Фаустъ. — Да, подлинно странно! а между-тѣмъ это фактъ, un fait acquis à la science, какъ говорятъ Французы. Тутъ невольно подумаешь о чьемъ-то вмѣшательствѣ въ мірѣ дѣйствій человѣческихъ; музыка, повторяю, втерлась въ этотъ міръ вопреки духу времени! Ты видишь, я признаю существованіе этого духа, но даю ему другой смыслъ, который, можетъ-быть, не понравится утилитаристамъ. По-моему, духъ времени — въ вѣчной борьбѣ съ внутреннимъ чувствомъ человѣка; этотъ духъ былъ принужденъ принять въ свои нѣдра противную ему музыку, покоряясь какому-то темному чувству человѣка, которое безсознательно угадало высокій смыслъ этого искусства...

Вячеславъ. — Я очень радъ этому открытію; впередъ, когда въ концертѣ какая-нибудь пѣвица, или signor Castratto затянетъ: di tanti palpiti, я закричу: «молчаніе, господа, — это курсъ нравственности!»

Фаустъ. — Твоя насмѣшка кстати, но ты ошиб-

(*) См. Appert — Des bagnes et prisons, 3 vol. in-8, и многія другія книги по сей части.

ся цѣлью, и попалъ не въ музыку, а въ духъ времени. Этому духу очень бы хотѣлось переиначить на свой ладъ ненавистное ему искусство; для этого, онъ двинулъ музыку на ту разгульную дорогу, гдѣ она теперь шатается со стороны на сторону. Гимнамъ, выражающимъ внутренняго человѣка — матеріальный духъ времени придалъ характеръ контраданса, унизилъ его выраженіемъ небывалыхъ страстей, выраженіемъ духовной лжи, облѣпилъ бѣдное искусство блескомъ, руладами, трелями, всякою мишурою, чтобъ люди не узнали его, не открыли его глубокаго смысла! Вся такъ называемая бравурная музыка, вся новая концертная музыка — слѣдствіе этого направленія; еще шагъ, и божественное искусство обратилось бы просто въ фиглярство, — темный духъ времени ужь близокъ былъ къ торжеству, но ошибся: музыка такъ сильна своею силою, что фиглярство въ ней не долговѣчно! Случилась странность: все, что музыканты писали въ угожденіе духу времени, для настоящей минуты, для эффекта, вѣтшаетъ, надоѣдаетъ и забывается. Кто захочетъ теперь слушать нѣжности Плейеля и рулады временъ Чимарозо? Россиніевскій блескъ уже погасъ! отъ Россини осталось лишь нѣсколько мелодій, проникнутыхъ искреннимъ чувствомъ; все, что было имъ писано по заказу, для той или другой ноты пѣвца, для той или другой публики, исчезаетъ изъ людской памяти; пѣвцы умерли, формы устарѣли. Беллини, который на сотни саженъ ниже Россини, еще живетъ,

потому-что еще не успѣлъ надоѣсть и потому-что въ его оперы закрались двѣ-три искреннія мелодіи. Фиглярство концертное надоѣло до чрезвычайности: все вниманіе концертистовъ обращено на то, чтобъ удивить публику чѣмъ либо новымъ: скрипка просится въ фортепьяны, фортепьянамъ до смерти хочется пѣть, флейта добивается до pizzicato — люди собираются, слушаютъ, удивляются и, по темному, безсознательному чувству зѣваютъ; завтра все забыто: и зѣвота и музыка; не пройдетъ четверти столѣтія и вопросъ: «что вы думаете объ операхъ Пачини, Беллини?» будетъ такъ же страненъ, какъ теперь вопросъ: что вы думаете объ операхъ Галуппи, Караффа?» хотя послѣдній даже нашъ современникъ. А между-тѣмъ, живетъ старый Бахъ! живетъ дивный Моцартъ! Напрасно духъ времени шепчетъ людямъ въ уши: «не слушайте этой музыки! эта музыка не веселая и не нѣжная! въ ней нѣтъ ни контраданса, ни галопа: скажу вамъ слово еще страшнѣе: эта музыка ученая!» Благоговѣніе къ великимъ художникамъ не прекращается; по прежнему ихъ музыка приводитъ въ восторгъ, по ихъ музыкѣ учатся, ихъ творенія разработываются учеными комментаторами, какъ «Иліада» Гомера, какъ «Комедія» Данте (*). Не ана-

---

(*) См. сотни томовъ о Себастіанѣ Бахѣ и о Моцартѣ, и въ особенности о послѣднемъ, сочиненіе нашего соотечественника, Улыбышева, превосходящее всѣ до него писанныя книги о семъ предметѣ и глубиною мыслей, и знаніемъ дѣла, и ученостію, и горячею любовію къ искусству: Vie de Mozart. 3 vol. in-8. Наши

хронизмъ ли это въ нашемъ вѣкѣ? Вникнувъ въ одно это странное явленіе (а ихъ тысячи), мы въ правѣ спросить: «такъ называемый духъ времени не есть ли соединеніе противорѣчій?»

Вячеславъ. — Ты привелъ въ примѣръ одинъ нашъ вѣкъ...

Фаустъ. — Ты замѣтишь эти противорѣчія въ каждомъ вѣкѣ: романтизмъ въ вѣкѣ древняго классицизма (*), реформацію въ вѣкѣ папизма... примѣры безъ конца. — Что значатъ эти противорѣчащія явленія? можно ли согласить ихъ съ тѣмъ понятіемъ, которое обыкновенно составляютъ о духѣ времени? есть ли онъ дѣйствительно необходимая форма дѣятельности человѣческой? нѣтъ ли другаго болѣе сильнаго дѣятеля во всѣхъ историческихъ явленіяхъ?

журналы едва упомянули объ этой замѣчательной книгѣ. Къ сожалѣнію въ послѣдствіи [написанная] тѣмъ же самымъ сочинителемъ книга о Бетховенѣ—ниже всякой критики.

(*) Шевыревъ въ своей „*Теоріи Поэзіи*"—(Москва 1836 — стр. 108, 109) сдѣлалъ весьма остроумное, новое и глубокое замѣчаніе, которое показываетъ древній міръ совсѣмъ съ другой точки зрѣнія, нежели съ которой мы привыкли на него смотрѣть. Онъ нашелъ, „что примѣры, которые выбираетъ Лонгинъ въ своемъ сочиненіи изъ писателей языческихъ, всѣ отличаются особенною возвышенностію *мысли*, и не столько во вкусѣ древнемъ, сколько въ нашемъ романтическомъ... сихъ-то мыслей болѣе близкихъ нашему духу, нашему христіянскому стремленію, ищетъ Лонгинъ въ писателяхъ языческихъ и открываетъ въ нихъ сторону совершенно новую и намъ родную." Въ самой книгѣ Шевырева это мнѣніе подкрѣплено неопровержимыми указаніями.

Викторъ. — Я уже упомянулъ о народномъ характерѣ...

Фаустъ. — Это выраженіе я нѣсколько понимаю, — но не знаю, въ обыкновенномъ ли смыслѣ.

Вячеславъ. — Опредѣленіе этого слова очень просто: характеръ народа есть собраніе его отличій отъ другихъ народовъ...

Фаустъ. — Очень ясно! Иванъ не Кирила, а Кирила не Иванъ; остается рѣшить бездѣлицу: что такое Иванъ и что такое Кирила?

Вячеславъ. — Этого никогда нельзя рѣшить...

Фаустъ. — Не знаю...

Викторъ. — Попытайся....

Вячеславъ. — A la preuve, monsieur le detracteur! à la preuve!

Фаустъ. — Вы меня ставите, господа, въ презатруднительное положеніе... вы не знаете, какъ трудно вывести на свѣтъ мысль, которую почитаешь новою! какими окольными путями надобно идти, со сколькихъ сторонъ обходить, сколько протверживать задовъ, съ какимъ прискорбіемъ разрушать все, что можетъ препятствовать ея существованію... Въ настоящемъ состояніи умовъ, для объясненія всякой мысли, надобно начинать съ азбуки, ибо люди гоняются за одними выводами, тогда какъ все дѣло—въ основаніи; а между-тѣмъ, часто эта мысль состоитъ изъ четырехъ словъ,—что еще

хуже, иногда эта мысль совсѣмъ не новая, она уже сидитъ въ головѣ современниковъ, — а приходится бить молотомъ по черепамъ, чтобы выпустить заклепанную затворницу; что еще хуже, у иныхъ треснутъ черепа, а они этого и не замѣтятъ!

Викторъ. — О! о! господинъ смиренный философъ! какая самонадѣянность...

Фаустъ. — Нѣтъ! человѣкъ, который пестуется съ мыслію, похожъ на попечительную матушку, у которой дочери на возрастѣ; ихъ пора выдать замужъ, а для того надобно ихъ вывозить въ свѣтъ, для того принарядить, подъ-часъ ихъ похвалить, подъ-часъ побранить ихъ сверстницъ — одно худо: часто, не смотря на всѣ материнскія попеченія...

Вячеславъ. — Невѣсты не находятъ жениховъ! — смотри, чтобы и твоей милой дочери вѣкъ не остаться въ дѣвкахъ.

Викторъ. — Къ дѣлу! къ дѣлу! безъ отговорокъ! нельзя безнаказанно обвинять цѣлую эпоху въ сумасшествіи, не показавъ, что̀ такое не сумасшествіе?

Фаустъ. — Безъ шутокъ, господа, я въ большомъ затрудненіи, ибо также принадлежу къ нашему вѣку, и потому одно сумасшествіе, можетъ-быть, долженъ буду замѣнить другимъ. Мы всѣ похожи на людей, которые пришли въ огромную библіотеку: кто читаетъ одну книгу, кто другую, кто смотритъ только на переплетъ... заговорили, каж-

дый говоритъ о своей книгѣ, — какъ понять другъ друга? съ чего начать, чтобы понять другъ друга? Если бы мы всѣ читали одну и ту же книгу, тогда бы разговоръ былъ возможенъ,—всякой бы понялъ, съ чего надобно начинать и о чемъ говорить. Дать вамъ прежде прочесть *мою* книгу — невозможно!— въ ней сорокъ томовъ, напечатанныхъ мелкимъ, мучительнымъ шрифтомъ! — читать ее — терзаніе невыносимое, невыразимое; листы въ ней перемѣшаны, вырваны мукою отчаянія, — и что всего досаднѣе, книга далеко не кончена, — многое еще въ ней осталось неполнымъ, загадочнымъ... нѣтъ! я не могу вамъ дать прочесть мою книгу, — вы ее отбросите съ нетерпѣніемъ; начну съ одной изъ *вашихъ* книгъ. — Вы знаете, господа, что, по мнѣнію многихъ людей, міру человѣческому не достаетъ многихъ наукъ; напр. не знаю, кто-то сказалъ, что на Западѣ не достаетъ одной весьма важной науки: «какъ топить печи!» что совершенно справедливо. Вы знаете также, что въ нашемъ вѣкѣ аналитическая метода въ большомъ ходу; я не понимаю, какъ никто до-сихъ-поръ не догадался приложить къ исторіи того же способа изслѣдованій, какой на-примѣръ, употребляютъ химики при разложеніи органическихъ тѣлъ; сначала доходятъ они до ближайшихъ началъ тѣла, каковы, на-примѣръ, кислоты, соли и проч., наконецъ до самыхъ отдаленныхъ его стихій, каковы, на-примѣръ, четыре основные газа; первыя различны въ каждомъ органическомъ тѣлѣ, вторыя — равно принадле-

жатъ всѣмъ органическимъ тѣламъ. Для этого рода историческихъ изслѣдованій можно было бы образовать прекрасную науку, съ какимъ-нибудь звучнымъ названіемъ, на-примѣръ, «*Аналитической Этнографіи*». Эта наука была бы въ отношеніи къ исторіи тѣмъ же, что химическое разложеніе и химическое соединеніе въ отношеніи къ простому механическому раздробленію и механическому смѣшенію тѣлъ; а вы знаете, какое различіе между ними: — вы раздробили камень; каждая частица камня остается камнемъ и ничего новаго вамъ не открываетъ; на оборотъ, вы можете собрать всѣ эти частицы вмѣстѣ и будетъ лишь собраніе частицъ камня — не болѣе; напротивъ, вы разложили тѣло химически и находите, что оно состоитъ изъ элементовъ, которыхъ бы вовсе нельзя было предполагать по наружному виду тѣла; вы соединяете эти элементы химически и получаете снова разложенное тѣло, по наружному виду непохожее на свои элементы. Кто можетъ догадаться, смотря на жидкую воду, что она состоитъ изъ двухъ воздуховъ или газовъ! кто, смотря на воздухообразные кислородъ и водородъ, догадается безъ пособія химіи, что ихъ соединеніе образуетъ воду? — Не даромъ собственно-химія въ такомъ ходу въ нашемъ вѣкѣ! духъ времени — правда — вздымаетъ вокругъ нея технологическій соръ и заставляетъ ее жить въ этой удушливой атмосферѣ; но, можетъ-быть, не смотря на то, физическая химія все-таки мало-по-малу приближается къ своей

сокровенной цѣли: навести ученыхъ на химію высшаго размѣра. — Она, подобно разнымъ отраслямъ дѣятельности человѣческой, хотя и находится подъ гнетомъ темнаго духа времени, но уже по существу своему, должна заниматься внутренними, сокрытыми элементами природы и потому невольно вырывается изъ-подъ узды матеріалистовъ и *испытуетъ глубину*. — Почему знать! можетъ-быть, историки посредствомъ *аналитической этнографіи* дойдутъ до нѣкоторыхъ изъ тѣхъ же результатовъ, до которыхъ дошли химики въ физическомъ мірѣ; откроютъ взаимное сродство нѣкоторыхъ элементовъ, взаимное противодѣйствіе другихъ, способъ уничтожать или мирить сіе противодѣйствіе; откроютъ ненарокомъ тотъ чудный химическій законъ, по которому элементы тѣлъ соединяются въ опредѣленныхъ пропорціяхъ и въ прогрессіи простыхъ чиселъ, какъ одинъ и одинъ, одинъ и два и такъ далѣе; можетъ-быть наткнутся на то, что химики съ отчаянія назвали каталитическою силою, т. е. превращеніе одного тѣла въ другое посредствомъ присутствія третьяго, безъ явнаго химическаго соединенія; можетъ-быть, также убѣдятся они, что въ историческомъ производствѣ должно употреблять необходимо рективы *чистые*, безъ всякой примѣси, подъ страхомъ наказанія фальшивыми результатами; даже приблизятся, можетъ-быть, и къ основнымъ элементамъ. Конечною, идеальною цѣлію аналитической этнографіи было бы — *возстановить исторію*; т. е. открывъ анализисомъ основные эле-

менты народа, по симъ элементамъ систематически построить его исторію; тогда, можетъ-быть, исторія получила бы нѣкоторую достовѣрность, нѣкоторое значеніе, имѣла бы право на названіе науки, тогда какъ до-сихъ-поръ она только весьма скучный романъ, исполненный прежалкихъ и неожиданныхъ катастрофъ, остающихся безъ всякой развязки, и гдѣ авторъ безпрестанно забываетъ о своемъ героѣ, извѣстномъ подъ названіемъ человѣка. Можетъ-быть, и въ химіи и въ этнографіи удобнѣе было бы поступить наоборотъ, т. е. начать прямо съ основныхъ элементовъ и бодро прослѣдить все ихъ развѣтвленіе...

Викторъ. — Мечта! откуда взять прямо эти основные элементы; кто увѣритъ тебя, что они — основные, а не другіе?..

Фаустъ. — Въ этомъ должно увѣриться — *опытомъ*...

Викторъ. — Побѣда, побѣда, господа! нашъ идеалистъ самъ нечувствительно дошелъ до того, противъ чего возставалъ, дошелъ до необходимости опыта, эмпиризма... въ томъ и дѣло, другъ: какими окольными путями ни обходи знаніе, все дойдешь до его единственнаго исходнаго пункта, т. е. до чувственнаго опыта...

Фаустъ. — Я никогда не отвергалъ необходимости опыта вообще, и важности чувственныхъ опытовъ. Хорошо, если человѣкъ можетъ увѣриться

въ истинѣ всѣми тѣми органами, которые ему для сего даны Провидѣніемъ, — даже рукою. Весь вопросъ въ томъ: всѣ ли эти органы мы употребляемъ? давно уже говорятъ, что одно тѣлесное чувство служитъ повѣркою для другаго: зрѣніе повѣряется осязаніемъ, слухъ повѣряется зрѣніемъ; говорятъ также въ школахъ, что впечатлѣнія внѣшнихъ чувствъ повѣряются душою, — но это выраженіе остается обыкновенно необъяснимымъ и для слушателей, и для профессора. Какъ происходитъ эта вторая повѣрка? — дѣйствительно ли происходитъ эта повѣрка? — принимаемъ ли при ней всѣ тѣ предосторожности, которыя считаемъ необходимыми для правильнаго дѣйствія внѣшнихъ чувствъ? Чтобъ разсмотрѣть предметъ, мы стараемся прежде всего удалить всѣ тѣ предметы, которые могутъ находиться между имъ и глазомъ; чтобъ разслушать звукъ, — мы стараемся не слыхать всѣхъ постороннихъ звуковъ; мы бережно закупориваемъароматъ, чтобъ онъ не смѣшался съ другими запахами. И не смотря на многочисленные наши опыты сего рода, мы никогда не можемъ поручиться, что не ощутили одинъ предметъ вмѣсто другаго. Нѣчто подобное должно происходить и въ психическомъ ощущеніи; чистое психическое воззрѣніе такъ же трудно, какъ чистый чувственный опытъ. Въ томъ и другомъ случаѣ, мы слишкомъ развлечены многоразличными ощущеніями, и намъ почти невозможно уединить наше вниманіе; мы должны принимать большія предосторожности для того, что-

бы думать *своею* мыслію, чтобы удалить всѣ постороннія, чужія, пріобрѣтенныя, наслѣдственныя мысли, которыя являются между нами и предметомъ. — Я нашелъ лишь одно описаніе любопытнаго опыта въ семъ родѣ: «Хотите ли испытать какъ эта машина вертится?» говоритъ одинъ весьма замѣчательный писатель, — «удалитесь куда нибудь въ темный уголъ, чтобъ вамъ, если можно, ничего не видѣть и не слышать; старайтесь прогнать отъ себя всѣ мысли, или лучше сказать прогонять; потому-что легко и разомъ этого сдѣлать нельзя безъ особенной силы воли: вы увидите какія разнообразныя и непредвидѣнныя группы мыслей начнутъ представляться вамъ; предъ вами будутъ являться неожиданно, негаданно какіе-то призраки волшебнаго фонаря. Тогда вы узнаете и то̀ какъ трудно отвлекаться отъ идей; только не надобно спѣшить опытомъ и не кончить его въ 5 или 10 минутъ» (*). Такихъ опытовъ надъ *трезвѣніемъ* мысли еще весьма мало; немногіе изъ нихъ описаны и то въ такихъ книгахъ, гдѣ ихъ обыкновенно не ищутъ; а весьма любопытны эти опыты! Всего неудобнѣе для приложеній въ семъ случаѣ то, что сего рода опыты и выводы изъ нихъ можетъ дѣлать каждый лишь *про себя;* есть что-то ребяческое въ обыкновенныхъ требованіяхъ: показать, дать ощутить такой опытъ, какъ въ требованіяхъ:

(*) См. Исповѣдь, или собраніе разсужденій доктора Ястребцева. Спб. 1841, стр. 232 и 233.

дать ощупать магнетическую силу человѣка; ибо здѣсь *снарядъ въ самомъ испытатель*, — его степень знанія зависитъ отъ его привычки обращаться съ своимъ снарядомъ, — а вообще можно ссылаться въ подтвержденіе своихъ словъ лишь на такіе опыты, которые производилъ и самъ слушатель; — это очевидно. Слѣдственно, пока кто самъ не произвелъ такого психологическаго опыта, который бы увѣрилъ его въ возможности видѣть мимо чувствъ, свободнымъ, полнымъ прозрѣніемъ духа, тотъ не долженъ ни отрицать сей возможности, ибо это было бы несправедливо, ни требовать, чтобы ему передали эту возможность, ибо такая передача — внѣ самаго существа и условій опыта. Должно однако же замѣтить, что мы натыкаемся довольно часто на нѣкоторые намеки изъ такихъ опытовъ, намеки, которые бы должны были сдѣлать насъ болѣе осторожными при отрицаніи выводовъ сей психологической экспериментаціи; — такъ, по нѣкоторымъ намекамъ, мы увѣряемся въ существованіи нѣкотораго чутья въ организмахъ, хотя ощупать его не можемъ; мы замѣчаемъ, напримѣръ, что вредная организму пища часто производитъ въ немъ отвращеніе, никакими наблюденіями необъяснимое; что значитъ эта темная наклонность вкуса, которая встрѣчается у беременныхъ женщинъ, часто странная и всегда вѣрная? что значитъ это невольное содроганіе, которое ощущаетъ человѣкъ, проходя по полю самой законной битвы, при видѣ казни самаго закоренѣлаго преступника? Великое дѣло понять

свой инстинктъ и чувствовать свой разумъ! въ этомъ, можетъ-быть, вся задача человѣчества. Пока эта задача не для всѣхъ разрѣшена, пойдемъ отъискивать тѣ указки, которыя какая-то добрая нянюшка дала въ руки намъ разсѣяннымъ, вѣтреннымъ дѣтямъ, чтобы мы рѣже принимали одно слово за другое. Одна изъ такихъ указокъ называется у людей творчествомъ, вдохновеніемъ, если угодно, поэзіею. При помощи этой указки, родъ человѣческій, хотя и не силенъ въ азбукѣ, но выучилъ много весьма важныхъ словъ, на-примѣръ, что человѣкъ и человѣческое общество есть *живой организмъ*. Удивительно, какъ люди не пошли далѣе при пособіи этого слова, которое не даромъ вылетѣло изъ свѣтлаго міра поэзіи, и ярко блеснуло въ темномъ мірѣ науки; оно, кажется, можетъ объяснить, по-крайней-мѣрѣ, нѣсколько отдѣльныхъ вопросовъ, какъ быстрое прохожденіе планеты мимо солнца можетъ служить для опредѣленія его діаметра.

Подъ организмомъ, кажется, понимаютъ обыкновенно нѣсколько началъ, или стихій, дѣйствующихъ съ опредѣленною цѣлію; удовольствуемся хоть этимъ опредѣленіемъ, какъ мы довольствуемся опредѣленіями слова металлъ, хотя для него и ни одного нѣтъ вѣрнаго. Нѣкоторыя обстоятельства, сопровождающія существованіе организма, намъ довольно извѣстны; напримѣръ, мы знаемъ, что очень часто начала, образующія одинъ организмъ, были бы смертію для другаго; часто растеніе, питающее-

ся одними началами, умираетъ отъ присоединенія къ нему другихъ, а растеніе, умирающее въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, вдругъ оживаетъ отъ новыхъ средствъ питанія; наконецъ, знаемъ также, что растеніе часто измѣняется, возвышается въ своей организаціи отъ прививки къ нему стихій другаго растенія, или отъ того, что одно посажено возлѣ или послѣ другаго; знаемъ, что болѣзнь сѣменъ можетъ перейдти въ самыя растенія, отъ которыхъ произойдутъ сѣмена еще болѣе зараженныя; что, на оборотъ, искуснымъ уходомъ можно постепенно истребить эту заразу и возвысить организацію растенія; знаемъ, что если растеніе не находитъ средствъ для возобновленія его начальныхъ элементовъ, то чахнетъ и мало-по-малу погибаетъ, и что, слѣдственно, для организма необходимо полное развитіе его элементовъ, иначе полнота жизни; знаемъ также, что пищу организма можно отравить минеральнымъ или растительнымъ ядомъ. Разсматривая высшіе организмы, каковъ, напримѣръ, организмъ человѣка, мы увѣряемся, что онъ, подвергаясь необходимому закону эпохъ, на-примѣръ, возрасту, сохраняетъ однакоже волю промотать, исказить свои жизненныя силы, или укрѣпить и возвысить ихъ; видимъ, наконецъ, что во всѣхъ сихъ организмахъ есть какой-то таинственный будильникъ, который напоминаетъ имъ о необходимости питать свои элементы; отъ того растеніе тянется цвѣткомъ къ солнцу, корнями жадно ищетъ земляной влаги; животное посредствомъ голода узнаетъ о необходимо-

сти усвоить себѣ нѣкоторое количество азота, — довольно сложная и важная операція, о которой животное часто не имѣетъ полнаго сознанія, а одно темное ощущеніе. Какъ королларій ко всѣмъ этимъ наблюденіямъ, мы замѣчаемъ, что если-бы растеніе или животное дожидалось, пока Дюма, Буссенго или Либихъ доказали ему, какимъ образомъ добывается азотъ, карбонъ, и почему имъ и тотъ и другой необходимы, — то и растеніе и животное умерли бы съ голода, все-таки не достигнувъ до чистаго, осязаемаго опыта. Вотъ, господа, вся новость, которую я хотѣлъ вамъ сообщить. Какъ видите эта новость совсѣмъ не нова, и не странна; вы ее можете найдти въ любой химіи, натуральной исторіи, физіологіи... потому-что въ мірѣ, какъ въ доброй самопрядильной фабрикѣ, одно колесо цѣпляется за другое; — вольно же доктору Юру стоять передъ машиною и не видѣть смысла этого сцѣпленія!

Я вамъ рекомендую, господа, во-первыхъ, запастись добрыми, хорошо вытертыми, ахроматическими очками, при употребленіи которыхъ предметы не помрачаются земными, радужными, фантастическими красками, и во-вторыхъ — читать двѣ книги: одна изъ нихъ называется *Природой* — она напечатана довольно четкимъ шрифтомъ и на языкѣ довольно понятномъ: другая — *Человѣкъ* — рукописная тетрадь, написана на языкѣ мало извѣстномъ и тѣмъ болѣе труднымъ, что еще не составлено для него ни словаря, ни грамматики. Эти книги въ связи между собою и одна объясняетъ другую: однакоже, когда

вы въ состояніи читать вторую книгу, тогда обойдетесь и безъ первой, но первая поможетъ вамъ прочесть вторую. Для развлеченія, можете читать другія книжки, будто-бы написанныя о первыхъ двухъ книгахъ; но только остерегитесь: читайте не строки, а между строками, тамъ много найдете любопытнаго при пособіи очковъ, о которыхъ я настаиваю. Тамъ вы найдете, что дѣйствительно человѣкъ есть организмъ, составленный изъ элементовъ, требующихъ мѣста и времени для своего развитія; если соединяются два человѣка дружбою ли, любовью ли, то образуется новый организмъ, въ которомъ элементы отдѣльныхъ организмовъ соограничиваются (модифируются), какъ соограничиваются кислоты соединеніемъ съ щелочами; если къ организму супружества присоединяется третій организмъ, тогда снова происходитъ новое воздѣйствіе между составными элементами и такъ далѣе, до цѣлаго общества, которое въ свою очередь есть новый организмъ, составленный изъ другихъ организмовъ; вы найдете, что въ каждомъ организмѣ, какой-бы онъ ни былъ, есть общіе элементы, всѣмъ организмамъ въ различной степени принадлежащіе, и частные элементы, образовавшіеся изъ первыхъ и принадлежащіе тому или другому организму и составляющіе характеристическое отличіе каждаго.

Мои химическіе операціи довели меня до четырехъ основныхъ элементовъ, общихъ всѣмъ человѣческимъ организмамъ; можетъ-быть, ихъ больше или меньше; это зависитъ отъ искусства химика; но я

пока довольствуюсь ими, какъ атомистическая химія довольствуется шестью десятками такъ называемыхъ простыхъ тѣлъ. По моему, эти четыре элемента называются очень просто: потребностію истины, любви, благоговѣнія и силы или власти. Эти элементы — обще-человѣческіе; отъ ихъ различныхъ соединеній, отъ первенства одного надъ другимъ, отъ застоя того или другаго происходятъ всѣ различные ближайшіе элементы. Должна быть опредѣленная пропорція между сими элементами, но она можетъ быть извѣстна лишь нѣкоторымъ алхимикамъ; впрочемъ, для практики довольно и приблизительныхъ вычисленій. Не удивляйтесь, что иногда эти элементы производятъ дѣйствія по видимому весьма противоположныя, — это оптическій обманъ! Одинъ знаменитый химикъ, много занимавшійся органическими разложеніями, по имени Боссюэтъ, сказалъ: «Если мы будемъ пристально всматриваться въ то, что́ происходитъ внутри насъ, то найдемъ, что всѣ наши страсти зависятъ отъ любви, которая ихъ всѣ обнимаетъ и возбуждаетъ. Самая ненависть къ одному предмету происходитъ лишь отъ любви къ другому; такъ, напримѣръ, я чувствую отвращеніе къ одному предмету потому только, что онъ препятствуетъ обладать предметомъ, къ которому чувствую любовь» (*).

Иногда одинъ элементъ развивается на счетъ другихъ, и вышедши изъ опредѣленной пропорціи,

(*) Bossuet—Connaissance de Dieu et de soi-même—ch. I.

не умиряется другими; такъ, напримѣръ, дышать однимъ оживляющимъ кислородомъ очень пріятно, но онъ умерщвляетъ такъ же, какъ и удушающій азотъ; въ воздухѣ же они соединены въ такой пропорціи, что вредное свойство каждаго сограничено другимъ. Въ человѣческомъ организмѣ, напримѣръ, чувство силы — можетъ обратиться въ полную беззаботность и безпечность, или въ удовлетвореніе однимъ вещественнымъ вожделѣніямъ; потребность полной истины — можетъ привести къ поверхностному энциклопедицизму, или ко всеотвергающему скептицизму; чувство дружества — довести до расточительности и проч., тому подобное. Во всѣхъ такихъ случаяхъ, организмъ страждетъ, какъ растеніе безъ воды, или слишкомъ политое. Человѣку дана привилегія творить особый міръ, гдѣ онъ можетъ соединять основные элементы въ какой хочетъ пропорціи, даже въ ихъ настоящемъ естественномъ равновѣсіи; этотъ міръ называется искусствомъ, поэзіею; важный міръ, ибо въ немъ человѣкъ можетъ найдти символы того, что совершается, или должно бы совершаться внутри и вокругъ его; но зодчіе этого міра часто вносятъ и въ него ту несоразмѣрность между стихіями, которою они сами страждутъ, не замѣчая того; другіе же счастливцы строятъ сей міръ такъ же безсознательно, какъ и первые, и неожиданно въ семъ мірѣ отражается та гармонія, которая звучитъ въ душѣ самыхъ зодчихъ; древность выразила этотъ замѣ-

чательный актъ человѣческой дѣятельности именемъ Амфіона.

Какъ-бы то ни было, когда не существуетъ равновѣсія и гармоніи между элементами, — организмъ страждетъ; и таковъ педантизмъ въ этомъ законѣ, что ничто не спасаетъ отъ сего страданія: ни развитіе воли, ни даръ творчества, ни сверхъ-естественное знаніе, — будь онъ страною, обладающею всѣми средствами силы, называйся онъ Бетховеномъ, Бахомъ, — организмъ страждетъ, ибо не *выполнилъ полноты* жизни. Роскошный кактусъ, захваченный морозомъ, достигаетъ иногда до степени душистаго цвѣтка, — но потомъ мгновенно погибаетъ.

Тутъ происходитъ часто другое замѣчательное явленіе; организмъ, смыкаясь въ своихъ элементахъ знаетъ ихъ однихъ и потому никакъ не можетъ понять возможности другаго элементнаго соединенія; часто стихіи одного народнаго организма такъ отдалены отъ стихій другаго, что одинъ никакъ не можетъ понять жизни другаго, ибо каждый видитъ лишь въ своихъ элементахъ условіе жизни. Такъ западные писатели пишутъ исторію человѣчества, но понимаютъ подъ этимъ словомъ лишь то, что́ вокругъ нихъ, забывая иногда о безделицѣ: напримѣръ, о девятой части земнаго шара и о сотнѣ милліоновъ людей; когда же доходятъ до славянскаго міра, то готовы доказать, что онъ не существуетъ, ибо онъ не подходитъ подъ ту форму, которая образовалась изъ западныхъ эле-

ментовъ. Если бы рыбы умѣли писать, то онѣ навѣрно бы доказали и очень ясно, что птицы никакъ не должны существовать, ибо не могутъ плавать въ водѣ. Случается и на оборотъ.

Былъ на семъ свѣтѣ великій естествоиспытатель, по имени Петръ Великій; ему достался на долю организмъ чудный, достойный его духа. Глубоко вникнулъ Великій въ строеніе этого чуднаго міра; онъ нашелъ въ немъ размѣры огромные, силы исполинскія, крѣпкія, закаленныя зубчатыя колеса, прочные упоры, быстрыя шестерни—но этой огромной системѣ силъ не доставало маятника; отъ-того мощные элементы этого міра доходили до дѣйствій противоположныхъ существу ихъ; чувство силы — тянулось къ совершенной безпечности, поглотившей племена азійскія; многосторонность духа, выражавшаяся дивною воспріимчивостію и сродная чувству истины, не находила себѣ пищи и вяла въ бездѣйствіи; еще нѣсколько вѣковъ, этихъ мгновеній въ жизни народа — и мощный міръ изнурилъ бы себя собственной своею мощью. Великій знатокъ природы и человѣка не отчаялся; онъ видѣлъ въ своемъ народѣ дѣйствіе иныхъ стихій, почти потерявшихся между другими народами: чувство любви и единства, укрѣпленное вѣковою борьбою съ враждебными силами; видѣлъ чувство благоговѣнія и вѣры, освятившее вѣковыя страданія; оставалось лишь обуздать чрезмѣрное, возбудить заснувшее. И великій мудрецъ привилъ къ своему народу тѣ второстепенныя западныя стихіи, кото-

рыхъ ему не доставало: онъ умирилъ чувство разгульнаго мужества—строеніемъ; народный эгоизмъ, замкнутый въ сферѣ своихъ повѣрій — расширилъ зрѣлищемъ западной жизни; воспріимчивости—далъ питательную науку. Прививка была сильна; протекли времена, чуждыя стихіи усвоились, умирили первобытныхъ—и новая, горячая кровь полилась въ широкихъ жилахъ исполина; всѣ чувства его пришли въ дѣятельность; напружились дебелыя мышицы; онъ вспомнилъ всѣ неясныя мечты своего младенчества, всѣ, до того непоятныя ему, внушенія высшей силы; онъ откинулъ одни, далъ тѣло другимъ,—вздохнулъ вольно дыханіемъ жизни, поднялъ надъ Западомъ свою мощную главу, опустилъ на него свои свѣтлые, непорочные очи, и задумался глубокою думою.

Западъ, погруженный въ міръ своихъ стихій, тщательно разработывалъ его, забывая о существованіи другихъ міровъ. Чудна была его работа, и породила дѣла дивныя; Западъ произвелъ все, что могли произвесть его стихіи, — но не болѣе; въ безпокойной, ускоренной дѣятельности, онъ далъ развитіе одной и задушилъ другія. Потерялось равновѣсіе, и внутренняя болѣзнь Запада отразилась въ смутахъ толпы и въ темномъ, безпредметномъ недовольствѣ высшихъ его дѣятелей. Чувство самосохраненія дошло до щепетливаго эгоизма и враждебной предусмотрительности противъ ближняго; потребность истины — исказилась въ грубыхъ требованіяхъ осязанія и мелочныхъ подробностяхъ;

занятый вещественными условіями вещественной жизни, Западъ изобрѣтаетъ себѣ законы, не отъискивая въ себѣ ихъ корня; въ міръ науки и искусства перенеслись не стихіи души, но стихіи тѣла; потерялось чувство любви, чувство единства, даже чувство силы, ибо исчезла надежда на будущее; въ матеріальномъ опьяненіи, Западъ прядаетъ на кладбищѣ мыслей своихъ великихъ мыслителей, и топчетъ въ грязь тѣхъ изъ нихъ, которые сильнымъ и святымъ словомъ хотѣли бы заклясть его безуміе.

Чтобы достигнуть полнаго гармоническаго развитія основныхъ, общечеловѣческихъ стихій, — Западу, не смотря на всю величину его, не достало другаго Петра, который бы привилъ ему свѣжіе, могучіе соки Славянскаго Востока!

Между-тѣмъ, что не совершилось рукой человѣка, то совершается теченіемъ временъ. — Не даромъ человѣкъ, увлеченный, по-видимому, мгновеннымъ прибыткомъ, усовершаетъ способы сообщенія; не даромъ люди тѣснятся другъ къ другу, какъ низшія животныя, чуя опасность. Чуетъ Западъ приближеніе славянскаго духа, пугается его, какъ наши предки пугались Запада. Не охотно замкнутый организмъ принимаетъ въ себя чуждыя ему стихіи, хотя онѣ бы должны были поддержать бытіе его, — а между-тѣмъ, онъ тянется къ нимъ невольно и безсознательно, какъ растеніе къ солнцу.

Не бойтесь, братья по человѣчеству! Нѣтъ разрушительныхъ стихій въ славянскомъ востокѣ —

узнайте его, и вы въ томъ увѣритесь; вы найдете у насъ частію ваши же силы, сохраненныя и умноженныя, вы найдете и наши собственныя силы, вамъ неизвѣстныя, и которыя не оскудѣютъ отъ раздѣла съ вами. Вы найдете у насъ зрѣлище новое, и для васъ доселѣ неразгаданное: вы найдете историческую жизнь, родившуюся не въ междоусобной борьбѣ между властію и народомъ, но свободно, естественно развившуюся чувствомъ любви и единства; вы найдете законы, изобрѣтенные не среди волненія страстей и не для удовлетворенія минутной потребности, не занесенные чужеземцами, но медленно, вѣками поднявшіеся изъ нѣдръ родимой земли; вы найдете вѣрованіе въ возможность счастія не одного большаго числа, но въ счастіе *всѣхъ* и *каждаго;* вы найдете даже въ меньшихъ братьяхъ нашихъ то чувство общественнаго единенія, котораго тщетно ищите, взрывая прахъ вѣковъ и вопрошая символы будущаго; вы поймете отъ-чего вашъ папизмъ клонится къ протестантизму, а протестантизмъ къ папизму, т. е., каждый къ своему отрицанію, и вы поймете отъ-чего лучшіе ваши умы, углубляясь въ сокровищницу души человѣческой, нежданно для самихъ себя выносятъ изъ оной тѣ вѣрованія, которыя издавна сіяютъ на славянскихъ скрижаляхъ, имъ невѣдомыхъ (*); вы изумитесь, что существуетъ народъ, который началъ свою литературную жизнь, чѣмъ другіе кон-

(*) **Баадеръ, Кёнигъ, Баланшъ, Щеллингъ.**

чаютъ — сатирою, т. е., строгимъ судомъ надъ самимъ собою, отвергающимъ всякое лицепріятіе къ народному эгоизму; вы изумитесь, узнавъ, что есть народъ, котораго поэты, посредствомъ поэтическаго магизма, угадали исторію прежде исторіи, и нашли въ душѣ своей тѣ краски, которыя на Западѣ черпаются изъ медленной, давней разработки вѣковъ историческихъ (*); вы изумитесь, узнавъ, что существуетъ народъ, понимающій музыкальную гармонію естественно, безъ матеріальнаго изученія; вы изумитесь, узнавъ, что не всѣ мелодическія дороги

(*) Стихія *всеобщности* или, лучше сказать, *всеобнимаемости* произвела въ нашемъ ученомъ развитіи черту довольно-замѣчательную: вездѣ поэтическому взгляду въ исторіи, предшествовали ученыя изъисканія; у насъ, напротивъ, поэтическое *проницаніе* предупредило реальную разработку; Исторія Карамзина — навела на изученіе историческихъ памятниковъ, до-сихъ-поръ еще не конченное; Пушкинъ (въ Борисѣ Годуновѣ) разгадалъ характеръ русскаго лѣтописца, — хотя наши лѣтописи не прошли сквозь вѣковую историческую критику, а самые лѣтописцы еще какой-то миѳъ въ историческомъ отношеніи; Хомяковъ (въ Димитріи Самозванцѣ) глубоко проникнулъ въ характеръ еще труднѣйшій: въ характеръ древней русской женщины — матери; Лажечниковъ (въ Басурманѣ) воспроизвелъ характеръ и того труднѣйшій: древней русской дѣвушки; между-тѣмъ, значеніе женщины въ русскомъ обществѣ до Петра-Великаго остается совершенною загадкою *въ ученомъ смыслѣ.* Теперь, слѣдите за этими характерами въ историческихъ памятникахъ, только-что появляющихся въ свѣтъ, и васъ поразитъ вѣрность этихъ призраковъ, вызваныхъ магическою дѣятельностію поэтовъ. — Нельзя не подивиться, какъ люди, ударившіеся въ ультра-славянизмъ, до-сихъ-поръ не обратили вниманія на это замѣчательное явленіе.

истоптаны, и что художникъ, порожденный славянскимъ духомъ, одинъ изъ членовъ тріумвирата (*), сохраняющаго святыни развращеннаго, униженнаго, опозореннаго на Западѣ искусства, нашелъ путь свѣжій, не початый; — наконецъ, вы увѣритесь, что существуетъ народъ, котораго естественное влеченіе — та всеобъемлющая многосторонность духа, которую вы тщетно стараетесь возбудить искусственными средствами; вы увѣритесь, что существуетъ народъ, котораго самые льды и снѣга, васъ столько устрашающіе, заставляютъ невольно углубляться внутрь, а извнѣ побѣждать враждебную природу; вы преклоните колѣно передъ неизвѣстнымъ вамъ человѣкомъ, который былъ и поэтомъ, и химикомъ, и грамматикомъ, и металлургомъ, прежде Франклина низвелъ громъ на землю— и писалъ исторію, наблюдалъ теченіе звѣздъ—и рисовалъ мозаики, стекломъ имъ отлитымъ, — и въ каждой отрасли подвинулъ далеко науку; вы преклоните колѣно предъ Ломоносовымъ, этимъ самороднымъ представителемъ многосторонней славянской мысли, когда узнаете, что онъ наравнѣ съ Лейбницомъ, съ Гёте, съ Карусомъ, открылъ въ глубинѣ своего духа ту таинственную методу, которая изучаетъ не разорванные члены природы, но всѣ ея части въ совокупности, и гармонически втягиваетъ въ себя всѣ разнообразныя знанія. Тогда вы повѣрите своей темной надеждѣ о *полнотѣ*

(*) Мендельзонъ-Бартольди, Берліозъ, Глинка.

жизни, повѣрите приближенію той эпохи, когда будетъ *одна наука* и *одинъ учитель*, и съ восторгомъ произнесете слова̀, незамѣченныя вами въ одной старой книгѣ: «человѣкъ есть стройная молитва земли!»

Фаустъ замолчалъ. «Все хорошо» сказалъ Викторъ, — «но что жь намъ между-тѣмъ остается дѣлать?»

— Ждать гостей, и встрѣтить ихъ съ хлѣбомъ и солью.

Вячеславъ. — А потомъ, надѣть учительскій колпакъ, и разсадить гостей по скамьямъ...

Фаустъ. — Нѣтъ, господа, для этого вамъ еще надобно выйдти изъ состоянія броженія, которое осталось отъ прививки; подождать той минуты, когда гармонически улягутся всѣ стихіи, васъ образующія, когда вы, подобно Ломоносову, будете черпать изо всѣхъ чашъ, забывъ, которая своя, которая чужая;—эта минута не далека. — А между-тѣмъ, не худо приготовиться къ принятію дорогихъ гостей, — нашихъ старыхъ учителей; прибрать горницу, наполнить ее всѣмъ нужнымъ для жизни, чтобы ни въ чемъ не было недостатка, и самимъ принарядиться и тщательно позаботиться о своихъ меньшихъ братьяхъ, на-прим., хотя передать имъ въ руки науку, чтобъ они не зѣвали по сторонамъ; не худо подъ-часъ и бичемъ сатиры, по примѣру предковъ, стегнуть мышей, которыя забираются въ домъ, не спросясь хозяина; вообще своего не чуж-

даться, чужаго не бояться, а пуще всего: хорошенько протереть собственные наши очки и помнить, что вся штука не въ одной оправѣ, а также, что и лучшее стекло негодно, когда его затянетъ плѣсенью.

Вячеславъ. — Все, что я могу сказать — c'est qu'il y a quelque chose à faire...

Викторъ. — Я подожду пароваго аэростата, чтобы посмотрѣть тогда, что̀ будетъ съ Западомъ...

Ростиславъ. — А у меня такъ не выходитъ изъ головы мысль сочинителей рукописи: «Девятнадцатый вѣкъ принадлежитъ Россіи!»

ПРИМѢЧАНІЯ.

Стр. 1, *строка 16.* Въ рукописи—„въ 1842 году"; исправлено мною, такъ какъ собраніе сочиненій кн. Одоевскаго вышло въ 1844 году.

Стр. 15, *ст. 11.* Пословица, очевидно, должна читаться такъ: „и волки *сыты,* и овцы *цѣлы*"; въ рукописи же она написана неправильно.

Стр. 23, *ст. 9—10.* Раньше, т. е. въ изданіи 1844-го года, было „сіе стремленіе".

Стр. 24, *ст. 4.* Раньше было „дивная", а не „неразгаданная". *Ст. 8.* Было „сіи символы".

Стр. 26, *ст. 20—21.* Было „въ символическихъ".

Стр. 31, *ст. 14.* Было „свой брегетъ", а не „свои часы".

Стр. 32, *ст. 11.* Было „стȍяло", а не „стȍило".

Стр. 34. Примѣчаніе отсутствовало.

Стр. 35, *ст. 27.* Было „непризнанный", а не „непризванный".

Стр. 37, *ст. 10.* Было „контрдансъ".

Стр. 39, *ст. 22* Было „свои свѣчки".

Стр. 42, *ст. 29.* Отсутствовало „угля". *Ст. 30.* Отсутствовало „и животнаго".

Стр. 43. Примѣчаніе отсутствовало.

Стр. 49. Примѣчаніе отсутствовало.

Стр. 74, *ст. 4—5.* Было „то самое выраженіе".

Стр. 110. Эпиграфъ (и примѣчаніе къ нему) отсутствовалъ. Вмѣсто него былъ такой: „Le sanglot consiste, ainsi que le rire, en une expiration entrecoupée, ayant lieu de la même manière.... *Description anatomique de l'organisme humain*". *Ст. 10—22.* Отсутствовалъ абзацъ „Побѣда! Побѣда!.., и пляшетъ...."

Стр. 111, *ст. 16—17.* Было „съ бѣшеннымъ воспоминаніемъ“. *Ст, 29.* Вмѣсто „балъ будетъ на славу“ было „оживлю этотъ балъ“. *Ст. 29—30.* Вмѣсто „слово; все“ было „слово. Все“.

Стр. 111, *ст. 30* — **стр. 112,** *ст. 2.* Вмѣсто словъ: „я ее.... приказано....“ было: „не умѣютъ составлять ее; она поднимаетъ съ мѣста, она невольно вводитъ танцующихъ въ упоеніе;“.

Стр. 112, *ст. 3.* Вмѣсто „странныя мѣста“ было: „мѣста, которыя производятъ странное дѣйствіе“. *Ст. 20.* Вмѣсто „матери.... сыномъ,“ было „сиротѣющей матери“.

Стр. 113, *ст. 6.* Послѣ „лицемѣра“ слѣдовало: „стонъ страдальца, непризнаннаго своимъ вѣкомъ; и вопль человѣка, въ грязь втоптавшаго сокровищницу души своей; и болѣзненный голосъ изможденнаго долгою жизнію человѣка; и радость мщенія; и трепетаніе злобы; и упоеніе истребителя; и томленіе жажды; и скрежетъ зубовъ; и хрусть костей;“. *Ст. 11.* Вмѣсто „изнеможеннаго“ было „истерзаннаго“. *Ст 13.* Вмѣсто „спекшіяся“ было „замолчавшія“. *Ст. 13.* Послѣ „убитаго“ было: „тайною душевною грустію“. *Ст. 14.* Отсутствовало „капли“. *Ст. 17.* Было „сладострастномъ, холодномъ“. *Ст. 19—28.* Абзацъ „Свѣчи.... бывало“ отсутствовалъ.

Стр. 114, *ст. 9.* Вмѣсто „;“ было „и“. *Ст. 23.* Слова „онъ.... убійцахъ“ отсутствовали. *Ст. 27.* Вмѣсто „помертвѣлое“ было „растерзанное“.

Стр. 117, *ст. 27.* Вмѣсто „уже поздно“ было „неприлично“.

Стр. 118, *ст. 6.* Отсутствовало „людей и“.

Стр. 121, *ст. 15.* Вмѣсто „свою любовь“ было „страсть юноши“. *Ст. 16.* Было „его мучительное“; отсутствовало „юноши“.

Стр. 123, *ст. 6.* Было „оледѣнила“. *Ст. 27.* Вмѣсто „эта блонда пополамъ съ грязью“ было: „которой, бывало, каждый шагъ казался снисхожденіемъ къ окружающимъ“.

Стр. 124, *ст. 28—29.* Вмѣсто „то.... толпы“ было: „честолюбивыя украшенія на груди вашей“. *Ст. 30.* Было „прибавятъ„ и „повлекутъ“.

Стр. 125, *ст. 4—7.* Отсутствовало: „Гдѣ..... приподняться“. *Ст. 7.* Было „молитвы“, а не „любви“. *Ст. 8—9.* Было „потеряли значеніе сего слова“, а не „задушили..... объятьяхъ“. *Ст. 21.* Было „испугается“, а не „пойметъ“ и „холоднаго, себя-любиваго“, а не „многозначительнаго“. *Ст. 22—23.* Было „качаются“, а не „колеблются“. *Ст. 28.* Было „вотъ свѣчи“. *Ст. 29.* Отсутствовало „все“. *Ст. 30.* Вмѣсто „и опрокидываютъ“ было „все“.

Стр. 126, *ст. 1.* Вмѣсто „вазы“ было „горшки“. *Ст. 6.* Вмѣсто „остатки“ было „окраины“. *Ст. 7.* Вмѣсто „статуи“ было „вазы“.

Стр. 127, *ст. 16.* Отсутствовало „отъ испуга“.

Стр. 128, *ст. 25.* Отсутствовало „думать“; вмѣсто „и“ было „это“. *Ст. 29.* Вмѣсто „сплетняхъ, о“ было „вчерашнихъ“; отсутствовало „о раутѣ“.

Стр. 135, *ст. 29.* Вмѣсто „пророки“ было „вѣстники“.

Стр. 137, *ст. 13—14.* Было „анатомикъ“, а не „анатомъ“.

Стр. 140, *ст. 5.* Вмѣсто „пророковъ“ было „вѣстниковъ“. *Ст. 14.* Вмѣсто „Мессія отчаянія“ было „послѣдній глашатай“.

Стр. 141, *ст. 13.* Отсутствовало „вѣчная“.

Стр. 143, *ст. 18.* Вмѣсто „недоконченная“ было „недокончанная“.

Стр. 159—160. Примѣчаніе отсутствовало.

Стр. 202, *въ примѣчаніи.* Было „издается“.

Стр. 206, *ст. 1.* Было „стóялъ“, а не „стòилъ“. *Ст. 26.* Было „стóявшее“, а не „стòившее“..

Стр. 228, *ст. 25.* Было „когда“, а не „а между тѣмъ“.

Стр. 235, Примѣчаніе отсутствовало.

Стр. 235; *ст. 27*—**стр. 236**, *ст. 1.* Вмѣсто „между человѣкомъ и“ было „человѣка съ“.

Стр. 238. Примѣчаніе отсутствовало.

Стр. 244. Примѣчаніе отсутствовало.

Стр. 245, *ст. 11.* Вмѣсто „Московскія газеты“ было „старая газета“. Примѣчаніе отсутствовало.

Стр. 248, *ст. 8* и *ст. 11.* Вмѣсто „фохтъ“ было „фейтъ“. Примѣчаніе отсутствовало.

Стр. 250, *ст. 3.* Отсутствовало „Іоганна“. *Ст. 4.* Отсутствовало „Іоганнъ“. *Ст. 6.* Было „штатс—“, а не „ратс—“. *Ст. 7.* Отсутствовало „также“. Примѣчаніе отсутствовало.

Стр. 251. Отсутствовало 1-е примѣчаніе.

Стр. 253, *ст. 17.* Было „50“, а не „30“.

Стр. 257, *ст. 20—22.* Вмѣсто „долженъ..... конфирмацію“ было: „по обряду лютеровой церкви, долженъ былъ предстать предъ алтаремъ Божіимъ“. *Ст. 23.* Вмѣсто „протестанта“ было „христіанина“.

Стр. 262, *ст. 5.* Вмѣсто „какомъ - либо воздухопроводѣ“ было „мѣхахъ“.

Стр. 265. Примѣчаніе отсутствовало.

Стр. 266, *ст. 12.* Вмѣсто „семъ“ было „немъ“.

Стр. 276, *ст. 3.* Вмѣсто „у тебя“ было „но ты имѣешь“.

Стр. 296, *ст. 22.* Отсутствовало „безъ шутокъ“. *Ст. 23.* Отсутствовало „просто“.

Стр. 318. Примѣчаніе отсутствовало.

Стр. 319, *ст. 9.* Вмѣсто „познаніемъ“ было „познаніями.

Стр. 336, *ст. 26.* Вмѣсто „угнетеніе“ было „угнетѣніе“.

Стр. 338, *ст. 4.* Вмѣсто „стонали“ было „стѣнали“.

Стр. 342. Примѣчаніе отсутствовало.

Стр. 344, *ст. 22.* Вмѣсто „искусства“ было „искусствъ“.

Стр. 345. Примѣчаніе отсутствовало.

Стр. 350, *ст. 8—10.* Слова „Мы.... сознательно“ отсутствовали. *Ст. 22—29.* Слова „Древній.... другое“ отсутствовали.

Стр. 351, *ст. 1.* Было „два явленія“. *Ст. 3—6.* Вмѣсто „Напримѣръ.... желаніи“ было: „напримѣръ, въ такъ - называемыхъ представительныхъ правленіяхъ безпрестанно толкуютъ о желаніи народа“.

Стр. 352, *ст. 5.* Вмѣсто „промышленность“ было „торговлю“. Примѣчаніе отсутствовало.

Стр. 353, *ст. 14—16.* Вмѣсто „возмутительному...., плантаторовъ“ было „состоянію“. *Ст. 21—22.* Было „Этими словами“.

Стр. 354, 3-ье примѣчаніе отсутствовало.

Стр. 375, *ст. 16.* Вмѣсто „имъ“ было „на него“.

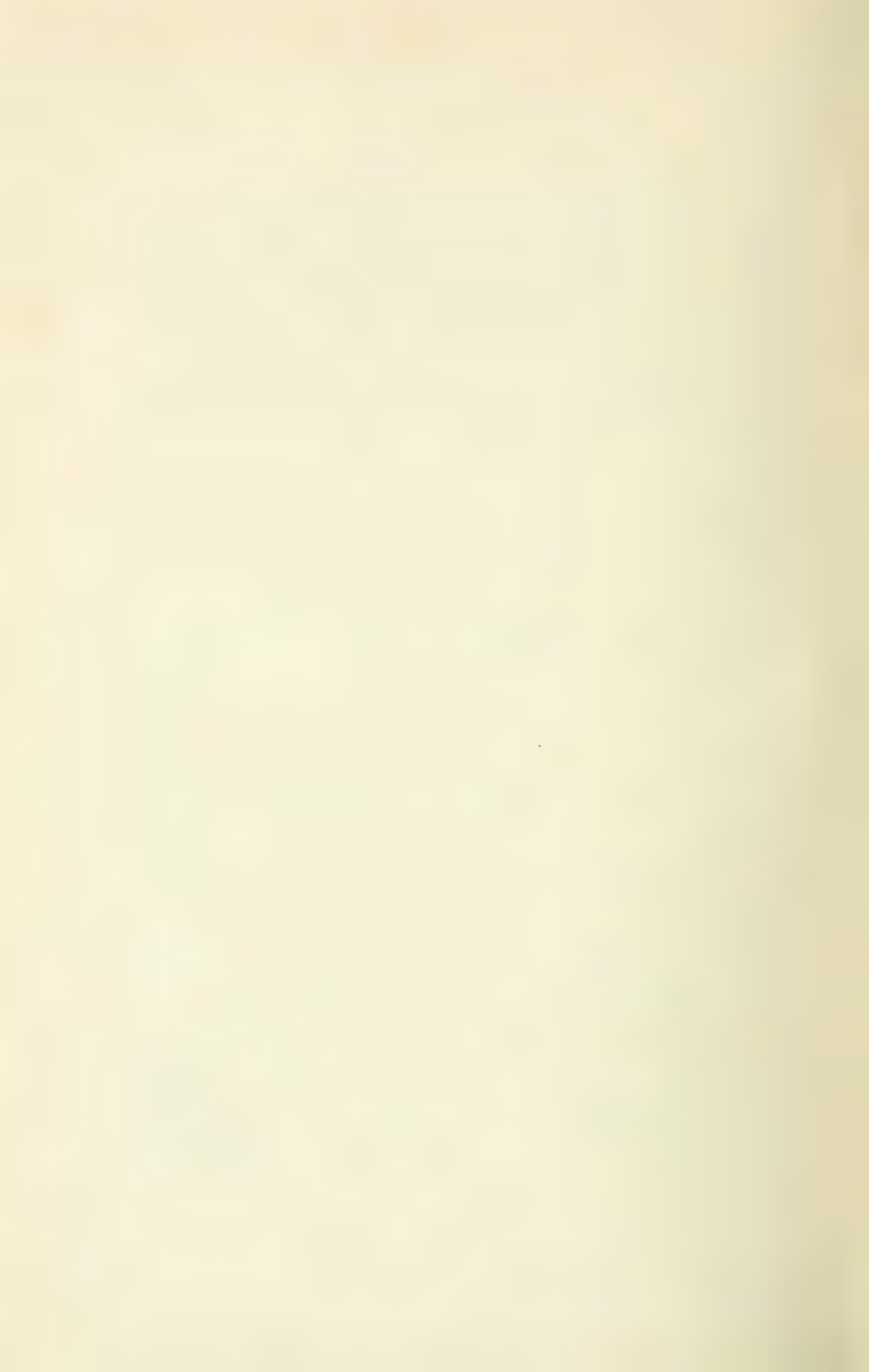
Стр. 388, *ст. 10.* Отсутствовало „—еще разъ—“.

Стр. 399, *ст. 1—3 въ примѣчаніяхъ:* слова „къ сожалѣнію.... критики“ отсутствовали.

Стр. 406, *ст. 30.* Было „принять“, а не „принимать“.

Стр. 407, *ст. 19.* Курсива не было.

Стр. 411, *ст. 20.* Было „акроматическими“, а не „ахроматическими“.

Оглавленіе.

Стр.

Отдѣлъ II.

Переводы.

ВЛАДИМІРЪ СОЛОВЬЕВЪ. Россія и вселенская церковь. Переводъ съ французскаго **Г. А. Рачинскаго.** Цѣна 2 р. 25 к.

ВЛАД. СОЛОВЬЕВЪ. Русская идея. Переводъ съ французскаго **Г. А. Рачинскаго.** Цѣна 75 к.

ВЛАД. СОЛОВЬЕВЪ. Владиміръ святой и христіанское государство и Отвѣтъ на корреспонденцію изъ Кракова. Переводъ съ французскаго **Г. Рачинскаго,** съ предисловіемъ **кн. Евг. Трубецкаго.** (Впервые на русскомъ языкѣ). Цѣна 75 коп.

ДЮШЕНЪ. Исторія древней церкви. Переводъ съ французскаго подъ редакціей проф. И. В. Попова и проф. А. П. Орлова. Томъ I. Цѣна 2 р.

ЗЕЙПЕЛЬ. Хозяйственно-этическіе взгляды отцовъ церкви. Переводъ съ нѣмецкаго, съ предисловіемъ **С. Н. Булгакова.** Цѣна 2 р.

Э. ЛЕРУА. Догматъ и критика. Переводъ съ французскаго съ предисловіемъ **Н. А. Бердяева** печатается.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

АВГУСТИНЪ. Исповѣдь. **ВЕНДЛАНДЪ.** Эллинистически-римская культура въ ея отношеніи къ еврейству и христіанству. **ДЮШЕНЪ.** Исторія древней церкви. Томъ II.

Отдѣлъ III.

РУССКІЕ МЫСЛИТЕЛИ.

А. С. ХОМЯКОВЪ. Н. Бердяева. Цѣна 1 р. 60 к.

А. А. КОЗЛОВЪ. С. Аскольдова. Цѣна 1 р. 50 к.

Г. С. СКОВОРОДА (1722—1794). **Вл. Эрна.** Цѣна 2 р.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКІЙ. А. С. Волжскаго. **А. И. БУХАРЕВЪ** (арх. Ѳеодоръ). С. С. Розанова. **Н. В. ГОГОЛЬ.** В. В. Зѣньковскаго. **К. Н. ЛЕОНТЬЕВЪ.** В. В. Бородаевскаго. **о. СЕРАП. МАШКИНЪ.** Свящ. П. А. Флоренскаго. **М. М. СПЕРАНСКІЙ.** А. В. Елчанинова. **Ѳ. И. ТЮТЧЕВЪ.** Вячесл. Иванова. **Н. Ѳ. ѲЕДОРОВЪ.** Н. А. Бердяева.

Въ дальнѣйшемъ предполагаются монографіи о И. В. Кирѣевскомъ, Н. И. Новиковѣ, Вл. Соловьевѣ, Л. Толстомъ, С. Н. Трубецкомъ, П. Я. Чаадаевѣ, Б. Н. Чичеринѣ.

Отдѣлъ IV.

СБОРНИКИ.

СБОРНИКЪ ПЕРВЫЙ. **О ВЛАД. СОЛОВЬЕВѢ.** Ц. 1 р. 50 к. Статьи: **С. Н. Булгакова.—Вячесл. Иванова.—Кн. Евг. Трубецкаго.—Александра Блока.—Н. Бердяева.—Вл. Эрна.**

СБОРНИКЪ ВТОРОЙ. **О РЕЛИГІИ Л. ТОЛСТОГО.** Цѣна 1 р. 70 к. Статьи: **С. Н. Булгакова. В. В. Зѣньковскго.—Кн. Евг. Трубецкаго.—В. И. Экземплярскаго.—С. Н. Булгакова.—Анд. Бѣлаго.—Н. А. Бердяева.—А. С. Волжскаго.—Вл. Эрна.**

Отдѣлъ V.

ФИЛОСОФСКІЕ КЛАССИКИ.

БААДЕРЪ. Избранныя сочиненія (готовится къ печати).

Намѣчаются переводы избранныхъ сочиненій: Плотина Эригены, Фихте, Шеллинга, Гегеля и др.

Книгоиздательство „ПУТЬ“ высылаетъ свои изданія всѣмъ, выписывающимъ непосредственно изъ склада (Москва, Новинскій, 103), принимая почтовые расходы на свой счетъ; расходы по наложенію платежа заказчики принимаютъ на себя (до 5 р.—10 к., свыше—по 2 к. съ рубля).

За границу отправка изданій производится на тѣхъ же условіяхъ, но по полученіи **полной** оплаты заказа (наложеніе платежа не допускается).

Издательница М. К. Морозова.

Печатня А. И. Снегиревой Москва.

